

**ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО**

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Святитель Иоанн Златоуст
Благовещенский собор Московского Кремля 14 век

ОГЛАВЛЕНИЕ.

УВЕЩАНИЯ К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ

1. УВЕЩАНИЕ 1-е. Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. - Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. - Примеры восстания падших грешников. - Навуходоносор. - Ахав. - Манассия. - Ниневитяне. - Добрый разбойник. - Покаяние как всеочищающая сила. - Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. - Всякое покаяние находит себе вознаграждение. - Радости рая. - Муки ада. - Душа Феодора, болящая любовью к Гермione. - Исцелимость болезни. - Нетрудность покаяния. - Пример молодого Финикса. - Пример престарелого монаха. - Упование на милосердие Божие.

2. УВЕЩАНИЕ 2-е. Возвращение Феодора и ответ на него. - Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. - Бегство из воинства Христова. - Необходимость заглаждения греха. - Слабость человеческой природы. - Падение и восстание. - Пример Давида. - Суетность благ мира сего. - Неудобства, связанные с царством, славой, богатством и браком. - Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. - Заботы семейной жизни. - Свобода последователей Христа. - Единственное несчастье для христианина - оскорблять Бога. - Заключение.

К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

3. СЛОВО ПЕРВОЕ. Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. - То же и с противниками монашества. - Подробности гонения на иноков. - Сожаление о неразумии гонителей. - Они более вредят себе, чем гонимым. - Пример ап. Павла и Нерона. - Греховность гонительства. - Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. - Постигшее их наказание. - Свидетельство И. Флавия. - Для спасения недостаточно одной веры; необходимы и добрые дела. - Число подлежащих осуждению. - Пример из истории всемирного потопа. - Извращенность мира.

4. СЛОВО ВТОРОЕ. К неверующему отцу. Истинно богатый тот, кто презирает все. - Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. - Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. - Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. - Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. - Кратковременность наслаждений. - История отшельника, отец которого был язычник.

5. СЛОВО ТРЕТЬЕ. К верующему отцу. Необходимо заботиться о спасении ближнего. - Небрежение о детях есть зло. - Законы о воспитании детей даны от Бога. - Добродетель зависит от внутреннего расположения. - Различные степени спасения. - Развращение нравов. - Необходимость строгого любомудрия. - Необходимость законов и наказаний в государстве. - Жизнь иноков уподобляется ангельской. - Зло нечестия в соединении с красноречием. - Слова Сократа у Платона в начале его апологии. - Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. - История юноши, наставляемого монахом. - Превосходство иноческой жизни над мирской. Одинаковость правил для монаха и мирян. - Мирянам труднее спастись. - Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. - Раздающий деньги более истинный владелец их, чем тот, кто скопляет их. - Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. - Польза временного пребывания юношей в монастыре. - История Анны и Самуила. - Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

6. [СРАВНЕНИЕ ВЛАСТИ, БОГАТСТВА И ПРЕИМУЩЕСТВ ЦАРСКИХ С ИСТИННЫМ И ХРИСТИАНСКИМ ЛЮБОМУДРИЕМ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.](#) Повод к написанию этого рассуждения. - Повелевавший деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевавший народом и войском. - Брань монаха славнее брани царя. - Кто из них счастливее во время ночи. - Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

[О СОКРУШЕНИИ.](#)

7. [СЛОВО ПЕРВОЕ К ДИМИТРИЮ МОНАХУ.](#) Повод к написанию слова. - Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. - Неосновательные извинения грешников. - Наказание злословящих. - Обязанность христианина любить своих врагов и делать им добро. - Толкование на прошение: "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим". - Объяснение слова: "не давайте святыни псам". Желание истинного блага. - Чудесная сила этого желания. - Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

8. [СЛОВО ВТОРОЕ К СТЕЛЕХИЮ.](#) Сокрушение окрыляет душу. - Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокрушения. - Изъяснение слов ап. Павла: "для меня мир распят и я для мира". - Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. - Любовь Давида ко Христу и его сокрушение. - Рассуждения на псалом б. - Благость и промысление Божие о людях, как сильное побуждение к сокрушению. - Вселенная и человек, как царь ее.

[К СТАГИРИЮ ПОДВИЖНИКУ, ОДЕРЖИМОМ ДЕМОНОМ.](#)

9. [СЛОВО ПЕРВОЕ.](#) Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. - Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. - Примеры - Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. - Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение божественному. - Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. - Неисповедимость путей Божиих. - Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. - Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. - Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

10. [К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ О ТОМ, ЧТО УНЫНИЕ ХУЖЕ ДЕМОН. СЛОВО ВТОРОЕ.](#) Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. - Такие мысли не всегда приходят от демона, но иногда и от собственного уныния. - Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого - становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. - Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. - Это показывают примеры святых. - Пример Авраама. - О жертвоприношении Исаака. - Сыновья Эдипа. - Огорчение Иакова. - Пример из жизни Иосифа.

11. [К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ ОБ УНЫНИ. СЛОВО ТРЕТЬЕ.](#) Пример Моисея. - Огорчения Моисея в пустыне. - Огорчения Иисуса Навина. - Пояснение предмета на примере Самуила. - Огорчения Давида. - Огорчения Даниила. - Невзгоды Илии и Елисея. - Огорчения ап. Павла. - Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. - Демофил и Аристомен. - Зрелище бедственности человеческой в больницах и тюрьмах. - Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

12. [СЛОВО К ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С ДЕВСТВЕННИЦАМИ.](#) Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. - Тщетные оправдания обычая. - Страсть, как основа его. -

Неизбежное разжигание страстей. - Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. - Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. - Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

13. [СЛОВО К ДЕВСТВЕННИЦАМ, ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С МУЖЧИНАМИ.](#) Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. - Отсутствие девственниц у греков или язычников. - Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. - Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. - Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. - Стремление женщин к тщеславию. - Нравы истинной девственницы.

14. [КНИГА О ДЕВСТВЕ.](#) У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. - Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. - Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. - Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. - Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак - чего не бывает у еретиков, поносящих брак. - Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. - Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. - Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. - Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. - Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. - Возможность размножения людей без брака. - Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. - Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. - И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. - Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. - Картина несчастных браков. - Увещание девственницам, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. - Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. - Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. - Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. - Они будут лишены царства небесного. - Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. - Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. - Апостолы выше этого патриарха. - И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие примеры редки. - Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большем изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

15. [К МОЛОДОЙ ВДОВЕ. СЛОВО ПЕРВОЕ.](#) Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. - Бог печется о вдовах. - Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. - Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. - Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. - Доказательство этого последнего положения. - Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. - Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. - Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

16. [К ТОЙ ЖЕ ВДОВЕ. СЛОВО ВТОРОЕ. О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ ВТОРОГО БРАКА.](#) Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. - Цель слова - не порицание второго брака, допускаемого ап. Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. - Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. - Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ

УВЕЩАНИЕ 1-е.

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещения, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещениях призывал его к раскаянию изображением гибельности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестского.

Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. – Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. – Примеры восстания падших грешников. – Навуходносор. – Ахав. – Манассия. – Ниневитяне. – Добрый разбойник. – Покаяние как всеочищающая сила. – Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. – Всякое покаяние находит себе вознаграждение. – Радости рая. – Муки ада. – Душа Феодора, болящая любовью к Гермione. – Исцелимость болезни. – Нетрудность покаяния. – Пример молодого Финикса. – Пример престарелого монаха. – Упование на милосердие Божие. "Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез" (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать – и дорожке множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христовоснаго храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, – слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все – херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пусть и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился

всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, – никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он "из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях?" (Пс.112:7-9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опят возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: всякий, кто "достигнет до глубины зол", но только – один "нечестивый": "когда достигнет нечестивый до глубины зол, не радит" (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: "как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением" (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горного любомудрия. "Насыщены", говорит он, "презрением" и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и просить Его, доколе не получим просимого. Мужественной душе свойственно – не упадать и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать "доколе Он помилует нас", как говорит блаженный Давид.

2. Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, – этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. "В надежде", говорит (апостол), "мы спасены" (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения, расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою "мельничный жернов" (Мф. 18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость – непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ее радости, сказав: "порадуйтесь со мною" (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противоположному, скажу не – "радуйтесь со мною", но – "плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но

тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину погибели”.

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: "оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня" (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, – тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: "во гробе", говорит (Давид), "кто будет славить Тебя" (Пс.6:6)? Посему не будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, – мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от прямого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, доколе ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на поприще (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостоять ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., – и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли,

делает это не с гневом, но по промышлению и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их – не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравомыслия, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отомстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что поклонился пророку Его, и приказал "принести ему дары и благовонные курения" (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав ввергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще другия побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: "посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой" (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и виде, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого диавольского волхования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог – один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в печь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отомстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не Над другим чем-либо, а Над тою пещью, которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвель больше изумления и

совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожжен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой – то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего повинуетя приведшему ее из небытия в бытие, – что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из печи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемое всего, крепче адаманта превозмогли тогда всепоедающий пламень. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, – царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспеяния; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел никакого вреда, а приобрел величайшее из всех благ – утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

б. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем : если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: "за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его" (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретнице и раскаялся в своих беззакониях , то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. "И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни" (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию превзошел всех , ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, – когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь возрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с

этими царями, но и словами пророка: "о, если бы вы ныне послушали гласа Его: "не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне"" (Пс.94:7,8). Выражение "ныне" можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыл все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостоивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, – то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: "разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?" (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т.е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачую их по правилам врачевания, но иногда и доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринулсЯ не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, – богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самою жалкою смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облачается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата. Ибо "столько лет", говорил этот, "служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка" (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: "иду ко отцу моему", и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отвращается от нас, но мы удаляем себя от Него: "разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?" (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: "беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас" (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду,

и – ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам, что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: "предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покаялся, то "для такого довольно", говорит, "сего наказания от многих" (2Кор.2:6) – и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстанавливает опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: "подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?" (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: "столь многое потерпели вы неужели без пользы?" (Гал.3:4). Между тем после такого преуспевания они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: "вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Гал.5:2); и еще: "оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати" (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им: "дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растрепания, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет "смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для дьявола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит "тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"; а "тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его" (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, - что "между нами и вами утверждена великая пропасть" (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещаваю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и дьявол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покаявшийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменяются нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся от настоящего недуга и невоздержности, то и это не будет бесполезно;

только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобноисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, - хотя и странны такие слова, - что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое удостаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразия этого места, и - горько восстанай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслю к тому червю неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме кромешной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бываюют своим сном; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожделений, избавься, наконец, от этой печи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии отсюда, сильнее овладеет тамошняя. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, - не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжают вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там - то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из

опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает; иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и исступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? - тот пусть представит, что бывает здесь, - как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не восстаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие - удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы, наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избегнуть упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тягчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ

причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и никакое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. "Удалятся", говорит (Писание), "[болезнь], печаль и вздыхание" (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распяемого непристойною похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, - свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее святильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это - непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслию к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: "что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению" (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекишись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лице святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти - ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от ослабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг меняет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? "Просияет как солнце" (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого

блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, - из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишить нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже - самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: "хорошо нам здесь быть" (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зеркале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тяжчайшим геенны наказанием - не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть тяжчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующим с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как "плюновение" (Ис.40:15), - в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жалче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, - не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: "грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой" (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: "Вот, приходит день Господа лютой, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых - за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи - дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его" (Ис.13:9-13). И еще, "окна", говорит, "с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выпреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу" (Ис.24:18-22). И Малахия согласно с этим говорит: "идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать как золото и как серебро" (Мал.3:2,3). И еще: "вот", говорит, "придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей" (Мал.4:1). А муж желаний говорит: "Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна;

престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги" (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, "видел", говорит, "в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его - владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня" (Дан.7:13-15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. "Небеса свернутся", говорит (пророк), "как свиток книжный" (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обьет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: "и поколеблются", говорит (Господь), "силы небесные" (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуются отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, - возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестьем, чтобы не зреть славы Божией - ибо "нечестивый", говорит (пророк), "не будет взирать на величие Господа" (Ис.26:10), - и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, - как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. происходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе собственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, - как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходят настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы.

Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразия, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией.

Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низшла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожденною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех, как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: "и возжелает Царь красоты твоей" (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единокорцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под эту кровлю женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию диавола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блудодеяние, как говорит Иезекииль: "всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим" (Иез.16:33,34); и еще другой: "сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим" (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. "Слава сего", говорит (пророк), "последнего храма будет больше, нежели прежнего" (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолобец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отвращавшихся от Него, - что и сам Он в Евангелии выразил словами: "Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели" (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: "Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы - посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через

нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом" (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. "Потому что плотские помышления", говорит (Писание), "суть вражда против Бога" (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться вожделенными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотой Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблестит в душе, что может сравниться с такою красотой и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слизь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; – так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слизью или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (насколько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ее иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могли найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны они являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут, говорит (Господь) "равны Ангелам" (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которые легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь – воды, звезды – камней; а радугою мы восхищаемся гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, – так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. "Ибо", говорит апостол, "кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно" (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания, узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, безпрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу, зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, – освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это несколько неудивительно; а нам, надеющимся более на будущее, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при

воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, – это было бы весьма безрассудно. Когда мы – верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастье не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастье, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, – что означает явное безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лицо, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Дьявол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: "отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего", почему?, "ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его" (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: "буду охранять", говорит, "город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего" (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, – именно, что уже невозможно умиливать Бога, и если бы сказал сам в себе: "Бог почтил меня великою честью, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умиливать Его?" Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаиваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни – так как они не подлежат естественной необходимости, – о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их – чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: "не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне" (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же – отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а

отчаивающийся в самом себе – никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: "еще сорок дней и Ниневия будет разрушена" (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: "кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем". И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел" (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. "Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших" (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостоиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благодати, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах – это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: "видел ли ты", говорит, "что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: "возвратись ко Мне"; но она не возвратилась" (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: "о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек" (Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: "итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его" (Втор.10:12) Итак Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вождельным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: "говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться" (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: "видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами

облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи" (Лук.7:44-48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностью, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, – отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бодростью. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братий, а веселием и радостью – общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, – если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, – величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такую пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои горести, оплакиваем твои несчастья; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надел худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты. Когда он был в таком состоянии и возбуждал удивление, некоторые развратители, по праву родства имевшие над ним надзор, опять увлекли его в прежний круговорот. Бросив все, он скоро, сойдя с гор, опять появился на торжище, и восседая на коне, с множеством спутников, ездил по всему городу и уже не хотел любомудрствовать. Пламенея великим сладострастием, он по необходимости предавался нечистой любви, и не было между близкими к нему никого, кто бы не отчаивался в его спасении; его окружала толпа льстецов, к тому же присоединилось сиротство, молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно порицать все, стали обвинять тех, которые сначала обратили его на тот (духовный) путь, утверждая, что он и в духовных делах не удался, и к своим делам будет негоден, так как прежде времени оставив занятия науками, не мог извлечь из них никакой пользы. Когда это говорилось и происходил великий позор, некоторые святые мужи, часто уловлявшие такую добычу и по опыту хорошо знавшие, что вооруженным надеждами на Бога не следует отчаиваться в таких делах, постоянно следили за ним и, завидев его появлявшимся на торжище, подходили к нему и приветствовали. Сперва он прямо с лошади разговаривал с ними, при чем они следовали за ним по бокам; такое бесстыдство сначала было в нем! Но они, сердобольные и чадолюбивые, нисколько не стыдились этого, а смотрели только на то, как бы отнять у волков овцу, чего и достигли терпением. Ибо впоследствии он, как бы от какого умоисступления придя в себя и устыдившись великой заботливости их, лишь только издали усматривал, что они идут к нему, тотчас соскакивал с лошади, и опустив взор, с молчанием выслушивал от них все, и с течением времени все более и более стал оказывать им уважение и почтение. Таким образом они, по милости Божией, мало-помалу, освободив его от всех этих сетей, возвратили прежней пустыне и любомудрию. И теперь он настолько просиял, что прежняя жизнь его представляется ничем, по сравнению с жизнью после падения. Хорошо на опыте узнав искушение, он все богатство роздал бедным, и освободившись от забот о нем, отнял у желающих строить козни всякий к тому предлог, и теперь, шествуя по пути к небу, достиг уже до вершины добродетели. Но этот еще в юности и пал и восстал; а некто другой, после многих трудов, понесенных им в пустынножительстве, имея одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнув уже старости, не знаю, каким образом, по какому-то сатанинскому ухищрению и собственной беспечности своей, дав лукавому доступ к себе, впал в похоть общения с женщинами, — человек, никогда не выдавший женщины с тех пор, как вступил в монашескую жизнь! Сперва он попросил сожителя дать ему мяса и вина, и угрожал, если не получит этого, уйти на торжище. А говорил он это не столько потому, что хотел мяса, сколько для того, чтобы иметь повод и предлог отправиться в город. Тот, недоумевая и боясь чтобы, отказав ему в этом, не причинить ему большего зла, удовлетворяет его желанию. Когда же он увидел, что хитрость его не удалась, то уже с явным бесстыдством сбросил притворство и сказал, что ему непременно надобно сходить в город. Тот, не будучи в состоянии остановить его, наконец отпустил, и следуя за ним издали, наблюдал, к чему клонилось это его путешествие. Когда же увидел, что он вошел в непотребный дом, и узнал, что он сообщил с блудницею, то подождав, пока он удовлетворил нечистую похоть свою и вышел оттуда, принял его с распростертыми руками, обнял и горячо поцеловал, и нисколько не упрекнув за сделанное им, просил только, чтобы он, так как удовлетворил уже свою похоть, опять возвратился к пустынножительству. Этот,

устыдившись великой кротости его, мгновенно был поражен в душе, и почувствовав сокрушение о грехе, последовал за ним на гору; и пришедши туда, попросил того мужа, чтобы он, заключив его в другой келье и заперши двери ее, доставлял ему хлеб и воду в известные дни, а спрашивающим об нем говорил, что он умер. Сказав это и убедив сожителя, он заключил себя и жил там постоянно, постом, молитвами и слезами омывая душу от греховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и все жители ее были в печали, некто получил во сне повеление попросить того затворника помолиться о прекращении засухи. Взяв с собою друзей, он отправился туда; но там сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о последнем, получили в ответ, что он умер. Подумав, что они обмануты, они опять обратились к молитвам, и опять чрез такое же видение услышали тоже, что и прежде. Тогда, обступив того, кто действительно притворствовал, просили показать им этого мужа, утверждая, что он не умер, но жив. Тот, услышав это и видя, что состоявшееся между ними соглашение открыто, приводит их к этому святому, и они, разобрав стену (потому что и вход был заложен) и вошедши все, поверглись к ногам его, рассказали о случившемся и умоляли его избавить их от голода. Сперва он отказывал им, утверждая, что он далек от такого дерзновения, так как непрестанно имел перед глазами свой грех, как бы сейчас только совершенный. Когда же они рассказали обо всем случившемся, то убедили его помолиться, и помолившись, он прекратил засуху. А о том юноше, который был сперва учеником Иоанна Зеведеева, потом долгое время – начальником разбойников, и опять уловлен святыми руками блаженного, и из убежищ и пещер разбойничьих возвратился к прежней добродетели, тебе самому не безызвестно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слыхал, как ты удивлялся великому снисхождению (Иоанна), который сначала поцеловал окровавленную правую руку юноши, обнял его, и таким способом привел его в прежнее состояние.

18. Так же (поступил) блаж. Павел в отношении Онисима, этого негодяя, беглеца и вора, – такого-то человека он не только сам принимает в объятия, когда тот переменялся, но и господина его просит оказать покаявшемуся одинаковую с учителем честь, так говоря: "прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовестование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня" (Флм.1:10-17). И в послании к Коринфянам он же говорит: "когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались" (2Кор.12:21); и еще: "предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу" (2Кор.13:2). Видишь ли, кого он оплакивает и кого не щадит? Не тех, которые согрешили, но – которые покались, и не просто не покались, но после одного и двух увещаний к раскаянию, не захотели послушаться. Выражения: "предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу", означают не что иное, как это, чего должно опасаться, чтобы и с нами не случилось теперь. Ибо хотя нет при нас Павла, который угрожал коринфянам, но предстоит Христос, который чрез него говорил тогда, и если мы не перестанем упорствовать, Он не пощадит нас, но сильным ударом поразит и здесь и там. Посему "предстанем пред лицом Его во исповедании, во псалмах воскликнем Ему" (Пс.94:2). "Если ты согрешил", говорит (Писание), "не прилагай более грехов и о прежних молись" (Сир.22:1). И еще: "обвинитель в первой речи на суде прав по отношению к себе" (Притч. 18:17). Не будем же ждать обличителя, но ранее займем его место, и таким образом, своею откровенностью сделаем Судию более милостивым. Я хорошо знаю, что

ты исповедуешь свои грехи и чрезмерно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убедиться, желаешь ли ты оправдать себя и делом. Пока это исповедание ты не сделаешь плодотворным, до тех пор, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать от последующих грехов. Никто ничего не может делать с усердием и надлежащим образом, если наперед не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? так и сеющий слова, слезы и исповедание, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов, как одержимый еще пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастении плодов, уже не станет отвращать того, что наносит вред семенам, так и сеющий слезное исповедание, но не ожидающий от него никакой пользы, не будет в состоянии отклонить того, что вредит покаянию. А вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах. "Когда один строит", говорит (Писание), "а другой разрушает: то что они получают для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постыдится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?" (Сир.34:23,25,26). И еще: "если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч" (Сир.26:26). И "как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою" (Прит.26:11).

19. И так, объявляя грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как должностующий оправдаться посредством покаяния: тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впасть более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать, и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с надлежащею целию. Посему я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменою жизни; но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих, так как грехи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открывает их, и когда – сам согрешивший. Иные, вследствие сильного отчаяния впадши в ожесточение и презирая славу человеческую, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки, как бы чужие. Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность. Что же служит корнем и матерью отчаяния? Беспечность; вернее можно назвать ее не только корнем, но и питательницею и матерью. Ибо, как в шерсти порча рождает червей, и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние, и сама обратно питается отчаянием, и таким образом, оказывая друг другу это проклятое содействие, они не мало возрастают в силе. Посему кто истребит и искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии победить легко и остальное; кто не предастся беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается в себе, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкие помыслы; ибо соединяют их не одинаковые (помыслы), но разные и всякого вида. Какие же? Случается, что иной, покаявшись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны. Но надобно вникнуть в это и отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и

тамошних муках; а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот, и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их не мало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь; потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам (Господь) говорит: "воздаст каждому по делам его" (Матф.16:27). И не только в геенне, но и в самом царстве находится множество различий: "в доме Отца Моего", говорит, "обитателей много" (Иоан.14:2); и: "иная слава солнца, иная слава луны" (1Кор.15:41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездой и другою? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать на ряду с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это – крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с духовным. Нелепо было бы в виду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых. Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние; дабы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, как посещать болящих? Однако, и за это Он воздаст великую награду. Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго, подклони под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; непусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будет покрыто водою, ты заградишь каналы нечестия, то будешь в состоянии и опять приобрести потерянное и прибавить к тому другое немалое приращение. Обо всем этом размыслив, стряхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен противнику. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностию, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастья способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами. Это я надеюсь скоро увидеть и на твоей главе, – надеюсь, что ты, при помощи Божией, будешь и еще светлее, и такую покажешь добродетель, что станешь там впереди других. Только не отчаивайся, не падай духом; это я не перестану повторять тебе при всякой беседе, где бы тебя ни увидел, и чрез других; и если ты послушаешься этого, то не будешь нуждаться в других врачеваниях.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ

УВЕЩАНИЕ 2-е.

Возвращение Феодора и ответ на него. – Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. – Бегство из воинства Христова. – Необходимость заглаживания греха. – Слабость человеческой природы. – Падение и восстание. – Пример Давида. – Суетность благ мира сего. – Неудобства, связанные с

царством, славой, богатством и браком. – Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. – Заботы семейной жизни. – Свобода последователей Христа. – Единственное несчастье для христианина – оскорблять Бога. – Заключение.

ЕСЛИ бы можно было изложить письменно слезы и стенания, то я наполнил бы ими письмо и послал бы к тебе. Плачу я не о том, что ты заботаешься об отцовских делах, но о том, что ты изгладил себя из списка братьев, что попрал завет со Христом. От этого я содрогаюсь, об этом сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушение завета навлекает великое осуждение на записавшихся в доброе воинство и по собственной беспечности оставивших строй. Отсюда очевидно, что таким угрожает тяжкое наказание. Простолюдина никто никогда не станет обвинять за непринадлежность к войску, а кто раз стал воином, тот, если уличен будет в бегстве из строя, подвергается крайней опасности. Зло не в том, любезный Феодор, чтобы сражаясь пасть, а в том, чтобы упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы воюя быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Никакой купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море, и волны, и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы видим увенчиваемыми после многократных падений; также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец является героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Так теперь и ты, любезный Феодор, потому, что враг немного поколебал тебя в твоём положении, не толкай сам себя в пропасть, но стой добро и поспеши возвратиться туда, откуда отошел, и не считай позором этого кратковременного поражения. Ты не стал бы порицать воина, увидев его с раною возвращающимся с войны; ибо позорно бросать оружие и уклоняться от неприятелей; но доколе кто остается в сражении, то, хотя бы он был поражаем и несколько отступал, никто не будет столь неблагоразумен и неопытен в воинском деле, чтобы обвинять его за это. Не быть ранеными свойственно не сражающимся; но тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, - и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь голову и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему: обнаруживший в самом начале столь великую и сильную ревность против него, такой человек, если устоит, то легко - полагал он - одержит над ним победу. Поэтому он поспешил, пробудился, восстал с силою на тебя, или лучше, на свою голову, если ты захочешь стоять мужественно. Ибо кто не удивлялся твоей быстрой искренней и пылкой к добру перемене? Роскошные яства были презрены, драгоценные одежды отринуты, всякая пышность попорана, вся ревность о внешней мудрости быстро обращена на Слово Божие; целые дни проводимы были в чтении, целые ночи - в молитвах; не вспоминалось отцовское достоинство, не приходило на ум богатство; но касаться колен и припадать к ногам братьев - это ты считал выше всякого благородства. Вот что опечалило лукавого, вот что возбудило его к сильной борьбе; впрочем, он нанес не смертельную рану. Если бы он низверг тебя после долговременных непрерывных постов, земных поклонов и других подвигов, то и тогда не надлежало бы отчаиваться, хотя иной и назвал бы великим бедствием поражение, совершившееся после многих усилий и трудов и побед; но так как он поборол тебя, когда ты только лишь приготовился к борьбе с ним, то и успел в том только, что сделал тебя более ревностным к борьбе с ним. На тебя лишь только начавшего плавание, а не возвращавшегося с торговли и везшего полный груз, напал свирепый пират. И подобно тому, как устремившийся убить благородного льва, только оцарапав ему кожу, нисколько не вредит

ему, а более раздражает его против себя, и делает впредь более осторожным и трудно уловимым, так и общий всех враг, устремившись нанести глубокую рану, не достиг этого, а сделал (тебя) впредь более бдительным и осторожным.

2. Природа человека переменчива: легко обольщается, и легко освобождается от обольщения, скоро падает, и еще скорее восстает. Так и тот блаженный муж, - разумею Давида, избранного царя и пророка, - уже сделав много доброго, не укрыл того, что он человек, но воспылал некогда похотию к чужой жене, и на этом не остановился, но от похоти совершил прелюбодеяние, а от прелюбодеяния совершил убийство; однако, и получив две такие раны, он не причинил себе еще и третью, но тотчас притек ко Врачу, и употребил врачевства - пост, слезы, плач, непрестанные молитвы, многократное исповедание греха; и чрез это так умилишил Бога, что возвратил себе прежнее достоинство, так что после прелюбодеяния и убийства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сын, - Соломон имя ему, - был уловлен тою же сетью, как и отец, и в угождение женам отступил от Бога отцов. Видишь, какое зло - не воздерживаться от сладострастия, но извращать естественное преимущество и, будучи мужем, делаться рабом женщин. Этому самому Соломону прежде праведному и мудрому, когда он был в опасности потерять за грех все царство, Бог, за добродетели отца, оставил во владение шестую часть государства. Так, если бы ты усердно занимался внешним красноречием и потом стал нерадеть о нем, то я убедил бы тебя возвратиться к этим занятиям, напомнив тебе о судилищах и ораторском седалище, о раздаваемых там венцах и свободе речи, но так как мы стремимся к небесному, а о земном у нас и речи нет, то я напомню тебе о другом судилище и седалище страшном и ужасном. "Всем нам должно явиться пред судилище Христово" (2Кор.5:10). Судиею же сядет тогда Тот, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажем мы тогда, скажи мне? Чем будем оправдываться, если станем продолжать пренебрегать Им? Что же мы скажем? Укажем ли на заботы о делах? Но Он наперед сказал: "какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" (Матф.16:26). На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило в оправдание то, что он сослался на жену и сказал: "жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и" меня обольстила (Быт.3:12); равно как и жене - змий. Страшно, любезный Феодор, это судилище, не нуждающееся в обличителях, не ожидающее свидетелей; ибо "все обнажено и открыто" пред этим Судиею (Евр.4:13); и придется дать отчет не только в делах, но и в помышлениях, ибо этот Судия "судит помышления и намерения сердечные" (Евр.4:12). Но, может быть ты укажешь на немощь природы и невозможность понести иго. Но что это за оправдание - не иметь силы взять на себя иго благое, не быть в состоянии понести бремя легкое? Разве тяжкое и трудное дело отдыхать от трудов? А к этому всему и призывает нас Господь, когда говорит: "придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Матф.11:28-30). Что легче, скажи мне, как быть свободным от ежедневных забот и дел, страхов и трудов, стоять вдали от волн житейских и пребывать в тихой пристани?

3. Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить с свободою христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей, и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолудин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой - полководца, иной - воина, а по наступлении вечера - и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день, не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими. Ибо "горе",

говорит (Господь), "вам, богатые" (Лук.6:24); и еще: горе "надеющимся на силы свои и хвляющимся множеством богатства своего" (Пс.48:7). Христианин никогда не делается - ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным: напротив он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он - не над людьми, но над князьями подвластными "мироправителю тьмы" (Еф.6:12), никто отнять у него не может. Законное дело - брак, согласен на это и я; ибо сказано: "брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог" (Евр.13:4). Но тебе уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись с небесным Женихом, оставляет Его и сочетается с женою, тот совершает прелюбодеевие, хотя бы тысячу раз ты называл это браком; а вернее сказать, это хуже и прелюбодеевие настолько, насколько Бог превосходнее людей. Никто пусть не обольщает тебя словами: жениться не запретил Бог. Знаю это и я: жениться не запретил, но запретил прелюбодеевствовать, что намеревался ты сделать, чего да не будет, чтобы, т. е. ты вступил когда-нибудь в брак. Что ты удивляешься, если брак осуждается, как прелюбодеевие, когда чрез него отвергается Бог? Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ее. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил несмотря на то, что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить. Если же человеколюбие осуждено более убийства за преслушание Бога, то что удивительного, если брак осуждается более прелюбодеевие за отвержение Христа? Посему, как я сказал выше, если бы ты был простолюдином, никто не обвинял бы тебя за непринадлежность к войску, а теперь ты уже не господин сам себе, сделавшись воином такого Царя. Если жена невластна в своем теле, но - муж, тем более живущие во Христе не могут быть властны в теле своем. Тот, Кто пренебрежен ныне, Сам будет и судить тогда; о Нем помышляй постоянно, равно и о реке огненной. "Огненная река", говорит (пророк), "выходила и проходила пред Ним" (Дан.7:10); а кто Им предан огню, тому не дожидаться конца казни. Непристойные удовольствия этой жизни несколько не отличаются от теней и сновидений; ибо прежде, чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горесть вечна. Что, скажи мне, постоянно в здешнем мире? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говорит один праведник: "дни мои быстрее гонца" (Иов.9:25). Как скороходы, не успев стать, уже уходят далее, так и слава не успеет придти, как уже улетает. Нет ничего драгоценнее души: это не безызвестно и тем, которые дошли до крайнего безумия. "Душе ничто не равноценно", сказал поэтически некто из внешних. Знаю, что ты стал гораздо слабее для борьбы с лукавым; знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствий; но если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди печи пошлет облако и росу и "шумящий влажный ветер" (Дан.3:50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя. Так, часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них граждан без труда предавала их врагам. И теперь, если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно.

4. У тебя по благодати Божией, имеется много великих мужей, которые соболезнуют тебе, возбуждают тебя, трепещут за твою душу: это - святой Божий Валерий, по всему брат его Флорентий, мудрый Христовой мудростию Порфирий и многие другие. Они ежедневно сетуют и непрестанно молятся, и давно получили бы то, о чем молятся, если бы ты захотел хотя немного освободиться из рук врага. Как же не странно, что другие доселе не отчаялись в твоём спасении, но непрестанно молятся о возвращении своего члена; а ты,

однажды упав, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? "Разве, упав, не встанут?" говорит пророчество Божие (Иер.8:4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значит не иное что говорит, как "упавший не встанет". Нет, прошу тебя, не делай себе столько зла, не повергай нас в такую скорбь. Не говорю о твоём настоящем, когда тебе нет еще и двадцати лет; но если бы ты много сделал, даже всю жизнь прожил во Христе и в крайней старости потерпел такое несчастье, то и тогда было бы не хорошо отчаиваться, но надлежало бы иметь в уме разбойника, оправданного на кресте, а также начавших трудиться в одиннадцатом часу и получивших плату за целый день. Но как не хорошо падшим в конце жизни отчаиваться, если они будут благоразумны, так не безопасно и питать себя надеждою и говорить: "теперь пока буду наслаждаться удовольствиями жизни, а после, потрудившись недолго, получу награду за все время". Я помню, что ты сам, когда многие советовали тебе ходить в музеи, часто говаривал: "а что, если я в скором времени худо окончу жизнь? - как приду к сказавшему: "не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день" (Сир.5:8)?" Вспомни эту мысль, и побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома. Представь себе житейские заботы - частные и общественные, страхи пред начальниками, зависть граждан, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бедствия, раболепные ласкательства, неприличные даже честным невольникам, плод трудов, погибающий еще здесь, - что может быть бедственнее этого? А многим не удалось и вкусить плода трудов своих; но, проведши первый возраст в трудах и опасностях, они в то время, когда уже надеялись получить награду, отошли, ничего не имея при себе. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесении многих опасностей и по окончании многих войн, будет взирать с дерзновением, то как может небесного Царя увидеть тот, кто все время жил и воинствовал для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее - власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее - не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя - страх не малый; умерло преждевременно - плач неутешный; и во всяком возрасте о них различны заботы, и страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг? Что же это за жизнь, Феодор, настолько делиться одной душой, столь многим служить, для столь многих жить, а для себя - никогда? У нас же нет ничего такого, любезный, и в этом призываю в свидетели тебя самого. Уже в то краткое время, в которое ты захотел выплыть из волн (житейского моря), знаешь, какую ты наслаждался радостью и веселием. Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он сам не захочет сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это. Он неприступен, не терзается от потери имени; потому что знает, что "мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести" (1Тим.6:7); не увлечется честолюбием или славолубием, так как знает, что "наше же жительство - на небесах" (Фил.3:20); порицающий его не причиняет ему скорби, и бьющий не приводит в раздражение. Одно у христианина несчастье - оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие; даже то самое, чего все страшатся, - переход отсюда туда, - для него приятнее жизни. Как если бы кто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнам, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и, вместо корабля и руля, владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие; так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу - о том, "как угождать

Богу" (1Фесс.4:1)? Видишь ли, Феодор, кораблекрушения плавающих по этому морю? Посему, умоляю, убегай от бездны, убегай от волн, и займи высокое место, откуда невозможно быть увлечену; будет воскресение, будет суд, страшное судилище ожидает нас по отшествии отсюда: "всем нам должно явиться пред судилище Христово" (2Кор.5:10). Не напрасно угрожают геенною, не тщетно уготовано столько благ. Тень и даже ничтожнее тени - житейския дела, сопряженные со многими страхами, со многими опасностями, с крайним рабством. Не губи же и того и этого века, когда возможно, если захочешь, с пользою проводить тот и другой. А что живущие во Христе получают пользу и от этого века, это утверждает Павел, когда говорит: "мне вас жаль" и еще, "говорю это для вашей же пользы" (1Кор.7:28, 35). Видишь ли, что "заботящийся о Господнем" и здесь выше женившегося? Для отошедшего туда невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу. Об этом непрестанно помышляй, и сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и плененных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею. Знаю, что я преступил меру письма; но прости: я сделал это не произвольно, а вынужденный любовью и скорбью, по которой я и принудил себя написать это письмо, тогда как многие удерживали. "Перестань трудиться напрасно и сеять на камне", говорили мне многие. Но я никого не послушал. Есть надежда, говорил я сам себе, что письмо, если Богу угодно, произведет какое-либо действие; если же случится противное нашему желанию, мы, по крайней мере, получим себе ту пользу, что нельзя будет винить нас в молчании, и что мы не будем хуже мореплавателей, которые, когда увидят, что люди одного с ними занятия, по разбитии корабля ветрами и волнами, несутся на доске, спустив паруса, бросив якоря и войдя в малую ладью, стараются спасти людей им незнакомых и только по этому несчастию делающихся знакомыми. Но если бы эти последние не захотели (спастись), то никто не стал бы винить в их погибели тех, которые старались спасти их. Это с нашей стороны; но мы веруем, что должное и от тебя последует по благодати Божией, и мы опять увидим тебя доблестным в пастве Христовой. О, если бы нам, молитвами святых, скорее принять тебя, любезная глава, здравствующим истинным здравием! Если у тебя есть какое-нибудь внимание к нам и если ты не совсем изгнал нас из своей памяти, удостой отписать к нам; этим ты весьма обрадуешь нас.

К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Три слова под этим общим заглавием, из которых второе имеет еще надпись: к неверующему отцу, т. е. языческому, а третье: к верующему отцу, т. е. христианскому, написаны св. Иоанном Златоустым в 375 или 376 году, когда он сам жил между отшельниками и когда монашествующие подвергались жестокому преследованию, а доброжелатели их - разным укоризнам при арианствующем императоре Валенте.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. – То же и с противниками монашества. – Подробности гонение на иноков. – Сожаление о неразумии гонителей. – Они более вредят себе, чем гонимым. – Пример ап. Павла и Нерона. – Греховность гонительства. – Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. – Постигшее их наказание. – Свидетельство И. Флавия. – Для спасение недостаточно одной веры; необходимы и

добрые дела. – Число подлежащих осуждению. – Пример из истории всемирного потопа.
– Извращенность мира.

Когда потомки евреев, возвратившись из долговременного плена, хотели восстановить иерусалимский храм, многие годы лежавший в развалинах (2 Езд. 4), тогда некоторые грубые и жестокие люди, не убоившись и Бога, которому те восстанавливали храм, не тронувшись и бедствием этих людей, от которого они недавно и с трудом избавились, не утрашившись и определенного от Бога наказания решаящимся на такие дела, сперва сами старались препятствовать им строить храм; но так как ничего не достигли, то, послав к царю своему письмо, в котором город тот (Иерусалим) называли мятежным, заводящим новшества и браннолюбивым, просили себе позволение остановить постройку. Получив от него это позволение, и напав на Иудеев с многочисленную конницею, они прервали на время дело, весьма гордились этою победою, о которой надлежало плакать, и думали, что злой умысел удался им (1 Езд. 4). Но это было только предвестие и начало тех бедствий, которые имели тотчас же постигнуть их самих: потому что самое дело преуспевало и получило блистательный конец, а они, и чрез них все, узнали, что, как тогда Митридат, так и всякий другой, кто бы ни решился вести борьбу против людей, предпринимающих доброе дело, борется не против людей, но, прежде их, против самого Бога, ими чтимого. А ведущему борьбу против Бога никогда невозможно кончить добром: в начале он, может быть, и не потерпит за свою дерзость никакого зла, если только не потерпит, потому что Бог зовет его к покаянию и дает ему придти в себя как бы из некоего опьянения; но, если он будет упорствовать в своем безумии и сам нисколько не воспользуется таким снисхождением, то, по крайней мере, другим доставит величайшую пользу, вразумляя их постигшим его наказанием никогда не вступать в борьбу с Богом, так как невозможно избежать Его неодолимой руки. Так и этих людей тотчас постигли такие бедствия, которые великостию горя затмили все другие бедствия; потому что после бесчисленных убийств и избиений, совершенных над ними руками иудеев, которым они тогда препятствовали (строить храм), от крови убитых земля промокла на значительную глубину и большая грязь образовалась от этой крови; а из конских и человеческих тел, перемешавшихся вместе, и из их соприкасающихся ран родилось такое множество червей, что и земля закрыта была множеством трупов, и самые опять трупы - множеством червей. Увидев это поле, всякий сказал бы, что внизу не трупы лежат, но течет много источников, со многих сторон приносящих этого рода животных: так от этой гнили сильнее всякого наводнение разливался поток червей! И это продолжалось не десять и не двадцать дней, но много времени. Таковы здешние бедствия; а те, которые постигнут их там, - еще много тяжелее этих. Тогда вновь ожившие тела их будут терпеть невыразимые муки и страдания, не тысячу и не десять тысяч лет, даже и не вдвое и не втрое против этого, но в бесконечные веки. О тех и других (наказаниях) знает блаженный Исаия, знает и созерцатель дивных видений Иезекииль, которые, разделив между собою, описали наказание таких людей, - один здешние, а другой тамошние.

2. Об этом вспомнил я теперь не без причины, а потому, что некто, пришедши к нам, сообщил весть горькую и тягостную и даже весьма оскорбительную для Бога. Есть (сказал он) и теперь люди, осмеливающиеся делать то же, что и те варвары, или даже еще более незаконное; потому что изгоняют отовсюду притекающих к нашему любомудрию и с великими угрозами запрещают и говорить что-либо о нем и учить ему кого бы ни было из людей. Услышав это, я тотчас вскрикнул, и многократно спрашивал рассказывавшего, не в шутку ли он говорит это. А он сказал: нет, я никогда не стал бы так шутить; не только не сказал бы и не выдумал этого, а напротив, много бы дал и часто молил бы, чтобы мне даже не слышать об этом деле и теперь, когда оно совершилось. Тогда, еще горше заплакав, я сказал: точно, это дело настолько нечестивее дерзостей Митридата и всех тех (иноплеменников), насколько этот храм (духовный) много досточтимее и святее того (иерусалимского). Но кто, скажи мне, и откуда те, которые отважились на такое дело? Для

чего, по какой причине и с какою целию они бросают камни вверх, мечут стрелы на небо, и ведут войну с Богом мира? Самей и фарафеи, ассирийские князья и все прочие (1 Ездры 4:9) были варвары, как это можно видеть и из самих имен их; по образу жизни далеки были от иудеев и не хотели видеть сопредельные им народы усиливающимися, полагая, что могущество этих (народов) затмит, наконец, их собственную силу. А эти из-за чего отважились на такое дело? Свобода ли их стесняется? Безопасность ли их нарушается? Содействует ли им кто из властителей? Тем соизволяли в их предприятии персидские цари; но наши (цари), я уверен, желают и требуют противного тому. Поэтому я и весьма изумляюсь, что при благочестивых царях, среди городов, как ты говоришь, отваживаются на такое дело. А что, сказал он, если ты узнаешь большую еще странность, что делающие это представляются благочестивыми и называют себя христианами, а многие из них уже и в числе посвященных (в таинства)? Даже кто то из них, по сильному внушению диавола, осмелился нечистым языком своим сказать, что он готов отступить и от веры и приносить жертву демонам, потому что душит его (негодование) при виде того, что люди свободные, благородные и могущие жить в удовольствиях, привлекаются к такой суровой жизни. Услышав это, я был еще сильнее поражен, и соображая, сколько зла произойдет отсюда, оплакивал всю вселенную и взывал к Богу: "возьми душу мою и выведи меня из бед моих" (3Цар.19:4; Пс.24:17); освободи от этой привременной жизни и пересели в ту страну, где ничего такого и другой не скажет мне, и я не услышу. Знаю, что, по отшествии отсюда, обнимет меня кромешная тьма, где сильный плач и скрежет зубов; но мне приятнее слушать скрежет зубов, чем произносящих такие речи". Увидев, что я так сильно печалюсь, он сказал: "теперь не время этому; этими словами ты никогда не сможешь обратить погибших и погибающих; и зло, думаю, не остановится, а надобно позаботиться о том, как бы нам погасить этот костер и остановить заразу; это вот наша обязанность; и если ты хочешь послушаться меня, то, прекратив плач, составь увещательное слово к этим недужным и беспокойным, во спасение как им, так и всем вообще людям; а я, взяв эту книжку, положу ее, вместо всякого лекарства, в руки больных: так как между этими больными есть много друзей моих, то они позволят мне придти к ним и раз, и два, и многократно, и, я уверен, скоро освободятся от заразы". - "Ты, сказал я, мерю своей любви измеряешь и нашу силу; но у меня нет силы слова; если же и кажется, что есть, то употребить ее на такой предмет я стыжусь не кого-либо другого, но всех язычников, как настоящих, так и последующих. Их всегда я осуждал сколько за учение, столько же и за беспечную жизнь; а теперь вынуждаюсь ознакомить с нашими пороками. Если некоторые из них узнают, что среди христиан есть люди, столь враждебные добродетели и любомудрию, что не только сами уклоняются от таких подвигов, но не выносят и речей в защиту их, даже и на этом не останавливаются в своем безумии, но если и другой кто станет советовать и говорить об этом, то и его отовсюду изгоняют; если услышат это (язычники), то боюсь, что они признают нас не людьми, но зверями и чудовищами человекообразными и какими-то демонами, губителями и врагами всей природы; и такое суждение произнесут не только о виновных, но и обо всем нашем народе". На это он, рассмеявшись, сказал: "ты шутишь, говоря так; а я скажу тебе еще прямее, если ты боишься, чтобы из твоих слов не узнали того, что все давно знают из дел; теперь как будто бы злой какой дух вселился в души всех, только и речей у всех на языке, что об этом: войдешь ли на площадь, или в лечебницы, или в какую бы то ни было часть города, где обыкновенно собираются люди, ничего не хотящие делать, - везде удивишь, какой смех все поднимают; а предметом этого смеха и забавы служат рассказы о том, что сделано со святыми мужами. Как иные воины, побывав во многих сражениях и одержав победы, весело рассказывают о своих подвигах, так и эти люди хвастают своими буйствами. Ты услышишь, как один говорить: "я первый наложил руки на такого-то монаха, и нанес ему удары;" другой: "я сам прежде других отыскал его келью"; "а я, говорит иной, сильнее других раздражил против него судью"; иной хвастает темницей и ужасами темницы, и тем, что он влачил тех святых по площади; иной другим чем-либо. Потом все начинают смеяться над этим. И это (делается) в собраниях христиан, а язычники смеются и над

ними, и над теми, над кем они издеваются; над первыми - за их дела, а над последними - за их страдания; и везде какая-то междоусобная война, а вернее - нечто гораздо худшее этой войны. Ведшие такую войну, когда после вспомнят о ней, то проклинают всячески зачинщиков ее, и все, что случилось на ней, приписывают злему демону, и те из них, которые больше других сделали на той войне, больше других и стыдятся; напротив, эти люди еще хвалятся своими буйствами. И не только потому эта война нечестивее той (междоусобной), что ведется против святых и ни в чем невиновных людей, но и потому, что (ведется) против таких людей, которые даже не умеют никому делать зла, а готовы только терпеть".

3. "Остановись, сказал я, остановись; довольно для нас и этих рассказов, чтобы мне не совсем лишиться дыхания; дай мне уйти хотя с небольшою силою. Приказание твое непременно будет исполнено; только не прибавляй нам никакого другого рассказа, но уйди и молись, чтобы рассеялось облако моего уныние и получил я от Бога, против Которого ведется эта война, некоторую помощь к уврачеванию восстающих на Него; а Он, конечно, подаст, как человеколюбивый и не желающий "смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иез.33:11; Иез.18:32). Таким образом отослав его, я приступил к этому слову. Конечно, если бы зло состояло только в том, что святые Божии и дивные мужи бывают схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоям и другим страданиям, о которых я сейчас рассказал, а на главу виновников такого буйства не обращалось никакого вреда; то я не только не стал бы скорбеть о случившемся, но еще весьма много и с удовольствием посмеялся бы этому. Так малые дети, когда безвредно бьют матерей, возбуждают большой смех в тех, кого они бьют, и чем с большею раздражительностию делают это, тем более доставляют матерям удовольствия, так что они заливаются и надрываются от смеха, когда же дитя, делая это часто и порывисто, поранит себя или булавкою воткнутою в матерней одежде около пояса, или иголкою на груди матери, задевшею за руку дитяти: тогда уже мать, перестав смеяться, предается скорби больше самого пораненного и то лечит рану, то с сильною угрозою запрещает ему делать это впредь, чтобы опять не потерпеть того же самого. Так же и мы поступили бы, если бы видели в том деле детскую раздражительность и удар младенческий, не причиняющий им большого вреда. Но так как эти люди, хотя теперь, в пылу гнева, не предчувствуют, но спустя немного будут плакать, стонать и рыдать, не таким рыданием, как малые дети, но тем, что во тьме кромешной, что в огне неугасимом; то и мы с своей стороны сделаем то же, что - матери, с тем только различием от них, что не с угрозою и бранью, как они, но с ласковостию и полною кротостию скажем этим детям: "от этого святым мужам нет никакого вреда, напротив еще высшая награда и большее дерзновение; если мы станем говорить о будущих благах, вы, может быть, еще будете много смеяться, так как привыкли всегда над этим смеяться; а настоящему, хотя бы вы в тысячу раз более любили смеяться, вы непременно поверите, потому что не можете не верить, если бы и хотели, когда самые дела говорят против вас. Вы, конечно, слышали о Нероне (этот человек был знаменит развратом; он первый и один при такой своей власти изобрел какие-то новые виды бесчинства и распутства). Этот Нерон, обвиняя блаженного Павла (который был ему современником) за то же самое, за что и вы - этих святых мужей (Павел, убедив самую любимую наложницу его принять учение веры, вместе с тем убедил ее прервать и нечистую с ним связь), обвиняя его за это, и называя и губителем, и обманщиком, и другими такими же именами, какие вы даете (отшельникам), сперва заключил его в узы, а как не мог заставить его, чтобы он перестал давать советы девице, то предал наконец смерти. Какой же отсюда произошел вред страдальцу? И какая польза злодею? Напротив, какой не было пользы умерщвленному тогда Павлу, и какого не было вреда убийце Нерону? Первый не воспевадается ли во всей вселенной, как ангел (говорю пока о настоящем), а последний не проклят ли всеми, как губитель и свирепый демон?"

4. "А о том, что там, если вы и не поверите, необходимо сказать для верующих, хотя и вам надлежало бы на основании здешнего верить и тамошнему. Впрочем, как бы вы ни отнеслись к этому, мы скажем и не скроем". Каково же будет тамошнее? Тот несчастный и жалкий (Нерон), объятый горестью и скорбию, покрытый стыдом и мраком, с поникшим взором, отведен будет туда, где червь неумирающий и огонь неугасающий, а блаженный Павел с великим дерзновением, станет пред самым престолом Царя, светло блистая и облекшись такую славою, что ни в чем не уступит ангелам и архангелам, и получит такую награду, какая следует человеку, предавшему тело и душу свою за веление Божии. Так, великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию; пусть доброе дело будет одинаково, как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами; но почеть и венцы будут не одинаковы. Так и на войне (всякий) одержавший победу, конечно, награждается, но много более - тот, кто может еще показать у себя и раны, которыми он приобрел победу. Но что говорю я о живых, когда даже те, которые только тем и заявили себя, что храбро умерли на войне, а ничего более не сделали полезного соотечественникам, прославляются во всей Греции, как спасители и защитники! Неужели вы и этого не знаете, предаваясь постоянно смеху и забаве? Если же люди языческие и не имеющие ни о чем совершенно здравых понятий смогли понять это и великою честью почтили тех, которые только умерли за них, а больше не сделали ничего; то не гораздо ли более сделает это Христос, который страждущим за Него всегда дарует воздаяние с великим преизбытком? Подлинно великую награду Он назначил за перенесение не только гонений, ран, уз, убийства и смерти, но и одного лишь оскорбление и поносительных слов. "Блаженны вы", говорит Он, "когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах" (Лук.6:22,23). Итак, если перенесение страданий и злословий доставляет награду страждущим и злословимым; то препятствующий им страдать и слушать злословие доставляет пользу не им, а тем, которые говорят и делают зло. Им, напротив, причиняет он вред, лишая их высшей награды и отнимая у них основание большей радости и ликования, так что для них надлежало бы (нам) молчать и дать совершиться тому, что приготовляет им великое обилие благ и наибольшее дерзновение. Но так как мы члены друг друга, то, хотя бы сами они и отвергали дар, нам при таком взаимном отношении не должно, заботясь об одной части, оставлять без внимания другую. У тех (отшельников), если они теперь и не пострадают, будет иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратят вражды против них, не смогут уже спастись. Посему, оставив тех, останавливаюсь на вас, и прошу и умоляю последовать нашим увещаниям, не направлять более меча на самих себя, не идти против рожна, и не огорчать, думая оскорблять людей, Святого Духа Божия. Я знаю и уверен, что вы, если не теперь, то впоследствии одобрите этот наш совет; но желаю, чтобы вы сделали это теперь же, дабы после не делать этого напрасно. Так и тот богач (Лук. 16:19 и сл.), пока был здесь, считал пророков и закон и их наставление баснею и пустословием, а после того, как отошел туда, стал так уважать их увещания, что сознавая, что сам уже не в состоянии получить никакой пользы от этого уважения, просил патриарха послать кого-нибудь из ада с вестию к живущим на земле, боясь, чтобы и они не испытали некогда того же самого, и, посмеявшись над божественным Писанием, не стали уважать его тогда, когда уже не будет им никакой пользы от этого уважения. Между тем этот богач не сделал ничего такого, что вы делаете. Правда, он не уделял из своего имение Лазарю; однако, другим, которые хотели подавать, не препятствовал и не удерживал их, как вы теперь. И не этим одним вы превзошли его в жестокости, но еще и другим; потому что, как не все равно - самому ли не делать никакого добра, или и другим, желающим, препятствовать делать его, так не все равно - самому ли терпеть недостаток в телесной пище, или и одержимому сильным голодом любомудрие препятствовать питаться от других. Таким образом, вы вдвойне превзошли того жестокого богача, - тем, что препятствуете другим утолять голод, и тем,

что оказываете такое бесчеловечие в то время, когда гибнет душа. Так поступали некогда и иудеи. Они запрещали апостолам говорить людям о том, что необходимо для спасения (Деян. 4:18; 5:40). А вы хуже и их: они все то делали, как открытые враги, а вы, надев личину друзей, поступаете по-неприятельски. Они тогда били, поносили и бесславили святых апостолов, называя их чародеями и обманщиками: за то и постигла их такая казнь, что никакое несчастье не может сравниться с их бедствиями; ибо они первые и одни из всех людей, живущих под солнцем, пострадали так, как никто другой. Достоверный свидетель этому - Христос, который сказал: "будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет" (Матф.24:21). Пересказывать все эти страдания их теперь не время, но из многого немного сказать необходимо. Впрочем скажу не своими словами, но словами иудея, который подробно описал их бедствие [1]. Что же он говорит? Рассказав о сожжении храма, и описав те необычайные бедствия, он говорит:

5. „Что до храма, он был в таком именно положении; а по городу валялось несчетное множество умирающих с голода, и происходили невыразимые ужасы. В каждом доме, где только показывалась хотя тень пищи, была война, и самые близкие друзья дрались между собою, чтобы отнять друг у друга жалкие средства жизни. Не верили даже умирающим, что у них нет пищи; но разбойники обыскивали и издыхающих, не притворяется ли кто умирающим, держа у себя за пазухою какую-либо пищу. Иные, разинув рот от голода, как бешенные псы, блуждали и бегали туда и сюда, толкаясь в двери подобно пьяным, и с отчаянием вторгались в одни и те же дома по два и по три раза в один час. Нужда все отдавала зубам; собирали и не гнушались есть даже то, что негодно даже для самых нечистых из бессловесных животных; не отказывались наконец от поясов и башмаков; сдирали и со щитов кожи и жевали их. Пищею для иных служили и клочья старого сена; а некоторые собирали помет, и самую малую меру его продавали за четыре аттика [2]. Но зачем говорить о бесстыдстве голодных по отношению к вещам бездушным? Укажу на такое действие их, о каком не повествуется ни у еллинов, ни у варваров, о котором и сказать страшно, и слушать невероятно. Чтобы потомки наши не подумали, будто я выдумываю небывалое, я с удовольствием умолчал бы об этом несчастье, если бы у меня не было бесчисленного множества свидетелей из моих современников; с другой стороны, я оказал бы отчизне плохую услугу, опустив из рассказа то, что она потерпела на самом деле. Одна женщина из числа заиорданских жителей, по имени Мария, дочь Елеазара, из селения Вифезо, что значит дом иссопа, знатная по происхождению и богатству, прибыв вместе с множеством других в Иерусалим, подверглась осаде. Все имущество ее, какое она взяла с собою из Нереи и принесла в город, разграбили те, которые захватили власть над городом; а остатки запасов и все, что заготовляла она себе в пищу, расхищали оруженосцы, которые ежедневно вторгались к ней. Сильное негодование овладело женщиною, и она часто своею бранью и проклятиями раздражала против себя грабителей. Так как никто, ни от гнева, ни из жалости, не убивал ее, и хотя она и старалась найти что-либо съестное в других местах, но нигде уже невозможно было найти, а голод терзал ее утробу и мозги и еще сильнее голода воспламенял ее гнев; то, под влиянием раздражения и крайности, она восстала на природу, и, схватив свое дитя (у ней был грудной мальчик), сказала: несчастное дитя, для кого, во время этой войны, голода и возмущения, я буду беречь тебя? У римлян, если мы и будем жить, под их владычеством (ожидает нас) рабство, этому рабству предшествует голод, а того и другого тяжелее бунтовщики: так будь же для меня пищею, для бунтовщиков фуриею, а для мира баснею, которой только и недостает в бедствиях иудеев. И с этими словами, она убивает сына; потом, изжарив его, половину съедает, а остальное скрывает и сберегла. Вскоре пришли бунтовщики и, ощутив необычайный запах, начали грозить, что тотчас убьют ее, если не покажет им, что она приготовила. А она сказав, что сберегла для них прекрасную долю, показала остатки своего сына. Ужас и изумление тотчас объяли их и они окаменели при этом зрелище. Это родное дитя мое, сказала она, это мое произведение, ешьте, я уже ела; не будьте нежнее женщины и жалостливее матери; если же вы богобоязливы и

гнушаются моим приношением, то как я уже половину съела, так мне же пусть достанется остальное. После этого они ушли, объятые трепетом, в этом одном оказавшись робкими и только эту пищу уступив матери. Тотчас весь город исполнился негодования, и всякий, имея пред глазами такое страшное дело, ужасался, как будто бы сам был виновником его. Голодавшие желали смерти и называли счастливыми тех, кто умер ранее, не слышав и не видев таких бедствий. Скоро разгласилось это страшное дело у римлян; одни из них не верили, другие жалели, большинство же еще сильнее возненавидело этот (иудейский) народ."

6. Такие, и гораздо еще более тяжелые, бедствие потерпели иудеи, не только за то, что распяли Христа, но и за то, что и впоследствии препятствовали апостолам говорить, что нужно для нашего спасения. В этом обвинил их и блаженный Павел и предсказал им эти бедствия, сказав: "приближается на них гнев до конца" (1Фесс.2:16). Но как, скажут, это идет к нам? Мы не отклоняем от веры и проповеди. А какая, скажи мне, польза от веры, когда нет жизни чистой? Но вы и этого, может быть, не знаете, так как и все наше не знакомо вам; посему я приведу вам изречение Христовы, а вы рассмотрите, ужели тогда (в день суда) вовсе не подвергнется суду жизнь, но определится наказание только за веру одну и догматы? Так Христос, взошедши на гору и увидев окружающий Его во множестве народ, после других наставлений сказал: "не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного"; и: "многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Матф.7:21-23; Лук.13:27). Далее, всякого, кто слушает, но не исполняет слов Его, Он уподобил глупому человеку, который строит дом на песке и делает его удоборазрушимым от рек, дождей и ветров (Матф. 7:26, 27). И в другом месте проповедуя, Он говорит: „как рыбаки, извлеки сеть, выбрасывают вон худую рыбу; так будет и в тот день, когда ангелы ввергнут в печь всех грешников" (Матф.13:47-50). Также, беседуя о развратных и нечистых людях, Он сказал, что они отойдут туда, где червь не умирающий и огонь не угасающий (Марк. 9:43 и сл.). И еще, "царь", говорит, "сделал брачный пир для сына своего", и, "увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю" (Матф.22:2,11-13; Зах. 3:3). Вот чем он угрожает людям развратным и распутным. А девы, не впущенные в чертог жениха, потерпели это за немилосердие и нечеловеколюбие. Да и другие опять, за эту же самую вину, пойдут "в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Матф.25:41). Осуждаются даже те, которые произносят пустие и праздные слова:"от слов своих", говорит, "оправдаешься, и от слов своих осудишься" (Матф.12:37). Ужели же тебе кажется что напрасно мы боимся за жизнь и заботимся с великим усердием о нравственной части любомудрия? Не думаю; разве скажешь, что и Христос напрасно говорил все это и еще многое сверх этого: не все здесь приведено. А если бы я не затруднялся написать длинное слово, то научил бы и из пророков, и из блаженного Павла, и из других апостолов, какое попечение Бог явил об этой части. Впрочем, считаю достаточным и это, или лучше, не только это, но и малую часть сказанного; потому что, когда говорит Бог, то, хотя бы Он сказал однажды, должно принимать сказанное так, как бы оно было сказано многократно.

7. Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит такое наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх дном, и города, где судилища и законы, полны великого беззаконие и неправды, а пустыня произраждает обильный плод любомудрия, то

справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнение и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убежать в пустыни. Скажи мне, если бы кто в полночь, взяв свечу, зажег большой и многолюдный дом, злоумышляя против спящих там, то кого мы назвали бы злым, того ли, кто будит спящих и выводит из этого дома, или того, кто сначала подложил огонь и поставил в такую крайность как живущих в доме, так и выводящего их? Также, если бы кто увидев, что какой-либо город находится во власти тирана, поражен болезнью и волнуется мятежом, убедил, кого мог из живущих в этом городе, бежать на вершины гор, а убедив вместе и помог бы им при этом удалении, то кого стал бы ты винить: того ли, кто обуреваемых среди города людей перевел из этой бури в ту тишину, или того, кто произвел такое кораблекрушение? И не думай, будто дела человеческие теперь в лучшем положении, нежели город, утесняемый тираном; нет они в положении, гораздо более тяжелом; потому что не человек, а какой-то лукавый демон, захватив, как свирепый тиран, всю вселенную, вселился со всем своим воинством в человеческие души; потом оттуда, как бы из какого кремля, ежедневно посылает всем нечестивые и злобные повеления, не браки только расторгает, не деньги приносит и уносит, не убийства несправедливо совершает, но, что много тяжелее этого, душу, уже сопрягшуюся с Богом, отлучает от общения с Ним, предаёт нечистым стражам своим и заставляет сообщаться с ними. А они, раз овладевши ею, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и гибели. Сняв с нея все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела. Какой же тирании, какого плена, какого возмущения, какого рабства, какой войны, какого кораблекрушения, какого голода не бедственнее это состояние? Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так неспасателен и безжалостен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и насилия, но оставит ее страдание без внимания? Если же это свойственно только жестокой и каменной душе, то как, скажи мне, мы отнесемся к тем, которые, сверх такого невнимания, делают еще другое, гораздо большее зло, которые людей готовых броситься в самую средину опасностей, не отказывающихся вложить руки свои в самую пасть зверя, но решающихся вытерпеть и смрад, и опасности, чтобы вырвать уже поглощенные души из самых челюстей демона, не только не хвалят и не одобряют, но еще гонять везде и преследуют?

8. Что же, скажет кто-нибудь, разве все живущие в городах погибают и обуреваются, и должны, оставив города безлюдными, переселиться в пустыню и жить на вершинах гор? Ужели ты повелеваешь это и узаконяешь? - Нет, напротив я, как раньше уже сказал, и желал и молюсь, чтобы мы наслаждались таким миром и тирания этих зол была бы настолько разрушена, чтобы не только живущим в городах не было нужды удаляться в горы, но и обитающие в пустынях, как долго скрывавшиеся беглецы, опять возвратились в свой город. Но что мне делать? Боюсь, чтобы, стараясь возвратит их отчизне, вместо этого не отдать их в руки лукавых демонов и, желая избавить от пустыни и бегства, не лишит всякого любомудрия и спокойствия. Если же ты указанием на многочисленность живущих в городе думаешь смутить и утешить меня, предполагая, что я не решусь осудить (на гибель) всю вселенную, то я возьму изречение Христово и с ним стану против этого возражения. И ты, конечно, не решишься на такое дерзкое дело, чтобы

противоречить определению Того, Кто будет тогда судить нас. Что же Он говорит? "Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их" (Матф.7:14). Если же мало находящихся, то гораздо менее могущих пройти этот путь до конца. Не все же, кто вступил на начало, имели силы остаться на нем и до конца; но одни потонули в самом начале, другие в середине, а многие - даже у самой пристани. И в другом месте Он говорит, что "много званых, а мало избранных" (Матф.20:16). Если же Христос объявляет, что погибающих более, а спасение ограничивается немногими, то что споришь со мною? Думая заградить нам уста тем, что мы не посмеем осудить такое множество, ты делаешь то же самое, как если бы, при разговоре нашем о случившемся во времена Ноя, стал изумляться, ужели все погибли, а только два или три человека избежали такого наказания. Но мы этим не убедимся и истине не предпочтем многолюдства; потому что и нынешние дела несколько не мало важное тогдашних, но тем более преступны, что за них уже угрожают геенною, и однако же зло не пресекается. Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это - уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого; а что от лукавого, то несомненно заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей; а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем против него погрешившим? А что не простивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит мамоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, отрекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать и лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиление болезни, когда нам доставляет утешение в несчастье то, что должно быть причиною большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвopреступлениях. По истине, если клясться - дело диавольское, то какому наказанию подвергнет нас преступление клятв? Если название (брата) глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучение заслуживает мстительность? Но теперь еще не (время говорить) об этом; пусть бережется оно для своего места. Не говоря о прочем, того самого, что заставило нас вести настоящую речь, - этого одного недостаточно ли для обличения злокачественной нынешней болезни? Подлинно, если не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности; то где поставить нам новых законодателей этого необычайного и нелепейшего закона, которые с большею дерзостью изгоняют учителей добродетели, нежели другие - учителей порока, и желающих исправлять (порочных) преследуют сильнее, нежели согрешивших; а лучше сказать, к этим не питают и неудовольствие и никогда их не осуждают, а тех, напротив, рады были бы съесть, и только что не кричат и словами и делами своими, что надобно крепко держаться порока и никогда не возвращаться к добродетели, так что мы должны преследовать не только стремящихся к ней, но и осмеливающихся подать голос за нее?

[1] Иосиф Флавий, О войне иудейской. Кн. VI, гл. III, 3-5.

[2] Аттическая драхма употреблявшаяся у евреев (Матф. XVII, 27, Лук. XV, 8) 1/4 статера = около 20 копеек серебром.

СЛОВО ВТОРОЕ.

К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

Истинно богатый тот, кто презирает все. – Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. – Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. – Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. – Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. – Кратковременность наслаждений. – История отшельника, отец которого был язычник.

ДОВОЛЬНО и того [1], чтобы возбудить изумление и ужас. И если бы кто теперь при этом произнес пророческое изречение: "подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь" (Иер.2:12), и: "изумительное и ужасное совершается в сей земле" (Иер.5:30), все это он сказал бы благовременно. Но вот что тяжелее этого: негодуют и сердятся не только чужие и несколько не близкие к тем, кому дается совет [2], но стали гневаться на это сродники и отцы. Впрочем, мне не безызвестно, что многие не очень удивляются тому, что так поступают отцы; а задыхаются, по их словам, от гнева, когда видят, что не отцы, не друзья, не сродники и не близкие с какой-либо другой стороны, а часто даже вовсе незнакомые к решающимся Любомудрствовать относятся точно так же, и больше, чем отцы, досадуют, и преследуют и обвиняют тех, которые расположили их (к монашеству). Но мне удивительным кажется противное; потому что нет ничего странного в том, что не имеющие никакого основания оказывать заботливость и дружбу скорбят о чужом благополучии, то, увлекаясь завистью, то, по своей злобе считая, - конечно, безумно и жалости достойно, однако же, считая, - чужую погибель своим счастьем. Но что те, которые родили (детей), воспитали, каждый день молятся о том, чтобы видеть детей счастливее самих себя, и для этого делают и терпят все, - что и они как бы от какого опьянения вдруг переменяются и скорбят, когда дети их обращаются к Любомудрию: вот этому более всего я удивляюсь, и это считаю достаточным доказательством всеобщей испорченности. Никто не скажет, чтобы это бывало и в прежние времена, когда явно господствовало заблуждение. Случилось, правда, однажды в греческом городе, бывшем под властью тирана, - притом не из родителей кто, как ныне, а овладевшие акрополем, вернее же и эти не все, но преступнейший из них, призвав Сократа, приказал ему не говорить о Любомудрии. Но он дерзнул на это, как тиран, неверующий и жестокий, всячески старавшийся ниспровергнуть общественный строй, радовавшийся чужому несчастью и знавший, что ничто иное так не может расстроить самое прекрасное общество, как подобное приказание. А эти (родители), - верующие, живущие в благоустроенных городах и заботящиеся о детях своих, - отваживаются говорить то же самое, что тот тиран о подвластных ему, и - не стыдятся! Вот их негодованию надобно удивляться более, нежели (негодованию) других. Посему я, оставив других, обращаюсь к тем, которые особенно заботятся о детях, или лучше, должны бы заботиться, но совсем не заботятся, с речью тихою и весьма кроткою, и попрошу их не сердиться и не досадовать, если кто скажет, что он лучше их самих знает, что полезно их детям. Родить сына - мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им; рождение, конечно, много содействует любви к рожденному; но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого не достаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, которому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители, при таком совещании о своих детях, часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом. Пусть же они не досадуют и на нас, если скажем, что мы лучше знаем, что полезно

для них; и только в том случае, если мы не докажем этого в слове, пусть обвиняют и укоряют нас, как хвастунов, губителей и врагов всей природы.

2. Каким же образом будет это очевидно и откуда мы узнаем, кто действительно видит, что полезно, и кто только думает, будто видит, а между тем совсем не видит? Таким образом, если мы, выставив мои слова, как бы каких противников, на испытание и состязание, суждение об этом предоставим беспристрастным судьям. Хотя закон борьбы повелевает иметь дело с христианином и только с ним состязаться, а больше ничего не требует от нас: "ибо что мне судить и внешних" (1Кор.5:12); но так как у детей, стремящихся к небу, часто бывают отцы неверующие: то, хотя закон борьбы и освобождает нас от состязания с ними, мы сами добровольно и охотно выйдем против них первых. И, о если бы у нас состязание было только с ними, хотя оно и труднее и больше представляет столкновений! Ибо "душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием" (1Кор.2:14); и здесь может быть тоже, как если бы кто стал убеждать возлюбить царство такого человека, который не хочет еще верить и в его действительность. Не смотря, однако же, на то, что наше слово так стеснено, я хотел бы, чтобы это состязание у меня было только с ними одними. Против верующего у нас, конечно, много доказательств, но удовольствие, доставляемое изобилием доказательств, помрачается чрезмерностью стыда; потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и с ним состязаться об этом; и боюсь, чтобы язычник не стал выставлять против меня только это одно, как справедливое возражение, так как во всем остальном я, по милости Божией, легко склоню его на свою сторону, и, если он захочет быть добросовестным, скоро доведу его не только до любви к этой (монашеской) жизни, но и до самого расположения к догматам, в котором жизнь эта имеет свое основание. Я так мало боюсь состязания с ним, что наперед еще более вооружу его моим словом, и потом уже приступлю к борьбе. Предположим, что этот отец не только язычник, но и богат и знаменит более всех людей, облечен великою властью и имеет много полей, много домов и тысячи талантов золота; пусть он происходит из царственнейшего города и от знатнейшего рода; пусть не имеет других детей и больше иметь их не надеется, и только об этом одном (сыне) беспокоится; пусть и сам сын с блестящими надеждами и скоро надеется достигнуть такой же власти и даже сделаться знаменитее отца и затмить его во всем житейском. Среди таких надежд пусть затем придет кто-нибудь, побеседует с ним о любомудрии и убедит его, презрев все это, одеться в грубую одежду и, оставив город, убежать в горы и там садить, поливать, носить воду и исправлять все другие монашеские работы, кажущиеся маловажными и унижительными. Пусть будет он без обуви, спит на земле, сделается худ и бледен, - этот прекрасный юноша, живший в такой роскоши и в почете и имевший такие надежды, - и пусть будет одет беднее рабов своих. Не довольно ли оснований (к жалобам) дали мы обвинителю, и недостаточно ли вооружили противника? Если же не достаточно, то доставим ему и другие предлоги. Пусть после этого (отец) употребляет все меры к тому, чтобы переубедить сына, и все напрасно, как будто сын его стоит на камне, выше рек, дождей, и ветров; пусть плачет и проливает слезы, чтобы возбудить против нас сильнейшее негодование, и пред всеми постоянно обвиняет нас, так: я родил, воспитал, трудился целую жизнь, делая и терпя все, что обыкновенно случается при воспитании детей, имел добрые надежды, советовался с воспитателями, призывал учителей, тратил деньги, часто не спал ночей от забот о благоустройении и образовании его, чтобы он ни в чем не отстал от своих предков, но оказался бы еще славнее всех; ожидал, что он утешит меня в старости; с течением времени думал об его жене и браке, о начальстве и власти. Но вдруг как бы какая гроза или буря откуда-то набежала, и богатый корабль, наполненный множеством груза, совершивший дальний путь по морю, плывший под благоприятным ветром и бывший уже близ самой пристани, затопила почти при входе в нее; и грозит опасность, чтобы буря не обрушила на голову такого богача не только бедность, но и жалкую смерть и погибель: так случилось теперь со мною. Проклятые губители и обольстители (пусть он говорит и это,

мы не обидимся), лишив таких надежд питателя старости моей, как бы какие разбойники, увели в свои вертепы и так очаровали его своими речами, что он готов лучше идти на меч, в огонь, на зверей и на что бы то ни было, нежели возвратиться к прежней хорошей жизни. А еще тяжелее то, что, склонив его к этому, они говорят, будто лучше нас видят, что ему полезно. Опустели дома, опустели поля; исполнились печали и стыда земледельцы и слуги; повеселели от моих бед враги; закрывается от печали друзья. Никакая мысль не занимает меня, разве подложить огонь и сжечь все - и дома, и поля, и стада волов и паствы овец. Какая будет мне от всего этого польза, когда нет уже того, кто стал бы пользоваться этим, когда он сделался пленником и у жестоких варваров несет рабство, тягчайшее всякой смерти? Я одел всех слуг в черную одежду, посыпал головы пеплом, собрал толпы женщин и приказал им оплакивать его сильнее, нежели когда бы видели его умершим. Простите меня, что я так сделал: это моя печаль более той. Уже тяжелым мне кажется свет, неприятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положении этого несчастного сына, когда увижу его одетым хуже беднейших поселян и посылаемых на самые унижительные работы. Когда представлю его непреклонность, то воспламеняюсь, терзаюсь, разрываюсь.

3. С этими словами пусть он повергается к ногам слушателей, посыпает пеплом голову, покрывает прахом лицо и умоляет всех подать (ему) руку, пусть рвет на себе седые волосы. Кажется, мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всех слушателей; и убедить их сбросить в пропасть виновников этого. Для того и довел я слово до крайнего предела всяких обвинений, чтобы, когда так сильно вооруженный будет побежден нами по благодати Божией, другие не могли ничего сказать; потому что, если будут заграждены уста у имеющего все это вместе, то не имеющий всего этого вместе (все же это сойтись вдруг не может) легко уже уступит нам победу. Пусть же он говорит это и еще больше этого. А я попрошу судей, чтобы они не теперь жалели этого старца, но когда мы докажем, что он горюет о сыне, который не потерпел никакого зла, а наслаждается великими благами, такими, выше которых нельзя и найти других. Тогда он действительно будет достоин жалости и слез, потому что он не в состоянии понять счастье своего сына, и даже так далек от этого, что оплакивает его, как бы находящегося в величайшем несчастии. С чего же начнем слово к нему? С богатства и денег, так как и он сам больше всего скорбит об этом, и всем кажется самым ужасным именно то, если богатые юноши привлекаются к этой (монашеской) жизни. Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достоподражаемым: того ли, кто постоянно томится жаждою и прежде, чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой, и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый, не похож ли на больного горячкою, который томится самую жестокою жаждою, хотя и может черпать воду из источников, а последний, не свободен ли истинною свободою, не здрав ли истинным здоровьем, и не выше ли человеческой природы? Что еще? Если бы кто, любя женщину, постоянно жил с нею, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достоподражаем и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этою тщетною любовью, ничем неугасимую и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемую? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает, как теперь этот (отец), свободных от этой страсти: в таком случае, не более ли еще он несчастен и жалок, потому что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться (от болезни), и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам и посмотрим кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить более скорби, не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия, после наслаждения, скорее почувствуют пресыщение,

нежели одержимые безумным пристрастием к богатству. Тех потому мы и вынуждены были изобразить словом, что не скоро можно увидеть на опыте такие явления, и этой болезни много примеров можем представить из опыта. Так по этому ли, скажи мне, ты оплакиваешь сына, что он освободился от такого безумия и такой опасности, что не предаётся неизлечимой страсти, что стал вне этой войны и борьбы? Но с ним, скажешь, не случилось бы этого, он не стал бы желать большего, но для него довольно было бы пользоваться тем, что есть? Теперь ты говоришь то, что противно, так сказать, природе. Но пусть будет и так; допустим на словах, что он не захочет приращивать своего имениа и не увлечется этою страстью: но и в таком случае я докажу, что он наслаждается теперь большим спокойствием и удовольствием. Что легче, заботиться ли о столь многом, быть связанным такою бдительностью и рабством, и страшиться, как бы не погибло что-нибудь из имениа, или быть свободным и от этих уз? Положим, что он не пожелает других тяжестей: но гораздо лучше отвергнуть и те, которые уже наложены; потому что, если не нуждаться в большем считается величайшим благом, то не иметь нужды и в том, что есть, было бы еще большим счастьем. Доказано уже, что человек, не мучимый жаждою и любовью (ибо ничто не препятствует обратиться к прежним примерам), гораздо блаженнее не только тех, которые постоянно жаждут и всегда распалются любовью, но и тех, которые хотя не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, так как он вовсе не испытал такой потребности. Опять спрошу тебя: если бы можно было и превосходить всех богатством, и быть свободным от бедствий, происходящих от богатства, то ужели ты не пожелал бы тысячу раз такого счастья, чтобы не страдать ни от зависти, ни от клеветы, ни от забот, ни от другого чего-либо подобного? Итак, если мы докажем, что сын твой и это имеет, и что он теперь гораздо богаче, перестанешь ли ты, наконец, плакать и жаловаться так горько? Против того, что он освободился от забот и прочих, неразлучных с богатством бедствий, и сам ты спорить не будешь: посему и нам нет надобности говорить с тобой об этом. Но ты хочешь знать, как это он богаче тебя, у которого столько имущества? И этому мы научим тебя и покажем, что ты, думающий о нем, будто он теперь в крайней бедности, сам таков в сравнении с ним.

4. Не думай, что мы станем говорить о благах небесных и имеющих быть после отшествия отсюда; мы употребим в доказательство пока те блага, которые у нас в руках. Итак, ты - господин только собственного твоего имущества, а он - всего, что есть во всей вселенной. Если же ты не веришь, то мы поведем тебя к нему и убедим его, что бы он, сошедши с горы, или лучше, оставаясь там, приказал кому-либо из очень богатых и благочестивых прислать (к нему) столько золота, сколько ты хочешь; или, так как он не возьмет себе этого, приказал бы лучше отдать золото кому-нибудь нуждающемуся: и ты увидишь, что этот богач послушается и даст с большею готовностью, чем кто-нибудь из твоих домоправителей. Этот последний, когда ему приказывают истратить что-нибудь, бывает скучен и угрюм, а тот напротив, когда не тратит, тогда и беспокоится, не провинился ли в чем-нибудь, что ему ничего такого не приказывают. И я могу указать многих, не только из знатных, но и из простого состояния - таких, которые имеют столь великую силу. Притом же ты, если твои домоправители растратят вверенное им, не можешь вытребовать (от них) другого, и от их злодейства твое богатство тотчас превратится в бедность; а сын твой не боится этого. Если один обеднеет, он прикажет другому, если и с этим случится то же, он обратится к иному, и скорее могут иссякнуть источники вод, нежели те, которые в этом будут послушны ему. Если бы ты держался нашего учения, то я рассказал бы тебе много подобных великих примеров, но так как ты принадлежишь язычеству, то и отсюда я могу представить пример. Послушай, что говорит Критон Сократу [3]: "мои деньги принадлежат тебе, и, я думаю, их довольно; если же заботясь обо мне, ты не хочешь тратить моих денег, то иностранцы здесь готовы тратить свои; довольно серебра принес на это самое Симмиас фивский, готов и Кевис, и многие другие; итак по этому опасению, как я говорил, не отказывайся спасти себя; пусть не затрудняет тебя и то, что ты говорил на суде, т. е. что, по выходе отсюда, ты не знал бы, что делать с собою; и во многих других местах, куда бы

ты ни пришел, полюбят тебя; если же захочешь отправиться в Фессалию, там есть у меня знакомые, которые окажут тебе великое уважение и доставят тебе безопасность, так что у тебя ни в чем не будет недостатка в Фессалии". Что приятнее такого богатства? Впрочем, это (сказано тебе) как человеку мирскому. Если же мы захотим рассуждать о богатстве с большим любомудрием, то ты, может быть, и не в состоянии следить за (нашим) словом; мне, однако же, необходимо сказать об этом для судей. Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько возжеленнее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотою - с горами, с морем и с реками. И если бы это было возможно, то ты на самом опыте узнал бы, что это - не слова только хвастливые, но что действительно нашедшие гораздо большее и важнейшее богатство станут презирать все прочее, и никогда не променяют его на это. И что я говорю: променяют? Они даже не захотят взять этого вместе с ним. Вам если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел; а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова.

5. Хочешь ли увидеть и с другой стороны свою бедность и богатство твоего сына? Так ступай, отними у него одежду, которая только одна и есть у него, выведи его из кельи, разори его убежище, и при этом ты не увидишь его недовольным и печальным, но он еще будет благодарить тебя за то, что ты ведешь его к большему любомудрию; а если у тебя кто отнимет только десять драхм, ты никогда не перестанешь плакать и горевать. Кто же богат: тот ли, кто терзается из-за малого, или - кто презирает все? И не только это сделай с ним, но изгони его из всей страны; и ты увидишь, что он станет смеяться над этим как над детской игрою. Если бы тебя кто изгнал только из отечества, ты стал бы ужасно страдать и не перенес бы такого несчастья; а он, как собственник всей земли и моря, так легко и беспечально будет переходить с одного места на другое, как ты ходишь по своим полям, и даже еще легче; потому что тебе, хотя и можно ходить по своим полям, необходимо, однако же, проходить и по чужим, а он по всей земле пойдет, как по своей собственной. Питие ему везде доставляют в изобилии озера, и реки, и источники, а пища для него - овощи, травы и во многих местах хлебы. Не говорю еще тебе о том, что он презирает и всю землю, потому что город его - небо. И если должно будет ему умереть, он веселее примет смерть, чем вашу роскошь, и лучше пожелает умереть в таком состоянии, чем вы в отечестве и на постели; так что можно назвать странником, изгнанником и скитальцем, имеющего отечество и живущего в (своем) доме, а не его отрешившегося от всего этого. Даже изгнать его из отечества ты не можешь, пока не сгонишь со всей земли; пока так пусть будет сказано; а, говоря по правде, тогда именно и препроводишь его в отечество, когда сгонишь с земли. Но это еще не для тебя, не знающего ничего большего видимого. Не можешь ты представить его и нагим, пока он облечен одеждами добродетели; не изнуришь его голодом, доколе он знает истинную пищу. А богатые подвержены всему этому, так что и в этом отношении не ошибется тот, кто назовет их бедными и очень бедными, а тех действительно богатыми. Ибо кто может везде найти в изобилии и пищу, и питье, и жилище и отдых, и не только не тяготится, но даже веселее живет в этих обстоятельствах, чем вы в своих, - тот, очевидно, богаче всех вас богачей, которые всем этим можете пользоваться только дома. Оттого он никогда и не жалуется на бедность. Притом, такое богатство лучше не только по его изобилию и приятности, но и потому, что оно не истощимо, никогда не обращается в бедность, не подлежит неизвестности будущего, не причиняет забот и не поддается зависти, но пользуется удивлением, и похвалою, и всякою честью; тогда как у вас оказывается противное. Вас не только не хвалят за богатство, но многие даже ненавидят и отвращаются, завидуют вам и строят козни, он же, так как владеет истинным богатством, за это особенно и пользуется

удивлением, поэтому и не преследуется ни завистью, ни кознями. А кто крепче здоровьем? Не владеющий ли таким богатством, как пользующийся чистым воздухом, и здоровыми источниками, цветами и лугами и свежим благоуханием, цветет и крепнет, подобно полевым животным, а тот, как бы лежащий в грязи, не слабее ли и не больше ли расположен к болезням? Если же он имеет пред тем преимущество в здоровье, то, очевидно, и в удовольствии. Ибо кто, думаешь ты, больше наслаждается удовольствиями? Тот ли, кто покоится в высокой траве, у чистого источника, под тенью ветвистых деревьев, насыщает глаз созерцанием, имеет душу чище неба и находится вдали от шума и смятения, или тот, кто заключен в комнате? Мрамор, конечно, не чище воздуха, и тень от кровли не приятнее тени древесной, а пол каменный не лучше луга, - украшенного разными цветами. Свидетели этому вы, богачи, которые, если бы возможно было вам иметь на кровлях деревья и приятные луга, предпочли бы их золотой кровле и дивным стенам. Посему вы, когда является желание отдохнуть от множества трудов, оставляете эти (стены) и идете к тем (лугам). Но ты, может быть, скорбишь о той великой и важной славе, которой здесь совсем не видно? Сравнивая дворец с пустынею и тамошние надежды со здешними, ты думаешь, что сын твой упал с самого неба. Так наперед надобно узнать тебе, что ни пустыня не делает бесчестным, ни дворец - славным и знатным; и прежде, нежели приступим к умственным доказательствам, я рассею твое недоразумение примерами, не нашими, а вашими. Слыхал ты, конечно, о Дионисие сицилийском, слышал и о Платоне, сыне Аристоновом. Кто же из них, скажи мне, был знаменитее, кто воспевается и всегда вспоминается устами многих? Не философ ли преимущественно пред тираном? Между тем этот владел всею Сицилией, проводил время в роскоши и в течение всей жизни был окружен богатством, копьяносцами и прочим блеском, а тот проводил время в саду Академии, садил и поливал деревья, ел маслины, имел скудный стол и был чужд всего того блеска. И не столь удивительно еще это, как то, что он, и сделавшись рабом, и быв продан по воле тирана, не только не оказался вследствие этого бесславнее его, но и самому тирану показался за это достойным уважения. Такова добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и неизвестности и саму себя и исполняющих ее. А учитель его, Сократ? Насколько он был знаменитее Архелая? Между тем этот был царь и жил очень богато, а тот проводил время в Лицее, не имел ничего кроме одной одежды, в которой являлся зимою и летом и во все времена года, ходил всегда без обуви, по целому дню оставался без пищи, питался одним хлебом, который и заменял для него все блюда и кушанья, даже и этого пропитания не имел дома, а получал его от других, проживая в такой крайней бедности; однако же, был настолько знаменитее того царя, что и после многократных приглашений его к нему не хотел оставить Лицея и пойти к его богатству. Из господствующего ныне мнения о них видно и то, что было прежде: их имена известны многим, а тех (Дионисия и Архелая) - никому. Еще иной философ синопский (Диоген) настолько был богаче многих таких царей, - хотя и ходил в рубищах, - что (Александр) македонский сын Филиппа, когда вел войско против персов, оставив все, пошел посмотреть на него, и спрашивал, не нуждается ли он в чем и не прикажет ли чего; а тот отвечал, что ни в чем (не нуждается). Не довольно ли тебе примеров, или хочешь, чтобы мы напоминали и о других? Эти мужи сделались знаменитее не только знатных царедворцев, но и самого царя, избрав частную и мирную жизнь и не захотев даже приближаться к делам общественным. Но и в самом обществе гражданском увидишь прославившимися не тех, которые жили в богатстве, роскоши и изобилии, а тех, которые проводили жизнь в бедности, в простоте и скромности. У афинян - Аристид, которого, по смерти, похоронило на свой счет государство, был настолько знаменитее Алкивиада, отличавшегося и богатством, и происхождением, и роскошью, и силою слова, и да крепостью тела, и благородством, и всем другим, насколько дивный философ - какого-нибудь простого мальчика. У фивян - Епаминонд, человек, который, получив приглашение в собрание, не мог придти туда, потому что одежда его находилась в мытье, а другой для перемены он не имел, был знаменитее всех тамошних военачальников. Так не говори же

мне ни о пустыне, ни о дворце; слава и знатность не в местах, не в одеждах, не в сане и не во власти, но только в душевной доблести и любомудрии.

б. Но так как примеры не имеют (решающей) силы, то поведу речь о самом твоём сыне. Мы найдем, что он не только стал теперь знаменитее, но почтеннее, и потому самому, за что ты называешь его бесславным и униженным. Убедим его, если хочешь, сойти с горы и войти на площадь: и ты увидишь, что весь город обратится (к нему), и все станут указывать на него, удивляться ему и изумляться, как если бы ангел какой сошел с неба. Что же еще другое считаешь ты принадлежностью славы? Подлинно он будет знаменитее не только царедворцев, но и самого облакающегося в диадему, ради своих простых и изношенных одежд; потому что он не так изумлял бы всех, если бы носил золотую, или вернее пурпурную одежду, даже надевал на голову самый венец, сидел на шелковых коврах, ездил на мулах и был сопровождаем златоносными оруженосцами, как теперь, имея грязный и неопрятный вид, нося грубую одежду, шествуя без всяких спутников и без обуви. Ибо царские принадлежности установлены законами и стали обычными, и поэтому если бы кто стал с удивлением говорить о царе, что он одет в золотую одежду, то мы не только не удивимся, но и посмеемся этим словам, как не содержащим ничего необычного; но если о твоём сыне кто-нибудь, пришедши, скажет, что он, презрев отцовское богатство, отринув житейский блеск и став выше мирских надежд, удалился в пустыню и оделся в ветхую и худую одежду, то все тотчас сбегутся, и станут удивляться и восхвалять его за величие души. Притом, если цари подвергнутся многим нареканиям, золотые одежды нисколько не защитят их, тем более не возбудят удивления к ним; а он и одеждами своими подаст много поводов к удивлению. Таким образом, самая одежда более царской делает его видным и знаменитым, если за эту никто еще не удивлялся царю, а за ту все будут изумляться облеченному ею. А что мне, скажешь ты, пользы во мнении и похвалах толпы? Но слава и состоит не в другом чем, а в этом. Я не нуждаюсь в ней, скажешь ты, а ищущий власти и чести? Но восхваляющие, конечно, будут и почитать. Если же ты желаешь власти и начальствования, то и это не меньше, чем предыдущее, мы найдем преимущественно у здешних. Можно бы объяснить это и примерами, но, обращаясь к наиболее утешительному для тебя способу, поведем речь применительно не к кому-нибудь другому, а к самому твоему сыну. Что ты считаешь доказательством величайшей силы? Не то ли, чтобы быть в состоянии мстить причиняющим огорчение и вознаграждать делающих добро? Но такой силы вполне нельзя найти даже у царя; потому что и ему причиняют огорчение многие, которым он не может воздать тем же, и делают добро многие, которых ему не легко вознаградить. Так на войнах часто врагам, причинившим множество огорчений и зол, он желал бы отомстить, но не может; и друзьям, оказавшим там великие заслуги, не может воздать соразмерных наград, когда они, предвосхищенными прежде воздаяния, падают в самой войне. Что же, если мы покажем, что твой сын обладает иною силою, гораздо большею той, которою, как доказало наше слово, не пользуются и цари? Никто впрочем, пусть не думает, что мы говорим о благах небесных, в которые ты не веруешь; мы не забыли обещаний; но мы будем заимствовать доказательства из того, что бывает здесь. Если величайшая сила состоит в том, чтобы быть в состоянии мстить оскорбившим; то гораздо выше ее - достигнуть такого состояния жизни, в котором никто, хотя бы и захотел, не может оскорбить нас. Что такое (состояние) выше того, это будет нам ясно и очевидно, когда обратимся к другому примеру. Скажи мне, что лучше, быть ли столь искусным в военных делах, чтобы никто из ранивших нас не убежал не раненным, или приобрести такое тело, которого бы никто, сколько бы ни старался, не может поранить? Для всякого очевидно, что последнее - могущественнее и божественнее первого. И не только одно это, но есть и еще даже высшее (могущество). Какое же это? Знание лекарств, которыми вылечиваются все раны. Итак, из трех видов могущества, первого - чтобы быть в состоянии мстить обидевшим; второго, высшего - чтобы и лечить собственные раны, а это, конечно, не всегда следует за первым, и третьего - чтобы не быть оскорбляемым ни от кого из людей,

что конечно выше и природы человеческой, - сын твой, как мы доказали, обладает последним.

7. Для доказательства, что эти слова не пустой звук, мы в то самое время, как искали этого великого могущества, нашли другое, еще высшее и этого. Всякий может увидеть, что им (отшельникам) не только никто не может, но и не захочет сделать зло, так что сын твой вдвойне пользуется безопасностью. Что же может быть блаженнее такой жизни, в которой никто и не захочет, а если бы и захотел, то не сможет сделать зла - особенно, когда нехотение происходит не от бессилия, как бывает со многими, но от того, что нельзя найти никакой к тому причины? Если бы неделание зла зависело только от бессилия, то оно было бы не так важно: даже ненависть родилась бы у тех, которые хотели бы, но не могут сделать зло. А это состояние включает в себе не мало блаженства. Его мы, если угодно, и рассмотрим наперед. - Кто же скажи мне, захочет когда-нибудь причинить вред тому, у кого нет ничего общего с людьми, ни договоров, ни земли, ни денег, ни дел, ни чего-либо другого? За какое поместье станет спорить с ним, за каких рабов, за какую честь, по какому опасению, по какому оскорблению? Вредить другим побуждает нас либо зависть, либо страх, либо гнев. Но этот царственнейший человек выше всего. Кто позавидует тому, который смеется над всем тем, о чем другие бьются и хлопчут? Кто будет сердиться, не потерпев никакой обиды? Кто станет бояться, ничего не подозревая? Итак, ясно отсюда, что никто не захочет вредить ему; так же ясно и то, что не смогут, если и захотят; потому что нет ни случаев, ни поводов, почему бы кто напал на него; но как высоко парящий орел никогда не может быть уловлен сетью (расставленною) для воробьев, так точно и этот человек. Чем может кто повредить ему? Денег у него нет, чтобы угрожать ему потерю их; родины он не имеет, чтобы устрашать его ссылкой; славы он не ищет, чтобы обесславить его; остается одно - смерть; но ею в особенности никогда и не сможет огорчить его кто-либо, но еще принесет ему величайшую пользу, потому что поведет его к другой жизни, вожденной для него, для которой он все делает и трудится, и которая для него - прекращение трудов, не наказание, но избавление и отдохновение от подвигов. Хочешь ли узнать и другой вид его могущества, еще более свойственный любомудрию? Если кто сделает ему множество зла, ударит его или свяжет, то тело его естественно поражается, но душа по любомудрию остается невредимою; она не увлекается гневом, не уловляется ненавистью, не побеждается враждою. И это еще не так важно; гораздо удивительнее этого вот что: он любит сделавших ему столько зла, как благодетелей и покровителей, и молится, чтобы у них было всякое благо. Что равное этому дал бы ты ему, если бы тысячу раз сделал его царем вселенной и продолжил это царствование на тысячи лет? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннее это приобретение? Чего бы не дал иной, чтобы получить такую душу? Мне кажется, что и страстные плотоугодники пожелали бы такой жизни. Хочешь ли и с другой стороны видеть еще более дивное и приятнейшее могущество этого мужа, - со стороны, хотя не возвышенной, но для тебя особенно приятной? Из сказанного видно, что он не уловим и неуязвим; но не желаешь ли знать, что он еще может покровительствовать другим и доставлять им совершенную безопасность? Первый вид покровительства состоит в том, чтобы и других довести до той же доблести и таким образом сделать их крепкими; если же они не захотят этого, но станут проводить жизнь более человеческую и земную, то и в ней также ты увидишь его, не имеющего ничего, имеющим больше могущества, чем ты, богач, и главным образом именно потому, что он ничего не имеет. Кто с большею смелостью станет беседовать с царем и высказывать укоризны? Ты ли, владеющий столь многим и поэтому ответственный пред слугами его, опасющийся за все и представляющий ему тысячи случаев, если бы он, разгневавшись, захотел огорчить тебя, или тот, стоящий выше рук его? С царями беседовали с великою смелостью особенно те, которые удалились от всего житейского. Кому скорее уступит и окажет внимание человек сильный и обращающийся во дворце: тебе ли, богачу, которого он подозревает, что часто многое делаешь для денег, или тому, у кого одно только побуждение для распоряжений -

человеколюбие к другим? Кого он почитит и уважит: того ли, кого не может подозревать ни в чем низком, или того, кого считает ниже и слуг своих? Конечно, более слушаются этих (отшельников), ходатайствуют ли они о денежных выдачах, или о покровительстве.

8. Но, если хочешь, пусть он во всем успевает не чрез других, но сам собою: мы приведем какого-нибудь страдальца и к нему и к тебе, или лучше, не к тебе, а к самому царю, и посмотрим, кто более будет в силах помочь ему. Пусть первым подойдет пострадавший более всех других. Пусть будет это отец, имевший одного только сына и потерявший его во цвете возраста. Ему ни начальник, ни царь, ни другой кто не в состоянии будет помочь, равно как и ты; потому что не дашь ему ничего равного тому, что он потерял. А если ты приведешь его к твоему сыну, то он, прежде всего, ободрит его видом своим, одеждою и жилищем, и внушит ему считать за ничто все человеческое; а потом и словами легко рассеет облако. Из твоего же дома он вынесет еще больше печали; потому что, когда увидит он, что твой дом свободен от бедствий, исполнен великого благоденствия и имеет наследника, то будет еще более мучиться, тогда, как оттуда выйдет более спокойным и более любомудрым. Видя, что сын твой презрел такое имущество, такую славу и блеск, он будет не так сетовать об умершем; ибо как он будет сокрушаться о том, что у него нет наследника его имуществ, когда увидит, что другой презирает все это? И уроки любомудрия он легче выслушает от того, кто оправдывает их делами. Ты, как только осмелишься открыть уста, исполнишь его великого уныния, как философствующий о чужих бедствиях: а сын твой, поучая его делами, легко убедит, что смерть есть не больше, как сон; он не станет перечислять многих отцов, потерпевших то же, что и этот, но покажет, как сам он ежедневно при жизни в теле помышляет о смерти и всегда готов к ней, и, укрепив веру в учение о воскресении, таким образом, отпустит его с великим облегчением скорби; и его слова, подтверждаемые и делами, гораздо лучше и скорее могут успокоить страдальца, нежели соучастники в собраниях и пиршествах. Так он уврачует этого страдальца. Пусть будет приведен к нему, если хочешь и другой, от долговременной болезни лишившийся зрения. Чем ты можешь пособить такому? А твой сын, доказав, что в этом нет ничего страшного, тем, что сам заключился в малой келье, стремясь к иному свету и считая настоящее нисколько не важным в сравнении с тамошним, научит мужественно переносить несчастье. А обижаемым можешь ли ты внушить любомудрие? Нисколько; напротив, еще больше возмутишь, потому что мы обыкновенно яснее видим свои бедствия при благополучии ближних; сын же твой гораздо легче ободрит и этих. Не говорю уже о молитвенной помощи, которая важнее всего этого; не говорю потому, что моя речь теперь обращена к тебе. Если же ты хочешь, чтобы за сына почитали тебя и не презирали (вероятно, ты и этого желаешь), то не знаю, каким бы другим образом ты лучше достиг этого, чем имея сына, который стоит выше человеческой природы, является столь славным по всей вселенной и при такой славе не имеет ни одного врага. При том (мирском) могуществе, он был бы, хотя многими почитаем, но многими и ненавидим, а здесь все почитают его с удовольствием. Подлинно, если некоторые люди простые и низкого происхождения, сыновья поселян и ремесленников, приступив к этому любомудрию, сделались столь почтенными для всех, что никто из весьма знатных не стыдился входить в их жилище и разделять с ними беседу и трапезу, напротив чувствовали себя как бы получившими некоторые великие блага, что и на самом деле бывает; тем более они поступят так, когда увидят, что вступил в эту добродетельную жизнь человек знаменитого рода, блистательного состояния, имевший столько надежд. Таким образом, то, о чем ты более сетуешь, т. е., что он из мирской жизни перешел в (монашескую) это самое, больше всего и делает его знаменитым и всех побуждает смотреть на него не как на человека, но как на какого-нибудь ангела. Конечно, о нем не будут думать того, в чем подозревают других, будто, т. е. он избрал такой путь по честолюбию, по страсти к деньгам и по желанию сделаться из незнатного знатным. Если такие речи и о прочих ложны и суть "словеса лукавствия" "слова лукавые" (Псал. 140:4), то касательно твоего сына не могут внушить и подозрения.

9. Не думай, что это бывает только при благочестивых царях; но хотя бы и произошли перемены во власти и властители сделались неверующими, и тогда состояние сына твоего будет блистательнейшим. Наши дела не таковы, каковы у язычников, не мнениям властителей следуют, но держатся собственною силою, и тогда наиболее проявляются, когда подвергаются наибольшему нападению; так и воин, хотя бывает уважаем и в мирное время, однако более будет славен при наступлении войны. Таким образом, и при языческих властителях тебе будет столько же и даже больше чести. Ибо те, которые прежде уважали твоего сына, гораздо более станут поступать так, когда увидят его вступающим в борьбу, действующим с большею смелостью и представляющим много поводов к прославлению. Хочешь ли - мы рассмотрим и отношение его к тебе? Или излишне говорить об этом? Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великою властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца, а теперь он избрал такую жизнь, в которой он, хотя бы стал царственнее и царя, в отношении к тебе будет смиреннее всех. Таково наше любомудрие! Оно соединяет в одной душе качества, кажущиеся противоположными, смирение и высоту. Тогда по пристрастию к деньгам он, может быть, даже стал бы желать твой смерти; а теперь он молится, чтобы жизнь твоя продолжилась, так что и за это он удостоится блистательных венцов. Ибо не малая награда ожидает нас за почтение к родителям: нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3:7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. "Что можешь ты", говорится в Писании, "воздать им, как они тебе" (Сир.7:30)? Подумай же, в сколь превосходной степени может исполнить и эту добродетель тот, кто во всем прочем достиг верха совершенства. Если бы надобно было и умереть за твою голову, он не откажется, не только из уважения и угождения тебе по закону природы, но, прежде всего ради Бога, для которого он презрел вообще все прочее. Итак, если он теперь и почтеннее, и богаче, и могущественнее, и свободнее, и при таком величии духа, гораздо более послушен тебе, нежели прежде; то о чем, скажи мне, ты скорбишь? Не о том ли, что не беспокоишься каждый день, не пал бы он на войне, не прогневал бы царя, не подвергся бы ненависти соратников, как этого и еще большего боятся отцы детей, возвысившихся пред другими? Как поставившие дитя на каком-нибудь высоком месте невольно беспокоятся, как бы оно не упало: так и возводящие сыновей на высоту власти. - Но имеет некоторую приятность пояс, и плащ, и голос глашатая. На сколько же это дней, скажи мне? На тридцать, на сто, или вдвое больше? А что потом? Не пройдет ли все это, как сновидение, как басня, как тень? А теперь достоинства чести у сына твоего останутся до конца, даже по смерти, и тогда - еще больше; и этой власти никто не отнимет у него, потому что он возведен на нее не людьми, а самую добродетелью. Но ты хотел бы видеть его носящим дорогие одежды, разъезжающим на коне, имеющим множество слуг, кормящим тунеядцев и льстецов? Зачем тебе хотелось бы этого? Не затем ли, чтобы чрез все это доставить ему удовольствие? Но если ты услышишь из уст его самого (нам, может быть, ты не поверишь), что свою жизнь он считает настолько приятнейшею жизни людей, пристрастных к роскоши, распутству, музыке, тунеядцам и льстецам, и прочей суете, что предпочел бы тысячу смертей, если бы кто приказал ему, оставив первую приятную жизнь, перейти к последней: что скажешь ты на это? Или ты не знаешь, как приятна жизнь, чуждая забот? Может быть, и никто другой из людей не знает, еще не вкусив ее в ее чистоте. Если же присоединится еще знаменитость, и сойдутся вместе эти неудобосовместимые блага - безопасность и слава: то что может быть лучше такой жизни? - Но для чего, скажешь, ты говоришь это мне, стоящему далеко от любомудрия? - А для чего ты препятствуешь и сыну приблизиться к нему? Довольно, если этот недостаток останется при тебе. Не считаешь ли ты величайшим недостатком то, когда вы, не приобретши ничего доброго в первом возрасте, по достижении крайней старости ропщете на старость? - Но потому, скажешь, мы и ропщем на нее, что юность доставляла

нам великие блага. - Какие великие блага? Укажи старца, у которого были бы эти великие блага. Если бы они были у него и оставались в действительности, то он не скорбел бы так, как бы не имеющий ничего такого. Если же они исчезли и пропали, то какие же они великие блага, исчезнув так скоро? Но сын твой не испытает этого; и, если достигнет глубокой старости, ты не увидишь его огорченным подобно вам, но веселящимся, радующимся и восхищающимся, потому что у него тогда еще более будут процветать блага. Ваше богатство, хате бы доставляло множество благ, доставляет их только в первом возрасте; а его богатство не таково, но остается и в старости, сопутствует и по смерти. Поэтому вы, видя в старости, что ваше имущество умножается и вам представляется много средств к славе и роскоши, скорбите, потому что ваш возраст уже неспособен к наслаждению ими; поэтому и пред смертью вы трепещете и называете себя самыми несчастными особенно тогда, когда благоденствуете. Он же тогда особенно успокоится, когда состарится, так как скоро достигнет пристани и получит юность, всегда цветущую и никогда не склоняющуюся к старости. А ты хотел бы, чтобы сын твой наслаждался такими удовольствиями, в которых он тысячекратно раскаивался бы и скорбел, достигнув старости? Но да не наслаждаются ими никогда и враги ваши! Что я говорю о старости? - Эти удовольствия исчезают в один день, а лучше сказать, не в день и не в час, но в краткое и неприметное мгновение. Ибо в чем состоят эти удовольствия? Не в том ли, чтобы чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям валяясь в грязи?

10. Впрочем, теперь еще не об этом; рассмотрим сначала эти удовольствия, не пусты ли они и ничтожны, и, если угодно, наперед рассмотрим то, которое кажется более других приятным - наслаждение пищею. Покажи мне продолжительность его, сколько времени в день оно может занимать вас? Столько, что и приметить хорошо нельзя. Ибо как только кто насытился, то и лишился удовольствия, и даже прежде пресыщения оно проходит быстрее потока, исчезает в самой гортани и не способно идти далее вместе с пищею; потому что, лишь только пройдет чрез язык, уже и теряют сладость. Умалчиваю от прочих бед и о том, какое расстройство бывает от пресыщения. Не пресытившийся не только бывает веселее, но и легче, и отдыхать будет лучше того, кто едва не расселся от пресыщения: "здоровый сон бывает", говорится в Писании, "при умеренности желудка" (Сир.31:22). Нужно ли говорить о болезнях, неприятностях, несчастных случайностях и напрасных издержках? Сколько от этих пиров возникает ссор, сколько козней, сколько обид? - А приятное обращение с развратными женщинами? Какое же может быть удовольствие в этом позоре? Впрочем, не будем пока говорить здесь ни об этом, ни о спорах любовников, ни о ссорах между соперниками и нареканиях. Положим, что кто-нибудь свободно наслаждается этою похотью, и не имеет соперника, и не пренебрегается возлюбленною; сыплет деньги как бы из источников; - хотя и никогда невозможно всему этому сойтись вместе, но необходимо не желающему иметь соперника растратить все свое состояние, чтобы превзойти щедростью всех других, а не желающему обеднеть, быть презренным и отвергнутым блудницею, - пусть, однако, не будет ничего этого, но все делается по его желанию: где же можешь ты показать нам удовольствие от этого? Его не оказывается даже во время самого удовлетворения похоти; удовлетворивший похоть уже лишился удовольствия и удовлетворяющий похоти находится не в удовольствии, но в смущении и беспокойстве, в возбуждении и безумии и в великом смятении и расстройстве. Не таково наше наслаждение, нет, оно навсегда оставляет душу невозмутимую, не причиняет ей никакого смятения и волнения, но доставляет радость, чистую и непорочную, достославную и бесконечную, - такую, которая гораздо сильнее и живее вашей. Наше наслаждение приятнее и потому, что ваше может быть уничтожено страхом; ибо, если бы царь издал указ, угрожающий за это удовольствие смертью, то большая часть людей отказалась бы от него; что же до нашего (наслаждения), то, хотя бы кто угрожал тысячью смертей, не только не убедит нас пренебрегать им, но скорее сам будет осмеян; настолько оно сильнее и приятнее вашего, и даже не допускает сравнения

с ним. Не гневайся же на сына за то, что он от скоротечных или вернее недействительных благ перешел к действительным и постоянным; не плачь о нем, достойном быть убажваемым, но о том, кто не таков и кружится в настоящей жизни, как бы в Еврипе [4]. А главное вот что: ты - неверующий и язычник; прими же хотя это слово. Ты, конечно, слышал о реках Кокитах и Пирифлегфонтах, о воде Стикса и о тартаре, столько отстоящем от земли, сколько она от неба, и о многих видах наказаний. Хотя эллины, руководствовавшиеся своими умствованиями и нашими искаженными преданиями, и не могли по-истине сказать об этом, как оно есть: однако, они получили некоторое образное представление о суде; и ты найдешь, что и поэты, и философы, и ораторы, и все философствовали об этих предметах. Ты слышал также о Елисейском поле, и об островах блаженных, о лугах и миртах, о нежном ветре и великом благоухании, о хорах там обитающих и одетых в белую одежду, ликующих и воспевающих некоторые гимны, и вообще об ожидающем добрых и злых воздаянии по отшествии отсюда. Как же, ты думаешь, живут с такими мнениями добрые и недобрые? Одних, когда они думают об этом, хотя бы у них настоящая жизнь протекала беспечально и в великом удовольствии, не преследует ли, как бы какой бич, совесть и ожидание имеющих постигнуть их страданий; а добрые, хотя бы терпели тысячи зол, не питают ли, по словам Пиндара, целительной надежды, которая не дает им ощущать настоящих бедствий? Таким образом, и от этого у последних бывает больше удовольствия. Ибо гораздо лучше, начав временными трудами, закончить бесконечным успокоением, нежели, вкусив за краткое время мнимых приятностей, наконец, впасть в самые горькие и тяжкие бедствия. А когда при этом еще несомненно, что такая жизнь и здесь приятнее, то не должно ли теперь делать то, о чем я сказал вначале, жалеть тех, которые оплакивают такие блага? Подлинно, сын твой достоин не слез, но рукоплесканий и венцов, как пришедший к безмятежной жизни и в тихую пристань. - Но тебя порицают многие отцы, которых дети кружатся в настоящей жизни; другие, смотря на тебя, плачут, а иные смеются над тобою? Почему же ты еще больше не смеешься над ними и не плачешь? Мы должны смотреть не на то, смеются ли над нами, а хорошо ли и справедливо ли это делают; если так, то хотя бы и не смеялись, мы должны плакать; если же делают это несправедливо, то, хотя бы все смеялись, мы должны убаживать себя, а их оплакивать, как самых несчастных и ничем не отличающихся от безумных. Ибо смеяться над тем, что достойно великих похвал и венцов, свойственно безумным и больным подобно им. Не счел бы ты насмешкой, скажи мне, если бы тебя все стали хвалить, превозносить и называть блаженным за то, что сын твой пристрастился к безумному занятию плясунов и наездников? А что, если бы они стали смеяться и порицать его, когда бы он делал что-либо благородное и достойное похвал, не назвал бы ты их безумными? Так поступим и теперь: предоставим приговор о твоём сыне не мнению толпы, но тщательному обсуждению дела; и ты увидишь, что эти насмешники - отцы скорее рабов, а не свободных, если сравнить их детей с твоим сыном. Теперь ты, омрачаемый скорбью, не можешь вникнуть в это; когда же немного успокоишься, и сын твой окажет великую добродетель, ты уже не будешь нуждаться в наших словах, но сам станешь другим говорить это и еще больше этого. Предсказываю тебе это не без основания, но по опыту. У меня был друг, имевший отца неверующего, богатого, уважаемого и во всех отношениях знаменитого. Этот отец сперва действовал чрез начальников, и грозил узами и, отняв у сына все, оставил его на чужой земле и без необходимой пищи, чтобы таким образом заставить его - возвратиться к мирской жизни; но когда увидел, что сын ничему этому не уступает, то, побежденный, запел иную песню; и теперь почитает и уважает сына более чем (своего) отца, и хотя имеет много и других детей почтенных, но говорит о них, что они негодны даже и в слуги тому, и сам чрез того сына сделался гораздо знаменитее. Это мы увидим и на твоём сыне; и что я не лгу, ты хорошо узнаешь на самом деле. Поэтому я смолкну, наконец, и только попрошу тебя, подожди один год или еще меньше времени, - для нашей добродетели не нужно много дней, потому что она возвращается божественною благодатью, - и ты увидишь, что все сказанное исполняется на самом деле, и не только похвалишь то, что уже сделано, но, если

пожелаешь, хотя немного возвыситься, скоро и сам сделаешься подражателем ему, имея в сыне учителя добродетели.

[1] О чем, т.е. сказано в конце первого слова.

[2] Посвятить себя монашеской жизни.

[3] В разговоре философа Платона: Критон, р. 45.

[4] Еврип - бурный пролив у о. Еввеи.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

Необходимо заботиться о спасении ближнего. – Небрежение о детях есть зло. – Законы о воспитании детей даны от Бога. – Добродетель зависит от внутреннего расположения. – Различные степени спасения. – Развращение нравов. – Необходимость строгого любомудрия. – Необходимость законов и наказаний в государстве. – Жизнь иноков уподобляется ангельской. – Зло нечестия в соединении с красноречием. – Слова Сократа у Платона в начале его апологии. – Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. – История юноши, наставляемого монахом. – Превосходство иноческой жизни над мирской. Одинаковость правил для монаха и мирян. – Мирянам труднее спастись. – Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. – Раздающий деньги более истинный владелец их, чем тот, кто скопляет их. – Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. – Польза временного пребывания юношей в монастыре. – История Анны и Самуила. – Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

НАУЧИМ теперь и верующего отца, что не должно враждовать против тех, которые привлекают сына его к богоугодному. Конечно, можно опасаться, чтобы и это слово наше не оказалось излишним и не вышло противное тому, о чем я говорил прежде. Тогда я сказал, что закон борьбы не принуждает меня вступать против язычника, но что апостол Павел оставил нас свободными от состязания со внешними, повелев судить только внутренних (1 Кор.5:12). А теперь, как кажется, мы не обязаны и к этим прениям: если и прежде казалось постыдным беседовать об этом с христианином, тем более теперь. Ибо как не стыдно будет верующему нуждаться в увещании касательно того, в чем и неверующий ничего не может сказать против нас? Что же? Ужели мы, поэтому замолчим и ничего не скажем? Нет. Если бы кто-нибудь поручился за будущее и сделал для нас очевидным, что впредь никто не отважится на это, тогда следовало бы и нам успокоиться и предать прошедшее забвению; но так как мы не имеем ни одного достоверного поручителя в этом, то необходимо и словесное увещание. Если оно найдет страждущих такую болезнью, то сделает свое; а если никто не впадет в эту немощь, то желаемое нами исполнись. И врачам, по изготовлении лекарств для больных, следует желать, чтобы больному не было и нужды в них: так и мы молимся, чтобы никому из наших братьев не было нужды в этом увещании; если же она случится, - чего да не будет, - то, по пословице, не избежать им второго плаванья. - Итак, представим себе и верующего таким же, каков неверующий, подобным ему во всем, кроме понятия о Боге; пусть он и плачет также, и валяется у всех в ногах, и указывает на свои седины, и на старость, и на одиночество; пусть говорит все то же и, сколько хочет, возбуждает гнев в судьях. Впрочем, с ним суд у нас уже не пред людьми, потому что он слышал все, что у нас мужи, исполненные Духа

Божия, любомудрствовали о страшном и ужасном судилище по отшествии отсюда. И, прежде всего прочего ему должно напомнить о том дне, об огне текущем рекою, о пламени никогда не угасающем, о меркнущих лучах (солнца), о скрывающейся луне, о ниспадающих звездах, о свивающихся небесах, о колеблющихся силах (небесных), о потрясаемой со всех сторон и мятущейся земле, о страшном и непрерывном звуке труб, об ангелах, проходящих по вселенной, о тысячах предстоящих, о тьмах служащих, о грядущих с самим Судиею воинствах, о сияющем пред Ним знамении, о поставляемом престоле, о раскрываемых книгах, о неприступной славе, о страшном и ужасном гласе Судии, одних посылающего в огонь, уготованный диаволу и ангелам его, а для других затворяющего двери и после их великого подвига девства; одним из слуг Своих повелевающего связать плевелы и ввергнуть в пещь, а другим - сковать некоторым ноги и связать руки, отвести их во тьму кромешную и предать мучительному скрежету зубов; предающего тягчайшему и жесточайшему наказанию - одного за бесстыдные только взгляды, другого за неуместный смех, иного за то, что без исследования осудил ближнего, а другого и за то, что злословил (ближнего); а что и за это положено наказание, можно слышать от самого Судии, имеющего совершить наказание, в Его словах и угрозах. К этому Судии необходимо всем нам отойти отсюда и увидеть тот день, в который будет открыто и обнаружено все, т. е., не только дела и слова, но и самые помышления.

2. Тогда мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется мало важным; ибо Судия с одинаковою строгостью требует от нас (попечения о) спасении нашем и наших ближних. Посему Павел везде убеждает, чтобы "никто" не искал "своего, но каждый [пользы] другого" (1Кор.10:24); посему он и Коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (1 Кор.5:1, 2); и в послании к Галатам говорит: "братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового" (Гал.6:1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и Фессалоникийцев, говоря: "посему увещивайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете" (1Фесс.5:11); и еще: "вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых" (1Фесс.5:14). Дабы кто-нибудь не сказал: „что мне заботиться еще о других? - погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается; это несколько меня не касается; мне велено смотреть за собою", - дабы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (Римл.15:1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великою силою, когда говорит, что нерадящие о спасении братий грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (1 Кор.8:12). И это говорит он не от себя, но по наставлению Учителя. Ибо и Единородный (Сын) Божий, желая внушить, как обязателен этот долг, и что не желающих исполнять его ожидают великие бедствия, сказал: "а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской" (Матф.18:6). И принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о спасении ближних. Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в геенскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога; то опустивший гораздо важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) - не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но - и многим другим. Посему и Павел называет верующих "светилами" (Филип.2:15), выражая, что они должны быть полезны и другим,

ибо светило не было бы и светилом, доколе освещало бы только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: "если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного" (1Тим.5:8). Что же он хочет здесь означить словом: "не печется"? Доставка ли необходимого? Я думаю, что он понимает попечение о душе: если же ты не согласишься, то тогда мое мнение будет еще более твердым. Ибо если он говорит это о теле, предаст такому наказанию и называет худшим язычников не подающего этой ежедневной пищи; то где будет место тому, кто небрежет о важнейшем, о необходимейшем?

3. Рассудим же теперь о важности нашего греха и, восходя мало-помалу, покажем, что нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия. Так, первая степень порочности, нечестия и жестокости - есть небрежение о друзьях. Впрочем, сведем слово еще ниже; не знаю, как это я едва не забыл, что прежний закон, данный иудеям, не позволяет пренебрегать и скотами врагов - или упавшими, или заблудившимися, но повелевает этих привести, а тех поднять (Исх.23:4, 5). Итак, первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости - оставлять без внимания рабочий и домашний скот врагов, когда он страждет; а вторая за ней высшая - не радеть о самих врагах; потому что насколько человек превосходнее бессловесного, настолько этот грех больше того; третья за этою (степень) - презирать братьев, хотя бы они были и незнакомые; четвертая - не радеть о домашних; пятая - когда небрежем не только об их теле, но и о погибающей душе; шестая, - когда беспечно смотрим на гибель не только домашних, но и детей наших; седьмая - когда не ищем и других, кто бы о них позаботился, восьмая - когда и тем, которые сами собою хотят это делать, препятствуем и запрещаем; девятая - когда не только препятствуем, но и восстаем против них. Таким образом, если наказание постигнет первую, вторую и третью степень этой порочности, то какой огонь будет следовать превзошедшей все прочие, вашей, именно девятой степени? Даже можно безошибочно назвать ее не только девятою, или десятою, но и одиннадцатою. Почему? Потому, что этот грех не только по существу своему гораздо важнее прежде исчисленных, но и по времени более тяжел. Что же значит это по времени? То, что если мы теперь будем совершать грехи одинаковые с подзаконными, то подвергнемся не одинаковым наказаниям, но гораздо тягчайшим, насколько больший мы получили дар, совершеннейшее приняли учение и большею почтены честью. Итак, если этот грех так тяжок и по существу и по времени, подумай, какое пламя низведет он наголову дерзающих совершить его? И что я так рассуждаю не без основания, докажу это действительным событием, дабы вы знали, что, хотя бы у нас все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанию, если не радеем о спасении детей. Расскажу вам не своими словами, но содержащимися в божественном Писании. Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий; имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее - он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любодееяния и чревоугодии. Они, говорится (в Писании), ели священные мяса прежде их освящения и прежде возношения жертвы Богу (1 Цар.2:15,16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия, и постоянно говорил им такие слова: "нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу: вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем" (1Цар.2:24,25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказывать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение.

Послушай, что Бог говорит ему, или вернее - уже не ему, потому что его Он признал уже недостойным ответа; но, как тяжко провинившемуся рабу, дает ему знать об угрожающих ему бедствиях через другого. Таков был тогда гнев Божий! Послушай же, что говорит (Бог) об учителе его ученику; потому что лучше хотел говорить о его бедствиях и ученику, и другому пророку, и всем, нежели ему, - так окончательно отвратился от него! Что же Он говорит Самуилу? (Илий) "знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их" (1Цар.3:13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы, хотя печемся о детях, но не столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Сказав о преступлении, (Господь) с великим гневом налагает и наказание: "посему клянусь", говорит Он, "дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек" (1Цар.3:14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачевства, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из самых обстоятельств угрожавшего ему несчастья. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: „разве я властен в чужой воле? - за свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны". Ничего такого он и не сказал и не подумал, но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: "Он - Господь; что Ему угодно, то да сотворит" (1Цар.3:18). И не отсюда только, но и из другого случая можно увидеть доблесть его. Когда во время постигшей иудеев войны, некто пришел и рассказал о несчастьях на этой войне, и о том, как дети его постыдно и бедственно пали в сражении, он выслушал это спокойно; когда же тот к (вести об) этом поражении присовокупил (весть) о взятии врагами кивота, тогда помрачившийся от скорби старец "упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер; ибо он [был] стар и тяжел. Был же он судьей Израиля сорок лет" (1Цар.4:18). Если же священника, - престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, - жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его; то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара? Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных; а вы поработаете самую душу, и, связав ее как какую-нибудь пленницу, передаете, таким образом, лукавым и свирепым демонам и их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете (детям) ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия не радевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжкое, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни, и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастья, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: "не радуйся о сыновьях нечестивых, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь" (Сир.16:1,2); ты зарыдаешь плачем преждевременным, и неожиданно узнаешь об их гибели. Итак,

многие, как я сказал, потерпели много подобного, если же некоторые и избегли, то не до конца избегнут, но - на зло своей голове, потому что понесут жесточайшее наказание по отшествию отсюда. Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но, чтобы и этого не случилось, и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, чрез них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что, если они здесь и не потерпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда. Не будем же бесчувственными оттого, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания, как было с Илией, потому что теперь не время пророков, впрочем, Он посылает их и теперь. Откуда это известно нам? "У них есть", говорит (Господь), "Моисей и пророки" (Лук.16:29). Сказанное древним сказано также и нам; и Бог говорит не одному Илию, но, через него и его страдания, всем, подобно ему согрешающим. Бог нелицеприятен, и если Он так истребил со всем домом менее виновного, то не оставит без наказания совершивших более тяжкие преступления.

4. Нельзя сказать и того, будто у Него немного попечения об этом деле: нет, он имеет великое промышление о воспитании детей. Для того Он и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. А впоследствии в своих изречениях Он преподал нам и законы касательно попечения о них, и, учреждая праздники, повелел объяснять детям причину (установления) их. Так, сказав о пасхе, Он присовокупил: "и объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта" (Исх.13:8). То же самое делает Он и в законе, потому что, сказав о перворожденных, опять присовокупляет: "и когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства; ибо когда фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской, от первенца человеческого до первенца из скота, - посему я приношу в жертву Господу все, разверзающее ложесна, мужского пола" (Исх.13:14,15). Всем этим он внушает вести детей к богопознанию. И самим детям он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей. Так, когда кто сделает нас властными над кем-либо, то этою честью он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем; потому что и без всего другого это одно, что вся судьба того человека находится в наших руках, достаточно для нашего предостережения, и мы несомненно решили бы покинуть того, кто вверен нам; если же он потом станет еще гневаться и негодовать более самих обижаемых и являться строгим карателем, то этим еще более побудит нас (к исполнению долга). То же сделал и Бог. К этим побуждениям Он прибавил еще третье, состоящее в природной связи, а если хочешь, то-первое. Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторгалась, Он оградил ее наказаниями и от Себя и от самих родителей, таким образом, и детей весьма строго подчиняя (родителям), и в родителях возбуждая любовь (к детям). И не этим только, но и другим еще, четвертым, способом Бог крепко и тесно связал нас с ними. Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволяет, но точно так же поступает и с родителями, тяжело наказывая нерадеющих о детях, а попечительных удостоивая почестей и похвал. Так и того старца (Илия), в других отношениях знаменитого, Он наказал за одно только нерадение (о детях); а патриарха (Авраама) награждал за его попечительность не менее, как и за другие (добродетели). Сказав о многих и великих дарах, которые обещал дать ему, и, приводя причину, Он указал на эту его (добродетель): "ибо Я избрал", говорит, "его (Авраама) для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя

правду и суд" (Быт.18:19). Это сказано мною теперь для того, чтобы мы знали, что Бог не будет снисходительно переносить нерадение о тех, о которых сам Он столько печется. Ибо не возможно, чтобы один и тот же (Бог) и столько делал Сам для спасения (детей), и оставлял без внимания нерадение о них (со стороны родителей). Так, Он не оставит этого без внимания, но будет сильно негодовать и гневаться, как и оказалось на самом деле. Посему и блаженный Павел, настоятельно убеждая, говорить: "отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем" (Еф.6:4). Если мы имеем повеление неусыпно заботиться о душах их, "как обязанные дать отчет" (Евр.13:17), тем более - отец, который родил сына, воспитал и постоянно живет с ним. Как не может он прибегать к извинению и оправданию в своих собственных грехах, так точно и в проступках детей. И это также ясно выразил блаженный Павел. Заповедуя, каковыми должны быть принимающие начальство над другими, он, вместе со всеми другими необходимыми для них качествами, требует и попечительности о детях, так что нет нам извинения, когда дети у нас развратны (1 Тим.3:4, 5). И совершенно справедливо! Потому что, если бы порочность в людях была от природы, то иной имел бы право прибегать к извинению; но так как мы бываем и худы, и хороши по свободной воле, то какое благовидное оправдание может представить допущивший до развращения и порочности (сына) любимого им больше всего? То ли, что не хотел сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого; потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что не мог? Но и этого нельзя сказать; потому что многое - и то, что он взял сына (на свое попечение) еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному только вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, - делает для него воспитание (сына) легким и очень удобным. Таким образом, развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже не радуют о детях с их душою. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то и другую вместе ввергают в огонь гееннский; той смерти подвергнутся неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избежать, если бы не довела до неё беспечность отцов. Притом смерть телесную сможет уничтожить воскресение, как скоро наступит оно, а погибели души ничто уже не вознаградит; за нею следует уже не спасение, а необходимость вечно страдать. Следовательно, мы не несправедливо сказали бы, что такие отцы хуже детоубийц. Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу; потому что ничего равного ей нет у нас.

5. Что же, скажут, неужели живущему в городе и имеющему дом и жену невозможно спастись? Конечно не один способ спасения, но их много и они разнообразны. Об этом, хотя неопределенно, говорит и Христос, возвещая, что "в доме Отца Моего обителей много" (Иоан.14:2); а с некоторою определенностью говорит Павел, когда пишет так: "иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе" (1Кор.15:41). Смысл слов его такой: одни будут сиять, как солнце, другие, как луна, а иные, как звезды. И на этом различии он не остановился, но между самыми звездами показывает великую разность, - такую, какой естественно быть при таком множестве их: "звезда", говорит, "от звезды разнится в славе. Представь же, переходя от великого солнца до последней из всех звезд, сколько можно пройти степеней достоинства. Поэтому, не странно ли, что ты, если ведешь сына в царский дворец, то и сам делаешь и терпишь все, и его убеждаешь к тому же, чтобы сделать его близким к царю, и не обращаешь внимания решительно ни на что, ни на издержки, ни на опасность, ни на самую смерть; а когда предлагается нам подумать о воинстве небесном, то не скорбишь, если (сын твой) получит там последнее место и станет ниже всех? Впрочем, если угодно, посмотрим еще и на то, возможно ли возвращающемуся в мире получить и это место. Блаженный Павел изъяснил это кратко, сказав, что имеющие жен могут спастись не иначе,

как только, если они будут иметь их так, как не имеющие (1 Кор.7:29), и не станут злоупотреблять миром (ст. 31). А мы, если хочешь, распространим речь об этом. Итак, можешь ли ты сказать, что сын твой или во время совещания с тобою слышал, или сам узнал когда-нибудь, что клянущийся, хотя бы клялся не ложно, оскорбляет Бога? Также, что злопамятному спастись невозможно? Ибо "пути", говорится (в Писании), "злопамятных к смерти"(Прит.12:28). Или, - что злоречивого Бог так посрамляет, что даже устраняет его от чтения слова Божия? Также, - что гордого и дерзкого Он низвергает с неба и придает гееннскому огню? Или, - что взирающего (на жену) нецеломудренными очами наказывает, как действительного прелюбодея? А столь обыкновенного у всех греха - осуждения ближних, навлекающего на нас тягчайшее наказание, убеждал ли ты когда-нибудь (сына) избегать этого греха и читал ли ему Христовы заповеди об этом? Или и сам ты не знаешь, что есть такие заповеди? Как же сын будет в состоянии исполнять то, заповедей о чем не знает и сам отец, который должен бы научить его? И, о, если бы было только это зло, что вы не советуете детям ничего полезного; оно не было бы так велико! Но теперь вы увлекаете их еще к противоположному. В самом деле, когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: „такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшийся в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит". Другой говорит: "такой-то, изучив италийский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается". Иной опять указывает на другого, и все - на прославившихся на земле: а о небесном никто ни разу не вспоминает; если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстроивает.

б. Итак, вы, когда напеваете это детям с самого начала, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть, корыстолюбие, и еще более порочную страсть - суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все; а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодную и неспособною ни к чему доброму. Это могут засвидетельствовать нам изречения и внешних писателей: так из этих страстей одну, не соединенную с другою, но саму по себе один назвал верхом, а другой главою зол. Если же одно (корыстолюбие) в отдельности есть верх и глава (зол) то, когда оно соединится с другим гораздо жесточайшим и сильнейшим, т. е. с безумным тщеславием, и вместе с ним вторгается в душу юноши, укоренится в ней и овладеет ею; то кто после в состоянии будет истребить эту болезнь, особенно когда и отцы и делают и говорят все, чтобы не ослабить эти злые растения, но еще укрепить их? Кто так неразумен, что не потеряет надежды на спасение воспитываемого таким образом сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная в противоположном направлении, избегла порочности; когда же наградою за все считаются деньги и для соревнования предлагаются люди порочные, тогда какая надежна на спасение? Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол. Достоверный свидетель этого блаженный Павел, сказавший, что сребролюбие есть корень всякого зла в жизни (1 Тим.6:10), и прежде него то же изъяснил Христос, возвещая, что поработанный этой страсти не может служить Богу (Матф.6:24). Итак, если юноша будет увлечен в это рабство с самого начала, то когда он будет в состоянии сделаться свободным, как может избавиться от потопления, если все толкают его, все погружают и усиленно подвергают необходимости потонуть? Если бы без всякого препятствия, если бы при помощи многих, подающих ему руку, он мог подняться, осмотреться и смыть с себя пену порочности, не было ли бы это вождевлено? Не надлежало ли бы хвалить его и тысячекратно украшать венцом и тогда, если бы он, долговременно слушая божественные песнопения, был в состоянии изгнать из себя вторгшиеся недуги? Привычка сильна, способна одолевать и

увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие, а та (добродетель), к которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требует от нас много трудов. Поэтому и Бог, когда надлежало потомкам евреев оставить старую привычку к злу, т. е. египетскую, взяв их одних в пустыню и удалив от развратителей сколько можно далее, исправлял души их в пустыне, как бы в каком монастыре, употребляя все способы врачевания, и более тяжелые и более приятные, и не опуская совершенно ничего, что только могло послужить к их исцелению. Однако и при этом они не избегли порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое зло - привычка. Так иудеи, пользовавшиеся таким попечением Божиим, имевшие такого превосходного и доблестного вождя, вразумляемые и страхом, и угрозами, и благодеяниями, и наказаниями, и всяким образом, и видевшие столько чудес, не сделались лучшими: как же, думаешь ты, сын твой в состоянии будет избежать сетей диавола, будучи молод, вращаясь среди Египта, или лучше среди диавольского воинства, не слыша ни от кого ни одного полезного совета и видя, что все, а больше всех родители и воспитатели, ведут его к противоположному? Как? При помощи ли твоих увещаний? Но ты внушаешь ему противоположное и, не позволяя ему вспомнить о любомудрии даже во сне, напротив постоянно занимая его настоящею жизнью и относящимся к ней, еще более содействуешь его потоплению. Или сам собою? Нет, юноша сам по себе недостаточно силен к подвигам добродетели, а если бы и произвел что-либо доблестное, то оно скоро, прежде, нежели возрастет, заглохнет от наводнения слов твоих. Как тело не может прожить даже малое время, если питается не здоровою, но вредною пищею; так и душа, получая такие внушения, не может никогда помыслить о чем-либо доблестном и великом; но, подвергаясь такому расстройству и расслаблению, постоянно объемлясь порочностью как бы какою заразою, она, наконец, неизбежно низвергнется в геенну и там погибнет.

7. Если же скажешь, что это не так, но что и живущему в мире можно совершать все добродетели, если, не шутя, а обдуманно и действительно будешь говорить это, то не поленись объяснить нам это новое и странное учение, потому что и мне не хотелось бы утруждаться напрасно и подвергать себя таким лишениям. Впрочем, я не могу принять такого учения, и вы сами виной тому, потому что и словами и делами своими противоречите этому мнению и учите противоположному; вы, как будто нарочито стараясь погубить детей, позволяете им делать все то, делая что невозможно спастись. Взгляни несколько повыше. "Горе вам", сказано (в Писании), "смеющиеся ныне" (Лук.6:25); а вы подаете детям множество поводов к смеху. "Горе вам, богатые" (ст. 24); а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбогатели. "Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо" (ст. 26); а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: поносящий брата своего "подлежит геенне огненной" (Матф.5:22); а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других. Христос повелевает воздерживаться от ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно причиняет вред (ст. 29); а вы с теми особенно и вступаете в дружбу, кто может дать денег, хотя бы учил крайнему разврату. Он не позволил отвергать жену, кроме одной только вины - прелюбодеяния (ст. 32); а вы, когда можно получить деньги, позволяете пренебрегать и этою заповедью. Клятву Он запретил совершенно (ст. 34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это соблюдается. "Любящий душу свою", говорит (Господь), "погубит ее" (Иоан.12:25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. "А если не будете прощать людям", говорит Он, "согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (Матф.6:15); а вы даже укоряете детей, когда они не хотят мстить обидевшим и стараетесь скорее доставить им возможность сделать это. Христос сказал, что любящие славу, постыятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы (Матф.6:1); а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дети достигли ее. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, достаточны для приготовления тысячи геенн? А вы, собрав их все вместе и возложив (на детей) эту

невыносимую тяжесть грехов, с нею ведете их в огненную реку; как же они могут спастись, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете (детям) противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолюбие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями, скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих (добродетелей и пороков), не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями не мало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное. Так, если бы кто бесчестную женщину и развратного юношу назвал по этому постыднейшему пороку, тот сделался бы непримиримым врагом (их), как будто нанесший величайшую обиду. И не только эти люди, но сребролюбец, и пьяница, и гордец, и вообще все, преданные тяжким порокам, как всякий знает, поражаются и оскорбляются не столько самым делом и мнением людским, сколько названием по своим делам. Я знаю много и таких, которые этим способом были образумлены, и от резких слов сделались более скромными. А вы отняли (у детей) и это врачевство и, что еще тяжелее, преподаете им недоброе внушение не только словами, но и делами: строите великолепные дома, покупаете дорогие поместья, окружаете их и прочим блеском, и всем этим, как бы каким густым облаком, омрачаете их душу. Чем же я могу убедиться, что им возможно спастись, когда вижу, что их склоняют к таким делам, за которые Христос возвестил неизбежную гибель, когда вижу, что вы о душе их, как бы о чем-то ненужном, небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем? Чтобы был у сына слуга, чтобы был конь, чтобы была самая лучшая одежда, вы делаете все; а чтобы он сам был хорош, об этом и подумать никогда не хотите; но, простирая до такой степени заботливость о деревьях и камнях, душу не удостаиваете и малейшей части такого попечения. Чтобы на доме стояла дивная статуя и кровля была золотая, вы все готовы потерпеть, а чтобы драгоценнейшие всякого изваяния - душа была золотая, об этом и помыслить не хотите.

8. Но я еще не сказал о вершине зол, не раскрыл главного нечестия, и хотя много раз приступал к этому со стыдом, но много раз стыдом же и удерживался. Что же это такое? Надобно же, наконец, и об этом сказать. Было бы большою робостью, если бы желающие истребить какое-нибудь зло не смели и слово сказать о нем, как будто молчание само собою исцелит болезнь. Не станем же молчать, хотя бы тысячу раз пришлось нам стыдиться и краснеть. И врач, когда хочет очистить гнилость, не откажется взять в руки нож и вложить пальцы в самую глубину раны: так и мы не откажемся говорить об этом, тем более чем гнуснее эта гниль. Какое же это зло? Какая-то новая и беззаконная страсть вторглась в нашу жизнь; постигла (нас) болезнь тяжкая и неисцелимая, поразила язва, жесточайшая из всех язв; измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконие, потому что нарушаются не только писанные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало любоддеяния; и как в болезнях последующее сильнейшее страдание заглушает ощущение предшествовавшей боли, так и чрезмерность этой язвы делает то, что уже не кажется нетерпимым и нетерпимое - разврат с женщиною. Хотят, кажется, иметь возможность избегать этих сетей, и женскому полу предстоит уже опасность сделаться излишним, так как его во всем заменяют отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается с полною безопасностью и беззаконие стало законом. Никто уже не опасается и не страшится; никто не стыдится и не краснеет; но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие - не здравомыслящими;

если они слабы, то подвергаются побоям, а если сильны, то терпят насмешки, поругания и бесчисленные издевательства. Не помогают ни суды, ни законы, ни воспитатели, ни отцы, ни приставники, ни учителя: одних успели развратить деньгами, другие имеют в виду только то, чтобы им было жалованье; а из тех, которые добросовестнее и заботятся о спасения вверенных им, одни легко поддаются укрывательству и обманам, а другие боятся силы развратников. Легче спастись заподозренному в тирании, нежели избежать рук этих нечестивцев тому, кто попытался бы удалять от них (детей); так среди городов, как бы в великой пустыне, "мужчины на мужчинах делают срам" (Римл.1:27). Если же некоторые избежали этих сетей, то нелегко им избежать худой славы от таких развратников; во-первых, потому, что их весьма немного, отчего они легко затмеваются множеством порочных; во-вторых, потому, что сами окающиеся и злые демоны, не имея возможности иначе мстить презирающим их, стараются вредить им этим способом; не имея сил нанести смертельную рану и поразить самую душу, они стараются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и лишиться всякой доброй славы. Посему многие, слышал я, удивляются, как и теперь не ниспал еще другой огненный дождь, как еще не подвергся участи Содома наш город, достойный наказания тем более тяжкого, что не вразумился и бедствиями Содома. Не смотря на то, что та страна уже две тысячи лет видом своим сильнее, чем голосом, взывает к (людям) всей вселенной, чтобы не дерзали на такую гнусность, они не только не воздерживаются от этого греха, но стали еще бесстыднее, как будто состязаясь с Богом и стараясь показать своими делами, что они тем более будут предаваться этим порокам, чем более Он будет угрожать им. Почему же не произошло ничего такого: грехи содомские совершаются, а содомских наказаний нет? Потому, что их ожидает другой огонь, более жестокий, и наказание бесконечное. Так и жившие после потопа дерзали совершать дела гораздо более нечестивые, нежели погибшие от потопа, однако с того времени не было такого наводнения. И здесь опять та же самая причина; иначе, почему жившие в первые времена, когда и судов не было, и страх пред начальниками не тяготел, не было ни угрожающего закона, ни вразумляющего сонма пророков, ни ожидания геенны, ни надежды царствия, ни другого любомудрия, ни чудес, способных оживить даже камни, - почему люди, не имевшие ничего этого, понесли за свои грехи такое наказание, а получившие все это и живущие под таким страхом судов божеских и человеческих, донныне еще не потерпели одинаково с теми, тогда как они достойны более тяжкого наказания? Не ясно ли и для младенца, что они берегутся для строжайшего осуждения? Если мы так гневаемся и негодуем, то, как допустит безнаказанно совершать такие дела Бог, Который более всего печется о человеческом роде и крайне отвращается и ненавидит порочность? Этого быть не может, нет! Он непременно наложит на них крепкую руку, нанесет нестерпимый удар и подвергнет мучениям столь жестоким, что бедствия, постигшие Содом, в сравнении с ними покажутся игрушкой. Подлинно, каких варваров, какую породу зверей не превзошли эти люди своею бесстыдною похотью? Бывает у некоторых бессловесных вождение сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этой страсти, а удерживаются в пределах природы, и, сколько бы ни раздражались, не нарушают законов природы. А эти, одаренные разумом, сподобившиеся божественного учения, преподающие другим, что должно делать и чего не должно, и слышавшие Писания, нисшедшие с неба, не с такою наглостью совокупляются с блудницами, как с отроками. Они с таким неистовством покушаются на все, что будто они не люди, и как будто нет Промысла Божия, бодрствующего и судящего дела, но как будто бы все покрыла тьма, и никто не видит и не слышит этого. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают какого-либо средства против зла. Между тем, если бы надобно было от этого недуга отправить детей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный от нас край вселенной, не надлежало ли бы сделать и потерпеть все, чтобы не было таких мерзостей? Когда какое-либо селение подвергается болезни и заразе, то не уводим ли мы оттуда детей, хотя бы там предстояло им много выгод, хотя бы сами они были совершенно здоровы? А теперь,

когда все объяла такая зараза, мы не только сами влечем их к этим пропастям, но и тех, которые хотят избавить их, отгоняем, как губителей. Какого же гнева, каких громов не достойно это, когда язык их мы стараемся очистить помощью внешнего образования, а душу, лежащую в самой мерзости разврата и постоянно растлеваемую, не только оставляем без внимания, но и препятствуем, когда она хочет восстать? Ужели же осмелится кто-нибудь еще сказать, что живущим в таких пороках можно спастись? Каким образом? Иные, конечно, избежали неистовства развратником (впрочем, таких немного); но и они не избегают тех жестоких и все губительных страстей - корыстолюбия и честолюбия, а большая часть заражена и этими самыми страстями и, в гораздо большей еще степени, сладострастием. Далее, когда мы хотим ознакомить детей с науками, то не только устраняем препятствия к учению, но и доставляем им все, содействующее ему, - приставляем к ним воспитателей и учителей, издерживаем деньги, освобождаем их от других занятий, и чаще, чем приставники на олимпийских играх, твердим им о бедности от не ученья и богатстве от ученья, - делаем и говорим все, и сами и чрез других, чтобы довести их до окончания предпринятого занятия, и при всем том часто не успеваем. А скромность нравов и строгость доблестной жизни, неужели, по вашему мнению, придут сами собою и притом при столь многих к тому препятствиях? Что может быть хуже этого неразумия - на самое легкое обращать столько внимания и забот, как будто бы иначе и нельзя успеть в этом, а о гораздо более трудном думать, что оно, как бы что-нибудь пустое и ничтожное, сбудется и при нашем сне? Но любомудрие души настолько труднее и тяжелее изучения наук, насколько деятельность труднее разглагольствования и насколько дела труднее слов.

9. А для чего, скажешь, нашим детям нужно это любомудрие и строгий образ жизни? Вот это самое и сгубило все, - что дело столь необходимое и поддерживающее нашу жизнь считается излишним и ненужным. Увидев сына больным по телу, никто не скажет: для чего нужно ему доброе и крепкое здоровье? Напротив, всячески постарается привести его в такое благосостояние, чтобы болезнь более не возвратилась; а когда заболевает душа, то говорят: не нужно им никакого лечения, и после таких слов осмеливаются называть себя отцами. Что же, скажешь, неужели всем нам любомудрствовать, а житейским делам погибнуть? Нет, почтеннейший, не преданность любомудрию, а не любомудрие погубило и расстроило все. Кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел, те ли, которые живут воздержно и скромно, или те, которые выдумывают новые и незаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Те ли, которые имеют толпы слуг и окружают себя роями льстецов, или те, которые считают для себя достаточным только одного слугу (предполагаю еще не высокое любомудрие, но доступное многим)? Человеколюбивые ли, и кроткие, и не имущие похвалы от народа, или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного, и делают тысячу неприятностей тому, кто не встанет пред ними, не скажет первый приветствия, не поклонится, не выкажет раболепства? Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех, и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезавают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гонятся путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздирают несправедливые записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые, не тоже ли в

общественной жизни, что опухоли на теле и бурные ветры на море, свою невоздержанностью потопляя тех, которые сами по себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности, и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все (посылаемые) с неба, как-то: засухи, и наводнения, и землетрясение, и разрушения, и потопления городов, и голода, и язвы, и все прочее, что свыше насылается на нас?

10. Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо; они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекающая и возмущая их со всех сторон; для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и лекарств и приходящих врачей; так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний; потому что лекарства сами по себе не могут восстановить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их; таковы и есть судии, заставляющие этих больных, волею и неволею, принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла самое искусство врачей и вошла в самих судей; и теперь происходит то же, как если бы кто, страдая горячкою, водячкою и множеством других жесточайших болезней, и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами. Так волны пороков, подобно стремительному потоку, разрушив все преграды, вторглись в души людей. Но что я говорю об извращении общественной жизни? Эта язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже самое понятие о Промысле Божиим: так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, перевернула все вверх дном и, наконец, восстает против самого неба, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели? От тех ли, которые живут скромно и воздержно, или от тех, о которых ты говоришь, будто они поддерживают общественную жизнь, а я доказал, что они общая язва вселенной? Очевидно - от последних. Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскошествует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда, как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на Промысл Божий. Если бы все, или даже большая часть людей, захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах, и не возникло бы главнейшего из этих зол - исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудрствовали, то не было бы такого изыскания; напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя-Бога, и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму; это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промысл Божий открылся бы пред всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду. Подлинно, если бы не было ни судов, ни обвинителей и клеветников, ни истязаний и пыток, ни темниц и наказаний, ни отнятия имений и потерь, ни страхов и опасностей, ни вражды и козней, ни злословий и ненависти, ни голода и заразы, ни иного чего из перечисленных бедствий, но все жили бы с надлежащею

скромностью, тогда кто из всех живущих усомнился бы в Божием Промысле? Никто. А теперь происходит тоже, как если бы во время бури кормчий делал все со своей стороны и старался бы спасти судно, но его ревностное искусство не было бы замечаяемо находящимися на судне вследствие смятения, и страха, и беспокойства от угрожающих бедствий. Так и Бог управляет вселенною и теперь, но многие не видят этого вследствие смятения и неустройства в делах, которое эти люди производят больше всех, так что не только извращают общественную жизнь, но вредят и благочестию; и тот не погрешил бы, кто назвал бы общими врагами этих людей, которые живут во вред спасению других, потопляя своими гнусными учениями и нечистою жизнью плывущих вместе с ними.

11. Ничего такого нельзя видеть в монастырях, но хотя бы (в мире) поднялась буря, (отшельники) одни сидят в пристани в спокойствии и великой безопасности, как бы с неба взирая на кораблекрушения других, потому что они избрали образ жизни достойный неба, и пребывают в нем не хуже ангелов. Как между ангелами нет никакого нестроения, нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, радостью и славою; так и здесь, никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством: это - твое, а это - мое, - такое разделение, извращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, все у них общее - и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда и самая душа у всех одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы одинаковым рабством, свободны одинаковою свободою; одно там у всех богатство - истинное богатство, одна слава - истинная слава, потому что блага их не в названиях, а в делах; одно удовольствие, одно стремление, одна надежда у всех; все у них благоустроено как бы по мере и весу, и нет никакой неправильности, но - порядок, стройность и гармония, самое точное согласие и постоянное соблюдение благодушия. Посему все они и делают и терпят все для того, чтобы им благодушествовать и радоваться. Только там и можно находить это в чистом виде, а в другом месте нигде, не оттого только, что у них презирается настоящее, устранен всякий повод к несогласию и вражде и имеются светлые надежды на будущее, но и оттого, что случающиеся с каждым скорби и радости считаются для всех. И скорбь проходит легче, когда все согласно помогают каждому нести бремя; и для благодушия много поводов имеют те, которые радуются не своему только благополучию, но и чужому не менее, как и своему. Так и у нас - как пошли бы дела, если бы все мы стали подражать им? Теперь они пропадают и расстроены от тех, которые далеко уклонились от такого образа жизни. А ты, утверждая противное, делаешь то же, как если бы кто хорошо настроенную лиру стал охуждать, как негодную, а испорченную чрезмерным напряжением или ослаблением (струн) назвал годною и для игры и для увеселения зрителей. Но как по отношению к говорящему это мы не стали бы искать другого еще доказательства невежества его в музыке, так и по отношению к утверждающим вышесказанное не нужно другого яснейшего доказательства их недоброжелательности и ненависти к людям. А что говорят отцы более скромные? Пусть, говорят они, дети прежде займутся науками и, усовершенствовавшись в красноречии, потом уже и переходят к этому любомудрию: тогда никто не будет препятствовать. Но откуда известно, что они непременно достигнут мужеского возраста? Многие скончались, подвергшись преждевременной смерти. Впрочем, пусть это будет так; положим, что они достигнут возмужалости возраста: кто поручится за весь предшествующий возраст? Не желая спорить, я скажу, что если бы кто представил надежное в том ручательство, то я не вывел бы (в пустыню) приобретших такое искусство, напротив тогда особенно и посоветовал бы им оставаться (в городе) и не похвалил бы тех, которые стали бы склонять их к бегству, но отнесся бы к ним как врагам общественной жизни, так как, срывая светильники и унося светила из города в пустыню, они лишили бы живущих там величайших благ. Но если никто не будет обещать этого, то какая польза посылать (детей) к учителям, где они научатся прежде красноречия порокам, и, желая приобрести менее важное, потеряют важнейшее - силу души и все доброе настроение. Так что же? Разрушить нам, скажут,

училища? Я не говорю этого, но (говорю) о том, как бы нам не разрушить здание добродетели и не заглушить живой души. Когда душа целомудренна, тогда не будет никакой потери от незнания красноречия; а когда она развращена, тогда бывает величайший вред, хотя бы язык был весьма изощрен, и тем больший, чем больше это искусство; ибо порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность. А если, скажешь ты, они, удалившись туда, при необразованности языка не будут иметь и добродетели? А если, скажи мне, они, оставаясь в городе, при развращении души, не приобретут в школе никакого красноречия? Мне позволительнее будет сказать это, нежели тебе твое. Почему? Потому что, хотя то и другое, как будущее, не известно, но твое более сомнительно. Как и почему? Потому что для надлежащего занятия красноречием нужна добрая нравственность; а добрая нравственность не нуждается в пособии красноречия. Можно быть целомудренным и без этого знания, но никто никогда не приобретет силы красноречия без добрых нравов, проводя все время в пороках и распутстве. Таким образом, чего ты боишься там, того же должно бояться и здесь, и здесь тем больше, чем чаще неудачи и чем высшему угрожает опасность. Там нужно заниматься только одним, а здесь предстоит овладеть двумя предметами, так как невозможно приобрести одного без другого, - без благонравности изучить красноречие. Но, если хочешь, предположим, невозможное возможным: что будет нам доброго от знания красноречия, когда у нас будет поражено самое существенное? И что худого от незнания, когда у нас, исправно самое важное? И это признано не только у нас, которые смеемся над внешнею мудростью и почитаем ее буйством (1 Кор.3:19), но даже у самих внешних философов. Посему многие (из них) не очень заботились об этом знании, а другие и совсем пренебрегли им и до конца остались неудачными и, посвятив всю свою жизнь нравственной части философии, сделались весьма знаменитыми и славными. Так Анахарсис, Кратис и Диоген несколько не заботились об этом искусстве; а некоторые говорят тоже и о Сократе, и это может засвидетельствовать нам тот, кто более всех отличался в этом искусстве и точнее других знал дела его. Введя Сократа в судилище для оправдания, в защитительной речи пред судьями, (Платон) представил его говорящим так: „Афиняне, вы услышите от меня всю правду, клянусь Зевсом, а не речи, расцвеченные и разукрашенные, подобно речам судей, отменными выражениями и словами; нет, вы услышите речь, изложенную просто и прямо, словами, какие случатся; ибо я уверен в справедливости того, что говорю, и никто из вас пусть не ожидает чего-нибудь другого; и с моим возрастом несообразно было бы явиться пред вами подобно юноше, сочиняющему речи" [1]. Этими словами он показал, что не учился красноречию и не пользовался им, не по лености, но потому, что не считал его важным. Итак, красноречие не дело философов, и вообще мужей, - а предмет честолюбия для забавляющихся юношей, как думают и сами философы, не только прочие, а даже и тот, который в этом превзошел всех; и он не допускает своему учителю украшаться этим искусством, считая такое украшение постыдным для философа. Эти примеры справедливо было бы привести для неверующего, но еще более - для верующего. Не странно ли, что те, которые гонятся за похвалами толпы и не могут ничем другим отличиться, как только внешнею мудростью, считают ее за ничто, а мы так восхищаемся и увлекаемся ею, что ради нее пренебрегаем самым необходимым?

12. Итак, для неверующего довольно этих примеров, а для верующего, кроме этих, необходимо привести и наши примеры. Какие же? Тех великих и святых мужей, из которых у первых не было грамотности, у последующих - была грамотность, но еще не было искусства красноречия, а у позднейших была и грамотность, и искусство красноречия. Первые не знали ни того ни другого, потому что не учились не только красноречию, но и самой грамоте: однако же, в тех самых случаях, в которых особенно необходима, кажется, сила красноречия, они так превзошли самых сильных в нем, что эти оказались хуже неразумных детей. Если сила убеждения заключается в красноречии, и, однако, философы не убеждают ни одного тирана, а люди некнижные и простые

обращают всю вселенную; то, очевидно, торжество мудрости принадлежит простым и некнижным, а не изучившим то и другое искусство. Так, истинная мудрость и истинное образование есть не что иное, как страх Божий. И пусть никто не думает, будто я узакониваю, чтобы дети оставались невеждами; нет, если кто поручится на счет самого необходимого, я не стану препятствовать, чтобы у них было в избытке и это искусство. Как тогда, когда колеблются основания и весь дом со всем зданием находится в опасности упасть, было бы крайне бессмысленно и безумно - бежать к красильщикам, а не к строителям; так и тогда, когда стены стоят твердо и крепко, было бы неуместным упрямством препятствовать желающему окрасить их. А что я говорю это от души, расскажу вам теперь то, что я познал на деле. Один юноша, очень богатый, поселился некогда в нашем городе для изучения латинской и греческой словесности. Этот юноша имел при себе воспитателя, у которого было одно только дело - образовать его душу. Пришедши к этому воспитателю (он был из числа живущих в горах), я попытался узнать, по какому поводу он, посвятивший себя этой мудрости, вступил в жизнь воспитателя. Он сказал, что ему остается немного времени (провести) в этом занятии, и рассказал нам все предшествовавшее. „У этого юноши, говорил он, отец суров и жесток и предан житейским делам; а мать - благонравная, рассудительная, строгая и стремящаяся только к небу. Отец, как оказавший много заслуг на войнах, хочет устроить сына в своем звании, а мать не хочет этого и не соглашается и даже сильно противится; она молится и желает видеть сына сияющим в монашеской жизни. Но сказать это отцу она не посмела, потому что боялась, как бы он, заметив это, заранее не связал сына житейскими узами и, отвлекши его от того намерения, не облек его в воинскую одежду со всею ее суетностью, и не сделал затем для него невозможную жизнь подвижническую. Посему она придумывает другое средство: призвав меня к себе в дом и сообщив все это, она, взяв правую руку отрока, влагает ее в мои руки. Когда же я спросил, для чего делает это? Она сказала, что нам остается одно средство к спасению сына, если я пожелаю и соглашусь в качестве воспитателя взять отрока и придти сюда; а она убедит отца, что если (сын) изберет и воинскую жизнь, для него, однако, будет полезно изучение красноречия. Если я, говорила она, успею в этом, ты, живя с ним одним на чужбине и не встречая противодействия ни от отца, ни от кого-либо из родных, будешь иметь возможность образовать его с полною свободою, и настроить его жить так, как бы в монастыре; согласишься же и обещаешь содействовать мне в этом деле. Забота у меня не о маловажном; я беспокоюсь и опасаясь за душу моего отрока. Не пренебреги же опасным положением того, кто для меня любезнее всего, но исхити его из сетей, бури и волнения, которые уже со всех сторон окружают его. Если же ты не хочешь оказать эту милость, то призываю Бога в посредники между нами, и свидетельствую, что я не опустила ничего надлежащего для спасения души его, и чиста от крови этого отрока; и если случится ему потерпеть что-либо, свойственное человеку молодому, живущему в роскоши и рассеянности, то от тебя и твоих рук взыщет Бог в тот день душу этого отрока. Сказав это и еще многое другое, и заплакав сильно и горько, она убедила меня принять на себя этот труд, и с такими внушениями отпустила". И не тщетно было придуманное ею средство: благородный воспитатель в короткое время так настроил отрока, и такой возбудил в нем огонь ревности (к подвигам), что он вдруг бросил все и убежал в пустыню, и нужна была другая мера, чтобы расположить его от усиленного подвижничества к умеренному, потому что была опасность, как бы он, такую ревностью прежде времени обнаружив придуманное дело, не возбудил жестокой войны против матери, и воспитателя и всех монахов. Ведь если бы отец узнал о его бегстве, то не преминул бы употребить все меры к тому, чтобы разогнать святых мужей, не только тех, которые приняли сына его, но и всех прочих. Встретив такого сына и сказав ему это и многое другое, я постарался сохранить в нем и даже еще более усилил расположение к любомудрию, но предложил ему жить в городе и заниматься науками, чтобы таким образом принести величайшую пользу сверстникам и укрыться от отца. А это я считал необходимым не только для тех святых, и для матери, и для воспитателя, но и для самого отрока. Если бы отец удержал его в самом начале, то, вероятно, потряс бы в нем ростки

любомудрия, еще нежные, только что насажденные; но когда пройдет много времени и они хорошо укоренятся, тогда, - я твердо был уверен - что бы ни случилось, отец не в силах будет повредить сыну: так действительно, и произошло, и надежда не обманула меня. Когда отец, по прошествии уже долгого времени, приступил к нему и нападал с великою силою, то не только не поколебал этого здания, но обнаружил в нем большую крепость; и многие из товарищей его получили столько пользы от общения с ним, что сделались его соревнователями. Между тем он, имея постоянно при себе руководителя, подобно статуе тщательно обделываемой рукою художника, с каждым днем более и более усовершенствовал свою душевную красоту. И вот что удивительно: являясь вне дома, он, по-видимому, ничем не отличался от других, потому что и в обращении не был груб и суров, и одежды необычной не носил, но и по виду, и по взгляду, и по голосу, и по всему прочему был таков же, как и все. Поэтому и мог он многих из своих собеседников уловлять в свои сети, скрывая внутри себя великое любомудрие. А если бы кто увидел его дома, то подумал бы, что это - один из живущих на горах (отшельников); потому что и дом у него устроен был точно как монастырь, не заключая в себе ничего, кроме необходимого. Время у него все употреблялось на чтение священных книг; быстро усваивая науки, он внешнему учению уделял малую часть дня, а все остальное время занимался непрестанными молитвами и божественными книгами, и по целому дню оставался без пищи и даже не по одному и не по два только, но и больше. И ночи были у него свидетелями тех же слез и молитв и того же чтения. Все это пересказал нам воспитатель тайно, потому что отрок был недоволен, если узнавал, что какой-нибудь из подвигов его обнаружен; притом он говорил, что отрок и одежду сделал себе из волос, и в ней спал по ночам, нашедши в ней мудрое средство к тому, чтобы скорее вставать от сна. И (все) прочее делалось у него в точности как у монахов, и постоянно прославлял он Бога, даровавшего ему столь легкие крылья любомудрия. Итак, если бы и теперь кто показал мне такую душу и представил такого воспитателя и обо всем прочем обещал столько же позаботиться, я в тысячу раз больше самих родителей пожелал бы, чтобы дело слагалось так. Улов был бы у нас обильнее, когда бы подобные люди, и своею жизнью, и возрастом, и постоянным обращением уловляли своих сверстников. Но нет никого, кто бы обещал это и сделал; а если нет, то было бы безмерно жестоко оставить того, кто не может защищать самого себя, но лежит пораженный бесчисленными ранами и на других наводит уныние, терзаться среди битвы, вместо того, чтобы вынести его оттуда. Так и военачальника наказали бы, когда бы он способных сражаться выводил из строя, а раненым и лежащим, которые и других приводят в смятение, приказывал постоянно лежать на месте.

13. Но так как многие из отцов настоятельно желают видеть каждый своего сына занимающимся красноречием, как бы точно зная, что сын непременно достигнет совершенства в красноречии; то мы не станем спорить об этом и говорить, что он не будет иметь успеха, даже уступим на словах, что он непременно окончит учение и достигнет совершенства. Но пусть будут нам предложены на выбор два дела: или пусть сын, посещая училища, старается изучать науки, или пусть в пустыне (печется) о душе; в чем лучше, скажи мне, успевать? Если бы возможно было в том и другом, то этого и я желаю; но если одно из двух останется недостижимым, то лучше избрать превосходнейшее. Так, скажут на это; но откуда нам известно, что он там останется и устоит, а не падет? Многие уже пали. - А откуда известно, что он не останется и не устоит? Многие уже устояли, и таких больше, чем павших, так что надобно более надеяться из-за этих, нежели бояться из-за тех. А почему ты не боишься того же самого и по отношению к науке, где, в особенности следовало бы бояться? Между монахами из многих не достигли цели немногие, а в занятиях науками из многих успели немногие. И не поэтому только, а и по многим другим причинам справедливо можно более бояться касательно последнего. Здесь неспособность отрока, и неопытность учителей, и небрежность воспитателей, и недосуг отца, и недостаток средств на издержки и жалованье, и разность нравов, и

порочность, и зависть, и ненависть товарищей, и многое другое препятствует дойти до конца. И не только эти, но и по окончании - еще другие большие (беды); потому что, когда он, преодолев все и не потерпев поражения ни от одного из этих препятствий, достигнет до самого верха образования, опять встречаются другие препоны. Здесь и неприязнь начальника, и зависть сослуживцев, и неблагоприятные обстоятельства времени, и недостаток друзей, и бедность часто удаляют от цели. Но у монахов не так: им нужно только одно - благородная и добрая ревность; и если это есть, тогда ничто не воспрепятствует достигнуть совершенства в добродетели. Посему, не справедливо ли - там, где прекрасные надежды ясны и близки, отчаиваться и бояться, а там, где ожидается противное, в отдаленности и с многочисленными препятствиями, не отчаиваться, а смело надеяться, не взирая на большую очевидность и многочисленность затруднений? В отношении к наукам смотреть не на случающиеся часто неприятности, но на добрые, редко бывающие, последствия, а в отношении к монахам поступать напротив, и там, где надежд на доброе много, устремлять взор только на печальное, а там, где ожидается противное, обращать внимание только на добрые последствия? Между тем там, когда даже сойдутся все благоприятные обстоятельства, часто преждевременная смерть постигает борца у самой цели, и уносит его, после бесчисленных подвигов, не увенчанным; а здесь, хотя бы (смерть) случилась среди самых подвигов, он тогда именно и отходит особенно славным и увенчанным. Итак, если ты боишься за будущее, то больше должно бояться в отношении к наукам, где много препятствий к достижению конца; в этом деле ты долгое время остаешься в ожидании, и не смотришь ни на какие встречающиеся препятствия, ни на издержки, ни на трудность занятий, ни на сомнительность успеха, но только на конец; а здесь, когда отрок не вступил еще и в преддверие, еще и не коснулся этого прекрасного любомудрия, ты уже боишься, трепещешь и впадаешь духом в отчаяние! Между тем, сам же ты прежде говорил: „что же, разве живущему в городе и имеющему дом нельзя спастись?“ Так, если можно спастись в городе, имея дом и жену, то гораздо более - без жены и без прочего. Непозволительно одному и тому же человеку - то быть уверенным, что спасение возможно и для того, кто связан житейскими делами, то бояться и трепетать за того, кто будет свободен от всего, как будто без этого невозможно вести доблестную жизнь. Если и живущий в городе мог бы спастись, как ты говоришь, то гораздо более удалившийся в пустыню. Как же ты боишься невозможности здесь, а не боишься ее там, где больше следовало бы бояться ее?

14. Но скажет кто-нибудь, не одно и то же - погрешит ли мирянин, или навсегда посвятивший себя Богу; так как не с одной высоты падают оба они, то и раны у них не одинаковы. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что иное требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и взирающий на женщину "с вожделением", будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Матф.5:22, 28). Если же можно прибавить что-нибудь по соображению, то - мирянин менее извинителен в этой страсти; потому что не все равно, тот ли прельстится красотой женщины, кто имеет жену и пользуется этою утехой, или будет уловлен этим грехом тот, кто вовсе не имеет такой помощи (против страсти). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различия и не сказал: если клянущийся будет монах, то клятва его от лукавого, а если не монах, то нет, а просто и вообще всем сказал: "а Я говорю вам: не клянись вовсе" (Матф.5:34). И еще сказав: "горе вам, смеющиеся ныне" (Лук.6:25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных повелениях. Когда напр. Он говорит: "блаженны нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем,

миротворцы, изгнанные за правду", несущие за Него от внешних (неверующих) упомянутые и неупомянутые поношения (Матф.5:3-11), то не приводит названия ни мирянина, ни монаха: такое различие привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жен.

Послушай, что говорит и Павел (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел же, в послании обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, требует от них всей строгости жизни, свойственной монахам. Так, устраняя всякую роскошь и в одежде и в пище, он пишет такие слова: "чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою" (1Тим.2:9); и еще: "сластолюбивая заживо умерла" (1Тим.5:6); и еще: "имея пропитание и одежду, будем довольны тем" (1Тим.6:8). Чего еще больше этого можно было бы требовать от монашествующих? А, научая других удерживать язык, он опять постановляет строгие правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устраняет не только срамные и глупые речи, но и шутовские, изгоняет из уст верных не только ярость, и гнев, и обиду, но и крик: "всякое", говорит, "раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас" (Еф.4:31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что Он заповедует всем о незлобии. "Солнце", говорит, "да не зайдет во гнев твой" (Еф.4:26), "смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем" (1Фесс.5:15); и еще: "не будь побежден злом, но побеждай зло добром" (Рим.12:21). Видишь ли доходящую до самой вершины степень любомудрия и долготерпения? Послушай также, что заповедует он о любви - главе добродетелей: поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он требует той же любви, какой (требовал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (Иоан.15:13); так и Павел выразил то же самое, сказав: "не ищет своего" (1 Кор.13:5), и к такой-то любви заповедал стремиться; так что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и от мирян требуется то же самое, что от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям. Чего же можно требовать больше этого любомудрия? Когда он повелевает быть выше и гнева, и ярости, и крика, и любостыжания, и чревоугодия, и роскоши, и тщеславия и прочего житейского и не иметь ничего общего с землею; когда заповедует "умертвите земные члены ваши" (Колос.3:5), то, очевидно, требует от нас такой же строгой жизни, какой (требовал) от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: "умерший освободился от греха" (Рим.6:7). А в иных местах он увещевает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так, когда убеждает нас к любви, к не злопамятству и кротости, то приводит в пример Христа. Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но самому Христу, и не подражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их высоту большею? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет, от всех нас требуется, говорит он, одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или - лучше - не я, но Сам тот, кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех же источников, чтобы тебе совершенно омыться от всякой нечистоты неверия. Я представлю доказательство от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был жестоким монахом, но - если можно сказать нечто в пояснение, - за то, что, будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того, ни другого, а только то, что он был жесток и за это терпел тяжчайшие муки в огне. И девы за то, что не имели человеколюбия, были отвержены от брачного чертога; и, если можно прибавить нечто и от себя, наказание им не только не было усилено за девство их, но, может быть, еще смягчено за это; ибо они не

услышали: "идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Матф.25:41), но только: "не знаю вас" (Матф.25:12). Если же кто скажет, что то и другое одинаково, - противоречить не стану; потому что я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними. Так и одетый в нечистую одежду (Матф.22:1-13) и требовавший (с должника) сто динариев (Матф.18:23-34) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудодеяние, - а последний за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидит, что они подвергаются наказанию только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Так, (Господь), говоря: "придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим" (Матф.11:28,29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда он повелевает идти тесным путем (Лук.13:24), то обращает речь не к ним только одним, но ко всем людям; одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (Иоан.12:25) и все прочее тому подобное. Когда же Он говорит не ко всем, и не закон преподает, то Сам же и объясняет нам это. Так, говоря о девстве, Он присовокупил: "кто может вместить, да вместит" (Матф.19:12); не сказал: всякий, не преподавал этого в качестве заповеди. Так и Павел, который везде является подражающим Учителю, коснувшись этого предмета, сказал: "относительно девства я не имею повеления Господня" (1 Кор.7:25). Итак, впредь думаю, и самый склонный к спорам и бесстыдный не будет отвергать, что и мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения, получают одинаковые кары.

15. Ясно доказав это, исследуем теперь и то, кто легче и скорее может пасть. Впрочем, здесь не нужно нам и исследования. Хотя сохранение целомудрия легко для человека женатого, как пользующегося великою утехой, - в отношении к прочим добродетелям и для него это оказывается не очень (легким), - однако, и здесь мы видим падающими больше женатых, нежели монахов. Не столько выходят из монастырей для вступления в брак, сколько от брачного ложа уходят к блудницам. Если же (миряне) так часто падают в том, против чего им легко бороться, то что им делать с прочими страстями, которыми они возмущаются более, нежели монахи? На этих, конечно, сильнее нападает похоть, так как они не имеют общения с женщинами; но прочие страсти могут и не приближаться к ним, тогда как мирян сильно преследуют и поражают в самую голову. Если же монахи и в том, в чем сильнее бывает у них борьба, побеждают легче, нежели люди, не подвергающиеся такой борьбе, то они очевидно гораздо легче последних устоят против прочих страстей, которыми они не возмущаются. Так корыстолюбие и страсть к удовольствиям и власти и всему прочему обыкновенно гораздо легче преодолеваются ими, нежели мирянами. Как на войне и в сражении мы называем более легкою не ту часть борьбы, где мертвые падают часто и один за другим, но ту, где падают редко и немногие: так надобно судить и об этом предмете. Корыстолюбие легче преодолееет не тот, кто вращается среди мира, но тот, кто пребывает в горах; первый легко и побеждается им, а побежденного корыстолюбием, надобно причислять к идолослужителям (Колос.3:5). Последний, если имеет деньги, не захочет оставить без пособия и родных своих, но с охотою отдаст им все, между тем как первый не только оставит их без внимания, но и обидит не меньше чужих: а это уже другой род идолослужения, тяжелее первого. И надобно ли исчислять все прочее, что монашествующими легко побеждается, а мирян низлагает с великою силою? Как же ты не боишься и не трепещешь, вводя (сына) в такую жизнь, в которой он скоро может быть побежден пороками? Или тебе кажется делом мало важным служить идолам, быть хуже неверных, отрицаться делами от служения Богу, - чему всему скорее подвергнутся люди, привязанные к миру, нежели монахи? Не видишь ли, что тот страх твой - пустой предлог? Если уже надобно бояться, то не за тех, которые избегают волнений и спешают к пристани, но за тех, которые носятся по волнам среди вихря и

бури. Здесь скорее могут быть кораблекрушения, оттого, что и волнений больше, и те, кому предстоит бороться, беспечнее; а там и волн таких нет, и великая тишина, и усердия больше в тех, которые должны бороться. Поэтому мы и привлекаем (других) в пустыню, не для того, чтобы они только облеклись во власяницу, надели на себя вериги и посыпались пеплом, но чтобы, прежде всего другого, избегли пороков и предались добродетели. Что же, скажут, неужели все женатые погибнут? Не это говорю я, но то, что им, если захотят спастись, предстоит больше трудов, по неизбежной необходимости, - потому что несвязанному легче бежать, нежели связанному. Но получит ли он и большую награду и блистательнейшие венцы? Нет; потому что он сам налагает на себя эту необходимость, между тем как можно бы и не налагать. Итак, когда у нас ясно доказано, что мы подлежим ответственности одинаковой с монахами, пойдём и сами по удобнейшему пути и сыновей поведём по нему; а не станем, как враги и неприятели, потоплять их и увлекать в бездны порочности. Если бы это делали другие, было бы не так ужасно; но когда родители, испытавшие все житейское и на самом деле узнавшие, как пусты настоящие удовольствия, доходят до такого безумия, что влекут к ним других, так как им самим возраст уже не позволяет (предаваться им), и, когда им следовало бы укорять самих себя за прежнее, ввергают туда же и других, и притом - находясь уже близ смерти, суда и тамошних истязаний; то какое останется для них оправдание, какое прощение, какая милость? Они будут наказаны не только за свои грехи, но и за влияние на детей, успеют ли они довести их до падения, или нет.

16. Но, может быть, вы хотите видеть детей от детей? Как же это, когда вы сами ещё не сделали (истинными) отцами? Не рождение делает таким отцом: с этим согласятся и сами родители, которые, видя детей своих дошедшими до крайней порочности, отвергают и чуждаются их, как бы не своих, и ни природа, ни рождение и ничто другое, тому подобное, не может удержать их от этого. Пусть же они и не считаются отцами тех, которые далеки от любомудрия; но когда родят их, таким образом, тогда пусть и ожидают себе внуков, потому что тогда только и смогут они увидеть их. Дети их суть те, "которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились" (Иоан.1:13). Эти дети не заставляют отцов беспокоиться ни о деньгах, ни о браке и ни о чём-либо другом подобном, но, оставив их свободными от всякой заботы, доставляют им большее наслаждение, чем каким пользуются плотские отцы. Они и рождаются и воспитываются не так, как те, но гораздо лучше и блистательнее; потому и радуют родителей более. Кроме того, сказал бы я и то, что неверующим в воскресение естественно плакать о детях, так как для них и остаётся одно только это утешение; но мы, которые смерть почитаем сном и научены презирать все здешнее, удостоимся ли какого-либо прощения, если станем плакать о них и будем стараться о том, чтобы видеть детей и оставить их здесь, откуда сами стремимся удалиться и где, пребывая, воздыхаем? Впрочем, это сказано нами для людей более духовных. А тем, которые любят плоть и очень привязаны к настоящей жизни, я сказал бы, что, во-первых, неизвестно, будут ли непременно дети после брака; во-вторых, если и будут, то от них будет горя больше, потому что мы получаем не столько радости, сколько скорби от ежедневных забот, беспокойств и опасений за них. Но кому, скажут, оставим мы поля, дома, рабов и золото (они, как я слышу, и об этом плачут)? Тому, кто и прежде имел (право) наследовать их, а теперь тем более чем более надёжным будет он теперь и хранителем и обладателем их. Тогда многое могло вредить этим благам: и тля, и долговременность, и разбойники, и клеветники, и завистники, и неизвестность будущего, и непостоянство людей, и, наконец, смерть могла лишиться сына и денег, и этих имений; а теперь он сложил свое богатство выше всего этого, нашедши место безопасное, куда ничто из сказанного достигнуть не может. Именно небо есть такое место, которое недоступно никакому нападению, плодоноснее всякой земли, и сложившим в нём свои богатства даёт пожинать плоды их в великом изобилии. Посему не теперь надлежало бы говорить так, но когда бы сын намеревался быть человеком мирским, тогда (надлежало бы) плакать и говорить: кому

оставим мы поля, кому золото, кому прочее имущество? Теперь у него столь много власти над богатством, что он не лишится обладания им даже и по отшествии отсюда, но тогда особенно и будет наслаждаться выгодами от богатства, когда отойдет отсюда. Если же хочешь еще здесь видеть сына господином имущества, то и этого скорее можно ожидать от монаха, нежели от мирянина. Кто, скажи мне, бывает более господином богатства: тот ли, кто издерживает и раздает его с великою щедростью, или тот, кто от скупости не смеет и прикоснуться к нему, но зарывает его и воздерживается от своего, как бы от чужого? Тот ли, кто тратит безрассудно и напрасно, или кто делает это надлежащим образом? Тот ли, кто сеет на земле, или кто делает это на небе? Тот ли, кому не позволено раздать все свое, кому он захочет, или кто свободен от всех требователей разных поборов? К земледельцу и торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли; но кто желает подавать нуждающимся, к тому никто ни откуда не явится с подобными требованиями, так что он и здесь более бывает господином (своего богатства). Неужели того, кто расточал бы имение на блудниц, на чревоугодие, на тунеядцев и льстецов, позорил бы свою честь, терял бы спасение и делался бы достойным посмеяния, ты назовешь господином расточаемого, а того, кто издерживает свое имущество с великим благоразумием, для истинной славы и пользы и на угодное Богу, ты не назовешь таким? Тогда ты сделаешь то же, как если бы, видя кого-нибудь бросающим свои имущества в водосточные канавы, назвал его господином их, а употребляющего их на необходимые нужды стал бы оплакивать, как бы не имеющего власти над издерживаемым. А лучше сказать, таковых людей надобно сравнивать не с теми, которые просто тратят (свое имение), но с теми, которые тратят на зло своим головам, потому что те издержки делают человека более знатным, более достаточным и более безопасным, а эти подвергают не только стыду и позору, но и неизбежной гибели.

17. Но, скажут, разве после брака и рождения детей нельзя посвятить себя любомудрию, достигши глубокой старости? А кто нам поручится, во-первых, что мы достигнем глубокой старости, и, во-вторых, что, достигши ее, непременно сохраним это намерение? Мы не властны в пределах жизни, чему учит и Павел, когда говорить: "что день Господень так придет, как тать ночью" (1Фесс.5:2); и наши мысли не остаются всегда в одинаковом настроении. Посему и премудрый дает такое увещание: "не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдет гнев Господа, и ты погибнешь во время отмщения" (Сир.5:8,9). Но если бы даже и не было такой неизвестности, и тогда не следовало бы откладывать дела с сыновьями и опускать из вида, сколько от этого бывает вреда. Подлинно, крайне было бы безрассудно, когда юноша нуждается в помощи и когда ему угрожает сильный враг, приказывать ему погружаться в житейские дела, так что он легко может быть побежден (врагом), а когда он получит тысячи ран и не будет уже на нем ни одного здорового места, тогда вооружать и возбуждать его, уже лежащего и изнемогшего. Да, скажут, тогда и легка борьба, тогда и удобна битва, когда погаснут похоти. Но какая уже борьба тогда, когда никто не вступает в борьбу с нами? За это не будет потом и венцов светлых; ибо "благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит" (Плач.3:27,28). Тот достоин бесчисленных похвал, прославлений и почестей, кто обуздывает беснующуюся природу и спасает ладью во время самой жестокой бури. Впрочем, не будем спорить об этом; пусть будет отсрочена борьба, если хочешь. Но, если бы от нас зависело время борьбы, можно было бы ожидать старости; если же надобно человеку бороться в течение всей настоящей жизни, начиная с самого юного возраста, или с десяти лет (ибо с этого возраста надлежит давать отчет за грехи, как показывает пример отроков, пожранных медведями за насмешки над Елисеем), и притом бороться с того возраста, в котором воздвигается против нас сильнейшая война, то почему ты назначаешь для подвигов время старости? Если бы ты властен был приказать и дьяволу, чтобы он не нападал и не вступал в борьбу, то этот совет твой имел бы некоторый смысл; но если ему ты предоставляешь действовать и поражать, а мне повелеваешь оставаться спокойным, или даже добровольно

преклоняться пред ним, что может быть хуже этой обиды - в то самое время, когда враг неистовствует, обезоруживать того, на кого он нападает, и таким образом предавать в его руки? - Но сын молод и слаб? Потому-то он и нуждается в большей безопасности, а, нуждаясь в безопасности, имеет нужду и в большем попечении. Такому человеку надобно быть всегда в тишине и спокойствии, не вмешиваться в (мирские) дела и вращаться в той среде, где много шума и смятения. А ты этих самых, для кого борьба особенно тяжела и по их возрасту, и по слабости, и по неопытности, и по рассеянности среди мира, влечешь в мир, как будто уже опытных и крепких, и не позволяешь им уйти подвизаться в пустыне, подобно тому, как если бы кто человеку, который может одержать тысячи побед, приказывал размышлять о делах военных в бездействии, а неопытного, который не может и взглянуть на сражение, по этому самому заставлял бы быть в сражении, ввергая его в крайние затруднения в этом неисполнимом деле. Притом надобно знать и то, что по вступлении в брак нельзя быть господином самого себя, но неизбежно одно из двух: или иметь постоянное сожителство с женою, если она захочет этого, или, если она пожелает воздерживаться, оставить ее и предаться любодеянию. Надобно ли говорить о прочих затруднениях, о заботах касательно детей и дома, которые могут притупить всякое усердие (к благочестию) и произвести в душе великое расслабление?

18. Поэтому лучше вооружать (сына) с юного возраста, когда он властен над собою и ничем не связан, - лучше не только по сказанным причинам, но не меньше и по тому, что имеет быть сказано. Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, соделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие; но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран; а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачуя свои раны, но с самого начала уже получает награды; для первого желательно избавиться от всех ран, а последний с самого вступления на поприще воздвигает трофеи и присоединяет победы к победам; он, как олимпийский борец, с юного возраста до старости шествуя среди победных восклицаний, отходит туда, увенчанный бесчисленными на главе венцами. С кем же ты желаешь быть твоему сыну? С теми ли, которые с великим дерзновением могут взирать на самих архангелов, или с теми, которые стоят вместе со всеми и занимают последнее место? Такие, конечно, займут последнее место, если даже будут в состоянии преодолеть все препятствия, какие исчислил я теперь: если не постигнет их преждевременная смерть, если затем не воспрепятствует жена, если не получат они столько ран, что для излечения их недостаточно будет всей старости, и если навсегда сохранять свое расположение (к благочестию) твердым и непоколебимым. Когда все это сойдется, и тогда они едва займут место между последними. С ними ли ты желаешь быть твоему сыну, или в числе тех, которые блистают в первом ряду воинства (небесного)? Кто же, скажут, так жалок, чтобы пожелать своим детям первого, а не последнего? - но мы следуем привычке и хотим, чтобы они были при нас. Этого и я желаю, и не менее вас, родителей, молюсь, чтобы они возвратились в родительский дом, и вознаградили за воспитание так, что других равных воздаяний и найти было бы невозможно; но не будем требовать от них этого теперь. Не странно ли, посылая их учиться красноречию, удалять надолго даже из отечества, или, когда они намереваются изучить какое-нибудь слесарное, или другое еще более низкое ремесло, не пускать их в свой дом, а приказывать и обедать и ночевать в доме учителя; когда же они намереваются приступить к изучению не человеческой науки, но небесного любомудрия, тотчас отвлекать их от этого, прежде, нежели исполнится нами желаемое? Иной, учащийся ходить по натянутой веревке, надолго расстается с родными; а тех, которые учатся взлетать от земли на небо, мы станем удерживать при родителях? Что может быть хуже такого безрассудства? Не видите ли, что и земледельцы, как ни сильно желают получить плоды трудов своих, никогда, однако же, не решатся собирать их преждевременно? Так не будем же и мы прежде времени отклонять сыновей от пустынной жизни, но предоставим урокам укрепиться в них и семенам (благочестия)

укорениться; не будем беспокоиться и скорбеть, хотя бы должно было им воспитываться в монастыре десять или двадцать лет; потому что, чем кто более станет упражняться в школе, тем более приобретет силы. А лучше, если угодно, не станем назначать срока; но пусть будет единственным пределом то время, когда посеянные в сыне плоды достигнут зрелости; тогда пусть он возвращается из пустыни, а прежде - нет; потому что от поспешности нашей произойдет только то, что он никогда не будет зрелым. Кто прежде времени лишается питания в корне, тот и в надлежащее время не будет годеи; а чтобы этого не случилось (с нашими детьми), будем терпеливо переносить разлуку, и не только сами не станем торопить, но, если и они захотят возвратиться преждевременно, не позволим. Усовершенствовавшись, сын будет для всех приобретением, и для отца и матери, и для дома и города, и для общества; если же он возвратится, не достигши цели, то будет предметом посмеяния и позора, и повредит себе и другим. Не будем же делать такого вреда. Отправляя сыновей на чужбину, мы хотим увидеть их тогда, когда они усовершенствуются в том, для чего предприняли путешествие; если же они возвратятся прежде, то мы не столько получаем удовольствия от их прибытия, сколько скорби от того, что они возвратились без пользы. Так, не крайне ли безрассудно - о духовном не прилагать и такого попечения, какое мы показываем в отношении к житейскому, но там любомудро переносить разлуку с детьми, даже с пожеланием большего продолжения ее, если это будет сколько-нибудь полезно, а здесь быть столь нежными и чувствительными к разлуке, что от такого малодушия погибают величайшие блага, имея притом здесь гораздо больше утешений не только в том, что дети посвятили себя важнейшим занятиям и непременно достигнут своей цели и ничто не разрушит их надежд, но и в самой даже разлуке? Когда дети находятся в дальнем путешествии, то трудно видеться с ними, особенно если родители будут в преклонных летах; а здесь можно часто приходиться к ним. Так и станем делать: когда детям еще нельзя придти к нам, будем мы приходиться к ним для свидания и беседования. От этого нам будет много пользы и удовольствия: мы не только будем радоваться при свидании с любимыми детьми, но и возвращаться домой с великими плодами для нас самих; а нередко и сами останемся с ними, проникнувшись любовью к любомудрию. Итак, станем вызывать их тогда, когда они сделаются крепкими и способными приносить пользу другим; тогда только будем выводить их оттуда, чтобы они были светом для всех, чтобы светильник стоял на свечнике. Тогда вы увидите, каких детей отцы вы, и каких - те, кого вы считаете счастливыми; тогда вы узнаете пользу любомудрия, когда (дети ваши) станут врачевать людей, страдающих неизлечимыми болезнями, когда будут прославляться, как общие благодетели, покровители и спасители, когда будут жить с людьми на земле как ангелы, и обращать на себя взоры всех; или вернее, что бы мы ни сказали, вам не высказать всего того, что можно видеть на опыте и на самом деле. Так и законодателям надлежало бы поступать, чтобы делалось должное, - не тогда внушать молодым людям страх, когда они сделаются мужами, но наставлять и направлять их в детстве; тогда и впоследствии не было бы нужды в угрозах. А теперь бывает то же самое, как если бы какой-либо врач начинающему заболеть не говорил ничего и не указывал, чем ему освободиться от болезни, а изнуренному и неизлечимому стал бы преподавать бесчисленные правила. Так и законодатели тогда руководят нас, когда мы уже развратились. Но не так (поступает) Павел; он приставляет к детям учителей добродетели сначала и с юного их возраста, преграждая порокам доступ к ним. Самое лучшее учение не то, когда, допустив наперед порокам одержать верх, потом стараются изгнать их, но то, когда употребляют все меры, чтобы сделать природу нашу недоступною для них. Посему увещаю не только удерживать других желающих поступать так, но и самим действовать и спасать ладью (жизни), и стараться, чтобы она плыла при попутном ветре. Подлинно, если бы мы все усвоили себе такой образ мыслей и прежде всего другого вели детей к добродетели, считая это главным делом, а все прочее придаточным, то отовсюду произошло бы столько благ, что, перечисляя их теперь, я показался бы преувеличивающим дело. Если же кто желает убедиться в этом, тот хорошо может узнать это из самых дел, и изъявит нам, а прежде нас Богу, великую благодарность, видя, что на

земле процветает жизнь небесная, и что вследствие этого учение о будущих благах и воскресении принимают с верою и сами неверные.

19. А что это не самохвальство, видно из следующего: когда мы говорим неверным о жизни пустынников, они не могут сказать ничего против нее, а думают найти опору для возражений в малочисленности провождающих такую жизнь. Но если бы мы насадили этот плод в городах, если бы благочиние стало законом и началом и если бы мы детей своих прежде всего другого наставляли быть друзьями Божиими и учили вместо всех и прежде всех прочих наук духовным, то прекратились бы все скорби, настоящая жизнь избавилась бы от бесчисленных зол, и то, что говорится о будущей жизни, т. е. "печаль и вздыхание удалятся" (Ис.35:10), все мы имели бы и здесь. Если бы не было в нас пристрастия ни к деньгам, ни к пустой славе, если бы мы не боялись ни смерти, ни бедности, скорби считали не злом, но величайшим благом, не знали ни вражды, ни ненависти, то не страдали бы ни от своих, ни от чужих горестей, но род человеческий приближался бы к самим ангелам. Но, скажет кто-нибудь, кто из людей достиг такого совершенства? Ты, конечно, не поверишь этому, проживая в городах и не читая божественных книг; но если бы ты узнал живущих в пустынях и древних, упоминаемых в духовных книгах, то убедился бы, что и монахи, и прежде них апостолы, и прежде этих (ветхозаветные) праведники, со всею верностью отличались таким любомудрием. Впрочем, чтобы нам не спорить с тобою, положим, что твой сын будет на две или на три степени ниже их, но и в таком случае он получит не мало благ. Он не сравняется с Петром и Павлом и даже не будет близко к ним: но неужели, поэтому лишим его и низшей сравнительно с ними чести? Так рассуждая, ты сделал бы то же, как если бы сказал: если он не может быть драгоценным камнем, то пусть остается железом, но не будет ни серебром, ни золотом. Почему же ты не рассуждаешь так и во внешних делах, но совсем напротив? Посылая сына учиться красноречию, ты хотя и не надеешься непременно увидеть его на высоте совершенства, однако поэтому не отвлекаешь его от этого занятия, а делаешь все со своей стороны, считая удовлетворительным, если сыну твоему, по успехам в красноречии, удастся быть пятым или десятым от первых. И определяя сыновей на службу царю, вы не ожидаете, что они непременно достигнут степени военачальников, однако не приказываете им снять с себя воинскую одежду и не приближаться даже к порогу дворца, но употребляете все средства, чтобы они не были устранены от пребывания там, считая достаточным видеть их хотя в числе средних. Почему же вы там, если и нельзя получить большего, стараетесь и заботитесь о меньшем, хотя надежда и на это также сомнительна, а здесь не радеете и уклоняетесь? Потому, что тех благ вы сильно желаете, а этих ни мало; а после, стыдясь признаться в этом, придумываете отговорки и предлоги; между тем, если бы вы истинно желали (этих блага), вас ничто не отклонило бы от них. Это действительно так: кто подлинно любит что-нибудь, тот, если не может достигнуть всего или самого высшего, постарается, по крайней мере, достигнуть среднего и даже в тысячу раз низшего. Так, пристрастный к вину и напиткам, если не может получить вина сладкого и ароматного, не откажется никогда и от самого дурного; и корыстолюбивый, хотя бы кто дал ему не драгоценные камни и не золото, но серебро, будет весьма благодарен. Такова страсть: это некое насилие, способное принудить всякого, одержимого ею, терпеть и переносить все для чего бы то ни было; посему, если бы ваши слова не были только предлогом, то вы должны бы содействовать нам, потому что желающему осуществления чего-нибудь свойственно не препятствовать этому осуществлению, но всячески содействовать ему. Так и выходящие на олимпийские игры, хотя знают, что из множества (соперников) только одному достанется награда за победу, однако же, вступают в борьбу и подвизаются. Между тем нет никакого сравнения между здешним и тамошним, не только по цели подвигов, но и потому, что там увенчанным уходит непременно только один, а здесь преимущество и унижение не в том, что один уходит не увенчанным, а другой увенчанным, но в том, что он один получает более блистательную похвалу, другой менее, однако все получают. Вообще, если бы мы

захотели с начала настроить детей и передать желающим воспитывать их, то не было бы невероятным, что они станут в первом ряду воинства; потому что Бог не презрел бы такого усердия и ревности, но простер бы Свою руку и приложил бы ее к этим (живым) изваяниям. А когда действует рука Его, тогда невозможна безуспешность в чем бы то ни было, или вернее, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этом было и должное с нашей стороны. Если и жены были в состоянии умолить Бога, чтобы Он помог им в воспитании детей, тем более мы могли бы сделать это, если бы захотели. Чтобы не удлиннять слова, я умолчу о прочих женах, хотя и мог бы сказать о многих, а упомяну только об одной.

20. Была одна иудеянка, Анна. Эта Анна родила одного сына и не надеялась иметь другого, потому что и того едва получила после многих слез, так, как была бесплодна. Хотя она видела, что соперница часто укоряет ее за это, она, однако не поступила так, как поступаете вы, но, и, получив этого сына, держала его при себе только дотол, пока нужно было питать его молоком. А как скоро он уже не стал нуждаться в этой пище, она, взяв его, немедленно посвятила Богу, не приглашала его приходить в дом родительский, и он жил постоянно в храме Божиим: и если когда она, как мать, хотела видеть его, то не вызывала отрока к себе, но сама с отцом приходила к нему, обращаясь с ним, как уже посвященным (Богу). Оттого юноша сделался столь доблестным и великим, что когда Бог отвратился от народа еврейского за распространившееся в нем нечестие, не изрекал пророчеств и не открывал никакого видения, он своею добродетелью опять преклонил и умолил даровать (иудеям) то же, что и прежде, и возвратил отлетевший дар пророчества. И это сделал он, когда был не в зрелом возрасте, но еще малым отроком: "слово Господне было редко в те дни", говорит Писание, "видения [были] не часты" (1 Цар.3:1); между тем, ему Бог часто открывал Свою волю. Так полезно всегда отдавать свои стяжания Богу и отказываться от всего, не только от денег и имений, но и от самых детей. Если нам велено поступать так с душою своею (Матф.16:24, 25), тем более со всем прочим. Так поступил и патриарх Авраам, или, лучше сказать, гораздо выше: за то и получил обратно сына с большею славою. По истине, мы тогда особенно и остаемся с детьми своими, когда отдаем их Господу. Он гораздо лучше (нас) сохранит их, так как больше и печалится о них. Не видите ли, что так бывает и в домах богачей? И там можно видеть, что низшие (слуги), живущие с отцами, не так заметны и не имеют такой силы; а те, которых, господа, отняв от родителей, определяют к себе на службу для хранения сокровищ, пользуются большим благоволением и свободою, и бывают настолько славнее своих со служителей, насколько господа славнее рабов. Если же люди так добры и благосклонны к своим слугам, то гораздо более беспредельна Благость, т. е. Бог. Отпустим же детей служить (Богу), вводя их не в храм, как Самуила, но в самое небо, вместе с ангелами и архангелами. А что посвятившие себя этому любомудрию действительно будут служить вместе с ними, это очевидно для всякого. Они будут предстательствовать с великим дерзновением не только за себя самих, но и за вас. Ибо, если некоторые получали (от Бога) некоторую милость за отцов, тем более отцы (получат) за детей; потому что в первом случае правом (на милость) служит только единство природы, а в последнем - и воспитание, которое гораздо важнее природы. То и другое я могу подтвердить вам и божественными писаниями. Так Езекию добродетельного и благочестивого, но не имевшего по своим делам дерзновения противостать великой опасности, Бог спасает, как Сам сказал, за добродетель отца: "буду охранять", говорит, "город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего" (4Цар.19:34). И Павел в послании к Тимофею о родителях сказал: "спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием" (1Тим.2:15). И Иова Писание прославило как за то, что он был "непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла" (Иов.1:1), так и за попечение о детях; а оно состояло не в собирании для них богатства, и не в старании сделать их славными и знаменитыми, но в чем? Послушай, что говорит Писание: "когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал [за ними] и освящал их и, вставая

рано утром, возносил всесожжения по числу всех их. Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем" (Иов.1:5). Какое же будем иметь оправдание мы, дерзающие на такие дела? Если тот, кто жил прежде благодати и прежде закона, и не слышал никакого учения, имел столь великое попечение о детях, что опасался и за тайные грехи их, то кто оправдает нас, которые живем во время благодати, имеем столько учителей, такие примеры и такие увещания, и между тем не только не боимся за тайные, но не обращаем внимания и на явные грехи, и не только не обращаем внимания, но и желающих исправить их преследуем? И Авраам, как я сказал прежде, прославился между прочими и этою добродетелью.

21. Итак, имея столько примеров, будем готовить Богу доблестных служителей и исполнителей. Если тот, кто воспитывает борцов для городов, или обучает воинов для царей, удостоивается великой чести, то какой дар можем получить мы, воспитывая для Бога столь доблестных и великих мужей, или лучше сказать - ангелов? Будем же делать все, чтобы оставить им богатство благочестия, которое пребывает постоянно, сопровождает нас при отшествии отсюда, и может принести величайшую пользу не только здесь, но и там. Богатство житейское не перейдет туда вместе с людьми, но еще и здесь погибает прежде их, а часто губить вместе и владеющих им; но то богатство и здесь и там пребудет прочным и стяжавших его сохранит в великой безопасности.

Действительно так: кто предпочитает земное духовному, тот лишится и того и другого; а кто стремится к небесному, тот непременно получит и земное. Это не мои слова, но самого Господа, имеющего подать эти блага: "ищите же", говорит Он, "прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Матф.6:33). Что может сравниться с этою честью? Заботься, говорит Он, о духовном, а все твое предоставь Мне. Подобно тому, как если бы чадолюбивый отец принимал на себя попечение о доме, управление слугами и всем прочим, а сыну советовал заниматься одним только любомудрием; так точно (поступает) и Бог. Будем же послушны, станем искать царствия Божия; тогда и детей увидим везде почтенными, и сами прославимся с ними, будем наслаждаться и настоящими благами, если только возлюбим будущие и небесные. Это доставит вам, когда послушаетесь, великую награду, а противящимся и непослушным - тягчайшее наказание; потому что нельзя оправдываться и говорить: никто нас не учил этому. Такое оправдание, еще прежде наших слов, уже опровергнуто, так как и (наша) природа имеет способность точно отличать хорошее от нехорошего, и наше любомудрие предлагается повсюду, и случающиеся в жизни бедствия достаточно сильны, чтобы изгонять в пустыню даже и сильно привязанных к миру. Так, если бы мы и молчали, как я сказал, оправдание уже опровергнуто, а тем более теперь, после этого продолжительного рассуждения, после такого вразумления, предлагаемого как из опыта, так еще из Божественных Писаний. Даже если бы дети, оставаясь дома, не совсем развратились, но получили спасение только на последнем месте, и тогда мы (родители) не избегли бы наказания за то, что воспрепятствовали их желанию вести жизнь более строгую, и удержали при житейских делах тех, которые стремились к небу; но если и это оказывается невозможным, а напротив неизбежно предстоит им погибнуть и угрожает крайняя опасность, то, какое будем мы иметь извинение, какое оправдание, навлекши на себя тягчайшую ответственность не только за свои грехи, но и за последующие грехи детей? Не столько они, я думаю, будут наказаны за то, в чем погрешат после того, как были увлечены в эти волны (мирской жизни), сколько вы, поставившие их в такую крайность. Подлинно, если соблазнившему одного лучше было бы с жерновым камнем быть потопленным в море (Матф.18:6); то какое наказание и мучение будет достаточно для тех, которые оказывают такую жестокость и недоброжелательство к своим детям? Посему прошу прекратить состязание и быть отцами любомудрых детей. Нельзя же говорить и того чем многие, как я слышу, отговариваются. Что же это такое? Мы знали, говорят, что они не могут дойти до конца, поэтому и остановили их. Но если бы ты даже ясно предвидел это и если бы это не было только догадкой, - ибо устояли многие и из тех, о

ком думали, что они падут, - если бы, говорю, ты подлинно предузнал это, и тогда тебе не следовало бы отвлекать сына. Если бы мы, например, стали подставлять ногу тому, кто уже готов упасть, то этого не поставили бы нам в оправдание, напротив это именно более всего и послужило бы к нашему осуждению. Почему ты не дал падению совершиться по собственной беспечности человека, но предвосхитил этот грех и всю вину привлек на свою голову? А лучше сказать, не следовало тебе и допускать этого; почему ты не употребил все средства к тому, чтобы сын твой не пал? Так как особенно ты знал, что он падет, то за это особенно ты и достоин наказания. Тому, кто наперед знал это, следовало не содействовать падению, а подать руку и оказать всевозможное усердие к тому, чтобы готовый упасть стоял твердо, хотя бы он устоял, хотя бы нет. Мы должны исполнять все со своей стороны, хотя бы другие не получали от нас никакой пользы. Почему и для чего? Для того чтобы отчета Бог потребовал уже не от нас, но от них. Это и сам Он сказал в осуждение тому, который ничего не сделал со своим талантом: "посему надлежало тебе", говорит, "отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью" (Матф.25:27). Послушаем же Того, Кто внушает это, чтобы нам избежать наказания. Не можем мы обмануть вместе с людьми и Бога, Который испытывает сердца, все обнаруживает и везде возлагает на нас ответственность за спасение детей. Если такому наказанию подвергся не отдавший серебра (торговцам), то чему подвергнется тот, кто препятствует и (другим), желающим отдать его? Так, не только тогда, если дети погрузятся по вашему внушению в житейские дела, но и тогда, если мужественно устоят против нашего нападения и опять удалятся в горы, одинаковое наказание постигнет тех, которые хотели воспрепятствовать им. Как привлекающий к любомудрию, убедит ли он, или не убедит, получит полную награду (ибо он исполнил свое дело), так и желавший развратить, успеет ли сделать это, или нет, потерпит одинаковое наказание, потому что и он исполнил свое дело. Таким образом, если вы и не успели побороть и искоренить благородные стремления детей, вы за одно покушение на это подвергнетесь такому же наказанию, какому и отвлекшие их оттуда. Итак, рассудив обо всем этом и оставив всякие отговорки, постараемся быть отцами доблестных детей, строителями Христоносных храмов, попечителями небесных ратоборцев, намащая и возбуждая их, и всячески содействовать их пользе, чтобы и нам быть соучастниками их венцов. Если же вы будете сопротивляться, то дети, если они доблестны, и против вашей воли достигнут этого любомудрия и будут наслаждаться всеми благами, а с вами случится то, что вы навлечете на самих себя безмерное наказание и будете хвалить сказанное нами тогда, когда от этих похвал уже не будет вам никакой пользы.

[1] Философ Платон в сочинении "Апология Сократа".

СРАВНЕНИЕ ВЛАСТИ, БОГАТСТВА И ПРЕИМУЩЕСТВ ЦАРСКИХ С ИСТИННЫМ И ХРИСТИАНСКИМ ЛЮБОМУДРИЕМ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

В слове или рассуждении с таким заглавием, означаящем его содержание, более подробно излагаются мысли, высказанные в одном из предыдущих слов (Слово второе - к неверующему отцу, отдел. 6 и 7) в обличение нравов общества, современного Златоустому Святителю.

Повод к написанию этого рассуждения. – Повелевающий деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевающий народом и войском. – Брань монаха славнее брани царя. – Кто из них счастливее во время ночи. – Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

Видя, что многие из людей более любят и уважают кажущиеся блага, нежели существенно полезные и действительно добрые, я считаю необходимым сказать кратко о тех и других и противопоставить теперь одни другим - блага многими презираемые и блага весьма желаемые, чтобы, узнав различие между теми и другими, мы ценили одни, как достойные привязанности и спасительные, а другие научились презирать, как ничего не стоящие. Так люди любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большой толпой оруженосцев, а презирают жизнь любомудрствующих и избравших монашескую жизнь; те, появляясь, обращают на себя взоры народа, а эти, появляясь, не привлекают на себя взоров ничьих или очень немногих; и последним никто не пожелал бы уподобиться, а тем - все, между тем как приобрести власть и получить господство над народом трудно и для многих невозможно, и стремящимся к этой власти нужно иметь много денег, а избрать монашескую жизнь и проводить жизнь в служении Богу для всех одинаково легко и удобно. Притом обладание властью прекращается с этой жизнью, или лучше сказать - еще при жизни оставляет пристрастных к ней, и даже некоторых подвергало великой опасности или позору; а монашеская жизнь и теперь обогащает праведников многими благами и по окончании жизни приводит светлыми и радостными пред судилище Бога и Отца, когда большая часть начальствовавших явятся получить великое наказание за деяния своей жизни. Поэтому противопоставив блага любомудрия и кажущиеся полезными блага владычества и славы в настоящей жизни, вникнем в различие тех и других благ; потому что при сравнении они будут более ясными, или лучше, если угодно, верховное из благ, т.е. царствование, сравним с любомудрием, посмотрим на плоды того и другого достояния, тщательно исследовав, над кем властвует царь и над кем любомудрый. Так царь господствует над городами и областями и многими народами, руководствуя своими указаниями и военачальников и градоначальников и войска и народы и советы; а предавший себя Богу и избравший монашескую жизнь властвует над гневом и завистию и сребролюбием и сладострастием и прочими пороками, постоянно имея в виду и заботясь, как бы не допустить душу подпасть под власть гнусных страстей и не предать разум в рабство этой тяжелой тирании, но всегда соблюдать ум выше всего, поставив над страстями страх Божий. Такое господство и владычество принадлежит царю и такое монаху, так что справедливее иной назвал бы последнего царем, нежели блистающего багрянницею и венцом и сидящего на золотом престоле.

2. Так, поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать над душою страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть начальствующим над народами, и землей и морем, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с городами со всякой кротостью. А кто по-видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу и честолюбию и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотом, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все тело его блестит багрянницею, но душа его остается неукрашенной. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собою как может подчинять законам других? Если хочешь видеть и войну того и другого, то найдешь одного сражающимся с демонами, и преодолевающим, и побеждающим и увенчиваемым от Христа; потому что он выходит на войну с божественною помощью, оградившись небесным оружием, отчего по необходимости ему и достается победа; а царя - сражающимся с варварами. А чем демоны страшней людей, тем побеждающий первых блистательнее побеждающего последних. Если же захочешь знать и причину той и другой войны, то и в этом найдешь большое неравенство. Тот сражается с демонами за

благочестие и служение Богу, или желая исторгнуть из заблуждения города и селения, а этот сражается с варварами за отнятые местности, или пределы, или имущества; или же корыстолюбие и несправедливое властолюбие влечет его на сражение, при чем многие цари, желая большего, теряли и настоящее. Таким образом власть и войны показывают, сколь отличны друга от друга царь и посветивший жизнь на служение Богу; а еще точнее можно узнать их, обратив внимание на жизнь и дневные занятия того и другого.

Окажется, что один поистине обращается с пророками, украшает душу мудростью Павла и постоянно переходит от Моисея к Исаии, от этого к Иоанну, а от него (еще) к другому (из них), царь же постоянно обращается с военачальниками и градоначальниками и оруженосцами; а с какими людьми кто постоянно обращается, тем и уподобляется нравом. Посему монашествующий сообразует свой нрав с нравами апостолов и пророков, а царь - с нравами военачальников и оруженосцев и щитоносцев - людей, предающихся вину и услаждающихся удовольствиями и большую часть дня проводящих в пиршестве, не знающих ничего важного или доброго вследствие опьянения. Так и поэтому следует ублажать монашескую жизнь более, нежели жизнь с господством и царствованием и скипетрами.

3. Если мы захотим представить и ночное время, то увидим монаха отличающимся службою Богу и молитвами, воспевающим гораздо раньше птиц, сожительствующим с ангелами, беседующим с Богом, наслаждающимся небесными благами, а начальствующего над многими народами, областями и войсками, и обладающего обширной землей и обширным морем - распростертым на ложе и крепко спящим; потому что монах питается такими яствами, которые не требуют от него глубокого сна, а последнего усыпляет роскошь и питание, удерживающее на ложе до самого дня. У монаха и одежда и стол умеренны и соучастниками в яствах бывают подвизающиеся в той же добродетели, а царю необходимо украшаться камнями и золотом, предлагать блистательный стол и иметь соучастниками, если он неразумен, достойных собственной его порочности, а если имеет ум и смиренномудрие, то может быть честных и справедливых, но много уступающих первым в добродетели. Так, хотя бы царь был любомудр, он даже и мало не может приблизиться к доблестям монашествующего. Он в путешествиях бывает обременителен для поданных, и живя в городе, и наслаждаясь миром, и участвуя в войнах, и требуя податей, и собирая войска, и проводя пленников, и побеждая, и подвергаясь поражению; потому что, подвергаясь поражению, он слагает на подданных собственные бедствия, а побеждая становится невыносимым, украшаясь трофеями, и тщеславясь, и представляя воинам свободу грабить, расхищать, обижать путников, держать города в осаде, разорять дома бедных, от принимающих к себе их требовать каждый день того, чего не позволяет никакой закон, под предлогом какого-то древнего, незаконного и несправедливого обычая. Притом богатому царь нисколько не вредит такими тягостями, а причиняет зло бедным, как бы по-истине стесняясь богатых. А монах не таков, но, как только покажется, он является приносящим некоторую благодать богатым и бедным, одинаково тем и другим, облакаясь в одну одежду целый год и для питья употребляя воду охотнее, чем другие - чудное вино, для себя не испрашивая у богатых никакой - ни малой ни большой милости, а для бедных (испрашивая) многих и постоянных (милостей), с пользою для тех и других, и для дающих и имеющих получить. Таким образом он есть общий врач, одинаково и богатым и бедным, первых освобождая от грехов добрым увещанием, а последних избавляя от бедности. Царь, даже и повелевая облегчить подати, приносит пользу больше богатым, нежели бедным, а поступая напротив, (тем более) вредит имеющим мало; потому что богатому немного может повредить тяжесть податей, а дома бедных она как поток разрушает, наполняя селения воплями, и ни старости не жалеют сборщики податей, ни вдовства жен, ни сиротства детей, но бесчинствуют во все время, как бы общие враги страны, требуя от земледельцев того, чего и земля не производит.

4. Теперь рассмотрим и то, что монах и что царь доставляет подданным: этот - золото, а тот - благодать Духа, этот избавляет от бедности, если он добр, а тот молитвами освобождает души, одержимые демонами. И если кому-либо случится подвергнуться таким несчастьям, то он проходит мимо царя, как бы бездушного предмета, и поспешает в жилище монахов, как бы избегая волка и прибегая к зверолову, имеющему меч в руке; ибо что для зверолова меч, то для монашествующего молитва. Подлинно, не так страшен для волков меч, как для демонов - молитвы праведников. Посему не только мы в нуждах прибегаем к святым монахам, но и сами цари прибегают к ним в опасных обстоятельствах, как бедные во время голода - к жилищам богатых. Ахав, царь иудейский во время голода и недостатка хлеба не полагал ли надежду спасения в молитвах Илии (3 Цар. 17)? Езекия, имевший такую же власть и державу, находясь в болезни и ожидании кончины, видя наступающую смерть, не прибег ли к пророку, как сильнейшему смерти и подателю жизни (4 Цар. 20)? Также, когда разразилась война и Палестина была в опасности разориться до самого основания, то цари иудейские, распустив войско, и пеших воинов, и стрельцов, и всадников, и военачальников и полководцев, прибегли к молитвам Елисея, так как думали, что слугитель Божий заменит для них многие тысячи воинов (4 Цар. 3). Точно также и царь Езекия, когда наступила персидская война, и город с величайшею опасностью колебался до самого основания, и находившиеся на стене дрожали, страшились и трепетали как бы в ожидании грома или всеколеблющего землетрясения, противопоставил молитвы Исаии многим тысячам персов, и не обманулся в надежде (4 Цар. 19); ибо, как только пророк поднял руки к небу, Бог небесными стрелами прекратил персидскую войну, внушая царям почитать слугителей Его общими спасителями земли, дабы они научились, принимая от праведников увещания ко всякому доброму и человеколюбивому делу, уважать эти советы и следовать благим внушениям. И не из этого только можно видеть различие того и другого, но, если случится тому и другому пасть, лишиться одному добродетели, а другому царства, то первый легко может придти в себя и скоро, очистив грехи молитвою и слезами, скорбью и попечением о бедных, опять удобно достигнуть прежней высоты; а ниспавший царь будет нуждаться во многих союзниках, многих воинах и всадниках, и конях и деньгах, (пребывая в) опасностях; последний всецело полагает надежду спасения в других, а первый получает спасение быстро вслед за желанием, усердием и переменою нрава; ибо "Царство" небесное, говорится в Писании, "внутри вас есть" (Лк. 17:21). Даже смерть для царя страшна, а для любомудрствующего беспечальна; потому что тому, кто презирает богатства, удовольствия и роскошь, для которых многие желают жить, по необходимости легко переносить и переселение отсюда. Если бы случилось тому и другому быть убиваемым, то один подвергнется опасностям за благочестие, приобретая смертью бессмертную и небесную жизнь, а царь встретит в убийце тирана и искателя власти, представляя после убиения жалкое и ужасное зрелище; а видеть монаха, убиваемого за благочестие - приятное и спасительное зрелище. Притом один будет иметь многих соперников его доблестей, подражателей и учеников, молящихся о том, чтобы оказаться подобными ему, а другой много потратит слов в молитвах, умоляя Бога, чтобы не явилось ни одного искателя царства. Даже первого и убивать никто не осмелится, считая нечестием против Бога, если убьет такого, а на последнего восстают многие убийцы, искатели тирании. Поэтому этот ограждается воинами, а тот ограждает города молитвами, не боясь никого; царь всегда живет со страхом и в ожидании убийства, потому что он имеет при себе опасное любостыжание, а монах - безопасное спасение. Итак, кажется, довольно сказано мною о делах настоящей жизни. Если же мы захотим рассмотреть и будущее поприще, то увидим одного в блеске и славе, восхищаемого на облаках во сретение Господа в воздухе, как вождя и наставника спасительной жизни и всякой добродетели; а царь, если окажется пользовавшимся властью праведно и человеколюбиво (но это весьма редко), сподобится меньшего спасения и прославления, потому что они не равны, - не равны царь добрый и монах, живущий в высоком служении Богу; а если он окажется порочным и дурным, наполнившим землю множеством зла, то

кто может изобразить бедствия, которыми он будет окружен, сожигаемый огнем, бичуемый, терзаемый, претерпевающий такие страдания, какие невыразимы словом и непереносимы делом? Все это представляя и помня, не должно восхищаться богатыми; ибо и владыка их, как оказывается, не может нимало приблизиться к добродетели монаха. Итак, когда ты увидишь богатого украшенного одеждою, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека; потому что богатство временно, и кажущееся прекрасным истлевает с этою жизнью; а видя монаха идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия, молись о том, чтобы сделаться подобным праведнику; ибо "просите", говорит Писание, "и дано будет вам" (Мф. 7:7). Это поистине прекрасно, и спасительно, и благонадежно, по человеколюбию и промыслению Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О СОКРУШЕНИИ.

Два слова о душевном сокрушении написаны св. Иоанном Златоустым по просьбе благочестивых и близких к нему лиц, имена которых поставлены в заглавии этих слов, монаха Димитрия и Стелехия, в конце 374 или в начале 375 года по Р. Х., когда он сам, по посвящении в церковного чтеца св. Мелетием, епископом антиохийским, поселился в обители иноков, проводивших подвижническую жизнь на смежных с Антиохиею горах, о чем ясно говорится в первом слове (отдел. 6).

СЛОВО ПЕРВОЕ.

К ДИМИТРИЮ МОНАХУ.

Повод к написанию слова. – Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. – Неосновательные извинения грешников. – Наказание злословящих. – Обязанность христианина любить своих врагов и делать им добро. – Толкование на прошение: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим". – Объяснение слова: "не давайте святыни псам". Желание истинного блага. – Чудесная сила этого желания. – Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

Видя, что ты, блаженный Димитрий, непрестанно обращаешься к нам и с великим усердием просишь от нас слов о сокрушении, я всегда ублажал (тебя) и удивлялся чистоте души твоей; потому что и пожелать таких наставлений невозможно, не очистившись перед этим совершенно и не возвысившись над всем житейским. Это легко видеть на тех, которые объемлются таким желанием даже на краткое время: в них происходит вдруг такая перемена, что они тотчас переносятся на небо; отрешив душу от мирских забот, как бы от тяжких уз, они таким образом дают ей свободу взлетать в свое, сродное ей, место. Но со многими обычно в течение жизни это случается редко; а ты, божественная глава, всегда, как известно мне, объят этим огнем сокрушения. И свидетелями мне в этом могут быть (твои) бессонные ночи, и потоки слез, и любовь к пустыне, постоянно живущая и процветающая в душе твоей. Какая же будет тебе польза от наших слов? Уже то самое, что ты, достигнув самой высоты (добродетели), ставишь себя вместе с идущими вниз, окрыленную душу (свою) называешь каменною и, непрестанно касаясь правой руки моей, целуешь и со слезами говоришь: „сокруши ожесточенное сердце мое“, - уже это самое какую означает богобоязненность, какую пламенную ревность? Итак, если ты желаешь пробудить нас спящих, привлекая нас к этому предмету, то одобряю твою великую

мудрость и попечение; но если ты действительно имеешь в виду себя самого и думаешь, что ты нуждаешься в возбудителе, то не знаю, как бы еще иначе мог ты убедить нас, что ни в чем нашем ты не нуждаешься. Впрочем, и при этом мы уступим тебе и послушаемся из уважения и (твоего) дерзновения к Богу, и усердия в просьбе, и дружбы к нам; а ты воздай нам за это своими молитвами, чтобы нам правильно устроить жизнь свою в будущем, и теперь сказать что-либо доброе, способное восстановить лежащие и подкрепить и ободрить ослабевшие души. С чего же нам начать это слово? Какое мы положим ему основание, какую опору? Не очевидно ли, что - слова Христа, в которых Он изрекает горе смеющимся, а ублажает плачущих, говоря так: "Блаженны плачущие, ибо они утешатся" (Мф. 5:4), и: "Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете"(Лк. 6:25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез; такое несчастье постигло всю вселенную, такая бедствия объяли всех людей, что, если кто захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, которого тело извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем; и по этой безчувственности мы нисколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим, и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится даже малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь; а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сожигается, низвергается в пропасть и всячески губит себя, нисколько не заботимся. Причину же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому, как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безразсудных желаний, так и у нас, оттого, что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны, - одни более, другие менее, - никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и разстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такою дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!

2. И чтобы кто не подумал, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и доказательство, не от чего либо другого, но из самых заповедей Христовых. Что же говорит Христос? "Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной"(Мф. 5:21, 22). Это (сказал) Христос. А мы, хуже неверующих в Него, попрали этот закон, каждодневно осыпая братьев своих множеством злословий. И особенно смешно то, что, избегая названия урод, как будто только это слово подлежит наказанию, мы часто наносим (ближнему) другия более тяжкие оскорбления. А на самом деле не так, но (Господь) дал такое запрещение, угрожая наказанием оскорбителям вообще, как это видно и из следующих слов Павла: "Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют" (1 Кор. 6:9, 10). Если же называющий брата своего уродом достоин крайнего наказания, то сколько геенского огня приготовить себе тот, кто называет его злодеем, и завистливым, и безумным, и тщеславным, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова безумный и "рака" - гораздо легче сказанных теперь. Посему Христос, не упоминая о них, указал только на те, чтобы ты знал, что если легчайшее злословие подвергает сказавшаго геенне,

тем более сделают это более тяжкие и несносные. Если же некоторые допускают в сказанном преувеличение (я знаю, что некоторые испытывают расположение думать так, будто эта угроза сказана только для того, чтобы устроить), то следует уже освободить от упомянутого наказания и самых блудников, мужеложников, малакий, идолослужителей. Если (апостол) высказал угрозу злоречивым только для страха, то явно, что тоже и остальным; потому что он сперва поставил всех вместе, а потом прибавил, что они будут лишены царствия. Что же, скажут, неужели злоречивый станет на ряду с блудником, и малакией, и лихоимцем, и идолослужителем? Одинаковому ли он подвергнется наказанию, это рассмотрим в другое время; а что он одинаково с ними лишится царствия, в этом я верю словам Павла, или, лучше сказать, действовавшего через него Христа, т. е. что ни те, ни другие царствия Божия не наследуют. И не только касательно этого, но и многих других предметов многие также расположены думать, будто то, о чем (в Писании говорится как) имеющем непременно исполниться, сказано преувеличенно. Это - дьявольская сеть. Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, (дьявол) предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние несколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать на зло себе и навлекать на себя еще другое наказание - за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им; а неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно, когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением (воле Божией) и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть, - не верим этим наказаниям. Как одержимые сильною горячкою, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающего их жара, но еще более прибавляют себе огня; так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну (мысли о) преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам. Мы не только гневаемся на присутствующих братьев, но часто враждебно относимся и к отсутствующим: а это - верх ожесточения. От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды и оскорбления, потому что боимся их; а к равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх пред людьми действует (в нас) сильнее страха Христова.

3. Как же мы можем надеяться на спасение, показывая такую беспечность и невнимательность? И отчего это, скажи мне? Что тяжкого, что трудного требует от нас Христос? Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого; там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него; между тем не все равно - терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любомудрия; но кто сделает последнее, тот не заслужит удивления. Итак, когда мы, по страху перед людьми делая более трудное, не хотим делать менее трудного по страху Божию; то подумай, какому подвергаем сами себя наказанию и мучению. Притом, почитай братом не только равночестного тебе, не только свободного, но и слугу: "во Христе Иисусе", по апостолу "нет ни раба, ни свободного" (Гал. 3:28). Таким образом мы подвергнемся одинаковому наказанию, если будем гневаться напрасно и на рабов; потому что и раб есть брат и удостоился истинной свободы, имея один (с нами) дух. Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева? Не указывай мне на того, кто предается этому (пороку) изредка, но покажи такого человека, который бы никогда не предавался ему; а пока не

представишь нам этого, до тех пор не можешь отклонить (содержащейся в Писании) угрозы под тем предлогом, что пороку этому предаются не часто. Так и вор, и блудник, хотя бы только однажды совершили грех, не освобождаются от наказаний потому, что совершали этот грех не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этим следует (в Евангелии), того кто из неверующих не сочтет даже за басню, видя, с каким упорством мы нарушаем это (повеление)? Бог сказал: "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой." (Мф. 5:23, 24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным и службе прерваться, только бы мы прекратили вражду друга к другу и гнев; а мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных (ими) братьях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти: поэтому (Христос) и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости; потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами, и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни, - как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято с доверием; так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поссорить нас большею частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Посему (Господь) повелевает нам, оставив дар пред алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились, - пред принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большею частью только языком и устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то - ложь и притворство; и кто так целует (ближнего), тот скорее прогневает, чем умилюстит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак (дружбы), а силу вовсе утратила, что самое и служит доказательством господствующих у нас беззаконий. "По причине умножения беззакония", говорит Господь, "во многих оскудеет любовь" (Мф. 24:12). И это делаем мы, люди, которым повелено не гневаться и не иметь врагов, а если и случится кого иметь, то только на день: "солнце", говорит (апостол), "да не зайдет в гнев вашем" (Ефес. 4:26). А мы и на этом не останавливаемся; но строим козни друга против друга, и словами, и делами угрызая и поедая своих сочленов, что свойственно явному умоисступлению; ибо по этому особенно мы узнаем страждущих неисцельно беснованием и сумасшествием. Что же сказать о законе касательно соперника, нечистой похоти, бесстыдных взглядов, безумной и губительной любви? Здесь "правое око" и "правая рука" (Мф. 5:25-30) указывают нам не на другое что, как на любящих нас со вредом (для нас). А закон касательно развода с женами кем не был часто нарушаем и попираем (Мф. 5:32)?

4. О законах против клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушают клятвы непрестанно. Если клятва, и в справедливом деле, виновна и законопреступна, то куда мы отнесем нарушение клятвы? Если то, что сверх да и нет, от лукавого (Мф. 5:37), то кому приписать то, что превышает это последнее? Далее Господь говорит: "А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему

и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся".

(Мф. 5:39-42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться (от стыда): так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления, ни на деле ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя (предписываемая Христом) жизнь гораздо духовнее, чем первая; потому что не все равно - дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо более и этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у врагов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и, хотя бы он был зверь, и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость и его добродетель. Такой жизни я и ищу теперь, какая именно и предложена в Писании, но какой в других местах и на опыте (не нахожу) нигде. Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему более, нежели сколько он хотел, и этою добровольною уступкою большего доказал бы свое великодушие и на счет отнятого насильно. Но, что еще выше и этого и что составляет самый верх (добродетели), - Христос повелел нам считать друзьями, и друзьями близкими, тех, которые так поступают с нами и причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовью самую крепкой и искренней. Это именно желал Он выразить, когда сказал: "молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Мф, 5:44; см. Лк. 6:28). Это мы обыкновенно делаем только за тех, кого весьма любим. И чтобы ты опять не счел этих слов за преувеличение и не подпал дьявольскому обольщению, Он приводит этому доказательство и основательную причину: "Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?" (Мф. 5:46-47)? Если же мы в этом несколько не отличаемся от мытарей и язычников, то как нам не плакать и не сокрушаться? И если бы зло состояло только в этом! Но теперь мы так далеки от любви к врагам, что отвращаемся и ненавидим даже тех, которые любят (нас); потому что враждовать, завидовать и губить их честь и добрую славу и делами и словами свойственно только тем, кто сильно ненавидит и отвращается. Таким образом, мы в этом не только ничем не отличаемся от язычников, но еще оказываемся гораздо хуже их. Христос повелел "молиться за обижающих," а мы строим ковы; нам повелено "благословлять проклинающих" (Мф. 5:44), а мы осыпаем тысячью проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами (Мф. 6:1-8), а мы усилили, распространив эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника, - не говорю, потому что это ясно для всех; скажу только, что одни из людей, предавшись крайнему нерадению, не соблюдают никаких заповедей, а другие, если и захотят отчасти

покоряться им и постараются исполнить некоторые заповеди, то и они опять впадают в тот же недостаток, не желая сбросить с себя уз тщеславия. Один совсем не подает милостыни, а другой даже если и уделяет нуждающимся несколько из своего имущества, но делает это с тщеславием, и потому оказывается ничем не лучше неподающего. Так дьявол всех совершенно опутал своими сетями! Если же кто сможет избежать этого недостатка, то по неразумию опять впадет в схожий с этим или еще гораздо больший грех; и останется не только без пользы для себя от того, что сделал, но и с причинением себе некоторого зла. Я знаю многих, которые помогают нуждающимся не по этим только причинам, но и по дружбе и из угождения и по многим другим подобным побуждениям, а не по страху Божию и не по заповеди. Итак, когда есть столько обстоятельств вредящих добрым делам, то кому из подверженных этим недостаткам легко будет спастись?

5. А слова: "прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"(Мф. 6:12) кто может произнести смело? Мы если и не мстим врагам, то и не залечиваем (нанесенной нам) раны. А Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей. Поэтому, как я сказал выше, Он и повелел молиться за них. Если же ты, хотя и не делаешь зла (врагу), однако отвращаешься от него, смотришь на него с неудовольствием и хранишь в душе рану свою неисцельною, то ты еще не исполнил заповеди, которую дал тебе Христос. Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? Посмеваясь этому, один мудрец говорит: "Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих; сам, будучи плотию, питает злобу, кто очистит грехи его?"(Сир. 28, 3-5)? Хотел бы я уже замолчать и остановить речь на том, что сказано: так стыдно и совестно продолжать далее, потому что дальнейшая речь еще яснее покажет эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываем против заповедей Христовых. Но что пользы от нашего молчания, когда дела вопиют об этой вражде, а еще прежде самых дел ясно все знает Тот, Кто будет судить нас? Заповедь - не собирать себе "сокровища на земле, но на небе" (Мф. 6:19, 20), хотя и немногие, однако находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят маммону. Что же касается до заповеди: "не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6:34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловерию нашему. Поэтому, от стыда, пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства, и привел примеры, именно птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с большим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением (о земном), и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость. Посему эту заповедь, со стыдом, как я сказал, пройду молчанием, и перейду к последующему, не найду ли там хоть малое облегчение своего стыда. Что же после этого говорит (Христос)? "Не судите, да не судимы будете" (Мф. 7:1). Здесь я думал найти облегчение своего стыда, но вижу приращение его не меньше, чем от предыдущего. Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя (в глазах) не видим бревен (ст. 3); так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь, и между мирянами и между монахами и клириками, такого, кто был бы свободен от этого греха, несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: "ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить" (ст. 2). И однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в гееннскую печь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших

доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до нарушения (заповедей) по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что (Господь) повелевает делать, легко и удобно для желающих (исполнять), напротив то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему? А что заповеди Христовы не имеют в себе ничего трудного, это объяснил сам Он, в словах: "возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко"(Мф. 9:29-30). Но мы, по неизъяснимой беспечности, делаем то, что легкое кажется для многих трудным. Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить; напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большею смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая лень не представила нам весьма тяжелым и трудным; равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким. Что, скажи мне, могло бы быть тяжелее, как всякий день терпеть опасности, угрожающие смертию? Однако блаженный Павел и это назвал легким, сказав так: "Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу"(2 Кор. 4:17). И трудное само по себе дело становится легким по надежде на будущее; эту (причину) привел и сам (Павел), сказав: "когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое" (ст. 18).

6. Посмотрим и дальше. Не давайте, говорит Христос, "святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями" (Мф. 7:6). Христос дал эту заповедь как повеление, а мы, по тщеславию и неразумному дружелюбию, нарушили и это повеление, допуская к общению таинств, просто и без исследования, людей развратных, неверующих и исполненных множества пороков; прежде точного дознания их нрава открываем им все учение о догматах и сразу вводим в святилище тех, которые еще не могут видеть и преддверия. Поэтому некоторые из посвященных таким образом, скоро сделавшись отступниками, наделали множество зла. И мы нарушаем эту весьма страшную заповедь не только по отношению к другим, но даже и по отношению к самим себе, когда, имея нужду приобщиться бессмертных таин, часто делаем это с присущею нам нечистотою и с бесстыдством. И не только эти заповеди всеми всецело нарушаются, но, как оказывается, и последующие. Так Христос сказал: "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними"(Мф. 7:12). А мы делаем (другим) все, чего сами терпеть не хотим; и, имея повеление входить (в царство небесное) тесными вратами (ст. 13), ищем везде широких. И что таких врат желают и домогаются некоторые из мирян, это не очень удивительно; но что мужи, которые, по-видимому, распялись (для мира), ищут их более, чем миряне, это изумительно, даже походит на загадку. От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их; постоянно повторяется слово: покой. Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? Что может быть хуже такого извращения дела? А чтобы ты не подумал, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о самом себе. Когда я недавно решил, оставив город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такого рода службы? И вообще у меня было много заботы о (своем) покое.

Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся об этом (покое), но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унижительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности; но упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесные блага, которые "не видел глаз, не слышало ухо", и которые "не приходили на сердце человеку" (1 Кор. 2:9), - мы спрашиваем о покое? Так мы более их жалки и слабы! Что говоришь ты, человек? Ты намереваешься идти на небо и получить там царство, и - спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь и не бежишь скрыться под землю? Хотя бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь, и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, неужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? Даже подумаешь ли об этом? Что было бы глупее, ниже и жалче такой души? Объятому желанием небесного не должно, не говорю - искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется. Не странно ли, что, тогда как любящие нечистою любовью так всецело предаются своим возлюбленным, что кроме их и пребывания с ними, не находят ничего приятного в других удовольствиях настоящей жизни, как ни много их, мы, объятые не какою-либо нечистою, но самую возвышенною любовью, не только не пренебрегаем покоем, когда его имеем но еще ищем, когда его нет?

7. Никем еще, возлюбленный, не овладело желание небесных благ, как следовало бы овладеть; иначе он почел бы тенью и посмешищем все то, что (теперь) кажется трудным. Так, кто увлекается настоящим, тот никогда не удостоится увидеть будущие блага; а кто презирает здешнее и все считает не лучше тени и сновидения, тот скоро получит те великие и духовные блага. И если у кого действительно будет это благое (настроение), то оно окажет такую же силу, как огонь в терновнике; и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти и окружало его великое смятение житейских дел, это (желание небесных благ), как бы крепким бичем, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так поработает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние тяжелейшее всякого свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но - того, кто сам был объят этою прекрасной любовью. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павел, который так был уязвлен этою любовью, что даже стонал о замедлении и продолжительности здешнего странствования: "находясь в этой хижине", говорит он, "воздыхаем" (2 Кор. 5:4); однако готов был и желал еще оставаться здесь для Христа: "а оставаться во плоти", говорит он, "нужнее для вас" (Флп. 1:24), то есть, для того, чтобы распространилась вера во Христа. Поэтому он переносил и голод, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морские путешествия, и кораблекрушения, и все прочие беды, им самим исчисленные; и не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому была любовь Христова. Потому он и говорил: "Но все сие преодолеваем

силою Возлюбившего нас" (Рим. 8:37). И не удивляйся этому: если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного (Христа), и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения, что и действительно так. Он даже и не думал, что он находится на земле, в настоящей жизни, и обращается с людьми; но как будто уже имел небесный жребий, обитал с ангелами, получил царство и наслаждался (созерцанием Бога) лицом к лицу, поэтому презирал и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покое, которого мы ищем постоянно, но восклицал так: " Даже доньне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками" И еще: "мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] доньне"(1 Кор. 4:11-13). Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять возвратиться на землю; но как бедняга и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно; так и блаженный (Павел), увидев небесные блага, смотрел с пренебрежением на здешнюю бедность и, - по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему здешнему не прилеплялся, а всецело переселился в тот (небесный) град. И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так воодушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшая геенны и желая царствия. Быв объят какою-то другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, - т. е. пребыванием со Христом, - для чего он пренебрегал и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять, как одно из вожделеннейших благ, даже и это невыразимое отлучение (от Христа за израильтян, Рим. 9:3).

8. Сказанное мною теперь, может быть, многим покажется неясным; а когда я скажу то же яснее, тогда опять покажется невероятным для тех, кому прежде было неясно. И это нисколько не удивительно; сам блаженный (Павел), ожидая, что ему не поверят в этом, предварительно сказал: "Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (Рим. 9:1). Однако, несмотря на то, что он присовокупил в своем изречении такие слова и призвал таких свидетелей своей совести, и ему теперь еще не верят.

Что же именно говорит он? Послушай. После речи о бедствиях в этом мире, сказав: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?" (Рим. 8:35), и перечислив все, что на земле, он восходит на небо; и желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: "ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь" (Рим. 8:38-39). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлечь меня от этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно. Это, а не другое что, означают слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А так говорил он не потому, что ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа; но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень пред всеми ближними, непрерывною беседою о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный (Павел): обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда

не случится, видимое и невидимое, всякое наказание и всякую отраду, он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов (к этим несуществующим предметам относится выражение: "другая какая тварь"), таким образом показал, что из всего сказанного ничто "не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим 8:39). На такую высоту поднял свою любовь (Павел); а мы, получившие повеление подражать ему (1 Кор. 11:1), не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой. Продолжительная болезнь эта, охватившая наши души, от продолжительности сделалась, там сказать, неизлечимой, и мы не можем даже подумать о совершенном здоровье, которого восстановление нам кажется уже невозможным. И если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту (отсталость), но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не той же ли питались пищею? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие - и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великою благодатию Божиею! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни: тогда уместно было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания (закону Христову), то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни; таким образом - наше развращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день (суда) будет давать награды не тем, которые только делали чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди. "Приидите", - скажет Он, - "благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира," не за то, что вы творили чудеса, но за то, что "алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; 36 был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне." (Мф. 25:34-36). И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только - о ведущих жизнь праведную (Мф. 5:3-12).

9. Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным (апостолам) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но - сам подражатель Христов (Павел). Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои, следующими словами: "Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто

изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11:23-29)? За это я удивляюсь апостолам; а без этого, получившие по домостроительству (Божию) власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными, как показывает и Христос, когда говорит: "Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7:22-23). Поэтому Он и ученикам внушал: "однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (Лк. 10:20). Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избежать наказания. Итак сказанное нами оправдание неуместно, и не только неуместно, но даже опасно, и для многих еретиков служит предлогом. Если апостолы сделались столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицепрятия; а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный (Павел) совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: "он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми" (Деян. 9:15). Так Испытующий сердца наши засвидетельствовал, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будем же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому невозможно быть подобным Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий; а если нет таких, то единственно потому, что не хотят. Впрочем не знаю, как я дошел до такого неразумия, что ищу между нынешними людьми подобных Павлу, когда не могу видеть и таких, которые были бы подобны третьим или четвертым после него. Об этом должно скорбеть, и плакать, и рыдать, не один и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведет себя в такое состояние, тот впоследствии не скоро будет грешить. Если не веришь этим словам, то посмотри на плачущих, именно мирским плачем, притом не из числа простых и ведущих трудовую жизнь, но из числа тех изнеженных людей, которые ничего не знают, кроме удовольствий. И эти люди, которые преданы пьянству и объядению, продолжают обеды до вечера и ужины до полуночи, отнимают чужое, не щадят ни вдовы, ни бедного, ни слабого, и показывают великую жестокость; когда бывают объята сильною скорбью, которая может возмутить и взволновать душу до глубины, отвергают все сладострастные и преступные пожелания и обращаются к любомудрой жизни, отличаясь строгим поведением, бодростью, земными поклонами, терпением, постом, молчанием, скромностью, смирением и великим человеколюбием. Те, которые отнимали чужое, в это время готовы охотно отдать и свое; и хотя бы кто подложил огонь под их дом со всем имуществом, они не будут гневаться. Я знаю много таких, из которых одни, после потери возлюбленных, оставив город и его удобства, поселялись в деревнях, а другие строили себе дома при могилах усопших и там оканчивали жизнь. Но об этом после. Пока печаль их находится в силе, они нисколько не заботятся о настоящем, но ту безумную страсть, с которою они стремились к сбережению и скоплению денег и приобретению власти и славы в народе, попавив огнем скорби, как траву или цвет травы, изгоняют из души, и ум их тогда объемлется таким любомудрием, что им неприятно и говорить об удовольствиях настоящей жизни; но все, что прежде им казалось приносящим наслаждения, уже кажется противным и весьма горьким, и никто из слуг и друзей не посмеет тогда и слова сказать о мирских делах, даже весьма нужных; все оставляется без внимания и уступает место беседам о любомудрии, потому что тогда скорбью, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира). Тогда (является) великое презрение

к деньгам, тогда истребляется гнев, тогда оставляется честолюбие, и уже не может ни зависть обитать, ни гордость свирепствовать в сокрушенном скорбию, и похоть не разжигает сладострастного; но, по удалении всего этого из сердца, поселяется в нем один помысл, представляющий непрестанно образ умершего. Образ этот (для него) и пища и питье, и сон, и удовольствие, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслаждение.

10. Так и нам надлежало бы, - чтобы не сказать чего более, - оплакивать нерадение о своем спасении; с такую любовью и готовностью всем должно бы направлять туда очи души и постоянно памятовать и представлять его себе. Между тем как потерявшие детей и жен не занимают своего ума ничем другим, как только представлением отшедших от них; мы, потерявшие царство небесное, думаем обо всем больше, чем о нем. Из тех никто, хотя бы царского был рода, не стыдится обычной печали; но и сядет на землю, и заплачет горько, и переменит одежду, и с великой готовностью подчинится всем прочим требованиям такого горя; не станет думать ни о своем воспитании, ни о состоянии тела, ни о могущих быть впоследствии болезнях от изнурения, но все перенесет весьма легко; такое, и даже большее, терпение выказывают не только мужи, но и жены, сколько бы они ни были слабы. А мы, оплакивая не детей, не жен, но погибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тела и нежность воспитания. И если бы зло ограничивалось только этим! Но теперь мы не делаем и того, на что нам нисколько не нужна сила телесная. Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум? Вот что умилоствует к нам Бога, не требуя большого труда; а мы и этого не делаем. Плакать (о душе) значит не то только, чтобы облечься во вретисце, заключиться в келье и сидеть в темноте, но постоянно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от царства небесного. Как же, скажут, этому быть? Как? Если мы будем всегда иметь пред глазами геенну и ангелов, которые во время (суда) разойдутся повсюду и соберут со всей вселенной имеющих быть отведенными в геенну; если станем размышлять, какое великое, и без геенны, наказание - лишиться царства. Поистине, если бы даже не угрожал нам тот огонь и не ожидали нас вечные наказания, то одно отлучение от кроткого и человеколюбивого Христа, за нас предавшего Себя на смерть и претерпевшего все, чтобы избавить от того мучения и примирить с Отцом Своим нас, бывших по грехам врагами Его, - одно это, хотя бы мы и не лишились подлежащих неизреченных и вечных благ, больше всякого наказания в состоянии и пробудить души и расположить к постоянной бдительности. Если мы, только читая пример пяти дев, которые из-за недостатка елея отлучены были от брачного чертога (Мф. 25:8-12), скорбим об их несчастье наравне с ними самими и смущаемся, то при одной мысли, что и мы сами подвергнемся тому же за беспечность, кто (из нас) будет настолько каменным, чтобы, постоянно имея в душе этот пример, предаваться нерадению? Можно бы распространить слово и более, но так как оно сказано нами только из послушания, а не по другой нужде, то и написанного больше, чем требовалось. Мне хорошо известно, что ты сам строго содержишь всю добродетель сокрушения, и мог бы, даже молча, учить ей и других, если бы они пожелали хотя недолго пожить с твоим благочестием и видеть твою крестную жизнь. Так, если нашим современникам нужно учиться сокрушению, они должны идти в твое жилище, а потомки - слушать о твоих делах; великое, я думаю, руководство к этому доставит один рассказ о твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконец, вознаградить нас и воздать своими молитвами, чтобы мне не только говорить о сокрушении, но и оказывать его делами; потому что учительство без дел не только не доставляет никакой пользы, но даже приносит великий вред и осуждение тому, кто проводит жизнь свою в такой беспечности. "Не всякий", говорит (Господь), "говорящий Мне: Господи Господи, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном" (Мф. 5:19; ср. 7:21).

СЛОВО ВТОРОЕ.

К СТЕЛЕХИЮ.

Сокрушение окрыляет душу. – Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокращения. – Изъяснение слов ап. Павла: "для меня мир распят и я для мира". – Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. – Любовь Давида ко Христу и его сокращение. – Рассуждения на псалом 6. – Благодать и промысление Божие о людях, как сильное побуждение к сокращению. – Вселенная и человек, как царь ее.

КАК возможно быть тому, что приказал ты, святой Божий человек, Стелехий? Как от души, столь слабой и холодной, произойти словам о сокращении? Кто намерен сказать об этом предмете что-нибудь доброе, тому надобно, я думаю, самому больше и прежде всех других воспламениться и гореть такую ревностью, чтобы произносимые им слова об этом, сильнее раскаленного железа, врезывались в душу слушателей. А у нас нет этого огня, но все, что внутри - прах и пепел. Как же, скажи мне, как зажечь нам этот пламень, когда у нас нет ни искры, ни подожженного вещества, ни ветра, который бы притек и раздул этот пламень, вследствие великой мглы, какую распростерло над нашу душу множество грехов? Я не знаю. Пусть же будет тобою, давшим приказание, сказано и то, как это приказание может перейти в дело и получить надлежащее исполнение. Мы предложим в услуги свой язык, а ты моли Исцеляющего сокращенных сердцем, Подающего малодушным долготерпение, Воздвигающего с земли бедного, чтобы Он возжег в нас тот огонь, который обыкновенно уничтожает всякую немощь человеческую, истребляет всякую сонливость, беспечность и огрубелость плотскую, направляет полет души к небу, а с того свода (небесного), как бы с некоей возвышенной вершины, показывает всю суетность и обманчивость настоящей жизни. А кто не может взлететь туда и воссесть на этой высоте, тому невозможно видеть, как следует, ни земли, ни того, что делается на земле. Так как (здесь) много есть такого, что омрачает зрение, много такого, что возмущает слух и удерживает язык; то надобно, уклонившись от всякого шума и дыма, удалиться в ту пустыню, где тишина великая и ясность чистая, а шума никакого, где глаза пристально и неуклонно устремлены к созерцанию любви Божией, а слух невозмутимо предан одному занятию - слушанию Слова Божия и вниманию к той стройной и духовной гармонии, сила которой, однажды пленив душу, так овладевает ею, что (человек), увлеченный этою мелодиею, неохотно принимает и пищу, и питье, и сон. Посему этой силы не может ослабить ни смятение житейских дел, ни напор многих плотских (пожеланий). До этой высоты духовной не достигает поднимающийся шум бури, происходящей внизу; но, как взошедшие на вершины гор не могут уже ни слышать, ни видеть ничего, что делается или говорится в городе, а слышат какой-то неясный и неприятный шум, который нисколько не лучше жужжания ос; так и удалившиеся от житейского и взлетевшие на высоту духовного любомудрия, не чувствуют ничего нашего; потому что, пока душа вращается на земле, тело и чувства телесные облагают ее бесчисленными цепями, со всех сторон собирая страшную бурю преходящих удовольствий: и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и язык, вносят в нее извне множество зол. Но когда она воспаряет и предается занятию духовными предметами, то заграждает вход греховным мечтаниям, не закрывая чувств, а направляя их деятельность на ту же высоту. Как грозная и строгая госпожа, начав готовить разнородную, тяжеловесную и драгоценную масть, и нуждаясь для этого во множестве рабочих рук, будит своих служанок и, приведши их к себе, одной приказывает отбирать в решето еще не приготовленные ароматы, другой взять безмен и весы и смотреть внимательно, чтобы их не вошло меньше или больше надлежащего и чрез это не нарушилась бы

соразмерность приготавливаемого состава; одной велит варить, что нужно, другой тереть, что не хорошо (протерто), а третьей соединять и смешивать одни вещества с другими, одной стоять с кувшином, другой - с другим сосудом, а третьей держать что-либо иное, и таким образом привязав к делу и ум и руки их, не дает ничему испортиться, тщательно присматривая за всем и не позволяя глазам блуждать и развлекаться по внешним предметам: так и душа, приготавливая эту драгоценную масть, то есть, сокрушение, обращает чувства к самой себе и останавливает их рассеянность. И если случатся ей, собравшись к самой себе, размышлять о чем-либо праведном и богоугодном, она тотчас заставляет чувства прекратить свою деятельность, чтобы они не ввели в нее неблагоприятно чего-либо ненужного, и тем не возмутили внутренней тишины ее. Поэтому, хотя приражаются и звуки к слуху и видимые предметы к зрению, но ни один из них не проникает внутрь, так как деятельность каждого из этих членов бывает обращена к душе. И что я говорю о звуках и видимых предметах, когда многие из бывших в таком состоянии не чувствовали не только того, что другие проходили пред их глазами, но даже и того, что ударяли их? Такова душевная добродетель, что желающему легко, находясь на земле, но как бы восседая на небе, не чувствовать ничего происходящего на земле.

2. Таков был блаженный Павел; вращаясь среди городов, он был столь далек от всего настоящего, сколько мы отличаемся от мертвых тел. Так, когда он говорит: "для меня мир распят"(Гал. 6:14), то понимает эту нечувствительность (к земному), и даже не одну эту, но и другую такую же, так что она была в нем двоякая. Он не сказал только:"для меня мир распят", и - замолчал; но последующими словами указал и на другую (нечувствительность), сказав: "и я для мира". Велико любомудрие в том, чтобы мир почитать мертвым; но еще большее и гораздо важнейшее в том, чтобы и самому быть как бы умершим для него. Итак изречение Павла означает следующее: он, по словам его, далек был от настоящего не столько, сколько живые от мертвых, но столько, сколько мертвые от мертвых. Живой, конечно, не питает пристрастия к умершему, однако имеет другое какое-либо чувство, - или удивляется еще красоте покойного или жалеет и плачет о нем; а мертвый к мертвому не питает и такого чувства и расположения. Это желая выразить, он к словам: "для меня мир распят", прибавил: "и я для мира". Видишь ли, как он был далек от вселенной, как, шествуя на земле, достиг до самой небесной высоты? Не говори мне о горных вершинах, о лесах, о долинах и непроходимой пустыне: одних их недостаточно для освобождения души от шума (мирского), а нужен тот пламень, который возжег Христос в душе Павла и поддерживал сам блаженный духовным помыслом, и поднял до такой высоты, что этот пламень, начавшись снизу - с земли, достиг до самого неба, и до высшего неба, до самого высшего, - ибо сам он был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12:2); но его расположение и любовь ко Христу простирались выше не только трех, но и всех небес. По телу он был мал и нисколько не превышал нас; но по расположению духа чрезмерно возвысился над всеми людьми, существующими на земле. И тот не погрешил бы, кто представил бы состояние этого святого под таким образом: будто бы какое-то пламя, обнявши поверхность всей земли и поднявшись вверх, прошло со всех сторон небесный свод и, пробежав сквозь лежащий выше его воздух, - воздух ли это, или что другое, - наполнило огнем середину между двумя небесами, и здесь не остановило своего течения; но, вдруг устремившись, поднялось до третьего неба и сделало все одним пожаром, которого широта равняется пространству всей земли, а высота - расстоянию от нас до третьего неба. Впрочем, и таким образом я, кажется, не изобразил и малейшей части любви его. А что эти слова не преувеличены, всякий точно может узнать, прочитав написанное нами об этом предмете к Димитрию. Так должно любить Христа, так - отрешаться от настоящего. Таковы были души и у святых пророков; потому они и получили другие очи. Отрешиться от настоящего было делом их собственного усердия; а что потом у них открылись другие очи для созерцания будущего, это уже было делом Божией благодати. Таков был Елисей: так как он отдалился от всего житейского, возлюбил царство небесное и презрел все настоящее, то есть царство и власть, и славу и всеобщее

уважение; то и увидел никем невиданное никогда - целую гору, покрытую строем огненных коней и таких же колесниц и воинов (4 Цар. 6:17). Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее; а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получить великие и духовные блага. Так и мы богатство, принадлежащее мужам, открываем своим детям тогда, когда увидим, что они стали мужами и пренебрегают всем детским; но пока они прельщаются последним, мы считаем их недостойными перваго. Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому. Это говорил и блаженный Павел; хотя слова его и относятся к догматам, однако, могут быть применены и к нравам и к дарованиям именно: "Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия"(1 Кор. 2:14).

3. Итак мы, как я сказал, должны искать пустынножительства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого - душу свою вести в самую необитаемую (пустыню). При таком расположении и блаженный Давид, живший в городе, управлявший царством и обремененный бесчисленными заботами, был объят любовью Христовой сильнее живших в пустынях. Таких слез, вздохов и рыданий днем и ночью едва ли кто увидит у кого-либо из ныне распявшихся (для мира), если только такой действительно найдется. При этом мы должны не только обратить внимание на слезы, но и вникнуть в то, кто их проливал; потому что не все равно, облеченный ли (царским) достоинством, всеми почитаемый и не подлежащий ничьим обличениям, смиряется, унижается и изнуряет себя, или делает то же самое не имеющий ничего такого. Царя многое доводит до расслабления и препятствует ему собраться духом. Он и от ежедневной роскоши расслабевает и изнеживается, и властью надмевается и увлекается к гордости; его воспаляет и любовь к славе, и не меньше того любовь плотская, рождающаяся от власти и питаемая роскошью. Кроме того, вихри забот, устремляющиеся на него со всех сторон, возмущают душу его не меньше тех страстей, и посему сокрушение, встречая столько преград, никак не может найти доступа (к нему); ибо и свободная от всего этого душа с трудом может насаждать в себе это благо. А частный человек, если только он не крайне развращен, чужд всего этого смятения; потому и может предаться (сокрушению) с меньшим неудобством, нежели пользующийся таким могуществом, властью и честью. Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением, потому что они противоположны и несовместимы между собою. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние, тяжелейшее всякого свинца. Но я не сказал еще самого важнейшего, того, что (Давид) жил в те времена, когда не требовалось особенной строгости в образе жизни; а мы приступили к подвигу тогда, когда полагается великое наказание не только за другие грехи, но и за смех, и напротив постоянно одобряется плач и скорбь. Однако, этот блаженный, разрушив все препятствия, предавался сокрушению так сильно, как будто был из числа простых людей и никогда не видал и во сне ни царства, ни царского великолепия; и в порфире, и в диадиме, и на царском престоле показал такое же сокрушение, как сидящий во вретище, на пепле и в пустыне. У кого действительно есть это благое настроение, оно оказывает такую же силу, как огонь в терновнике, и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти, и окружало его великое смятение житейских дел, это (сокрушение), как бы крепким бичом, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество похотей не может выдержать устремившейся на них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так поработает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от

Него? То и другое так волновало душу пророка, что он иногда говорил: "Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!" (Пс.41:2) и еще: "душа моя - к Тебе, как жаждущая земля." (Пс.142:6) и: "к Тебе прилепилась душа моя"(Пс. 62:9); а иногда: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня" (Пс. 6:2).

4. Пусть никто не говорит мне, что Давид написал этот (шестой) псалом, оплакивая свой грех. Это неверно и сделанная наверху (псалма) надпись не допускает такого предположения. Если бы содержания (псалма) нельзя было указать в надписи, то можно бы, если угодно, применить этот псалом и к обстоятельствам того греха; но когда известен (другой) псалом, сказанный по этим обстоятельствам, а настоящий псалом имеет иное содержание, то, прошу, не станем приводить в беспорядок божественное и собственным суждениям придавать более важности, нежели догматам, изреченным от Духа. Какая же надпись (6-го псалма)? О восьмом, "На восьмиструнном" (Пс.6:1), говорит (Давид). Какой же это восьмой (день), если не тот день Господень, великий и славный, подобный печи горячей, который заставит трепетать и горние силы ("и силы небесные", сказано, "поколеблются", Мф. 24:29), и изведет огонь, предшествующий Царю (Христу)? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену (настоящего) состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым: и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к (тому же) концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня (воскресного) восьмым, но - первым; потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня; оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак пророк, от сильного сокрушения, имел всегда в памяти у себя (последний) суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собою тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях, и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня" - называя яростию и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и сознавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов. Его вера, которой он низверг башню иноплеменников (Голиафа) и весь народ иудейский исторг из самых врат смерти и благоденствие, оказанное им не раз не два, а многократно своему гонителю (Саулу), и прежде того приговор о нем, произнесенный самим Богом, достаточно показывают доблесть этого мужа более самых заслуг его. Дела (человеческие), как бы ни были велики и дивны, могут однако быть подозреваемы в порочности, хотя заслуги этого праведника (Давида) по большей части свободны от всякого подозрения. Но когда свидетельствует Бог, тогда приговор не подлежит никакому подозрению; и если бы Давид не представил самого верного доказательства своей доблести, то и не получил бы небесного засвидетельствования. Что же Бог говорит о нем? "Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева" (Деян. 13:22; ср. 1 Цар. 13:14). И однако, после такого суда (Божия) и после таких подвигов своих, он произносил слова свойственные осужденным и не имеющим никакого дерзновения пред Богом, исполняя евангельское (повеление): "когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать." (Лк. 17:10). Что больше этого сказал и тот, действительно исполненный множества грехов мытарь, который не осмеливался ни взглянуть на небо, ни произнести много слов, ни стать вблизи фарисея? Этот поносил его, говоря: "я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодееи, или как этот мытарь"(Лк. 18:11); а тот принял его слова так, как будто бы не слышал ничего обидного, и не только не вознегодовал, но и почтил оскорбителя и гордеца такую честью, что признал себя недостойным той земли, которую этот попирает; не произнес ничего, кроме исповедания своих грехов и, сильно ударяя себя в грудь, горячо молил Бога быть милостивым к нему. Впрочем, нисколько не удивительно, что он так поступал, потому что множество грехов заставляло его, волею и неволею, преклонять голову; а что праведный

и не сознававший за собою ничего такого приступал (к Богу) с таким же самоосуждением, как мытарь, это удивительно и показывает душу, истинно сокрушенную. Ибо чем отличаются от слов: "будь милостив ко мне грешнику" (Лк. 18:13) слова: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня"? Последние даже более выражают, нежели сколько первые. Мытарь не смел взглянуть на небо, а праведный (Давид) сделал гораздо больше его. Тот говорил: "будь милостив ко мне", а этот не осмелился сказать и этого; не сказал: "не обличай меня", но: "не в ярости Твоей"; не сказал: "не наказывай меня", но: "не во гневе Твоем", молил не о том, чтобы не быть наказанным, но чтобы не тяжело быть наказанным. Таким образом из всего можно видеть смирение души его - и из того, что он почитал себя достойным такого наказания, и из того, что он не осмеливался умолять Бога о совершенном прощении, а это свойственно крайне осужденным и признающим себя грешнее всех людей. А еще важнее то, что и самого избавления от тяжкого наказания он просит у милости и человеколюбия Божия, как немощный. "Помилуй меня", говорит, "ибо я немощен" (Пс. 6:3). Что это? Удостоившийся такого засвидетельствования и не забывающий судеб Божиих ("суды Твоя", говорил он, "не забыл" Пс. 118:30), сияющий светлее солнца, говорит такие слова? Да; то и достойно удивления, что совершивший столь великие дела ничего великого и не сказал и не подумал о себе, но почитал себя последним из всех и просил себе спасения от одного человеколюбия Божия. Он как бы так говорил: я достоин неослабного наказания и вечных мучений; но, как я уже не в силах переносить, то и молю об избавлении меня от настоящих бедствий, - подобно рабам, сделавшим много дурного, которые не могут сказать, что не согрешили, но так как боль от бичей невыносима, то умоляют наконец о прекращении ударов. Но здесь, я думаю, Давид разумел еще и другую немощь. Какую же? Немощь, которая в нем происходила от скорби и вздыханий. Когда постигнет нас с великою силою чрезмерная скорбь, то она пожирает всю силу души. Это, я думаю, испытал и праведник от сильного самоосуждения и от того, что не увлекался приятными надеждами, но всегда противоположными. Это ясно выражает он и в дальнейших словах. Сказав: "Господи! не в ярости Твоей обличай меня, помилуй меня", он присовокупил "ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена (Пс. 6:3-4). Если же тот, у кого совесть была так чиста, молит, чтобы дела его не подверглись строгому исследованию: что сделаем мы, которые обременены столь многими пороками, так далеки от его дерзновения и не показали даже малейшей доли его исповедания? Почему же этот блаженный изрекал такое исповедание? Он был убежден, что никто не оправдается пред Богом, что и праведный едва спасается; поэтому и умоляет (Бога) - иногда так: "не входи в суд с рабом Твоим" (Пс. 142:2); а иногда так: "Помилуй меня, ибо я немощен" (Пс. 6:3).

5. Замечательно, что Давид нигде не упоминает о своих добрых делах, но предоставляет свое спасение человеколюбию Божию. Это свойственно сокрушенной душе и смиренному духу; и отсюда произошло то, что совершивший великие добродетели боялся и трепетал более грешников. А что Давид так трепетал и боялся, послушай, как он сам говорит: "Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит?" (Пс. 129:3) Знал он, ясно знал, что мы много должны Богу и что самые маловажные грехи достойны великого наказания; предвидел задолго, какия заповеди даст Христос по пришествии своем; верил, что будут строго осуждены не только убийства, но и оскорбления и злословия, и порочныя мысли, и смех, и празднословие, и шутовство, и другие, еще менее важные, пороки. Посему и Павел, хотя не знал ничего за собою, говорил: "Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь" (1Кор. 4:4). Почему? Потому, что он, если и не сделал ничего дурного, как и действительно не сделал, то не считал себя вполне воздавшем подобающую Богу честь. Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должного Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул (в нас) душу, какой (не дал) ни одному из животных земных;

насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила; землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня, от доставляемого сном покоя и укрепления. Сон не меньше яств питает наши тела, как видно из следующего: часто, видим мы, голод переносят в продолжение многих дней, а без сна невозможно пробыть и немного дней. Ночь также прохлаждает и уничтожает в нас тот жар, который скопляется в течение дня отчасти от солнечных лучей, отчасти от дневных трудов, и таким образом восстанавливает в нас опять бодрость на труды, а в зимнее время своей продолжительностью она еще более доставляет нам покоя и отрады, заставляя нас быть под домашней кровлей. И темнота сделана принадлежностью этого времени не напрасно и не без цели, но для большего успокоения. Как сердобольные матери, желая усыпить беспокойных детей, берут их в свои объятия и, накинув на глаза их покрывало, усыпляют их: так и Бог, распростерев над вселенной темноту, как бы некий покров, покоит людей от трудов. Если бы этого не было, то мы все надорвались бы от суетливости или чрезмерного сребролюбия и от трудов; а теперь нас поневоле (ночь) отрывает от занятий. И такой закон (природы) не только тела наши восстанавливает, но и душу не меньше тел. Говорить ли о тишине и спокойствии в это время? Как тогда все полно молчания, свободно от шума, не слышно ничего крика, как это бывает днем, когда одни скорбят от бедности, другие жалуются на обиду, иные оплакивают болезнь и повреждения тела, другие смерть родных, иные потерю денег, иные другое какое-либо человеческое несчастье, которых так много! От всех этих несчастий, как бы от тревожений, ночь избавляет род человеческий и успокаивает в своей пристани. Таковы блага нам от ночи; а блага, доставляемые днем, известны всем нам. Что сказать об удобстве сообщений, которым мы пользуемся? Дабы продолжительность путешествия не отвращала нас от сообщения друга с другом, Бог проложил по всей земле кратчайший путь для нас - море, чтобы мы, живя во вселенной, как бы в одном доме, часто приходили друг к другу и каждый, легко сообщая ближнему свое, получал обратно находящееся у него, и таким образом, занимая малую часть земли, наслаждался благами всех стран, как бы обладатель всей земли; подобно тому, как за богатым столом каждый гость может и сам предложенное ему подать далеко сидящему, и от него получить лежащее перед ним, только протянув руку. Если кто станет исчислять и все прочие (блага), то найдет неизреченное множество их, не исчислит и малой части; потому что, как может человек измерить беспредельную премудрость Божию? Представь себе только разные роды растений плодоносных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас - небо, земля, море и все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания (Бог) устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие; а землю распростер в виде богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек, после такого дара, оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему. Обо всем этом помышляя, и, как движимый Духом Божиим, созерцая и многое сверх того, - и то, что было от начала (мира), и что бывает каждодневно, и то, что бывает с каждым порознь, и что со всеми вместе, и то, что происходит явно, и что втайне еще больше явного, а также дела домостроительства Единородного Сына Божия и будущие блага, обзревая вообще все и во всем находя и созерцая неизреченную любовь Божию, апостол, как бы низвергшись в неизмеримую бездну, постиг, сколь многим и великим он был обязан (Богу), и не воздал Ему и

малейшей части. Поэтому он и сказал упомянутые слова, с великим тщанием исследовал и малая согрешения свои, а добрые дела предавал забвению (1 Кор. 4:4). А мы не так; но о грехах, сколь они ни многочисленны и ни велики, мы и не говорим, и не помним; а если сделаем какое-нибудь малое доброе дело, то выказываем его повсюду и не перестаем хвастать и надмеваться дотолы, пока не упраздним тщеславием и самое малое добро. Имея это в виду, и Давид говорил: "что [есть] человек, что Ты помнишь его"(Пс. 8:5)? Кроме того, обвиняя человека и в неблагодарности, он говорил: "Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им"(Пс. 48:13).

6. Признательному рабу свойственно смотреть на благодеяния, оказанные всем вместе, как на собственные, и печься и заботиться так, как бы сам был должником за все. Так сделал и Павел (хорошо опять вспомнить о нем), когда сказал, что Господь умер за него: "А что ныне", говорил он, "живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня."(Гал. 2:20). Так говорил он не потому, чтобы хотел сократить дар Христов, но потому, что желал представить себя виновным во всем и возбудить в каждом такое же расположение духа. Если бы Христос пришел и для одного человека, то дар Его от этого не только не уменьшился бы, но явился бы еще большим. Почему так? Потому, что Он показал бы такое попечение и об одном человеке, какое - отыскивающий одну (потерявшуюся) овцу; поэтому (Павел) и смущался, поэтому и плакал. Если взявшие деньги взаймы и не могущие уплатить, утопая в великой бездне долгов, не едят и не спят от мучительной заботы, то чего не претерпит праведник, видя свой долг (перед Богом), состоящий не в деньгах, но в делах? А мы не так; но уплатив совсем мало, ведем себя так, как будто уплатили все, и даже поступаем еще хуже: и этого малого не делаем с подобающей свободным людям ревностью, но наперед разведываем, есть ли за то награда, велика ли награда, будет ли то вменено нам самим, произнося слова людей несвободных и наемных. Что говоришь ты, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботою о награде? Если бы тебе за такое дело надлежало впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великою готовностью приниматься за делание добра? Ты делаешь приятное Богу, и ищешь еще другой награды. Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, если бы ты знал это, то никакой другой награды не сравнял бы (с этим благом). Разве ты не знаешь, что награда тебе будет больше, когда ты станешь делать должное, не надеясь на награды? Разве не видишь, что и между людьми все особенно уважают тех, которые прежде наград имеют в виду угодить (им) и об этом стараются больше, чем о почете от них? Так люди столь благородно поступают даже с подобными себе, а ты, так во многом облагодетельствованный Господом и столь многих ожидающий благ, когда надобно сделать что-либо полезное для твоего спасения, прежде дела разведываешь о награде. Поэтому мы и бываем всегда холодны и жалки и не готовы ни к какому благородному делу; поэтому мы и не можем быть в сокрушении и хотя бы немного собраться с духом. Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно, и называя себя часто грешниками, говорим это неискренно. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидою. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих - "сей пошел оправданным в дом свой более, нежели" фарисей (Лк. 18:14); а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов. Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные. Тогда мы смирили бы гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своих пороках. Памятование о своих грехах есть такое благо, что блаженный Павел часто

выставлял на вид даже заглаженные вины свои. Так как все прежние вины он смыл крещением, а после жил так чисто, что не сознавал за собою ничего и не имел грехов, о которых бы надлежало вздыхать, то вспоминал о грехах, омытых уже крещением, и говорил: "Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый." (1 Тим. 1:15); и еще: "Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик" (1Тим 1:12-13), "я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее" (Гал.1:13); и еще: "недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию." (1 Кор. 15:9). Такие грехи, хотя мы и освобождены от вины за них, однако могут весьма возбудить душу и расположить ее сильно возлюбить Бога. Так и Симон, на вопрос Господа, "который" из двух должников "более возлюбит" заимодавца, сказал: "думаю, тот, которому более простил", услышал: "правильно ты рассудил." (Лк. 7:42-43).

7. Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся; потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них; но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием (о нем) и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность. Но если снимешь (с нее) и эту узду, то кто наконец удержит ее и не даст нестись безбоязненно по стремнинам и низринуться в бездну погибели? Поэтому праведный (Давид) и представлял себе будущее наказание; поэтому плакал, поэтому вздыхал, и притом весьма сильно! Вам, великим людям, для сокрушения достаточно вспоминать о благодеяниях Божиих, не помнить о своих доблестях, с великим тщанием вникать, не случилось ли когда вам сделать какой-нибудь малый грех, взирать на великих и весьма благоугодивших Богу мужей; после всего этого размышлять о неизвестности будущего, о склонности (людей) к падению и греху, чего боялся и Павел, и потому говорил: боюсь, "дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным." (1 Кор. 9:27); и: "кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть." (1 Кор. 10:12). Так и Давид о всем этом помышлял в самом себе, и, рассуждая о благодеяниях Божиих, говорил: "что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его" (Пс. 8:5-6). А о добрых делах своих забывал так, что при безмерном любомудрии своем сказал: "кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил! И этого еще мало показалось в очах Твоих, Господи мой, Господи; но Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль. Это уже по-человечески. Господи мой, Господи! Что еще может сказать Тебе Давид?" (2 Цар. 7:18-20)? Часто помышляя о добродетелях предков, он почитал себя за ничто в сравнении с ними. Так, сказав: "На Тебя уповали отцы наши" о себе прибавил: "я же червь, а не человек" (Пс. 21:5,7). И неизвестность будущего имел он пред глазами, так что говорил: "просвети очи мои, да не усну я [сном] смертным" (Пс. 12:4). А себя считал виновным в столь многих грехах, что говорил: "прости согрешение мое, ибо велико оно" (Пс. 24:11). Итак вам, великим людям, достаточно и этого; а у нас и при этих врачевствах остается еще сильное и достаточное основание к истреблению гордости и всякого высокомерия. Какое же это? Множество грехов, злая совесть: когда она овладеет нами, то не допускает нас и при желании нашем подниматься на высоту. Посему прошу и умоляю тем дерзновением, которое приобрел ты пред Богом своими добродетелями, подать руку (помощи) нам, постоянно молящимся, чтобы мы могли и достойно оплакать бремя столь многих грехов,

и, оплакав, вступить на путь благоприятный и ведущий нас к небу, чтобы нам не пострадать вместе с отверженными, сошедши во ад, где никто не может исповедаться (Пс. 6:6), и откуда уже никто не освободит нас. Пока мы пребываем здесь, то и мы можем получить от вас великую пользу, и вы можете весьма облагодетельствовать нас; а когда отойдем туда, где ни друг, ни брат, ни отец не могут ни помочь, ни быть при нас во время наказания, то уже будет необходимо в стеснении и глубоком мраке и при полном отсутствии утешителей терпеть бесконечное наказание и быть несожигаемой пищею для всепожирающего пламени.

К СТАГИРИЮ ПОДВИЖНИКУ, ОДЕРЖИМОМУ ДЕМОНОМ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Стагирий, происходивший из знатного и богатого дома и воспитанный в правилах христианской веры, по благочестивому настроению своему отказавшись от богатства и мирских занятий в Антиохии, посвятил себя подвижнической жизни отшельников, в которой вскоре, по попущению Божию, подвергся действию демона (беса или злого духа), страдал припадками беснования, причинявшими ему такие мучения и такое душевное уныние, что он покушался даже лишиться себя жизни. Св. Иоанн Златоуст, узнав о бедственном состоянии Стагирия, с которым находился в дружеских отношениях, желал доставить ему духовное утешение посредством письменных увещаний, не имея возможности лично посетить его по причине собственной болезни, постигшей его после подвигов в пустыне в конце 380 г. по Р. Х. В это время или в начале 381 года и могли быть написаны предлагаемые три слова святителя.

Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. – Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. – Примеры – Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. – Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение божественному. – Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. – Неисповедимость путей Божиих. – Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. – Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. – Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

Нам следовало бы теперь быть при тебе, любезнейший мой Стагирий, и принимать участие в твоих страданиях и хотя сколько-нибудь, по мере наших сил, облегчать твое уныние, утешая словом, помогая делом и употребляя все другие средства; но так как телесная слабость и приключившаяся головная боль, принудив оставаться дома, лишила нас возможности послужить в столь полезном деле, то не замедлим исполнить по нашим силам то, что еще остается и для твоего утешения и для нашей пользы. Может быть, это поможет тебе мужественно переносить настоящее бедствие; если же мы не будем иметь успеха в этом, то по крайней мере мысль о том, что мы с своей стороны не опустили ничего должного, облегчит нашу душу. Кто исполнил все, что считает полезным для прекращения постигших ближнего страданий, тот, если и не успеет в этом, освобождается по крайней мере от упреков совести и, сложив с себя тяжесть этих упреков, должен нести только тяжесть скорби. Если бы я был из числа тех, которые благоугодны Богу и могут сделать великое, то не переставал бы молить и просить Бога о драгоценном для меня человеке; но так как множество грехов лишает меня этого дерзновения и силы, то постараюсь предложить тебе словесное утешение. Так бывает и с теми, кто страдает телесными болезнями: уничтожение страданий и прекращение болезни есть дело врачей, но утешение больных не запрещается и прислуживающим им рабам; они-то особенно и

говорят много в пользу своих господ, если благорасположены к ним. Итак, если мы скажем что-нибудь такое, что может прекратить чрезмерную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаем; если же ничего такого не найдем сказать, то конечно одобрит наше усердие Тот, Кто чрез блаженного Павла повелел плакать с плачущими и последовать смиренным (Рим. 12:15-16). Причина твоего уныния, по-видимому, одна - неистовство лукавого демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потом от этого корня. Это говорю я теперь не от себя, но на основании тех жалоб, которые часто слышал от тебя, когда ты был вместе с нами; и во-первых (ты жаловался) на то, что в прежнее время, когда ты вел мирскую жизнь, ты не терпел ничего подобного, а когда распялся миру, тогда и почувствовал такую болезнь, которая способна смутить и повергнуть в отчаяние; во-вторых - на то, что многие из живущих в удовольствиях, подвергшись одинаковой с тобою болезни, после кратковременных страданий освободились от этой болезни и совершенно выздоровели, так что вступили в брак, сделались отцами многих детей, наслаждались удовольствиями настоящей жизни, и вновь уже не подвергались подобной болезни, - ты же проводишь столько времени в постах, всеобщих бдениях и прочих подвигах, и между тем не получаешь освобождения от постигших тебя страданий; в третьих - на то, что тот святой муж, который явил столь великую силу на других людях, не мог этого же сделать на тебе, возлюбленный, и не только он, но и бывшие с ним, которые даже сильнее его, все отошли от тебя одинаково безуспешными. Кроме того по словам твоим, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила уныния так овладела твоею душою, что часто ты едва не бросался в петлю, или в реку, или в пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая в том, что ты видишь, как твои сверстники и вместе с тобою начавшие вести подвижническую жизнь благодушествуют, а ты еще находишься в жесточайшей буре и живешь в самой ужасной темнице. По словам твоим, не столько должно плакать закованным в железо, сколько связанным этими цепями. Затем, говорил ты мне, и еще нечто сильно беспокоит тебя: ты боишься и трепещешь за отца, как бы он, узнав об этом, не сделал больших неприятностей принявшим тебя вначале святым; потому что, надеясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, он отважится против них на все и не удержится ни от чего, что ему вздумается. До настоящего времени мать могла скрывать от него случившееся и отвлекать его, когда он искал тебя; но с течением времени притворство матери откроется, и он жестоко поступит и с нею и с монахами. Но верх несчастья в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болезнь, после того, как ты столько раз надеялся на исцеление и потом опять подвергался прежним мучениям. Все это, конечно, в состоянии беспокоить душу и исполнить великого смущения, но душу слабую, неопытную и беспечную. Если же мы захотим быть несколько внимательными и благочестиво рассудить, то рассеем эти причины уныния, как мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь так легко обещаю тебе это потому, что я сам чужд этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся иным невероятными, несмотря на это я буду говорить; а ты сам, конечно, не будешь вместе с другими не доверять нам. Когда нечистый демон в первый раз напал на твою душу и поверг тебя в то время, как ты молился вместе со всеми, то хотя я и не был при этом (за что благодарю человеколюбивого Бога), однако узнал все в точности, как бы находясь там. Мой и твой друг Феофил ефесянин, пришедши, подробно рассказал мне обо всем: о корчах в руках, об искривлении глаз, о пене на устах, о страшном и невнятном голосе, трясении тела, продолжительном обмороке и сновидении, бывшем у тебя в ту ночь: тебе представилось, - говорил он, - будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась с тобою; и когда спавший подле тебя, встревоженный этим видением, проснулся, то увидел, что тебя опять мучит демон.

2. Когда он рассказал об этом, то навел на нас такую же мглу, в какую демон поверг тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришел в себя, то все неприятное в этом мире перестало казаться мне неприятным и все приятное - приятным; издавна познав всю

суету житейского, я почувствовал ее тогда еще более, и любовь моя к твоему благочестию сделалась сильнее. Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу, как своею головою. Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утешения с подозрением. Хотя я, по милости Божией, и свободен от мучений и нападений лукавого демона, но не менее твоего чувствую уныние и скорбь от этих мучений, чему поверит мне всякий, кто умеет любить так, как должно любить. Стряхнем же с себя эту пыль; тогда сносно и легко будет это уныние по свойству своему, если только мы не захотим беспечно предоставить этому чувству увлекать нас в пропасть, но постараемся воспрянуть духом и размыслить, что надобно делать. Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены; а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали; это, надеюсь, случится и теперь. Итак ободрись, не следуй пустому и неразумному мнению толпы и не делай врага более сильным против нас. Если бы я говорил с кем-нибудь из неверных или думающих, будто все происходит случайно, или приписывающих промыслению о мире лукавым демонам, то мне предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть ложное мнение и внушить убеждение в истинном Промысле о вселенной, а потом обратиться к утешению; но так как ты, по благодати Божией, с детства знаешь священное Писание и, приняв от предков истинные и спасительные догматы, несомненно веруешь, что Бог промышляет обо всем и особенно о верующих в Него, то, оставив эту, часть речи, начнем с другого. Когда Бог сотворил ангелов, - или лучше поведем речь с высшего, - прежде, нежели получили бытие ангелы и прочие силы небесные, существовал Бог, не имеющий начала бытия Своего. Как Существо никогда не имеющее ни в чем нужды (ибо таково Божество), он сотворил ангелов, архангелов и прочие бестелесные существа; сотворил единственно по благодати Своей, а не почему-либо иному. Если бы Он не был высочайше благ, то и не сотворил бы тех, в чьем служении не нуждался. По сотворении их, Он творит, опять по той же самой причине, и человека, и весь этот мир. Одарив человека бесчисленными благами, Он поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что сам Он на небесах. Ибо слова: "сотворим человека по образу Нашему и по подобию" (Быт. 1, 26), означают не что иное, как то, что и человеку дана власть над земным. Сотворив его и поставив в такой чести, Бог назначил ему, как царю, царское, прекраснейшее на всей земле место пребывания - рай. Кроме того, желая и другим способом показать ему, насколько он выше прочих тварей, Бог приводит к нему всех животных и повелевает дать всем им имена; но ни одного из них не дает ему в помощники, представляя и причину: "не нашлось помощника", говорит, "подобного ему" (Быт. 2:20). Показав этим человеку, что он занимает середину между двумя естествами (небесным и земным), что он выше всего земного и что из множества этих творений ни одно не равно ему, Бог творит потом жену, и этим удостаивает его новой чести и ясно показывает, что жена создана для него, как и Павел говорит: "и не муж создан для жены, но жена для мужа" (1 Кор. 11:9). И не этим только Бог отличил человека, но и тем, что ему одному из всех творений сообщил дар слова, удостоил его познания о Себе, позволил наслаждаться собеседованием с Собою, сколько это было для него возможно, обещал дать ему бессмертие, исполнил его великою мудростию и даровал ему духовную благодать, так что он изрекал некоторые пророчества. Всем этим Бог одарил человека тогда, когда с его стороны еще не сделано было никакого доброго дела. Как же поступил человек после столь многих и великих благодеяний? Он более поверил врагу, нежели даровавшему все это, и, презрев заповедь Творца, предпочел обольщение того, кто старался совершенно погубить его и лишить всех благ, - предпочел несмотря на то, что

диавол не оказал ему никакого, ни великого ни малого, благодеяния, а только сказал ему несколько слов. Но погубил ли Бог человека за то, что он проявил такую неблагодарность в самом начале и, так сказать, на первом шагу своем? По справедливости следовало бы погубить и исторгнуть из среды живых того, кто, получив бесчисленные блага, в самом начале жизни заплатил за эти блага непослушанием и неблагодарностью. Но Бог продолжал благодетельствовать ему не меньше, чем прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроить наше спасение, и что, если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего (о человеке). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: события, конечно, были противоположны одни другим, но цели тех и других одинаковы и согласны; то есть, изгнание из рая, поселение в виду его, запрещение (вкушать) от древа жизни, удаление от этого древа, осуждение на смерть, временное отдаление этого осуждения, все это так же, как и прежние благодеяния, сделано для спасения и чести человека. О прежнем я не буду говорить ничего (потому что это очевидно для всякого), но о последнем надобно сказать.

3. Как же мы узнаем, что и последнее сделано для пользы человека? (Узнаем), если размыслим, чему подвергся бы он, если бы этого не было. Чему же он подвергся бы? Если бы человек, после обещания диавола - сделать его по преступлению заповеди равным Богу, остался в той же чести, то впал бы в три крайние бедствия. Во-первых, стал бы считать Бога недоброжелательным, оболыстителем и лжецом, во-вторых, действительного оболыстителя, отца лжи и злобы, - благодетелем и другом; и кроме того продолжал бы впредь грешить бесконечно. Но Бог избавил его от всего этого, изгнав тогда из рая. Так и врач если не трогает раны, то дает ей более загноиться; если же вырезывает, то останавливает дальнейшее распространение гнилости язвы. Что же из этого? - скажет кто-нибудь, Бог не остановился на этом, но еще наложил на человека подвиги и труды; потому что ничто так не малоспособно пользоваться покоем, как человеческая природа. Если уже и теперь, когда лежат на нас такие труды, мы грешим непрестанно, то на что не дерзнули бы, если бы Бог оставил нас при удовольствиях еще и в бездействии? "Праздность", говорит Писание, "научила многому худому" (Сир. 34:28). Это изречение подтверждают как ежедневные события, так и случившееся с нашими предками. "И сел народ", говорит Писание, "есть и пить, а после встал играть" (Исх. 32:6). И еще: "И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего" (Втор. 32:15). Согласно с этим говорит и блаженный Давид: "Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибежали к Богу" (Пс. 77:34). И к Иерусалиму Бог говорит чрез Иеремию: "Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалась от тебя, чтоб Я не сделал тебя пустынею, землю необитаемую" (Иер. 6:8). А что не только злым, но и добрым людям спасительно подвергаться уничижению и страданию, об этом пророк еще говорит так: "Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим" (Пс. 118:71). После него и Иеремия говорит то же самое, хотя не теми же словами: "благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит" (Плач.3:27-28); и о себе самом молит Бога так: "не пощади меня во отчуждение мне в день лютей"[1] (Иер. 17:17). И блаженный Павел, который столько просиял благодатью и превзошел человеческую природу, имел тем не менее нужду в этом благотворном средстве; посему и говорил: "дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"(2 Кор. 12: 7-9). Хотя евангельская проповедь могла быть совершена и без гонений, без скорбей, без трудов и подвигов, однако Христос не восхотел этого, промышляя о проповедниках. Поэтому и сказал им: "в мире будете

иметь скорбь" (Ин. 14:33). И желающим войти в царство небесное Он повелел идти тесным путем, так как иначе невозможно достигнуть его (Мф. 7:13). Итак скорби, искушения и все случающиеся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение. И что я говорю о здешних скорбях? Самая угроза геенною, не менее обетования царства небесного показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания. Поэтому Бог и первозданного человека в начале изгнал из рая, так как дарованная ему честь сделала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою после нарушения заповеди. И что я говорю об Адаме? Чего не сделал бы Каин, живя в раю и наслаждаясь его утехами, если он, и лишившись этого и имея пред глазами своими наказание, постигшее отца, не вразумился, но впал еще в большее нечестие: первый и изобрел и совершил убийство, и убийство самое преступное? Он не мало по малу и не в течении долгого времени дошел до этого нового злодеяния, но внезапно и вдруг достиг самой вершины нечестия, - подстерег и убил того, кто произошел из одной с ним утробы и не оскорбил его ничем; или может быть Каин счел за оскорбление себе, что Авель угодил Богу? Впрочем, по моему мнению, и здесь ты можешь усмотреть человеколюбие Божие: когда Каин оскорбил самого Бога, Творец вразумляет его словами и утешает в скорби; но когда он совершил преступление против брата, тогда уже Бог являет гнев Свой и налагает наказание. Между тем и первое заслуживало такого же, если не более жестокого наказания. Если у людей считается проступком и обидою, когда кто-нибудь из рабов лучшее сбережет для себя, а худшее подаст господину: не тем ли более это применимо в отношении к Богу? Но Каин совершил не только этот грех, но и другой не меньший, - позавидовал чести брата. Если бы он раскаялся в грехе своем, то угодил бы Богу этою прекрасною переменою; но не от раскаяния, а от зависти и ненависти происходило его смущение, как показал это конец дела. Каин почти разгневался на Бога за то, что Бог, оскорбленный им, не почтил его и не предпочел злого доброму; однако Бог, не смотря на то, что грехи Каина требовали тяжкого наказания, поступает с грешником гораздо милостивее, чем он заслуживал, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила от раздражения; потому Бог и говорит ему: умолкни (Быт. 4:7). Так говорил Бог, хотя и знал, до чего дойдет злоба Каина; но Он хотел отнять у неблагодарных всякий предлог (к ропоту). Если бы Каин наказан был в самом начале, то многие стали бы говорить так; „разве нельзя было наперед внушить словами, вразумить и утешить, а потом и наказать, если бы Каин остался при прежнем расположении? Наказание его весьма жестоко и строго". Поэтому Бог долго терпит наносимые Ему оскорбления, чтобы заградить уста таким людям, и вместе показать, что Он и отца Каинова наказал по Своей благости, и кроме того - последующих людей привести к покаянию таким Своим милосердием. Когда же Каин по упорству своему и нераскаянности сердца собрал себе гнев (ср. Рим. 2:5), тогда Он и наказывает; если бы Каин и после убийства остался ненаказанным, то решился бы и на другое, еще большее зло. Нельзя сказать и того, что он согрешил по неведению: мог ли он не знать того, что знал младший брат? Впрочем, если угодно, положим, что первое (преступление) произошло от неведения; но после того, как он услышал: умолкни, - после того, как получил прощение, неужели по неведению он решился на убийство, осквернил землю и нарушил законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не от неведения, а от злобы, лукавства и крайнего нечестия? Какое же наказание за все это? "Стенающим и трясущимся будешь на земле"[2], говорит Бог (Быт. 4:12). Наказание, по-видимому, тяжкое; но оно не будет таким, если мы размыслим о грехе и внимательно рассмотрим самое наказание. Каин после того, как неправо принес жертву (ср. Быт. 4:7), обиделся на то, что он оскорбивший не почтен оскорбленным Богом, отверг Его внушение, первый дерзнул совершить убийство, или лучше сказать, грех еще более преступный, чем убийство, опечалил родителей, солгал пред Богом. "Разве", сказал он, "я сторож брату моему" (Быт. 4:9)? И за все это наказывается только страхом и

трепетом! Впрочем можно сказать, что благодать Божия видна здесь не из того только, что наказание легче греха, но из того, что в наказании заключается немалая польза. А польза та, что все последующие люди вразумляются наказанием Каина и становятся лучшими. Поэтому Бог не тотчас предал Каина смерти; потому что не все равно - слышать ли, что какой-то Каин, убивший брата, подвергся смерти, или видеть этого убийцу несущим наказание. В первом случае могли бы и не поверить рассказу по чрезмерности преступления; а теперь, когда Каин был видим и многие в течение долгого времени были свидетелями его наказания, событие стало очевидным и достоверным и для современников и для потомков. Но, скажут, какая же польза от этого ему самому? Весьма большая: Бог заботился и о его спасении, когда словесным вразумлением умерял его ярость, насколько от Него зависело. Но если рассмотреть и самое наказание, то и от него окажется великая польза. Если бы Бог тотчас умертвил Каина, то не дал бы ему времени для раскаяния и исправления. Теперь же он, продолжая жизнь в страхе и трепете, мог бы получить от такой жизни великую пользу для себя, если бы не был крайне бесчувственным и больше - зверем, нежели человеком. Кроме того, настоящее наказание уменьшало для него тяжесть будущего мучения; потому что наказаниями или бедствиями, которые посылает на нас Бог в настоящей жизни, устраняется немалая часть будущих мучений. Свидетельства на это можно привести из божественных Писаний. Христос, беседуя с учениками и повествуя о Лазаре, говорит, что Авраам, когда богат просил его оросить немного концом перста горящий язык, сказал ему: "чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь" (Лк. 16:25). А Павел (когда говорю о Павле, то также разумею заповеди Христа, потому что Им была движима эта блаженная душа), когда пишет к коринфянам о блуднике, повелевает предать его сатане "во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. V, 5). И еще, беседуя с ними же о тех, которые недостойно приобщаются таин, говорит: "от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. 31 Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. 32 Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром" (1 Кор. 11:30-32). Видишь ли неизреченное человеколюбие и беспредельное богатство благодати? Видишь ли как Бог делает и предпринимает все, чтобы мы, и согрешивши, потерпели наказание легче заслуженного, или даже совершенно от него избавились?

4. Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искушителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность; но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопроса; и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу дьявола, и много еще будет таких, которые преодолют, - для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для дьявола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели, чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный, если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них не имели бы повода показать свое мужество; и было бы то же, как если бы распорядитель при

ратоборстве, имея двух борцов, из которых один готов сойтись с противником, выказать много мужества и получить в награду венец, а другой предпочитает утомительной борьбе бездействие и веселье, удалил противника и их обоих отпустил без дела. Здесь храбрый потерпел бы вред из-за негодного; а последний худ не из-за храброго, а по собственной негодности. Кроме того, хотя настоящий вопрос касается по-видимому дьявола, но такое умствование, простираясь далее по связи мыслей, во многих отношениях поведет к обвинению и порицанию Промысла Божия и подвергнет нареканию все мироздание. Так оно осудит создание уст и глаз; потому что через глаза многие получают пожелание того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а устами иные произносят богохульства и преподают пагубное учение. Неужели же поэтому людям надлежало быть без языка и без глаз? Так отсечем и ноги, отрубим и руки; потому что руки иногда обгаются кровию, а ноги бегут на грех. И уши не могли бы избежать такого же строгого осуждения, потому что и они воспринимают тщетную молву и передают душе пагубное учение; отсечем же и их. А если так, то и пища, и питье, и небо, и земля, и море, и солнце, и свет, и луна, и хор звезд, и все роды бессловесных животных, - все они на что будут полезны, когда тот, для кого они созданы, обезображен столь жалким образом? Видишь ли, до каких смешных и нелепых мыслей неизбежно доводит такое умствование? Дьявол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит дьявола; а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшись его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе. Это не мои слова, а блаженного Павла, послушай, как он почти теми же словами пробуждает спящих из числа верных. В послании к ефесянам он говорит так: "наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной" (Ефес. 6:12). Так говорил он не с тем, чтобы лишить их мужества, но чтобы ободрить. И Петр говорит: "трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить" (1Пет. 5:8). Это сказал он, желая сделать нас более мужественными и внушить, чтобы мы более прилеплялись к Богу. Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему помочь. Так и малые дети, когда увидят что-нибудь страшное, бегут в объятия матери, хватаются за одежду ее, крепко держатся за нее, и не отстают, не смотря на старания многих оттащить их прочь; а когда нет ничего страшного, они не слушают ни ее зова, ни побуждения, отвергают ее приглашения, отворачиваются, когда она всячески старается приманить их к себе, и даже не смотрят на предложенную пищу. Поэтому многие матери, когда не действуют убеждения, посредством пугал и страшилищ ухищряются возвратить к себе детей и убеждают их опять прибежать к ним. Так бывает не только с детьми, но и с нами. Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу. Но если бы дьявол был уничтожен в самом начале и не существовал, то, может быть, многие не поверили бы тому, что было, т. е. что он обольстил человека и лишил его многих благ; а сказали бы, что это сделал Бог по недоброжелательству и зависти. Если и теперь, после столь ясных доказательств обольщений диавола, некоторые дерзают говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его? Впрочем, если обратить строгое внимание на дела, то (можно заметить, что) на худое не всегда толкает нас дьявол; хотя он делает нам много зла, но много и мы сами вредим себе, единственно по своей беспечности и нерадению. Обратимся опять к тому, с чего начали. Когда дьявол приступал к Каину и внушал ему совершить убийство? С матерью его он открыто разговаривал и соблазнял ее, а с ним не делал этого; если скажут, что он вложил в него злые помыслы, то и это зависело от самого Каина, который принял внушение, послушался и подал дьяволу повод к наступлению. Однако Бог и тогда не оставил Каина, но продолжал научать и

вразумлять его тем самым, чем, по-видимому, наказывал его. Но что я говорю о наказании Каина, одного человека, когда и потоп, в котором погибло столько людей, может открыть нам Божие промышление? И во-первых, Бог не вдруг, и не внезапно навел это бедствие, а предсказал о нем, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лет. Потом, чтобы люди, по причине отдаленности предсказанного, не забыли и не впали в беспечность, Он повелел строить пред глазами их ковчег, который яснее всяких слов говорил об угрозе Божией. Каин уже изгладился из памяти людей, а этот ковчег, находившийся перед их глазами, постоянно напоминал об угрожавшем бедствии. Но люди и после этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бедствие. Бог никогда бы не захотел угрожать потопом и наводить его, равно как угрожать и геенною, но всему причиною - мы сами. Зная это, премудрый говорил: "Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих"(Прем. Сол. 1:13). И сам Бог чрез пророка говорит так: "разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?" (Иез. 18:23, ср. Иез.33:11). Если же мы не обращаемся, то сами навлекаем на себя гибель и смерть, а не Бог, который не хочет, чтобы мы погибли, и показывает путь, как избежать дьявола. Но это ли только можем мы сказать о потопе, и не найдем ли какой-либо пользы, от него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло от него как для самих погибших, так и для последующих людей. Первые были удержаны от дальнейших преступлений; а последние получили еще большую пользу, так как вместе с самими грешниками уничтожена была, так сказать, закваска и причина зла. Если люди и без примеров легко могут изобретать зло, то чего бы они не сделали, если бы многие поощряли их к порочным делам? Чтобы этого не случилось, чтобы последующие люди не имели столь многих учителей зла, Бог одновременно погубил всех их.

5. Но как мудро, или вернее, как безумно суждение тех, которые, не желая делать ничего доброго, придумывают и говорят все, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то дьявол и не приступил бы, и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, на что не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что дьявол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о древе: неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без дьявола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся бы еще большему наказанию. Притом и в настоящем событии не одно обольщение дьявола было причиною всего зла, но жена увлеклась собственною похотью и пала. На это указало и Писание, сказав: "и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела" (Быт. 3:6). Говорю это теперь не с тем, чтобы освободить дьявола от обвинений в коварстве, но чтобы показать что, если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставил бы их пасть. Кто так легко принял обольщение от другого, тот и прежде обольщения был беспечен и невнимателен; и дьявол не имел бы такого успеха, если бы вступил в разговор с душой бодрствующей и внимательной. Но есть люди, которые, когда их опровергнут с этой стороны, оставив дьявола, обращаются к заповеди и, не касаясь согрешившего человека, обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это - слова дьявола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение (о людях), нежели когда бы Он не дал ее; это видно из следующего. Положим, что Адам, которого воля была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди, и продолжал наслаждаться блаженством: к худшему, или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительною надеждою на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком

отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу? Обвиняя Бога, ты поступаешь так, как те, которые стали бы винить запрещающего блудодеяние за то, что слышавшие это запрещение станут блудодействовать. Не крайне ли безумны такие слова? Если бы к человеку, не получившему заповеди, дьявол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом; потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слышал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог Своєю заповедию заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, - все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собою власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и уничижил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, - начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему. Итак всю благодать Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всею вселенною, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние, Он предал на смерть Единородного Своего за врагов, отступивших, отвратившихся и ненавидевших Его, и чрез Него примирил нас с Собою, и обещал даровать нам царство небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага, которых "не видел глаз, не слышало ухо", и которые "не приходили на сердце человеку" (ср. 1 Кор. 2:9). Что может сравниться с этою попечительностью, человеколюбием, благодатью? Поэтому и сам Он говорит: "Но как небо выше земли, так путь Мой выше путей ваших, и мысль Моя выше мыслей ваших"[3] (Ис. 55, 9). И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: "как высоко небо над землею, так велика милость [Господа] к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его" (Пс. 102:11-13), и даже еще более, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример представил Исаия, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: "забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя" (Ис. 49:15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности. Так говорили пророки; а Христос, беседуя с Иудеями, сказал: "если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него" (Мф. 7:11), выражая этими словами не что иное, как то, что насколько отличается добро от зла, настолько Божия попечительность отличается от родительской. Но не останавливайся на этом, а проникай умом еще далее. Это сказано применительно к твоему пониманию; между тем, у Кого премудрость и благодать беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Если же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак его беспредельности. Бог ежедневно устраивает для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благодати Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и посему очень многое оставляет сокрытым от нас; а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем; потому что Он благодетельствует нам, не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это,

и Павел внушал благодарить "всегда и за все" (Еф. 5:20). А, что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него самого, когда Он говорит так: "нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих" (Мф. 18:14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовавши в Него, как и Павел говорит: "хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2:4); и сам Он говорил иудеям: "пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию" (Мф. 9:13); и еще: "милости хочу, а не жертвы" (Мф. 9:13; Ос. 6:6). Даже когда люди и при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их; но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни, повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных, и подает все прочее для продолжения настоящей жизни (Мф. 5:45). Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения верующих в Него и угрожающих Ему по силам своим? Нет, нет; о них Он более всех печется: "у вас и волосы на голове", говорит Он, "все сочтены" (Лк. 12:7).

б. Итак, когда подумаешь, что ты для Христа оставил отца, дом, друзей, родных, несчетное богатство и великую славу, и терпишь теперь такую скорбь, то не падай духом; от чего рождается недоумение, тем самым и разрешится наше недоумение. Как? Бог не может солгать; а Он тем, кто оставит все это, обещал вечную жизнь. Ты презрел и оставил все: что же тебе препятствует надеяться на это обещание? Постигшее тебя теперь искушение? Но что оно по отношению к обещанию? Бог обещал нам вечную жизнь не здесь; а если бы даже и здесь надлежало исполниться этому обещанию, и тогда не следовало бы скорбеть; потому что человеку благочестивому и верующему надобно так крепко полагаться на обетования Божии, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в их исполнении. Смотри, какое обетование получил верный Авраам, и что повелевалось ему делать? Обетование состояло в том, что потомки его от Исаака наполнят всю вселенную; а повеление требовало, чтобы он заклал того самого Исаака, потомками которого должна была наполниться вся земля. Что же? Смutilо ли это праведника? Нет; и при таком разногласии и противоречии повеления с обетованием, он не смutilся, не усомнился и не сказал чего-нибудь такого: „Бог одно обещал, а другое теперь заставляет меня делать; от этого сына обещал мне великое множество потомков, а теперь повелевает заклать его; как же то сбудется, если пресечется этот корень? Верно, Бог обманул меня и посмеялся надо мною". Ничего такого Авраам не сказал, даже и не подумал, и весьма справедливо; потому что если обещает Бог, то, хотя бы представлялись тысячи препятствий к исполнению обещанного, не должно смущаться и сомневаться в исполнении. Действие силы Божией в там особенно и состоит, чтобы из безвыходного положения находить выход; так рассуждал тогда и блаженный Авраам. Поэтому Павел изумлялся вере его и сказал: "Верую Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес едиnorodного" (Евр. 11:17), указывая и намекая на то самое, о чем я теперь сказал. И не один Авраам, но и правнук его Иосиф, хотя и видел, что данное ему обетование остается без исполнения в течение долгого времени и по многим обстоятельствам, однако остался непреклонным, потому что он обращал взоры свои только к Обещавшему; а если бы он предался человеческим рассуждениям, то отчаялся бы в исполнении обетования. Виденный им сон предвещал поклонение ему братьев и родителей, а события были не таковы, и во многом не соответствовали этому. Во-первых, те самые, которые должны бы кланяться ему, ввергают его в ров и, продав иноплеменникам, отправляют его в чужую и дальнюю землю; эти события казались столь противоречащими сновидению, что сами несчастные (братья его) насмеялись над ним, и говорили: "вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов" (Быт. 37:19-20). Затем и купившие Иосифа опять продают его не какому-либо свободному человеку, но царскому рабу. И этим еще не окончились его несчастья, но, подвергшись клевете

госпожи и быв осужден, он много лет жил в темнице, и, хотя другие выходили оттуда, оставался там еще долгое время. Несмотря на столь многие обстоятельства, которые могли смутить душу его, он остался непоколебимым. Таково же и наше положение, или вернее, оно еще более затруднительно. Нам Бог обещал царство небесное, вечную жизнь, бессмертие и бесчисленные блага, а происходящее и случающееся с нами теперь, - именно смерть, тление, наказание, мучение и различные и непрерывные скорби, - далеко не соответствуют этому. Для чего же Бог делает это и попускает такие события, которые противоречат обетованиям? Этим Он совершает два величайшие дела: во-первых, представляет нам несомненное доказательство своей силы, т. е., что Он может привести в исполнение обетования, по-видимому, самые невероятные; во-вторых, научает нашу душу верить Ему во всем, хотя бы события казались противоречащими предсказаниям. Такова сила надежды: она не постыждает того, кто искренно предан ей. Если же так поступали те, которые получали обещания здешних благ, то гораздо более должно так поступать нам, которые надеемся на исполнении благих обетований не в настоящей жизни, но в будущем веке. Для здешней жизни Господь предсказал скорбь и тесноту. Что же смущает тебя? Почему ты не доверяешь Божью обетованию? Презреть для Него весь мир и потом говорить, что Он не печется, может только тот, кто не верит, сомневается и считает обетование Божие обманом; а это поистине значит бесноваться и навлекать на себя огонь гееннский. Однако и между людьми, преданными делам мирским, есть такие, которые живут спокойно? - Так, и это предсказал Христос: "

Истинно, истинно говорю вам", говорил Он, "вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется"

(Ин. 16:20). И между прежними поколениями вавилоняне, даже не знавшие Бога, пользовались богатством, властью и честью, а иудеи жили в плену, в рабстве и в крайних бедствиях. И Лазарь, достойный небес и царства небесного, лежал покрытый ранами, которые облизывали псы, и постоянно боролся с голодом; а богач жил в чести, окруженный обществом, в роскоши и удовольствиях; но все это нисколько не помогло ему в геенне, как и Лазарю голод и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротив он, как мужественный борец, подвигающийся в самый тяжкий зной и жар, победил и увенчан. Посему один мудрец и сказал: "если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения"(Сир. 3:1-2). И несколько ниже: "ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, - в горниле уничижения"(Сир.3:5). И еще в другом месте говорится: "Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его" (Притч. 3:11). Кто ввергает золото в печь, тот знает, сколько времени следует ему находиться в огне, и когда должно оно быть вынуто; посему мудрец и говорит: "и не смущайся во время посещения", а Соломон, научая тому же самому, сказал: "не тяготись обличением Его". Скорбь - великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своею чрезмерностью поколеблет и преодолет (человека)? "Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести" (1 Кор. 10:13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (ср. Евр. 12: 7-8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому, что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. "Ибо вот", говорит Писание, "удаляющие себя от Тебя гибнут" (Пс. 72:27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них. Как если дурные дети, будучи посланы своими отцами к учителям, стараясь избежать тамошних трудов и малых наказаний, совсем убегают от родителей, то не получают от этого никакой пользы, а подвергаются гораздо большим неприятностям, оказываясь в необходимости терпеть на чужбине и голод, и

бесприютность, и болезни, и бесчестие, и рабство, так тоже бывает и с теми, которые не переносят с благодарностию внушения Божия, а негодуют на Него: они не только не получают от этого никакой пользы, но подвергают себя еще крайним бедствиям. Посему нам и заповедано "терпеть и укреплять сердце свое" (Пс. 26:14). Но ты подвергся страданиям гораздо тяжчайшим? - Так и воспитатели детей не всем назначают равная и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников; потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил нести одинаковые труды? Потому, что у Бога не один вид упражнений, и люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни - в одних, другие - в других. Посему и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительною болезнью, другой - крайнею бедностию, иной - обидами и оскорблениями, а иной - тем, что постоянно и непрерывно видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот - обвинением в том, чего он и не знает за собою, и навлеченным на него бременем бесславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий, в сравнении с твоим несчастьем, тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытал их, то узнал бы, что твое несчастье, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим; потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется.

7. Если блаженный Павел много терпел, а никого нет больше его и даже равного ему, то как можно, чтобы другие люди не нуждались в этом пособии? Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному нерадению. Если бы не было приложено к ним врачество, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним; а теперь сделано не мало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больных, и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им; другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби; а иные с первого возраста до последнего вздоха терпели бесчисленные несчастья - но ничем таким мы не должны смущаться и впадать (в отчаяние). Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться; но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этою бездною и, приникнув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и изследовать неизследимое (Рим. 11:33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным, приказывает напр. охладевший член опускать в холодную воду, и делает много другого, по-видимому, странного; но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать (действия) Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно; а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях, и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, прошу и умоляю, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: "судьбы Твои - бездна великая!" (Пс. 35:7). Даже и то,

что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда, и наше повинование не было бы выражением веры; когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям, по истинному послушанию и искренней вере, тогда доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его. Знать его для нас и невозможно, и бесполезно; первое потому, что мы смертны; второе потому, что мы скоро увлекаемся гордостью. С своими детьми мы делаем много такого, что им кажется вредным, а на самом деле полезно для них; однако и они не смеют спрашивать о причине, и мы не убеждаем их предварительно в пользе того, что намерены делать с ними, но только внушаем им повиноваться приказаниям родителей и ни о чем более не спрашивать. Если же мы так относимся к родителям, которые одной с нами природы, и не ропщем на них, то на Бога, Который превосходит нас настолько, насколько Бог выше людей, как будем роптать за то, что мы не все знаем? Что может сравниться с подобным нечестием? Таким людям блаженный Павел с негодованием говорил: "А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?" (Рим. 9:20)? Я указал на пример детей, а Павел привел еще гораздо лучший пример - горшечника и обделываемой им глины. Как глина принимает всякий вид, какой дают ей руки обделывающего ее, так и человеку должно поступать сообразно с тем, что повелевает Бог, и принимать с благодарностью то, что Он посылает, нисколько не противореча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для одних нас, но и для мужей святых и дивных, живших прежде нас. Так Иов говорил: "Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?", и так далее (Иов. 21:7). И блаженный Давид сказал: "А я - едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, - я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с [прочими] людьми не подвергаются ударам" (Пс. 72:2-5). После него Иеремия также говорил: "Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?" (Иер. 12:1). Недоумевали и спрашивали и они, но не так, как нечестивые, не ропща на Бога и не обвиняя в несправедливости за дела Его. Напротив, один из них говорил: "Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои - бездна великая" (Пс. 35:7), а другой, много страдавший, "во всем этом не произнес ничего неразумного о Боге" (Иов. 1:22); и в книге своей, рассуждая о творении и изъясняя непостижимость премудрости и домостроительства Божия, говорил: "вот, это части путей Его; и как мало мы слышали о Нем!" (Иов. 26:14). А Иеремия, предвидя, что иной может усомниться, пред вопросом своим высказывает такое суждение: "праведен будешь Ты, Господи", т. е. я знаю, что все совершается Тобою справедливо, но способа, каким это совершается, не постигаю. Что же, узнали ли они что-нибудь больше? Нет, они не получили даже и ответа, как изъясняет блаженный Давид в словах: "и думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих" (Пс. 72:16). Они не получили ответа для того, чтобы потомки научились и не спрашивать об этом. Они спрашивали только об одном, почему нечестивые наслаждаются благополучием и богатством, но и этого не узнали; а нынешние хотят узнать гораздо больше их, потому что ныне предлагается гораздо больше вопросов, чем тогда. Пусть же ясное знание предоставлено будет Тому, Кто знает все прежде, чем оно совершится.

8. Если же нам самим, на основании того, что нам уже известно, следует представить какое-нибудь решение поставленных вопросов, для успокоения тех, которым очень хочется знать об этом, то скажу, что после того, как нам открыто царствие небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему (на земле) праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами,

счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого, предварительно располагает в готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому, то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях; этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устроит наше благо не одинаковым образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения о будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ (будущего) суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается сейчас и здесь, чтобы те, которые в виду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы и это учение не подверглось сомнению, и чтобы большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников; тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого; а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Посему Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых, как например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними; причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет тогда судить нас. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башнею и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос говорит? "думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете"(Лк, 13:2-5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастья одних все прочие сделались лучшими. Так пусть будет решен у нас предложенный вопрос. Но ты, может быть, желаешь разрешения и того вопроса, который предложен выше и который гораздо труднее этого? Впрочем я думаю, что когда этот по возможности объяснен нами, то тем самым положено начало решению и первого вопроса. Что же приводит тебя в недоумение? То, что многие от первого возраста до смерти боролись со многими несчастьями. На это также, как и на прежнее, скажу, что Бог наказывает их, во-первых, за их собственные пороки; а потом для того, чтобы от их несчастий получили пользу и другие. Если же это бывает не со всеми, то потому, что теперь еще не время суда. Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнуть того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от невоздержности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом, о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы

какими путями. Разве не видишь, что и из нищих многие, в самом прискорбном положении, совершают множество преступлений, не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастья не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Посему, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, - а часто они оканчивают там жизнь, - когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками для устрашения прочих; так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев, и чрез это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал, учение о воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастиях и умерли прежде нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастья, и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастиями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю.

9. Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушений жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме "Создавшего наедине сердца наши и вникающего во все дела наши" (ср. Пс. 32:15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить нас Испытующий сердца и утробы, "живой и действенный и острее всякого меча обоюдоострого: проникающий до разделения души и духа, составов и мозгов, и судящий помышления и намерения сердечные" (ср. Евр. 4:12), тогда, не некоторых только немногих из многих, но всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты; потому что "нет твари, сокровавленной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его" (Евр. 4: 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: "Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога"(1 Кор. 4:5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно: откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них - смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силою, но благодатию Божию. Если же кто скажет, что лучше гордиться делая добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения. Ты, конечно, хорошо знаешь, что человек, делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней гибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится; но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло, и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот

фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякою добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 13:10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднить добро, собранное с великими усилиями и трудами, - это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развеивает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него. Кроме того есть на это очень много и других причин, но они, как я сказал, сокрыты от нас, а известны Создателю нашему - Богу. Не будем же роптать на Него за происходящее с нами, но будем благодарить: это свойственно (действенно) признательным рабам. Ты удивляешься, что нечистый (дух) напал на тебя не в прежнее время, когда ты роскошествовал и окружал себя мирским блеском, но теперь, когда ты бросил все это и всецело предал себя Богу; но это подобно тому, как если бы ты удивлялся, почему зрителей никто не беспокоит, а на того, кто записался в борцы, приготовился и вышел на место борьбы, на этого одного из всех нападает противник, поражает его в голову и бьет по лицу. Не то удивительно и достойно сожаления, что демон огорчает, теснит и беспокоит решившихся на борьбу, - ибо таков закон борьбы, - но если он поборает, и низвергает, и лишает награды, - вот это ужасно! А пока он не в состоянии сделать этого, то не только не нанесет нам никакого вреда, но еще доставит величайшую пользу, сильною борьбою с нами доставив нам более чести. Так и между воинами лучше всех тот, кто может показать у себя больше ран и кто вступал в единоборство с сильнейшим из противников; и из борцов мы особенно удивляемся тем, которые вступают в борьбу с непобедимыми (так называют храбрейших из противников); и из охотников тот считается сильнейшим, кто выходит на самых диких зверей. Твой демон бесстыден и бесстрашен? Но потому я и не перестаю изумляться и удивляться тебе, что ты, получив такого противника, не пал, не выдал себя, но остался непреклонным и не уступил ему ни в чем.

10. А что я теперь говорю тебе без лести, что действительно ты получил величайшую пользу от своей скорби, то позволь мне говорить прямо; потому что иначе я не могу доказать тебе этого. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, т. е. жизнь до искушения; рассмотри же ее внимательно и сравни с настоящей жизнью после искушения, и ты увидишь, какая польза произошла для тебя от этого бедствия. Теперь у тебя великое усердие и к постам, и к ночным бдениям, и к занятию чтением, и к упражнению в молитвах; также и терпение и смирение достигли у тебя высшей степени; а прежде ты вовсе и не думал о книгах, и все свои заботы и труды употреблял на уход за садовыми деревьями. Многие, как я слышал, упрекали тебя даже в гордости, и объясняли ее знатностью рода, славою отца и твоим воспитанием в большом богатстве. Насколько ты был ленив в ночных бдениях, это сам хорошо знаешь. Часто, когда другие в глубокую ночь поспешно вставали, ты оставался погруженным в глубокий сон и сердился на тех, кто будил тебя. А теперь, с тех пор, как ты вступил в эту борьбу и ратоборство, все это прекратилось и переменилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Бог не попустил демону напасть на тебя, когда ты жил в роскоши и был привязан к делам мирским, то я скажу в ответ, что и это было делом промышления Его; Он знал, что тогда враг скоро погубил бы тебя, нашедши легко победимым. Посему Бог вызвал тебя на эту борьбу не тотчас, как только вступил ты в монашескую жизнь, но предоставил тебе упражняться в течение долгого времени, и потом, когда ты укрепился, вывел тебя на это трудное поприще. Еще ты упоминаешь о живущих в мире и указываешь на своего слугу; ведь его, я думаю, ты разумеешь, когда говоришь, что многие из мирских людей, подвергшись той же болезни, получили весьма скоро совершенное исцеление. Но, любезнейший, слуга твой и другие, которые подвергались одинаковому с ним бедствию, испытывали это не с

тою целью, с какою ты теперь: на него и на других Бог попускал этого зверя для того, чтобы только устроить их и посредством страха сделать лучшими, а на тебя для того, чтобы ты мужественно боролся, славно победил и получил венец за терпение. А победа состоит не в том, когда ратоборец еще во время зрелища уклоняется от борьбы с противником, но когда он во всякое время остается готовым на борьбу; тогда противник и унынием не будет в состоянии довести его до каких-либо негодных помыслов. И что это действительно так, я прямо заключаю из следующего. Всем известно, - хотя сам ты и уничижаешь себя, - насколько твоя жизнь лучше жизни твоего слуги. Потому и Бог промышляет и печется о тебе более, нежели о нем. Если же это ясно, то очевидно также и то, что, если бы Божие попущение было делом Его гнева, Он не стал бы так долго подвергать этому того, кого более любит, между тем как скоро избавил от демона другого, который гораздо хуже тебя. Это я могу подтвердить не только вышесказанным, но и на основании того, из чего ты заключаешь, что Бог оставил тебя, постараюсь доказать, что Он особенно заботится о тебе. Если бы ты не оказал большого усердия и не совершил далеких путешествий для собеседования с мужами святыми и имеющими силу разрешать эти узы, то иной из обыкновенных людей мог бы придти в недоумение, так как не очень ясна была бы причина, почему Бог попустил (тебе страдать) столько времени. Но так как ты посетил места мучеников, где получили исцеление многие даже из тех, которые (в бесновании) кусали людей, долгое время прожил с мужами дивными, доблестными и всегда успевавшими (исцелять больных), и не опустил решительно ничего; что могло бы освободить тебя от страдания, и однако возвратился опять с тем же врагом; то ты принес ясное и вразумительное даже для весьма невнимательных людей доказательство Божия промысления о тебе. Бог, конечно, не лишил бы тебя Своей благодати, и не допустил бы посрамления рабов Своих, если бы не видел от этого великой славы и большей пользы для тебя. Таким образом то, что по-видимому служит знаком оставления тебя Богом, есть знак великой Его любви и благоволения к тебе.

[1] В Синодальном переводе смысл другой: "не будь страшен для меня, Ты - надежда моя в день бедствия".

[2] В Синодальном переводе: "скитальцем и изгнанником будешь на земле".

[3] В синодальном переводе "путь" и "мысль" во множественном числе: "Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших".

К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ

О ТОМ, ЧТО УНЫНИЕ ХУЖЕ ДЕМОНА.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. – Такие мысли не всегда приходят от демона, но иногда и от собственного уныния. – Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого – становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. – Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. – Это показывают примеры святых. – Пример Авраама. – О жертвоприношении Исаака. – Сыновья Эдипа. – Огорчение Иакова. – Пример из жизни Иосифа.

В предыдущем (слове) сказано нами о Промысле Божиим и о том, что Бог испытывает тебя известным образом не по отвращению и не по ненависти, а по особенной любви. Но так как ты, по словам твоим, очень сетуешь и по другой причине, именно потому, что демон часто внушает тебе мысль погубить себя в море или пропасти, или прекратить настоящую жизнь каким-либо другим способом, то я хочу немного побеседовать и об этих помыслах. Такое внушение происходит не от него только одного, но и от твоего уныния, и даже больше от последнего, чем от первого, а может быть - и от одного уныния. Это видно из того, что многие и из тех, которые не одержимы демоном, замышляют то же только от печали. Отвергни же ее и изгони из души, тогда и демон не будет иметь силы не только на то, чтобы склонить к такому делу, но и на то, чтобы приступить к внушению. Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут и похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведши уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же кто, рассеяв этот мрак надеждою на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника; потому что и эти преступники, когда кто поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел; и он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к Коринфянам, чтобы они простили, наконец, грешнику грех его: "дабы он не был поглощен", говорит он, "чрезмерною печалью" (2Кор.2:7). Но предположим, если хочешь, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечем, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием; если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель должно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию, как это уже многократно и доказано нами. Касательно же твоих сверстников (которых благодущие и дерзновение пред братьями ты видишь и от того, я думаю, смущаешься и падаешь духом) я скажу, что если бы, в то время как они проводят жизнь в воздержании, скромности и прочих добродетелях любомудрой жизни, ты тратил все время в непотребных домах, в играх и пирушках, уныние твое имело бы причину; но если ты идешь по одному с ними пути, то от чего тебе печалиться? Если бы я говорил с кем-нибудь другим, из числа тех, которые легко увлекаются гордостью, то я умолчал бы о том, что намерен теперь сказать тебе. Но так как я вполне уверен, что ты никогда не перестанешь быть скромным, а всегда будешь считать себя между последними, хотя бы тебя безмерно хвалили и превозносили, то скажу все, насколько не притворствуя. Ты, я слышу, так успел в своей благочестивой жизни, что не уступаешь уже не только тем юношам, но и великим и дивным мужам. И от этих, говорят, ты не отстаешь ни в чем, ни в посте (и возможно ли иначе, когда ты питаешься только водой и хлебом, и то через день?), ни в продолжительности ночных бдений, но подобно им проводишь без сна много ночей сряду. А в препровождении дня, говорят, ты многих из них уже и превзошел; от приходящих оттуда я слышу рассказы, что у тебя все время употребляется на молитвы и слезы; и как подвизающиеся в молчаливности, или заключившие себя уединенно в келье, ни с кем, ни о чем не разговаривают, так, говорят, поступаешь и ты, живя среди такого многолюдства. О твоём же сердечном сокрушении, о скорби и сетовании они рассказывают даже с изумлением, и этими рассказами о твоих

подвигах здесь привели многих в сокрушение. Не смотрит он, говорят они, ни на кого из проходящих туда и не дает себе отдыха от постоянных трудов, часто боялись мы, чтобы он не ослепил глаз своих слезами, чтобы не повредил головного мозга чрезмерным бодрствованием и неослабным и непрерывным упражнением в чтении.

2. Итак, тебя печалит и смущает то, что ты уже опередил сверстников, и, имея сильного и дерзкого противника, далеко оставил позади себя подвизающихся вместе с тобою! Не правду ли говорил я, что твое уныние есть только следствие предубеждения, а при внимательном рассмотрении может доставить нам много побуждений даже к благодушию? Скажи мне, какая польза не быть бесноватым, если при этом жизнь будет оставлена в пренебрежении? И какой вред от беснования, если при этом образ жизни будет строг и благоустроен? Но ты, может быть, стыдишься и краснеешь, когда демон низвергает тебя в чьем-либо присутствии? Это происходит по той причине, что ты судишь о деле по мнению толпы, а не по благоразумию. Ниспадение не в том состоит, что, по твоим словам, случается с тобою, но в подпадении греху; при таком падении следует стыдиться и сетовать. А теперь мы стыдимся того, что не имеет в себе ничего постыдного; напротив, делая то, что в самом деле постыдно и достойно осмеяния и тяжкого наказания, думаем, что с нами не случилось ничего худого, если душа каждый день падает под тяжестью грехов, то никто не плачет; а если случится что-либо такое с телом, это кажется тяжким и невыносимым. Не в этом ли и состоит беснование, когда душа находится в таком состоянии и так ошибочно судит о вещах? Если бы твои припадки происходили от пьянства, тебе следовало бы стыдиться и унывать; тогда вина была бы произвольная, но если они происходят от насилия другого, то стыдиться должно не тому, кто терпит, но тому, кто делает обиду и насилие. Так и на площади, если во время ссоры один толкнет другого и повергнет на землю, мы все обвиняем толкнувшего, а не упавшего. Хорошо стыдиться, но - тогда, когда мы делаем что-нибудь, навлекающее на нас наказание от Того, Кто будет некогда судить нас; а пока мы не знаем за собою ничего такого, зачем нам стыдиться? Если бы кто, напав на тебя одного, стал бить тебя или повергать тебя на землю без всякого с твоей стороны повода или вины, а ты все перенес бы с кротостью и удалился, то твой поступок был бы не постыдным, но любознательным и весьма похвальным. Итак, если похвально переносить обиду, причиняемую людьми, то зачем будет стыдиться, как бы какого предосудительного дела, тот, кто благодушно переносит бешенство злейшего демона, совершающего то же самое? Что может быть несообразнее такого противоречия? Если бы ты, встав после своего припадка, стал делать или говорить что-либо непристойное, тогда и я не стал бы препятствовать тебе, сокрушаться и сетовать об одном; а если ты все переносишь с благодарением и тотчас обращаешься к молитвам, то чего здесь стыдиться? Может быть, тебя огорчают укоризны от других? Но что может быть предосудительнее людей, которые не знают даже того, что заслуживает укоризны? Эти люди и суть, поистине безумные и бесноватые, - они, которые не умеют смотреть на вещи, каковы они, в сущности, и ругают достойное похвал, а предосудительное считают похвальным. Сумасшедшие говорят окружающим много худого, но слушающие их не думают обижаться. Так и ты, слушая этих безумных, не считай случающегося с тобою позором и вредом, чтобы тебе, в самом деле, не сделаться достойным осуждения, прогневав Бога. Если ты будешь считать позорным то, что Бог посылает для вразумления и пользы, то смотри, к чему ведет это зло.

3. Если ты хочешь видеть людей действительно достойных стыда и осуждения, то я попытаюсь из множества таких указать тебе на некоторых. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастных к деньгам, на любящих власть и славу и для этого готовых делать и терпеть все, на изнуряемых завистью, на злоумышляющих против тех, кто ничем их не обидел, на предающихся унынию без всякой причины, на людей, которые постоянно увлекаются суетами житейскими; вот эти и подобные им дела безумны и достойны наказания, заслуживают осуждения, и стыда, и осмеяния. А кто, подвергаясь

нападению демона, не смотря на то, показывает в своей жизни великое любомудрие, тот заслуживает, чтобы все не только не осуждали его, но и удивлялись ему и украшали его венцами за то, что он при таких узак совершает столь трудное шествие и восходит по крутому и тесному пути добродетели. Однако я едва не забыл еще нечто, в чем ты имеешь преимущество пред братьями, - именно то, что ты легко можешь, если погрешил в чем-нибудь, загладить эти грехи теперешним несчастьем. Это известно нам из того, что сказал я выше, когда говорил о Лазаре и о блуднике коринфском. Но боюсь за отца, говоришь ты; свои скорби я смогу спокойно перенести, но легко ли будет нам перенести его смущение и негодование, если он когда-нибудь узнает что-либо из этого? Однако до сих пор он не узнал; а унывать и мучиться из-за того, что случится когда-нибудь после, а может быть никогда не случится, весьма малодушно. И откуда известно нам, что он узнает? Впрочем, пусть будет это нам известно; допустим, если хочешь, что он и узнает и сделает много зла; хвалю тебя за то, что ты скорбишь об его горестях, но не одобряю того, что делаешь это с вредом для себя; тем, которые помышляют о горнем, а не о земном, должно преодолевать не только гнев и похоть и прочие страсти, но и уныние; потому что оно может причинить нам больше зла, чем эти страсти, и с ним должно мужественно бороться тем, кто не хочет совсем погибнуть. Если бы тебе самому предстояло быть виновником горестей твоего отца, тогда действительно следовало бы тебе бояться и трепетать, как виновнику такого бедствия; но если он сам захочет подвергать себя крайним огорчениям, тебе нет до них никакого дела; остается только соболезновать отцу. Притом мы не знаем, как он примет это известие; часто многое случалось противоположно ожиданиям; хотя это бывает не так обыкновенно и редко, но в данном случае это и естественно и очень возможно. Откуда же что видно? Твой отец много заботится о побочных детях, и такая любовь к ним может затмить его печаль о тебе; не мучь же ты себя напрасными тревогами. Если же нужно сетовать об отце, то по поводу его безумной расточительности, пиров, гордости, жестокости, теперешней блудной жизни. Неужели малое зло, по твоему мнению, - при жизни жены, вашей матери, иметь связь с другою женщиною и рождать детей от незаконного сожития? Вот это явное, приводящее к худому концу дело, - это достойно сетования и слез; а что случится из-за тебя, то, может быть, будет худо, а может быть - и не худо; терпеть верную муку в виду неизвестного будущего - весьма безрассудно. Положим даже, что весть о тебе принята будет (отцом) с великим негодованием; но оно окончится весьма скоро и погаснет раньше, чем хорошо разгорится; потому что человек, столь преданный наслаждениям, озабоченный многими делами, питающий нахлебников и льстецов и пламенеющий такою страстью к женщине, от которой имеет полуродных вам братьев, если и обратит внимание на тебя, то недолгое и незначительное. Об этом я заключаю не только из того, что мною сказано, но и из того, что прежде было; я знаю, хорошо знаю, что отец твой прежде крепко любил тебя и считал твою голову дороже всего; но когда ты вступил в монашескую жизнь, он погасил всю эту любовь, признал поступок твой постыдным и недостойным знатности предков и говорил, что ты посрамил честь его; если бы не удерживала его сила природы, он, может быть, даже и отрекся бы от тебя. Таким образом - если слова эти не окажутся очень необдуманно - я полагаю, что он даже рад случившемуся с тобою, считая тебя потерпевшим наказание за то, что ты решительно не принял совета его, хотя он часто увещевал тебя и хотел отвлечь от этой строгой жизни.

4. Вот что я могу сказать об отце и твоём опасении за него: и этого, я думаю, достаточно для того, чтобы рассеять весь твой страх по этому поводу. Но ты говорил, что главная беда в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь, будет ли конец твоему страданию, или вступивший с тобою в эту борьбу захочет бороться с тобою до смерти. Относительно этого и я не могу сказать ничего верного, и не могу ручаться за будущее; однако я верно знаю, и тебе желаю также убедиться в том, что все, что бы ни случилось, будет нам на пользу; и если ты будешь иметь такое убеждение, то скоро отгонишь от себя и то, что называешь верхом своих несчастий. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что

время наград и венцов есть век будущий - время борьбы и подвигов. Это желал нам объяснить блаженный Павел, говоря: "потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1Кор.9:26,27). Когда же он приблизился к кончине, тогда произнес следующее блаженное изречение: "подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды" (2Тим.4:7,8), изъясняя, что вся наша жизнь должна быть проводима в борьбе и трудах, если мы хотим наслаждаться вечным покоем и бесчисленными благами. Если же кто из беспечных захочет наслаждаться и здешними удовольствиями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тот сам себя обманывает и обольщает. Как между борцами тот, кто во время борьбы ищет покоя, находит себе навсегда позор и бесславие, а тот, кто на месте борьбы мужественно переносит все трудности, получает от зрителей венцы, славу и похвалу и во время борьбы, и по окончании ее, так и у нас. Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славою бессмертною и истинною. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблаговременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: "в мире будете иметь скорбь" (Иоан.16:33). Блаженный Павел сказал: "и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы" (2Тим.3:12), разумея не только гонения от людей, но и козни демонов. Иов сказал: "искушение есть житие человеку на земли" (Иов.7:1)[1]. Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей. Сетовать нужно было бы в том случае, если бы мы время, которое Христос назвал бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному. За это нам неизбежно следовало бы терпеть наказание в том веке. Но что сказал бы ты, говоришь, о тех, которые и здесь идут широким путем и там будут покоиться? Кто же эти люди? Я верю только слову Христа, Который говорит, что "тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь" (Матф.7:14). А что по тесному пути никогда нельзя идти, как по широкому, это, конечно, всякому ясно. Если на мирских ратоборствах никто не получал венца без трудов, имея притом своими противниками таких же людей, то как нам, против которых ратуют лукавые силы, можно победить их бешенство без скорби и стеснения?

5. Впрочем, зачем нам доказывать это умозаключениями, когда можно прибегнуть к блаженным и доблестным подвижникам, жившим в прежние времена? Припомни всех, прославившихся в те времена, и увидишь, что все они скорбями достигли дерзновения пред Богом. Прежде всего, если хочешь, обратимся к сыну первозданного, агнцу Христову, Авелю, который не сделал никакого зла, и, однако, потерпел то, чему подвергаются тягчайшие грешники. Мы терпим искушения в наказание за грехи; а этот праведник страдал не за что-либо другое, а за то, что был праведен. Пока он не отличался ничем великим, брат был благосклонен к нему, а когда прославился своею жертвою, то Каин, ослепленный завистью, не посмотрел и на природу. Почему же ты знаешь, не эта ли причина и теперь возбудила против тебя диавола, и не слава ли твоей жизни вызвала его на эту борьбу? Если ты смеешься над этими моими словами, - хвалю тебя за смиренномудрие, однако не перестану так думать. Если Авель, принесши тук, угодил Богу, тем более посвятивший Богу не внешнее что-либо, но всего себя, мог вооружить против себя врага. Бог же попустил ему напасть на тебя, как и тогда Он не воспрепятствовал совершиться убийству, но попустил праведнику впасть в руки убийцы, и не избавил того, кто потерпел смерть ради Его и Его славы; Он не хотел уменьшения венцов Авеля, посемя и попустил ему дойти до конца. Но, скажешь ты, какое наказание - смерть? О, если бы и мне теперь потерпеть такое наказание! Это, возлюбленный, говоришь ты теперь, а

прежде смерть казалась тягостнее всего и мучительнее всякого наказания. Потому и по Закону Моисееву сделавшие величайший и непростительный грех подвергались этому наказанию. И по законам внешних (языческих) законодателей еще и теперь не иначе наказываются все, уличенные в самых гнусных злодеяниях; между тем этот праведник пострадал одинаково с беззаконниками, или даже гораздо тяжелее, так как получил удар от руки брата. А что Ной? И он был праведен и совершен, и среди всеобщего развращения один угодил Богу, тогда как все прочие оскорбляли Его. И, однако, он претерпел бесчисленное множество скорбей и - тяжких. Он не умер так скоро, как Авель, и не подвергся тому, что тебе представляется легким, но переносил долгую жизнь, и в течение многих лет жил нисколько не лучше тех, которые носят тяжести и постоянно изнуряются тягчайшим бременем. Я сейчас вполне объясню тебе это, сказав предварительно следующее. Целый год Ной жил как бы в темнице, - в темнице необыкновенной и страшной. Не буду говорить о множестве зверей и пресмыкающихся, с которыми вместе жил он столько времени, заключенный в такой темноте; что, думаешь, терпел он от раскатов грома, от шума дождей? Бездна нижняя разверзалась, верхняя низвергалась; а внутри ковчега сидел он один с сыновьями. Хотя он мог быть уверенным, что потоп кончится, но по чрезвычайности события наперед цепенел от страха. Если мы, имея дома, крепко построенные на земле, и живя в городах, падаем духом и смущаемся, когда увидим, что дождь льет несколько сильнее обыкновенного, то чего не вытерпел он, находясь один внутри ковчега и видя ужаснейшую бездну и различные роды погибших в ней? Душа может придти в ужас, когда и один город или даже один дом во время наводнения погибает в волнах; а когда потерпела это вся вселенная, то и сказать нельзя, в каком состоянии находился носившийся среди такого наводнения. И целый год он был в таком страхе. Когда же потоп прекратился, то хотя страх его уменьшился, но увеличилась у него печаль. Лишь вышедши из ковчега, он встретил другую бурю, не меньше первой, увидев великую пустыню, насильственную смерть, тела погибших смешанные с илом и грязью, и всех вместе - и людей, и ослов, и более низших животных зарытыми в одной самой жалкой могиле. Хотя погибшие в потоке были великие грешники, однако Ной был человек и сострадал имевшим одинаковую с ним природу. Так и Иезекииль, хотя был праведен и знал, что израильтяне порочнее всех, однако, когда видел их поражаемыми и падающими, также сострадал и плакал; между тем Бог наперед открыл ему все их нечестие и дал ему возможность видеть это собственными глазами, для того, чтобы он, когда увидит их наказываемыми, мужественно перенес это несчастье; и, однако, после доставленного ему такого облегчения, он жаловался и, падши, взывал так: "о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля" (Иез.9:8)? И это случилось с ним не однажды только, но и в другой раз, когда он видел умерщвление Иехонии. Так и Ной, хотя знал о бесчисленных преступлениях современников, но не был мужественнее ни Иезекииля, ни Моисея. И Моисей много раз страдал одинаково с пророком, и, видя, что согрешающим надлежало потерпеть наказание, сетовал и скорбел более самих наказываемых. Но при Ное и бедствие было ужаснее; ибо такая смерть, какая случилась при нем, была единственною. Затем, когда Ной был удручаем столь великими бедствиями; - одиночеством, состраданием к единоплеменникам, множеством погибших, способом смерти их, запустением земли, и когда печаль его со всех сторон сильно увеличивалась и возрастала, тогда же наносится ему еще оскорбление и от сына, - оскорбление невыносимое, весьма позорное и весьма прискорбное. Во сколько раз оскорбления от друзей тяжелее оскорблений от врагов, во столько оскорбления от детей нестерпимее оскорблений от друзей. Так, когда отец увидит, что тот, которого он родил, которого воспитал, которого образовал, для которого перенес множество скорбей, трудов и забот, обходится с ним обиднее всех, когда он испытает это, то не в силах бывает перенести великой скорби душевной. Обида для человека свободного и сама, по себе несносна; когда же она нанесена собственными детьми, то может довести обиженного даже до исступления; до того она тяжела! Притом имей в виду не одно только это оскорбление, но по нему заключаю и о том, как оскорбитель обращался с Ноем и во все

прежнее время. Если Хам, еще имея пред собою страшное событие, лишь только освободившись из такой темницы и еще видя бедствия вселенной, не вразумился этим, но оскорбил того, кого оскорблять всего меньше следовало; если он не исправился ни смертью такого множества людей, ни опустошением земли, ни гневом Божиим, ни другим каким-либо из тогдашних событий, то каков он был прежде потопа, когда было много увлекавших его к порокам? Да, тогда из-за этого (сына) и прочих людей праведник вытерпел более жестокую бурю, чем та, которая была во время самого потопа. Во время потопа окружало его только множество воды; а до потопа он со всех сторон был объят бездною пороков, и козни злых людей беспокоили его сильнее волн. Оставшись один среди такого множества беззаконников и нечестивцев, он, хотя не терпел от них никакого вреда, но перенес много насмешек и издевательств, если не прежде, то тогда, когда говорил им о ковчеге и будущих бедствиях. А как такие насмешки могут возмутить душу, об этом может засвидетельствовать нам тот, кто был освящен от чрева матерного и хотел из-за этого даже отказаться от пророчества; "не буду более", говорит (Иеремия), "говорить во имя Его" (Иер.20:9). Кроме того, сколько огорчения, сколько печали причиняло Ною одно то, что не было еще никого одинакового с ним ни по душе, ни по жизни! Мало этого: он вытерпел много скорбей и от соболезнования о своих современниках. Разве праведники скорбят тогда только, когда они видят грешников умирающими, а когда видят их согрешающими, разве не сокрушаются? Нет, в последнем случае они огорчаются гораздо более, нежели в первом. И это можно хорошо узнать от пророков. Один из них горько взывал: "Горе мне! Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми" (Мих.7:2). А другой говорил к Богу: "для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия" (Авв.1:3)? И сильно сокрушаясь об угнетаемых, плакал так: "оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя" (Авв.1:14). Если же так было тогда, когда существовали и законы, и начальники, и судилища, и священники, и пророки, и наказания, то представь, до какой степени простирались все пороки при Ное, когда ничто подобное не удерживало людей. Притом, при пороках жизнь человеческая продолжалась недолго, лет семьдесят-восемьдесят; а тогда она простиралась до шестисот лет и более. Кроме всего вышесказанного, сколько трудов он должен был понести, проходя такой долгий путь и стараясь в такое продолжительное время нисколько не совратиться при многих встречающихся препятствиях? Что я говорю: многих, когда весь совершенно путь был таков, весь от края до края земли был исполнен скал и терний, диких зверей и зловония, заразы и холода, и злодеев? Подлинно, удобнее идти в самую глубокую ночь по узкой тропинке, чем по пути добродетели в те времена: сколько было людей, которые усиливались совратить Ноя с его пути! Когда все могут делать все, что захотят, и только один идет по противоположному им пути, - как он может дойти до конца, если все теснят и увлекают его назад? А как трудно вести жизнь добродетельную среди многолюдства, это доказывают поселившиеся в пустынях, в настоящее время, когда, по благодати Божией, везде можно видеть добрую жизнь, единодушие и не малую любовь друг к другу. Тогда же ничего этого не было, но все относились к Ною свирепее даже диких зверей.

б. Что может быть прискорбнее, что бедственнее такой жизни? Я обещал показать, что состояние Ноя было ничем не лучше состояния тех, которые постоянно носят тяжести и никогда не имеют отдыха; но мое слово сделало гораздо больше, открыв нам, что состояние Ноя было не только ничем не лучше, но гораздо тяжелее их состояния. Многим, кажется, что Авраам благодушно прожил все время, почему и привыкли сравнивать с ним благоденствующих и счастливых во всех отношениях. Рассмотрим же, что было с ним. По моему мнению, он гораздо и Ноя и Авеля... но лучше не скажу ничего, пока не даст нам решения самое рассмотрение событий. Что было с ним в Персии, и случилось ли с ним что-либо горестное до семидесяти лет его жизни, этого никто не может точно знать. И блаженный Моисей не написал нам истории этого времени, но, опустив все эти годы его

жизни, начал повествование уже с последующих лет. А что, вероятно, и Авраам страдал одинаково с Ноем, когда один хотел жить благочестиво среди столь многих нечестивцев и иноплеменников, это не так неизвестно, как остальное, и даже весьма неразумные люди легко могут понять это. Впрочем, оставим пока и это; начнем речь с переселения Авраама, рассмотрев, прежде всего то, как далеко земля Халдеев отстояла от Палестины, каково было состояние дорог, каковы были взаимные отношения людей, каково было общественное устройство. По тому, что праведник легко послушался, не должно считать теперь и самого дела легким, и по тому, что Моисей рассказал о событии сжато и кратко, не надобно думать, будто и самое дело так же кратко, как слова; сказать и описать это - легко; но сделать не так легко, напротив очень трудно. Итак, о длине пути и о том, как велико расстояние между этими странами, могли бы с точностью сказать те, которые пришли бы к нам оттуда, если только есть такие. Но мы ни с кем из них не виделись, а встретившись с одним из бывших в соседней стране и спросив, сколько времени он должен был провести в пути, мы услышали, что - тридцать пять дней; впрочем, сказал он, Вавилона он не видал, а слышал от бывавших там, что есть оттуда еще другой столь же длинный путь. Таково расстояние было тогда, таково оно и теперь; но тогдашнее состояние дорог было не таково, как нынешнее. Ныне на дороге часто расположены гостиницы, города и селения, и путешественник может встречаться со многими путниками, а это важно в отношении безопасности не меньше гостиницы, города и селения. Притом градоначальники, избрав из страны мужей, отличающихся от других телесною силою и способных действовать дротиком и пращею так же, как стрелки стрелами и копьеносцы копьями, и поставив над ними начальников, освободили их от всякого другого дела и вверили им только охранение путей. А затем придумали еще и другую, более этой надежную, меру безопасности: устроив при дороге жилища на расстоянии тысячи шагов одно от другого, поместили в них ночных сторожей, которых бдительность и надзор служат большим препятствием для нападений злодеев. А при Аврааме ничего этого не было: ни частых селений, ни городов, ни гостиниц; не скоро можно было увидеть постоялый двор или спутника, или что-нибудь другое подобное; не говорю уже теперь о неровности дорог и непостоянстве ветров, хотя и эти неудобства, даже без тех, могут причинить довольно неприятностей путникам. Это могут засвидетельствовать те, которые, имея повозки и упряжных животных, не осмеливаются и на них отправляться по обыкновенной дороге, если наперед не вымостят ее камнями и, завалив рытвины от потоков, не уравниют, таким образом, дороги. Тогда же дорога была пустынное мест необитаемых, непроходимое гор, опаснее рвов и скал. Но я не сказал еще о самом важном неудобстве, о том, каковы были взаимные отношения людей, причинявшие им гораздо больше тяжелых затруднений, чем самая дорога, так как все были разделены по народам, или даже по городам. Тогда не так было, как теперь, когда одна власть простирается на большую часть вселенной, и все повинуются одному человеку и управляются одними законами; но как одно тело, рассеченное на многие части, так разделен был тогда и род человеческий: праведнику приходилось переменять одних врагов на других, и едва он убегал от одних, всегда попадал на других; потому что в одном месте было многоначалие, в другом - безначалие. Что же тяжелее такой жизни? Притом, Авраам боялся и трепетал не за себя только, но и за отца, и за жену, и за племянника. Не малая также была у него забота о слугах, когда они были даже и дома, а тем более, когда им приходилось часто быть на чужбине. И если бы он точно знал, где кончится для него странствование, то заботы его не были бы еще так несносны; а теперь услышав просто и неопределенно о земле, не о той или другой, но "которую Я укажу тебе" (Быт.12:1), он мысленно обходил все страны и испытывал в душе великое смущение, потому что нигде не мог остановиться мыслию, но должен был о многом сомневаться и беспокоиться. Мог он думать, что пойдет до самых пределов вселенной и до самого океана, так что, хотя и не прошел всей земли, но беспокойство о таком путешествии вытерпел. В душе он готов был не только дойти до Палестины, но следовать всюду, хотя бы ему поведено было пройти всю вселенную или даже идти на острова,

находящиеся вне ее. Если же неопределенность повеления заставляла ожидать и того и совершенно противоположного, то и это было тяжело. Кому предстоит терпеть что-либо тяжкое, тому гораздо легче знать ясно, чему он подвергнется и к чему он должен готовиться, чем носиться мыслью повсюду и ждать то благоприятного, то неблагоприятного, и ни на что твердо не надеяться, но одинаково не доверять тому и другому.

7. Это происходило с Авраамом до прибытия его в обетованную землю; когда же он достиг Палестины и надеялся, наконец, успокоиться, тогда в самой пристани нашел еще большую бурю. А не легко, напротив весьма тяжело бывает, когда кто-нибудь, подумав, что скорбь его кончилась, и что он уже свободен от нее, поэтому, отложив всякую заботу и попечение, вдруг должен будет снова начать борьбу с неприятностями. Кто ожидает бедствий, тот легче может вынести их наступление; а кто успокоился и отрешился от забот, тот, если опять случится с ним что-либо подобное прежнему, возмущается и легче поддается скорби по двум причинам: по неожиданности бедствия и потому, что он отложил всякую заботу и предосторожность. Итак, какая же буря постигла Авраама? Тогда в Палестине был столь сильный голод, что Авраам тотчас поднялся оттуда и пошел в Египет. Пришедши туда в надежде найти избавление от бедствия, он был постигнут опять несчастьем более тяжким, чем голод, подвергшись крайней опасности. Он впал тогда в такой страх, что решился даже на то, что для всех мужей несноснее всего; это - поругание их жен. Он дошел тогда до такой крайности, что прибег даже к лицемерию, а что может быть тяжелее этого? Каково, думаешь ты, было у него на душе, когда он принужден был советовать жене своей следующее: "вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя" (Быт.12:11-13)? Эти слова произнес тот, кто для Бога оставил и отечество, и дом, и друзей, и сродников, и все прочее в доме, и перенес такую скорбь и столько труда в продолжительное время своего путешествия. Однако он не сказал тогда ничего вроде следующего: "Бог оставил меня, отвернулся, и лишил своего промышления"; нет, он все перенес мужественно и с верою; и кому следовало бы больше всех гневаться, когда жена его в великой крайности подвергалась поруганию, тот всячески старался, чтобы поругание не сделалось явным. А с каким это соединено унынием и огорчением, того невозможно выразить словом, но то знают имевшие жен и впадавшие в беспокойство ревности. Свидетельствует об этой страсти и Соломон, когда говорит так: "ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров" (Прит.6:34,35); и еще: "крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность" (Песн.8:6). Если же так воспламеняется ревнующий, то не злополучнее ли всякого тот, кто впал в такое несчастье, что принужден даже льстить оскорбителю и всячески стараться о том, чтобы прелюбодей, которому следовало бы мстить, удобно воспользовался его женою? Когда окончились и эти бедствия, то опять появились другие трудности: за голодом последовала война. Не говорю теперь о ссоре пастухов и разлуке с племянником, хотя и это, если сопоставить с прочими обстоятельствами, могло причинять (Аврааму) великое уныние. Когда Лот, спасенный им и получивший столько добра, обязанный поэтому уступить ему во всем и наказывать своих пастухов, - когда этот человек, пользуясь предоставленным ему выбором, берет себе плодороднейшие страны, а ему оставляет более пустынные места, кто мог бы легко перенести это? Говорю не об убытке, но о том, что оказавший уважение, сам подвергается неуважению и получает худшую часть, что представляется тяжелее всякого убытка. Впрочем, все это я опускаю теперь, потому что речь у нас о патриархе, а не о ком-либо из обыкновенных людей.

8. Итак, за голодом последовала война с персами, и Авраам вынуждается идти против них, не в самом начале, когда обе стороны были еще в силах, но когда союзники все были

уже обращены в бегство, победа осталась за неприятелями, и никто уже не мог сопротивляться им, так как одни были совершенно разбиты, другие скрылись, а некоторые были поработаны ими. Однако ничто не удержало Авраама дома, но, удрученный сильною скорбью о случившемся, он пошел разделить с побежденными несчастье, подвергая себя явной смерти; ибо выходить на бой с таким многочисленным войском, имея у себя триста с небольшим домочадцев, можно было не иначе, как рассчитывая и решившись на пленение, истязание и бесчисленные смерти. Итак, он пошел с готовностью испытать лютость варваров; но когда был спасен Божиим человеколюбием и возвратился с добычею и родственником, то опять должен был оплакивать собственное горе, - разумею бездетность и то, что он не имел у себя наследника. Если ты только теперь слышишь, как он жалуется пред Богом и говорит: "что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным" (Быт.15:2), то не подумай, будто он теперь только и почувствовал это горе; нет, эта забота и беспокойство вошли в дом праведника вместе с молодою его супругою, или даже прежде самой супруги. Обыкновенно все мы, как только начнем совещаться и говорить о браке, тревожимся всеми соединенными с ним заботами, из которых главнейшая - о детях, и опасение (бездетности) с того самого дня возмущает наши души. Если случится, что после брака пройдет один год, или два, или даже три (без детей), то уныние усиливается, а надежды на радость слабеют; когда же пройдет так еще более времени, тогда надежды совсем оставляют нас, а овладевает душою уныние, помрачающее все удовольствия жизни и не позволяющее наслаждаться ничем. Таким образом, если бы с Авраамом не случилось ни одного из столь многочисленных бедствий, но все было бы по его желанию, одно уныние от бездетности, сопутствовавшее всем событиям его жизни, было в состоянии помрачить и уничтожить всякое благодушие. Обетование Божие последовало уже в глубокой его старости, когда природа не подавала уже надежды (на чадородие); а все предшествовавшее столь долгое время он проводил в печали и горести; и чем более видел умножающимся свое богатство, тем более скорбел, не имея наследника. Что, думаешь ты, претерпел он, когда услышал: "знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет" (Быт.15:13)? А жена, которая то советует Аврааму взять служанку ее, то, когда он взял, упрекает и жалуется, призывая на него Бога, и принуждает изгнать ту же служанку, разделявшую с ним ложе и готовившуюся родить ему сына, кого не повергла бы в крайнее уныние? Кому это кажется мало важным, тот пусть вспомнит, что от этого расстраивались целые дома, и подивится праведнику. Он хотя и мужественно переносил все по страху Божию, однако был человек и от всего этого страдал и скорбел. Потом служанка возвращается в дом господина и рождает ему побочного сына, и Авраам делается отцом после такого продолжительного времени; это событие доставило ему некоторое удовольствие, но еще большее уныние. Побочный сын напоминал ему о законном и возбуждал сильнейшее желание такого сына. Он думал, что слова: "не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником" (Быт.15:4), были сказаны об Измаиле, потому что еще ничего не было сказано о Сарре. Когда же, наконец, он получил яснейшее обетование об Исааке и назначено было время его рождения, то прежде чем успел он насладиться этою надеждою, бедствия содомлян навели на него великое облако печали. А что эти бедствия не мало возмутили праведника, это для всякого очевидно из самым слов его и из молитвы, которую вознес он к Богу за содомлян; а когда он увидел, как полился тот ужаснейший дождь и все вдруг обратилось в прах и пепел, то был уже вне себя. Если мы, издали видя горящие дома, тревожимся и падаем духом от печали и страха; то чего не потерпел он, видя, как целые города и селения, вместе с жителями, сжигались необыкновенным, но странным и ужасным пожаром? Так не были ли эти страдания праведника подобны волнам на море, непрерывно следующим одна за другою? Как там, когда одни волны еще не исчезли, поднимаются другие, так было и во всей жизни этого праведника. Едва совершились бедствия Содомы, как царь герарский пытался нанести Сарре такое же бесчестие, как и фараон; и опять жена принуждена была прибегнуть к прискорбному лицемерию, и

бесчестие действительно было бы ей нанесено, если бы опять не воспрепятствовал Бог. А лишь только и сын от рабыни, и жена, и весь дом начали радоваться рождению законного сына, один праведник, среди такой радости, должен был печалиться и сетовать, был вынужден изгнать наложницу вместе с сыном ее; ибо, хотя Измаил был и побочный сын, и от служанки, но его незаконность несколько не уменьшала в Аврааме природного расположения к нему, и низкий род матери не ослаблял неизбежного чувства в отеческом сердце. Это можно узнать из самой Библии. Муж твердый и мужественный, который решался собственными руками заклать единокровного (сына), скорбел, когда жена потребовала от него изгнания (Агари); и он не уступил бы и не послушался бы Сарры, хотя бы она имела тогда еще больше смелости и (настойчивее) говорила ему, если бы не побудил его к тому страх Божий. Итак, когда услышишь, что Авраам, по повелению Божию, выслал служанку с сыном, не думай, что скорбь его прекратилась (это было невозможно); но подивись той великой покорности, по которой он, хотя и терзаясь состраданием, не противился Богу, но выслал дитя с матерью, не зная даже, куда пойдут они; он переносил и терпел со скорбью, потому что не был выше природы.

9. То же претерпел Авраам и из-за сына законного. Пусть никто не говорит, что он не скорбел и не страдал по-отечески, и пусть не лишает его самой высшей похвалы, желая сверх меры показать его любознательность. Мы смущаемся и скорбим, а часто и плачем, когда видим, что по площади ведут на смерть людей, уличенных в постыдных делах и долгое время проводивших такую жизнь, и притом незнакомых и никогда не виданных нами; как же мог не чувствовать человеческой скорби тот, кому велено было сына своего, законного, единственного, рожденного сверх чаяния по истечении столь долгого времени и в самой глубокой старости (от чего любовь сильнее воспламеняется), этого сына, еще юного, заклать собственными руками и принести во всеожжение? Что может быть смешнее возражающих против этого? Если бы он был камнем, или железом, или алмазном, и тогда мог ли он не сокрушаться и не трогаться красотой сына (который был в самом цвете лет), разумностью речей и благочестием души его? Он спросил отца: "вот огонь и дрова, где же агнец для всеожжения?" (Быт.22:7) и услышал, что "Бог усмотрит Себе агнца для всеожжения, сын мой" (Быт.22:8), а более ни о чем не спрашивал; видел, что отец связывает его, и не противился; положен был на дрова, и не соскочил; видел нож, заносимый на него, и не смутился! Что может быть благочестивее этой души? Кто же осмелится еще сказать, что Авраам от всего этого не страдал несколько? Если бы ему предстояло принести в жертву врага и неприятеля, если бы он был зверем, и тогда мог ли он сделать это без скорби? Нет, нет; не приписывай праведнику такой жестокости: он сетовал и сокрушался. "Бог", говорил он, "усмотрит Себе агнца для всеожжения, сын мой". Видишь ли, какая жалость заключается в этих словах? Однако он удерживал и подавлял скорбь, и делал все с такою готовностью, с какою делали бы люди, не встречающие ничего такого, что удерживало бы их. Итак, принеся своего сына в жертву (ибо он заклал его в своем намерении), он возвращает его матери здоровым и невредимым; а она, приняв сына и не успев довольно нарадоваться на него, оставляет жизнь. И это не мало опечалило Авраама. Хотя она жила с ним долгое время, однако это несколько не помогало ему легче перенести несчастье, напротив причиняло тем больше уныния; потому что мы особенно привязываемся к тем, которые долго жили с нами и представили нам много доказательств своей дружбы и добродетели. И что это действительно так, доказал сам патриарх своим сетованием и плачем о Сарре. А что сказать о заботах его относительно сына, жены его и (сводных) братьев его и всего прочего? Всякий, желающий вникнуть в подробности этого, увидит, что жизнь праведника была гораздо бедственнее и была исполнена больших забот, чем как изображено теперь. Писание сказало только о главнейшем, а все прочее, что обыкновенно бывает каждый день в доме, где множество слуг, и муж, и жена, и дети, и забота о многих делах, предоставило нашему соображению. Так, скажешь ты; но при всяком из этих огорчений величайшую отраду приносило Аврааму то, что он терпел все это для Бога. То же может

служить утешением и для тебя; искушение постигло и тебя не по чьему-либо иному попущению, а по Божьему. Если злые демоны, без Его позволения, не осмеливались некогда напасть на свиней, то тем более на твою драгоценную душу (Матф.8:30 и далее). Посему, как Аврааму великую награду доставило то, что он переносил все мужественно и с благодарностью, так то же доставит награду и тебе; только бы ты не унывал и не роптал, но за все благодарил человеколюбивого Бога. Так и блаженный Иов претерпел все, что он претерпел, по попущению Божию; но венцы доставило ему не то одно, что он претерпел, но и то, что мужественно устоял против всех бедствий; и все мы удивляемся ему не потому, что диавол лишил его всего, но потому, что Иов "во всем этом не согрешил и не произнес ничего неразумного о Боге" (Иов.1:22).

10. Вспомнив об Иове, я хотел изложить в своем слове и его долговременные скорби и чрезвычайность страданий; но, чтобы не сделать речи слишком длинной, перехожу к Исааку. А ты, если хочешь в точности узнать о случившемся с Иовом, возьми в руки его книгу и вникни в бездну его несчастий: и в них найдешь великое утешение в своих. Хотя этот праведник и гораздо лучше нас, но он и боролся с гораздо большею силою; потому что лукавый с особенною силою восстал против него. Впрочем, подвиги определяются не мерою искушений, но значительностью деяний. Таким образом, хотя нынешний подвиг твой и меньше, но это нисколько не может уменьшить твоих венцов. Так и принесший два таланта принес не менее представившего пять талантов. Почему? Потому что, хотя прибыль была и не одинакова, но усердие одинаково, почему и тот и другой получили одинаковую честь, услышав: "войди в радость господина твоего" (Матф.25:21). Что же Исаак? Он не был посылаем в дальнее путешествие, как отец, и не был принужден оставить свою землю, как тот; однако и он вытерпел главнейшее из зол - страх бездетности. Когда же он молитвою прекратил это зло, его постиг другой страх, больший прежнего; так как не все равно - страшиться ли за бездетность, или за самый корень деторождения; жена его так мучилась родами, что для нее жизнь была горше всякой смерти. Об этом послушай, как она сама говорит: "если так будет, то для чего мне это" (Быт.25:22)? Голод же испытал и Исаак; и хотя в Египет он не ходил, но и он испытал то, чего едва не потерпел там отец его, подвергшись опасности за свою жену. Притом, отца его все соседи уважали, а его гнали, как врага и неприятеля, и не давали ему насладиться плодами собственных его трудов; сильно стеснив его, они сами пользовались его трудами. Когда же он приобрел себе друзей и увидел детей своих в полном возрасте, когда надеялся найти в них великое утешение и иметь хороших помощников в старости, тогда именно он и впал в крайнее уныние. Во-первых, старший сын взял себе жену иноплеменницу, вопреки желанию отца, причем внес в дом несогласие и ссору, и этим самым сильно опечалил его. Сыновние жены причиняли Исааку и Ревекке множество неприятностей, которых всех Писание не перечислило, но указало на них одним словом, сказав, что "они были в тягость Исааку и Ревекке" (Быт.26:35), предоставив самим понять сказанное тем, у кого есть дома и дети, уже вступившие в брак. Такие люди больше и лучше всех знают, сколько зла происходит, когда свекровь и невестка ссорятся между собою, и особенно, когда обе живут в одном доме. Это было постоянное зло. К тому же приключилась слепота глаз: а как велико это несчастье, знают только те, которые сами страдают ею. Затем последовало недоразумение в благословении сына, чем Исаак так был поражен в душе, что воскликнул горестнее, чем сам потерпевший от подмена, и оправдывался пред ним и говорил, что сделал эту несправедливость не добровольно, но, быв введен в обман. А дальнейшие события их походили на трагедию театральную и представляли драму из жизни фивских юношей[2]. И здесь старший брат, несмотря на старость и слепоту отца, изгнал из дому младшего, и если не совершил убийства, как (сын Эдипа), то этому воспрепятствовала мудрость матери. Исав также угрожал Иакову убийством и ожидал только смерти отца; но мать, узнав об этом и рассказав отцу, спасла младшего от рук старшего, и (родители) должны были понудить к бегству того, кто был послушен и почтителен к ним, а злого и делавшего для них жизнь нестерпимую (это

говорит сама Ревекка) постоянно удерживали при себе. И так, когда удалился тот, - который всегда жил дома ("стал человеком кротким", сказано, об Иакове, "живущим в шатрах" (Быт.25:27)) и большею частью находился при матери, сколько должна была Ревекка горевать и плакать, вспоминая всегда о сыне и смотря на мужа, который был ничем не лучше мертвеца, и по старости и по болезни? Какою скорбью удручаем был и старец, который должен был оплакивать и несчастья жены, вместе со своими собственными? Когда Ревекка приблизилась к смерти, то, не видя сына стоящим при ней и плачущим, закрывающим глаза и сжимающим уста, одевающим ее и заботящимся обо всем прочем, - что для родителей кажется горестнее самой смерти, - чего не говорила она, чего не произносила такого, что в состоянии смягчить и камень? А Исаак, видя ее умирающею в таком состоянии, как мог чувствовать себя в душе и тогда и после ее кончины?

11. Таким оказался тот, который казался нам счастливее многих. А жизнь Иакова нет нужды рассматривать подробно: ее достаточно изображают слова самого Иакова. Беседуя с фараоном, он сказал: "малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих" (Быт.47:9), т. е. я провел жизнь и весьма краткую, и весьма бедственную. Даже без этих слав его несчастья так известны, что едва ли кто и из простых людей не знает их. Дед его, хотя и совершил дальнейшее путешествие, но по повелению Божию, что доставляло ему величайшее утешение; а Иаков (оставил родину), убегая от брата, который строил против него козни и замышлял убийство. Авраам никогда не терпел недостатка в необходимых потребностях; а Иаков считал за благо и счастье - иметь только одежду и хлеб. Когда же он спасся (от брата), освободился от бедствий путешествия и пришел к своим родственникам, то принужден был работать, хотя был воспитан среди полного изобилия. Ты знаешь, что рабство горько везде; но когда кто принужден быть рабом у равных себе, и притом никогда не испытал ничего подобного и проведши все прежние годы жизни на свободе и довольстве, тогда это несчастье делается невыносимым. Однако Иаков все переносил мужественно. Послушай, как сам он рассказывает о бедствиях своей пастушеской жизни: "ты с меня взыскивал", говорит он, "днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих. Таковы мои двадцать лет в доме твоём" (Быт.31:39-41). Это терпел тот, кто вел не скитальческую жизнь, оставаясь всегда дома, и после таких трудов и лишений, по истечении такого долгого времени, он подвергся еще прискорбному обману при женитьбе. Если бы он и не работал семь лет, если бы и не потерпел того, на что жаловался тестю, если бы даже не любил его дочери, уже одно то, что ему была обещана лучшая, а вместо нее дана худшая, сколько причинило этому блаженному печали, сколько беспокойства, сколько огорчения? Другой на месте его не так легко перенес бы эту обиду, но разрушил бы весь дом тестя, заколол бы самого себя вместе с ним или погубил бы каким-либо другим способом; а Иаков, как незлопамятный и долготерпеливый, не сделал этого, и даже не замышлял приступить к этому; но, получив приказание работать еще другие семь лет, охотно послушался: так был он кроток и скромнен. Если скажешь, что любовь к девице способствовала кротости его нрава, то этим согласно со мною опять выразишь чрезмерность его скорби. Представь, какую скорбь терпел он, когда был лишен столь любимой девицы и, надеясь уже получить ее, принужден был ждать еще семь лет, среди холода и зноя, и бдений, и непрерывных лишений! Получив, наконец, ее и ведя у тестя жизнь бедственную и тяжкую, он при том подвергался зависти, и вторично потерпел обман при получении награды, в чем сам и обличил (тестя), сказав: "ты десять раз переменял награду мою" (Быт.31:41). Вместе с тестем и братья его жен также восставали против него, даже больше самого тестя. Но всего тягостнее было то, что любимая жена, для которой он решился работать дважды семь лет, предавалась крайнему унынию, видя, что сестра ее рождала, а сама она не имела даже надежды на это, и от этого уныния приходила в такое исступление, что упрекала и укоряла мужа, и призывала смерть на саму себя, если не родит: "дай мне детей", говорила она, "а если не так, я умираю"

(Быт.30:1). Что же могло радовать его, когда столь любимая им (жена) так скорбела, а братья ее злоумышляли против него и всячески старались довести его до крайней бедности? Если великую скорбь причиняет и то, когда отнимают полученное без трудов приданое за женами, то подвергающийся опасности лишиться приобретенного собственными трудами может ли кротко перенести такую потерю? Поэтому Иаков, видя, что его подозревали и подсматривали за ним, тайно ушел, как беглец. Что может быть прискорбнее этого? Так он, удаляясь со страхом и опасностью и из родительского и из чужого дома, в том и другом случае неизбежно впадал в одинаковую пропасть. Убежав от брата, он пришел к тестю; а, подвергшись опять гонению от тестя, принужден был сойтись с братом; и исполнилось над ним пророческое изречение, которое Амос сказал о дне Господнем: "как если бы кто убежал от льва, и попался бы ему навстречу медведь, или если бы пришел домой и оперся рукою о стену, и змея ужалила бы его" (Ам.5:19). А что сказать о страхе, которому подвергся он, когда был настигнут Лаваном, и о скорбях во время путешествия, когда за ним следовало столько стад и детей? Когда же ему предстояло увидеть лицо брата, то не чувствовал ли он того же, что чувствуют, по словам поэтов, взирающие на вымышленную ими же голову Горгоны[3]? Не был ли он совершенно к такому состоянию, как бы приближался к смерти? Выслушай слова его, и узнай, какое пламя было в душе его: "избавь меня", говорит он, "от руки брата моего, от руки Исава, ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду благодетель тебе" (Быт.32:11,12). Какой радости не изгнал бы этот страх, если бы даже Иаков все прежнее время провел в благодушии? Между тем у него вся жизнь, с того самого дня, в который он, готовясь принять благословение, наперед умирал от страха, сплеталась из несчастий и опасностей. Тогда объял его такой страх, что даже и после встречи с братом, который обошелся с ним ласково и человеколюбиво, он не имел смелости и не переставал беспокоиться. Когда Исав убеждал его пойти вместе с ним, он, как бы желая освободиться от какого-нибудь зверя, колебался и просил брата удалиться от него: "господин мой знает", говорил он, "что дети нежны, а мелкий и крупный скот у меня дойный: если погнать его один день, то помрет весь скот; пусть господин мой пойдет впереди раба своего, а я пойду медленно, как пойдет скот, который предо мною, и как пойдут дети, и приду к господину моему в Сеир" (Быт.33:13,14). Немного успокоившись от этих опасностей, он потом опять подвергся другому страху, гораздо большему. Когда похищена была дочь его, он сначала скорбел об оскорблении этой дочери; а когда царский сын облегчил эту скорбь, дав обещание вступить с Диною в законный брак, и Иаков одобрил это намерение, тогда Левий с сообщниками своими нарушил договор и, истребив в городе всех мужчин, привел своего родителя в такой страх, что он даже переселился оттуда, вследствие того, что все вооружились на него. "И сказал Иаков", говорит Писание, "Симеону и Левию: вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой" (Быт.34:30). И действительно соседи решительно истребили бы их всех, если бы человеколюбие Божие не обуздало бы их ярости и не положило конца этим бедствиям. "И был", говорится в Писании, "ужас Божий на окрестных городах, и не преследовали сынов Иаковлевых" (Быт.35:5). Что же по прекращении этих бедствий? Успокоился ли Иаков? Нет, тогда постигло его величайшее из несчастий - смерть любимой жены, преждевременная и вместе насильственная. "Рахиль родила", говорится в Писании, "и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся, ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони (сын болезни моей)" (Быт.35:16-18). И когда эта скорбь была еще в силе, Рувим увеличил скорбь, опозорив ложе отца; это так было тяжело для отца, что он даже при смерти, когда родители бывают особенно снисходительны к детям, проклинал сына, который притом был первенцем между всеми другими, что не мало имеет значения для любви родительской. Сила скорби превозмогла все эти побуждения, и Иаков, призвав его к себе, сказал: "Рувим, первенец мой! ты - крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и

верх могущества; но ты бушевал, как вода, - не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, взошел" (Быт.49:3,4). Когда же пришел в возраст сын любимой жены, и Иаков надеялся иметь в нем утешение в своей печали о ней, тогда в этом самом сыне и готовились ему многообразные огорчения. Братья, омочив одежду Иосифа кровью, и показав отцу, причинили ему много скорбей. Он плакал не только о смерти сына, но и о том, как она произошла; и много было причин, возмущавших душу его: это был сын любимой жены, лучший из всех прочих, особенно любимый им, бывший в самом цветущем возрасте, посланный им самим, умерший не в доме, не на одре, и не в присутствии отца, не сказавши и услышавши что-нибудь, не общею всем смертью, но при жизни растерзанный лютыми зверями, так что отец не мог даже собрать останков его и предать земле, и потерпел это не в юности, когда мог бы перенести, но в самой глубокой старости. Это было самое жалкое зрелище - видеть седину, посыпанную пеплом, старческую грудь, обнаженную по раздиранию одежды, и плач неутешный: "разодрал Иаков", говорится в Писании, "одежды свои, и возложил вретнице на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья его и все дочери его, чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю" (Быт.37:34,35). И как будто душе его никогда не надлежало быть свободною от печали, когда эта рана начала излечиваться, его сильно опечалил сперва голод, постигший всю землю; а потом, когда сыновья, возвратившись из Египта, принесли облегчение от этого бедствия, они же вместе с тем принесли другую печаль, и радость об избавлении от голода помрачена была разлукою с сыном Симеоном. Мало этого: от него требовали и Вениамина, в котором одном имел он утешение и по умершей жене и по сыну, пожранном зверями. И не только это располагало его удерживать при себе Вениамина, но и возраст его и воспитание. "Не пойдет", говорил Иаков, "сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб" (Быт.42:38). По всем этим причинам сначала он отказывал и говорил, что не даст Вениамина; когда же наступил сильный голод и почувствовалась большая крайность, тогда он, хотя и очень сетовал, говоря: "для чего вы сделали мне такое зло, сказав тому человеку, что у вас есть еще брат" (Быт.43:6); - хотя и тягчайшим образом страдал, произнося горестные слова: "Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, - все это на меня" (Быт.42:36); - хотя и плакал о том, что после Иосифа и Симеона хотели отнять у него и Вениамина, и объявлял, что он скорее перетерпит все, чем отпустит этого сына, однако, наконец, был побежден, и сам своими руками отдал его, сказав: "и брата вашего возьмите и, встав, пойдите опять к человеку тому; Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина, а мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным" (Быт.43:13,14). Так сильно одолевали Иакова его многочисленные бедствия, что хотя внутренности его терзались и число детей его мало-помалу сокращалось, но он переносил все, по чрезмерности (новых) еще больших бедствий; ибо объяла его еще большая скорбь о Симеоне и Вениамине, чем скорбь об Иосифе. Так несчастье, которое поправить нет надежды, хотя причиняет нам сильные скорби, но скоро и забывается, повергая душу в безнадежность; а когда оно еще висит над нами, тогда не дает душе успокоиться неизвестностью будущего, постоянно усиливая и обновляя в нас томление. Это всякий может хорошо узнать от блаженного Давида, который плакал о сыне, пока он был еще жив, а когда он умер, то Давид перестал скорбеть; и когда слуги недоумевали и спрашивали его о причине, то он высказал ту же мысль, какую и теперь (2Цар.12:15 и далее). Так естественно и Иаков больше опасался и страшился за Симеона и Вениамина. Потом вожделенное свидание и лицезрение Иосифа доставило ему отраду. Но что пользы в том? Как членам, сильно обожженным огнем, сколько ни охлаждай их, ничто не приносит пользы; так и душу Иакова, угнетенную скорбями и сильно опаленную пламенем печали, ничто не могло оживить, особенно в такие лета, когда чувства уже не бывают бодры. Это говорил и Верзеллий, извиняясь пред Давидом: "долго ли мне осталось жить, чтоб идти с царем в Иерусалим? Мне теперь

восемьдесят лет; различу ли хорошее от худого? Узнает ли раб твой вкус в том, что буду есть, и в том, что буду пить? И буду ли в состоянии слышать голос певцов и певиц? Зачем же рабу твоему быть в тягость господину моему царю" (2Цар.19:34,35)? Впрочем, для чего объяснять это примерами других, когда можно то же услышать от самого страдальца? После свидания с сыном Иаков, на вопрос фараона о жизни его, сказал: "малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их" (Быт.47:9). Так живо было всегда в душе его воспоминание о прошедшем!

12. А этот его знаменитый и славный сын, Иосиф, кого не превзошел своими несчастиями? Против отца его злоумышлял только один брат, а против него очень многие; тот в продолжение всего первого возраста воспитывался среди великого довольства и спокойствия, а этот на чужбине и еще в отрочестве принужден был нести тягости путешествия. У Иакова была мать, которая охраняла его от злоумышлений, а Иосиф еще в юности, когда особенно нуждался в матери, был лишен ее помощи. Притом Исав опечалил Иакова только угрозою, а братья Иосифа привели свой умысел в исполнение, и прежде этого умысла постоянно ненавидели его и клеветали на него; а что может быть тягостнее, как иметь врагами своих близких? "И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно" (Быт.37:4). В сравнении с этим, я не назвал бы столь же великим бедствием пребывание его ни под властью купцов, ни под властью евнуха, потому что эти обходились с ним гораздо человеколюбивее, нежели братья. Впрочем, и после этого буря несчастий не сделалась тише, но наступило еще сильнейшее волнение, которое едва не потопило его. Может быть, кто-либо подумает, что я буду теперь говорить о злом умысле госпожи; но прежде этой бури я скажу о другой, более жестокой. Конечно тяжело, поистине тяжело быть оклеветанным в таком преступлении, подвергнуться осуждению и жить столь долго в темнице - юноше свободному, благородному, и не испытывавшему такого бедствия; но гораздо тяжелее всего этого, я думаю, была для него буря, зависевшая от его юношеского возраста. Если бы он отверг любовь госпожи своей, нисколько не волнуясь похотью, я не стал бы превозносить его и удивляться ему, следуя учению Христа; Христос говорит, что не скопцы от природы, но сделавшие сами себя скопцами удостаиваются царствия небесного (Матф.19:12); а если бы этого не было, то какую победу одержал бы Иосиф? Против кого, сражаясь, получил бы он венец? Кого преодолевши, был бы провозглашен победителем, если бы никто не боролся с ним и не усиливался низвергнуть его? Мы не превозносим целомудрия тех, которые не совокупляются с бессловесными, потому что и в природе нет стремления к такому смешению. Так, если бы и блаженного Иосифа не волновал этот пламень, почему мы стали бы превозносить его целомудрие? Но если бесстыдная женщина увлекала юношу тогда, когда этот пламень поднимается гораздо сильнее, чем в другие возрасты (ему был тогда двадцатый год), и когда сила этого пламени бывает непреодолима, хотя бы ничто ее не увеличивало, и если женщина придавала этому пламени своими чарами и украшениями еще столько же силы, сколько оно имело по самой природе, то кто мог бы изобразить бурю, смятение и томление души юноши, когда внутри волновали его природа и возраст, а извне соблазняли ухищрения египтянки, и притом не один или два дня, но в течение долгого времени? Я думаю, что он тогда не за себя только страшился, но скорбел и об этой женщине, стремившейся в такую пропасть; это для нас очевидно из того, что он отвечал ей с великою кротостью. Он мог бы, если бы захотел, говорить с нею и оскорбительнее и смелее, потому что она, из любви, легко перенесла бы все; но он ничего такого и не сказал и не подумал; но, высказав благочестивые мысли и только то, чем надеялся образумить ее, больше ничего не прибавил. "Вот", сказал он, "господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом" (Быт.39:8,9)? И при такой скромности, после такого опыта целомудрия, он был

оклеветан, и Бог попустил это! Он был связан и при этом не обличил женщины в злом умысле и несправедливой клевете; ему еще большие предстояли награды и блистательнейшие венцы, потому и после освобождения царских рабов он еще оставался в темнице. Не говори мне о человеколюбии темничного стража; но вникни в слова самого (Иосифа), и увидишь скорбь души его. Истолковав сон, он говорил виночерпию: "вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома, ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу" (Быт.40:14,15). Если он легко переносил самое заключение, то сожительство с такими людьми, - гробокопателями, ворами, отцеубийцами, прелюбодеями, убийцами (ибо вообще такими и подобными людьми было наполнено это жилище), - для него было тягостнее всего. И не это одно печалило и огорчало его, но и то, что он видел много томившихся там невинно и напрасно. Между тем раб, на что и ты теперь жалуешься, избавлялся от уз, а свободный продолжал томиться. Если же кто станет говорить о последующем величии Иосифа, тот опять напомнит мне о множестве забот, бессонных ночей и бесчисленных занятий, которые вообще не очень приятны для любящих тихую и спокойную жизнь. Кроме того, хотя с упомянутыми святыми и случалось нечто приятное, но тогда еще не было открыто им ни царство небесное, ни обетование будущих благ. А теперь, когда предстоит столько благ и для всех это ясно, кто, скажи мне, станет советовать, если в настоящей жизни не будет наслаждаться ничем приятным, и даже вообще считать что-нибудь из здешнего приятным, зная о будущих благах? Что было бы ниже такой души, которая, надеясь по прошествии малого времени переселиться на небо, искала бы здешних удобств и благополучия, нисколько не отличающихся от тени? "Суета сует", говорит Соломон, "все суета" (Еккл.1:2). Если же тот, кто больше всех людей испытал удовольствия жизни, произнес о них такой приговор, то гораздо более должно так чувствовать и мыслить нам, у которых нет ничего общего с землею, которые вписаны в горний град и получили повеление обращаться туда всем умом своим.

[1] В синод. переводе: "Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?" (Иов.7:1).

[2] Т.е. двух сыновей фивского царя Эдипа, которых действия драматически изображены в трагедиях Эсхила и Софокла.

[3] Горго или Горгона - баснословное чудовище, представляемое греческими поэтами с головою, покрытую змеями вместо волос, и приводившее в окаменение всякого, кто видел ее.

К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ

ОБ УНЫНИИ

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Пример Моисея. - Огорчения Моисея в пустыне. - Огорчения Иисуса Навина. - Пояснение предмета на примере Самуила. - Огорчения Давида. - Огорчения Даниила. - Невзгоды Илии и Елисея. - Огорчения ап. Павла. - Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. - Демофил и Аристомен. - Зрелище бедственности человеческой в больницах и тюрьмах. -

Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

Выше сказанное может потушить пламень уныния и расположить к благодущию; но чтобы утешение было полнее, я решился прибавить тебе и это слово, наперед предложив тебе следующий вопрос: скажи мне, если бы кто призвал тебя на царство земное, и между тем тебе предстояло бы, прежде чем войдешь в город и наденешь на себя венец, остановиться в гостинице, в которой и грязь, и дым, и шум от путешественников и опасности от разбойников, и теснота, беспорядок великий, неужели ты обратил бы внимание на эти неприятности, а не пренебрег всеми ими, как ничтожными? Так не странно ли, что надеющийся обладать землею не смущается никакими встречающимися трудностями, одушевляясь надеждами на царствование, а призываемый на небеса падает духом и смущается при каждой из случающихся с нами в этой гостинице неприятностей? Состояние здешней жизни нисколько не разнится от гостиницы и пребывания в постоялом доме: это и желали выразить святые, называя себя странниками и пришельцами, и такими словами научая нас пренебрегать и удовольствиями и неприятностями настоящей жизни и, отрешившись от земли, всею душою прилепиться к небу. Обратимся же к самим святым и от Иосифа перейдем к Моисею. Этот кротчайший из всех бывших на земле, рождается в то время, когда соотечественники его находились в бедственном положении; быв отчужден от родивших его и не зная своих родителей, он в продолжение всего первого возраста своего воспитывается иноплемениками: что могло быть тягостнее этого для еврея юного и разумного, хотя бы он и считался сыном царским? Но тогда для него тягостно было не только это, но и то, что он видел всех соотечественников своих в крайних несчастиях. Мог ли он, не хотевши ни жить, ни быть вписанным в книгу Божию без их спасения (Исх. 32:38), наслаждаться благами при царском дворе, видя всех их среди такой бури? Если и нас родившихся спустя столько времени после этих событий и не имеющих подобной причины сострадать иудеям, объемлет жалость при мысли о тогдашнем избиении их детей, то чего не претерпел этот блаженный, привязанный великою любовью ко всему народу, видевший своими глазами его бедствия, и тех, которые причиняли эти бедствия, принужденный называть своими родителями? Я думаю, что об этих бедных детях он скорбел тогда больше самих родителей, как видно из того, что сделал он впоследствии. Так, не могли ни убедить, ни принудить мнимого отца своего отменить зверское и убийственное повеление, он сам, наконец, порешил разделить с ними бедствия. Впрочем, я не столько удивляюсь этому, сколько изумляюсь тому пламени скорби, которое Моисей носил в себе в предыдущее время и о котором я заключаю по (совершенному им) убийству. Кто доведен был скорбью до убийства, тот чрез последнее обнаружил силу первой. Он, конечно, не стал бы мстить египтянам так жестоко, если бы не сокрушался более самих родителей о бедствиях детей их. Что же, после того, как он отмстил и несколько облегчил душу свою от такой скорби, успел ли он вполне насладиться отрадою, доставленною ему этим мщением? Едва наступил второй день, как этого блаженного постигла другая скорбь, тяжелее прежней, и объят такой страх, который заставил его совсем удалиться из Египта. Тяжело слышать дурное и от кого бы то ни было; но когда будет говорить дурное кто-нибудь из облагодетельствованных, станет поносить за благодеяния, ему оказанные, и укорять так: "не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?" (Исх.2:14), тогда, тогда обида бывает невыносимою и может даже вывести оскорбляемого из терпения; такое производит она раздражение вместе с печалью! Но у Моисея к этому присоединилось еще третье - боязнь царя, которая так овладела душою праведника, что даже изгнала его из всей тамошней страны. Так становится беглецом - сын царский! Если кто считает счастьем для него воспитание при царском дворе, то пусть теперь вспомнит о придворном довольстве и увидит, что и оно сделалось для праведника причиною множества скорбей и неудобств, потому что не все равно, тому ли выносить долгое скитальничество и терпеть бедствия на чужбине, кто воспитан в простом доме и испытал много забот, много странствований и

трудностей, или подвергнуться таким страданиям тому, кто никогда и на короткое время не испытывал этого, но жил всегда в довольстве: последний, конечно, с более тяжелым чувством, чем первый, обратится в бегство, если ему случится дойти до такой крайности; что тогда и случилось с Моисеем. Сделавшись беглецом, он приходит к человеку, который был идолослужителем и иноплеменником; а пользоваться столь долгое время гостеприимством человека, посвятившего себя на служение демонам, это не маловажная причина для скорби. Здесь Моисей, приняв в свое заведование стада того человека, в таком занятии провел сорок лет. Если это кому-либо представляется нисколько не тяжелым, то вспомним о тех, которые уходят с родины и скрываются не по страху и боязни, но оставляют дом добровольно на малое время, как они томятся, как грустят, за какое благо считают возвращение на родину! Когда же к этому присоединяется еще страх и бедственная жизнь, при чем, однако, самые тягости и скорби представляются более легкими, нежели желанное возвращение на родину, то вообрази картину бедствий Моисея! Не просто выслушивай сказанное, что Моисей "пас овец" (Исх.3:1), но припомни при этом слова Иакова, которыми он высказывал жалобу пред тестем: "ты с меня взывал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих" (Быт.31:39,40). Все это, конечно, было и с Моисеем, притом в течение еще большего числа лет и в большей степени, так как и страна (мадиамская) была пустынное страны (месопотамской). Если Моисей не жаловался на это, то и тот блаженный не сказал бы таких слов, если бы не был доведен до великой крайности и не был вынужден к тому неблагодарностью тестя. Так чужбина и сама по себе может угнетать человека, если даже он оставил отчизну только по необходимости. "Как птица", говорит премудрый, "покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое" (Прит.27:8). Притом Моисей тогда не мог быть уверен даже в собственной безопасности; но как слуга, убежавший от жестокого господина, постоянно страшится и опасается, чтобы его не поймали, так и блаженный Моисей жил в постоянном страхе. Это видно из того, что он даже и тогда, когда Бог после столь долгого времени повелевает ему возвратиться в Египет, отказывается и медлит, хотя и слышал, что "умерли все, искавшие души его" (Исх.4:19).

2. Когда же он послушался и пошел в Египет, быв принужден оставить жену и детей, тогда опять начинаются укоризны, и оскорбления, и угрозы от тогдашнего царя египетского и жалобы и проклятия от получающих благодеяния. Тот говорит: "для чего вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ от дел его? ступайте на свою работу" (Исх.5:4). А израильтяне говорят: "да видит и судит вам Господь за то, что вы сделали нас ненавистными в глазах фараона и рабов его и дали им меч в руки, чтобы убить нас" (Исх.5:21). Прискорбно и тягостно это; но всего тяжелее было то, что он пришедший и обещавший евреям множество благ, свободу, избавление от тяготевших над ними бедствий, показался им обманщиком, потому что тяжесть угнетавшего их рабства не только не облегчилась, но увеличилась еще больше, и тот, кто подал надежду быть избавителем всего народа и обещал это, оказался, по-видимому, виновником мучений и побоев, злоумышленником и губителем. Кто не впал бы в уныние, когда, обещав прекратить столь великие бедствия, после обещания сам же увидел прибавление других, еще более тяжкий бедствий? Моисей унывал, как естественно унывать тому, кто слышит и видит подобное; однако он не упал под тяжестью этой скорби, но остался непреклонным, хотя события не только не соответствовали, а даже противоречили его обещаниям. Обратившись к Богу и говоря об этом, он много плакал и сказал: "Господи! для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня? ибо с того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом сим; избавить же, - Ты не избавил народа Твоего" (Исх.5:22,23). Пролит слезы и снова услышав от Бога такое же повеление, какое и прежде, он опять возвещает об этом израильтянам, но они не внимают ему, потому что души их были угнетены скорбью и унынием. "Они не послушали", говорится в Писании, "Моисея по малодушию и тяжести работ" (Исх.6:9). А это не мало огорчало его.

Когда же последовали чудеса, и фараон многократно смеялся над ним, он и эти насмешки перенес мужественно. Когда, наконец, вышел он из Египта и вместе с иудеями стал уже надеяться на освобождение, то не успел еще вполне отдохнуть, как объял его прежний или даже гораздо больший страх. Не прошло и трех дней, как израильтяне увидели перед собою варваров вооруженными, и испытали тоже, что испытывают какие-нибудь беглые рабы, когда на чужбине внезапно окажутся пред глазами своих господ, или что испытали бы сами они, если бы случилось им в приятном сновидении увидеть себя на свободе, а, пробудившись опять оказаться в Египте и в тех же самых бедствиях. Впрочем, я не знаю, что можно назвать сновидением их, три ли дня свободы, или представившееся им теперь страшное и ужасное зрелище: такая мгла уныния покрыла взоры всех их. А Моисей объят был еще большим мраком: он боялся не египтян только, как прочие израильтяне, но и последних вместе с первыми. Те и другие теперь смотрели на него, как на обманщика и обольстителя, одни - с насмешками и готовностью сделать нападение, а другие - с озлоблением и печалью. Впрочем, для чего по догадкам судить об унынии этого мужа, когда скорбь его можно вполне понять из слов нисшедших свыше? Когда он молчал и не дерзал даже отверзть уста, Бог говорит ему: "что ты вопиешь ко Мне" (Исх.14:15)? - одним этим словом объясняя нам смущение души его.

3. Когда прошел и этот страх, тогда опять поднялись еще большие беды. Предводимые Моисеем и получившие чрез него множество благ в продолжение всего пути поступали с ним хуже египтян и фараона. Во-первых, они поступали с великою дерзостью, требуя от него мяса египетского: не благодарили за настоящее, но хотели прежнего; это было всего тяжелее. Потерпел ли бы он более неприятностей, если бы поручено было ему начальство над беснующимися и сумасшедшими? Однако все это блаженный перенес мужественно, и если бы он не питал к ним любви, то это горе было бы сносно, и ему предстояло бы сетовать только о своем собственном положении; но так как он любил их больше, чем родители, то в самой заботливости о них имел другой повод к скорби - об их развращении и нечестии. Не так огорчало его то, что его оскорбляют, как то, что они - оскорбители. Преступно и то, что они были неблагодарны прежде ниспослания чудесной пищи; но они и среди чудес оказывали свое нечестие, беззаконие и жадность при собирании пищи и, пройдя немного вперед, опять роптали, опять выражали недовольство благодеяниями Божиими; и при каждом таком случае блаженный сокрушался и скорбел более самих грешивших. Так, когда они сделали тельца, то сами они играли и веселились, а Моисей сетовал и скорбел, на себя самого призывал страшное проклятие, и, однако, ничто не могло заставить его подавить в себе сострадание к ним. Итак, видя, что столь любимые им постоянно поступают хуже и хуже, в какой он был горести, какими обливался слезами? Если иной, имея одного сына, не мог бы жить, узнав, что сын его предался порокам, хотя бы сам был порочнее всех, то Моисей, который столько тысяч людей считал своими детьми, или лучше сказать, любил их больше, чем детей, - ибо никакой отец не пожелал бы, подобно ему, погибнуть вместе с сыном, не сделав сам никакого греха, - который имел столько детей, притом ненавидел зло и любил добро, сколько, думаешь, страдал он, видя, что все они, как бы согласившись, устремились в пропасть порока? Если бы мгла такой печали крайней не омрачила его и не потрясла до самой глубины души, то, конечно, он не бросил бы скрижалей из рук и не разбил бы их, хотя он скоро и исправил это несчастно. Но что, скажи, сделал он для этого? Самый способ врачевания, хотя и помог делу, однако был исполнен многих слез; и не бывало такого каменного человека, который нисколько не страдал бы при виде, как его братья и сродники побивали друг друга, подвергнув этому прискорбному избиению до трех тысяч человек (Исх.32:28). И мы, когда застаем детей своих за каким-нибудь худым делом, конечно, наказываем и сечем их, но делаем это не без сожаления, а напротив скорбим не меньше самих терпящих наказание.

4. Во время тогдашней великой скорби Моисея и ополчения (евреев), постигла их еще новая печаль. Бог угрожал, что сам Он уже не будет предводительствовать ими, но

оставит их и предводительство ими передаст ангелу; это для Моисея было всего невыносимее. Послушай, что говорит он к Богу: "если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда" (Исх.33:15). Видишь ли, как страх сменялся страхом и печаль печалью? Но бедствие не остановилось и на этом: когда Моисей преклонил Бога, и Человеколюбец умилился и даровал благодать, - евреи опять повергли Моисея в новые скорби, прогневав умилованного Бога и подвергая самих себя крайним несчастьям. После многоплачевного избиения, они опять так разгневали Бога, что вызвали на себя огонь, который истребил бы почти всех их, если бы и при этом Бог не оказал великого человеколюбия. А Моисею при всем этом приходилось испытывать двоякую печаль - и от того, что израильтяне погибали, и от того, что оставшиеся в живых не исправлялись и не получали никакой пользы от гибели братьев. Избиение еще не кончилось, а оставшиеся в живых вспомнили уже о луке и, не довольствуясь тем, что у них было, говорили: "кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших" (Чис.11:4-6). Тогда Моисей, уже не перенося их неблагодарности и изнемогши от скорби, отказывается от начальства и желает себе смерти вместо такой горькой жизни. Выслушай собственным словом его: "и сказал Моисей", говорится в Писании, "Господу: для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне [взять] мяса, чтобы дать всему народу сему? ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими" (Чис.11:11-15). Это говорил тот, кто некогда сказал: "прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал" (Исх.32:32). Так изменила его печаль! Тоже часто бывает и с родителями, когда они огорчены поступками детей. Впрочем, Моисей, и после этих слов, не перестал сострадать израильтянам, как видно из того, что сделал он впоследствии. Когда, после покушения их умертвить соглядатаев и забросать его камнями, он спасся от рук их, то опять обратился к молитве за них и умолял Бога быть милостивым к тем, которые хотели умертвить его (Числ.14:10-20); так любовь его была сильнее даже естественной привязанности! Потом, когда соглядатаи умерли и не прошло еще время бывшего плача, израильтяне опять причинили ему новую печаль, во-первых, тем, что не послушались его запрещения воевать, и, во-вторых, тем, что были поражены амаликитянами (Числ.14:41-45); и еще прежде этой войны многие погибли от жадности и объедения (Числ.11:33). "Убил", говорится в Писании, "тучных их и юношей Израилевых низложил, еще пища была в устах их" (Пс.77:30,31). После зрелища этой великой смертности, когда печаль по поводу ее еще не прекратилась, Моисей опять был повержен в другую скорбь и поставлен в такую крайность, что молился, чтобы вождь и возлюбленные его израильтяне окончили жизнь неестественною и необычайною смертью; тогда одни были сожжены внезапно возгоревшимся огнем, а другие поглощены рассеяною землею; и пострадали, таким образом, не немногие, но больше пятнадцати тысяч мужей. Как же после этого относились к Моисею родственники и друзья погибших? В каком расположении был сам Моисей, видя, что от этого несчастья и дети сделались сиротами, и жены вдовами, что и сестра и брат его умерли, и сыновья последнего сожжены за некоторое беззаконие? Каждое из этих событий может опечалить и такую душу, которая еще несколько не страдала, а тем более душу, претерпевшую столь много бедствий. Когда же иудеи победили хананеев и сделали длинный обход, то опять возроптали и опять стали гибнуть, не от болезни, как раньше, и не от огня и рассеянной земли, как прежде, но от укусов ядовитых змей, которые погубили бы всех их, если бы опять Моисей не предстал Богу и не умолил Его. Когда же они избавились и от этой гибели и избегли проклятий волхва, то опять устремились в самые гибельные пропасти: после благословений Валаамовых, или,

лучше сказать, Божиих (ибо слова Валаама зависели не от его воли, но от действовавшей в нем силы), они стали прелюбодействовать с дочерьми иноплеменников и служить Веельфегору. Моисей, видя такой стыд и позор, опять повелел им умерщвлять друг друга, сказав: "убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору" (Чис.25:5), подобно тому, как при ране телесной, которая не заживает после многократных вскрытий и прижиганий, приказывают снова резать и прижигать и то, что осталось. Впрочем, слыша об этих трудностях, не думай, будто они только и были; я еще опустил не мало из упомянутых (в Писании): войны, сопротивления врагов, длинные путешествия, оскорбление от сестры, ее наказание, о котором в особенности сетовал кротчайший Моисей; но хотя бы я тщательно собрал все, и тогда описанное не составило бы тысячной части того, что было на деле. Если управляющий немногими слугами в доме встречает множество поводов к огорчениям и к печали, то обязанный управлять столькими тысячами в продолжение сорока лет и в пустыне, где не было ни (здорового) воздуха, ни воды, сколько должен был иметь каждодневно дел, сколько забот, сколько печалей, и при жизни и по смерти людей? Он видел умершими всех, которых вывел из Египта, кроме двух только мужей; сам же и потомков их не удостоился ввести в землю обетованную, но только увидел ее с вершины горы Навав и хорошо изучил природу ее, а насладиться ею вместе с прочими израильянами не был допущен, остался вне ее и умер, о чем и сам он сетовал пред израильянами в таких словах: "и Господь прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Иордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел; я умру в сей земле, не перейдя за Иордан, а вы перейдете и овладеете тою доброю землею" (Втор.4:21,22). А всего тяжелее то, что Бог свел его и во гроб с печалью, так как Моисей наперед узнал, какие бедствия постигнут иудеев: идолопоклонство, плен, невыразимые несчастья, почему и сокрушался душою не о том только, что сам видел и что уже было, но и о том, чего еще не случилось. Так, начав скорбеть и горевать с раннего возраста, он с тем же унынием и окончил жизнь.

5. А преемник его Иисус (Навин) вместе с ним вкушал, так сказать, все горькое; если же он в молодости и избежал чего-нибудь, то восполнил это по смерти Моисея. Он не только при жизни Моисея разрывал одежды свои и посыпал пеплом голову, но и по смерти его опять поставлен был в такую же, или даже в большую крайность, так что не короткое время, но целый день лежал, подвергшись на земле. Выслушай слова его и сетования: "Иисус разодрал", говорится в Писании, "одежды свои и пал лицом своим на землю пред ковчегом Господним [и лежал] до самого вечера, он и старейшины Израилевы, и посыпали прахом головы свои. И сказал Иисус: о, Господи Владыка! для чего Ты перевел народ сей чрез Иордан, дабы предать нас в руки Амореетов и погубить нас? о, если бы мы остались и жили за Иорданом! О, Господи! что сказать мне после того, как Израиль обратил тыл врагам своим? Хананеи и все жители земли услышат и окружают нас и истребят имя наше с земли" (Иис.Нав.7:6-9). Услышав это, Бог открыл ему виновника поражения; и Иисус, узнав это, истребил всех, не только согрешившего, но и его родственников и домашних и множество скота (Иис.Нав.7:24-26); а это не мало возмутило душу его. Если мы не можем смотреть, когда называют чужих, то чего не претерпел он, подвергая таким бедствиям соотечественников и соратников своих? А как (огорчали его) обман гаваонитян и подозрение, павшее на те колена, которые поселились по ту сторону Иордана? Как тяжело было постоянное пребывание на войне и в сражениях? Какая душа могла при этом оставаться спокойною? Если он и одерживал победы, то удовольствие от получения трофеев омрачалось заботами о предстоявших еще войнах. Раздел участков также доставил ему много труда и много беспокойства; знают это те, кому был поручаем раздел, хотя небольшого, имущества между братьями или другими наследниками после кого-нибудь. О последующих несчастьях народа еврейского не считаю нужным говорить;

потому что речь теперь не о том, проводил ли кто-либо скорбную жизнь, но о том, кто из благоугодивших Богу (проводил такую жизнь).

6. Посему, если угодно, упустим Илия, который оскорбил Бога нечестием детей, или вернее сказать - своею беспечностью. Он был наказан не за то, что имел порочных детей, но за то, что щадил их больше надлежащего и не наказывал за нарушение законов Божиих; сознавая это, и сам он, после сильной угрозы Божией, говорил: "Господь; что Ему угодно, то да сотворит" (1Цар.3:18). Итак оставив его, перейдем к Самуилу, который с детства воспитывался в храме, всегда отличался благочестием пред Богом и с раннего возраста оказался столь добродетельным, что, не успев еще возмужать, был причислен к дивным пророкам, и притом в такое время, когда оскудело пророчество: "в те дни", говорится в Писании, "видения [были] не часты, слово Господне было редко" (1Цар.3:1). Этот Самуил, рожденный после многих слез, был, прежде всего, опечален и смущен, как признательный и любящий ученик, видя своего учителя пораженным бедственной смертью; а потом он должен был постоянно оплакивать и несчастья иудеев. Сыновья же его, нечестивые, злые и крайне преданные порокам, опечаливали его как свою жизнь, так и тем, что не могли наследовать дарованной ему чести (1 Цар.8:3). За эту печалью последовало, или лучше сказать, не последовало, - так как она не прекращалась, - но к ней присоединилось еще беззаконное требование израильтян, при чем Самуил так упал духом, что нуждался в великом утешении. Послушай, что говорит ему Бог: "не тебя они отвергли, но отвергли Меня" (1Цар.8:7). Впрочем, и после этого Самуил так заботился о них, что говорил к ним: "не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас" (1Цар.12:23). Поэтому, когда он видел их, столь им любимых, бедствующими, поражаемыми на войнах, прогневающимися Бога, мог ли он чувствовать какое-либо удовольствие, мог ли когда-нибудь оставаться без печали и слез? А когда он поставил царем Саула, то опять последовали для него скорби непрерывно одна за другою. Так, когда Саул принес жертву вопреки воле Божией, когда он, победив амаликитян, пощадил царя их, опять вопреки повелению, Самуил был так поражен в душе, что более не видел этого человека, но с того времени до последнего дня сетовал и плакал о нем, хотя и укоряем был за чрезмерную скорбь. Бог говорил ему: "доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг" (1Цар.16:1). Если же он плакал при этих событиях, то что было с ним, когда Саул избил столько священников напрасно и без вины? - когда в другой раз пошел умертвить своего благодетеля, который не сделал ему никакого зла? - когда он увидел Саула нагого пророчествующим и лежащим на земле? - когда слушал многочисленные сетования и жалобы Давида на Саула?

7. Вспомнив о Давиде, я не знаю, что мне делать: изложить ли теперь продолжительные сетования его, описанные в псалмах или, предоставив тебе прочитать их на досуге, самому рассказать его несчастья. Так, Давид потерпел много бедствий, когда пас стада, отражая нападения и непостоянных стихий и диких зверей; первое видно из того, что говорил Иаков; а последнее из того, что сам он говорил Саулу о льве и медведе. Когда же он, рано оставив эту жизнь, приступил к делам военным - опускаю зависть братьев, хотя и она была для него весьма тягостна, - когда, вступив в единоборство, одержал блистательную и чудную победу, то в благодетельствованном Сауле нашел себе врага сильнее низложенного Голиафа; потому что Саул не открыто вооружался против него, но, приняв вид друга и притворившись почитателем и попечителем его, поступал с ним враждебно. А как прискорбно за добро получать зло, о том послушай блаженного пророка, который постоянно плакал, сетовал и говорил: "должно ли воздавать злом за добро" (Иер.18:20)? Даже без всякой другой неприятности, одно то причиняет великую скорбь военачальнику, что он находится в подозрении у царя, который смотрит на него с неудовольствием. Что я говорю - военачальнику у царя? Нам неприятно, если и слуги так относятся к нам; когда же притом строятся козни против жизни ненавидимого, то какая жизнь может быть горестнее этой? Однако Давид все переносил и терпел; жил вместе с

тем, кто замышлял убить его, и участвовал в его войнах. Когда же он удалился и устранился от войны, то хотя самое удаление и обнаружение вражды (Сауловой) подействовало несколько безопасности (Давида), но так как он должен был с четырьмястами мужей защищаться против многочисленного Саулова войска, то трепетал более чем прежде. Подумай, в каком он был положении, когда не имел ни города, ни крепости, ни союзников, ни доходов, и должен был воевать с тем, который имел все это, между тем как сам он не мог, кроме пустыни и пещер, найти и места, куда бы убежать. Взяв город, так называемый Кеиль, он тотчас вышел из него, когда священник сказал, что Бог не избавит его из рук Саула, если он останется там. А этот священник был тот самый, который избежал рук Саула и возвестил Давиду о бывшем в Номве печальном происшествии, причем (Давид) произнес прискорбные слова: "я виновен во всех душах дома отца твоего" (1Цар.22:22). Таким образом, этот священник, постоянно находясь с Давидом, служил только напоминанием о том печальном событии; взирая на него, Давид постоянно вспоминал о погибели священников, а вспоминая об этой погибели и обвиняя самого себя в этом избиении, он жил бедственнее всякого приговоренного к казни. Если бы и ничто другое не тревожило его, то одной мысли, что он сам был виновником избиения столь многих священников, достаточно было для того, чтобы уязвлять и сокрушать душу его. Между тем он, сокрушаясь этою мыслию, которая и ночью и днем хуже червя терзала душу его, получал еще потом и другие раны, непрерывно одну за другою. Так, когда Навал оскорбил его в лице его слуг, и назвал его беглецом, изгнанником, неблагодарным рабом, он не без скорби перенес такие слова; также, когда, пришедши к Анхусу, он притворялся безумным, падал на землю, искажал свое лицо и выпускал из уст своих много пены, он более действительных бесноватых терзался мыслию о том, до какой крайности довел его Саул, столь благодетельствованный им. Когда же Давид несколько отдохнул, живя у иноплеменников, то должен был идти воевать с их врагами; но военачальники, завидуя ему и желая оклеветать его пред царем, удалили его из войска, как бы человека бесполезного, коварного и вероломного: "вознегодовали", говорится в Писании, "на него князья Филистимские, и сказали ему князья Филистимские: отпусти ты этого человека, пусть он сидит в своем месте, которое ты ему назначил, чтоб он не шел с нами на войну и не сделался противником нашим на войне. Чем он может умилостивить господина своего, как не головами сих мужей" (1Цар.29:4)? Давид, пораженный этими словами, удалился с великим огорчением и унынием. Но, прибывши домой, он нашел столько бедствий, что едва не умер от печали. Случившиеся тогда бедствия могли бы омрачить его душу, если бы даже были им предусмотрены, а так как они случились нечаянно и неожиданно, то казались вдвое более тяжкими, и были уже невыносимы. Он отправился домой, чтобы отдохнуть и найти облегчение прежней скорби своей в детях и женах; но, прибывши, внезапно услышал, что он в неволе у врагов, и увидел огонь, и дым, и кровь мертвецов, и прежде, нежели он оплакал убитых и окончил сетование о плененных, на него напали, свирепее зверей, жители города, и каждый из них хотел найти облегчение своих горестей в его смерти. Как при столкновении на море противных ветров, от их борьбы происходит великая и свирепая буря; так и тогда уныние и страх терзали душу праведника, в которой происходило великое волнение и смущение от этих чувствований, непрерывно то преодолевающих, то преодолеваемых одно другим. Когда же он избавился от этих бедствий и возвратил жен и всех пленных, то прежде, нежели наслаждался этою победой, опять был поражен горестною вестью о смерти Ионафана, которая так поразила душу его, как можно видеть из его плача: "любовь твоя была для меня", говорил он, "превыше любви женской" (2Цар.1:26). Что я говорю об этом плаче? Тот, кто столько плакал об отце Ионафана, своем враге и зложелателе, тысячекратно искавшем его погибели, что мог чувствовать, когда узнал, что разделявший с ним опасности, многократно избавлявший его от козней отца, участвовавший в его тайнах и заключавший с ним много договоров, что этот человек лишился жизни в то время, когда Давид мог воздать ему должное за прежние благодеяния?

8. Когда эта скорбь была еще в полной силе, опять в новую печаль повергает его военачальник (Иоав), не давший Авениру исполнить обещанного, коварно убив того, который обещал легко и без всякого труда предать Давиду все войско. Давид был так огорчен этим убийством, что тогда же проклял Иоава, и во время кончины своей поручил своему сыну отомстить ему за это бесчестное убийство. Самые слова, которыми Давид громко оплакивал Авенира, достаточно изображают нам страдание души его: "царь", говорится в Писании, "громко плакал над гробом Авенира; плакал и весь народ. И оплакал царь Авенира, говоря: смертью ли подлого умирать Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, и ты пал, как падают от разбойников" (2Цар.3:32-34). Что же после этого? Коварно умерщвляется Мемфивосфей [1] и к печали Давида о нем (ибо и о нем Давид скорбел так, что даже умертвил убийц его) присоединилось противодействие хромым и увечных, которое сильно возмутило его. Одолев и этих и других врагов, он с великою радостью переносит кивот, но в то самое время, когда переносили ковчег и все радовались, среди веселья случилось событие, которое омрачило всеобщую радость и повергло душу царя в уныние и великий страх. Гнев Божий внезапно поразил и умертвил Озу, который хотел поддержать падавший кивот; и страх от этого так сильно потряс душу Давида, что он тогда только решился перенести кивот к себе, когда узнал, какое благополучие было от него Аведдару, который тогда принял его (2 Цар.6:8-12). Потом, когда умер царь аммонитский, Давид, как муж добрый и человеколюбивый, отправил послов утешать сына его и убеждать его мужественно переносить смерть отца; а тот, за такую честь постыдно оскорбив послов, отослал их обратно к царю. Неужели по твоему мнению, этого мало, чтобы опечалить и поразить душу? Не доказывает ли этого и самая война, которая не имела никакого другого предлога и дошла до такого ожесточения, что подвергла Давида бесчисленным бедствиям (2Цар.10)? Этих бедствий, хотя бы кто примешал к ним тысячу удовольствий, достаточно для того, чтобы жизнь Давида признать скорбною; но последующие бедствия его таковы, что до них как бы еще и не начинались истинные скорби. Подлинно страдания этого царя превзошли всякую басню и всякую трагедию; на дом его обрушились такие необычайные и непрерывные бедствия, как будто у него одно зло постоянно старалось помогать другому злу. Так посмотри: Аммон полюбил сестру свою, полюбив, обесчестил ее; обесчестив, возненавидел и допустил разгласиться как бесчестию, так и кровосмешению, приказав одному из слуг тотчас изгнать ее из дому против воли и отправить чрез (городскую) площадь, причем она кричала и плакала (2Цар.13). Авессалом, узнав об этом и созвав на пир всех братьев, между которыми был и этот оскорбитель, умерщвляет его при посредстве слуг, когда тот ел и пил. Потом некто, отлучившись оттуда и в смятении не разузнав точно случившегося, возвестил царю, что все сыновья его умерли. Тогда Давид сидя плакал о мнимом убиении всех сыновей своих; когда же в точности узнал о случившемся, то грозил сыну и говорил, что умертвит его; и хотя (Авессалом) убежал в чужую страну, где он провел три года, царь во все время продолжал гневаться; даже и по прошествии этого времени не призвал бы его к себе, если бы умный военачальник против его воли не склонил его на такое дело. Но и призвав сына, он еще не заживил сердечной раны, но удалил его от лица своего еще на два года, и только после столь долгого времени, по просьбе военачальника, дал сыну позволение явиться к себе. Но сын, злопамятуя о прежнем или притом стремясь к власти, восстал на отца и довел его опять до скитальничества и бегства, которым он подвергался при Сауле, и даже сделал его жизнь гораздо тяжелее прежней. Тогдашние скорби Давид терпел, быв военачальником; а теперь он принужден был скитаться после многих лет царствования и после победы, можно сказать, над всеми врагами. И доведший его до этого был и не чужой и не неприятель, но "вышедший из чресл его", как сам он говорил с жалобою (2Цар.16:11). Тогда он был во цвете лет и мог все переносить мужественно, а теперь, в то время, когда ему следовало в этом негодном сыне иметь утеху своей старости, в нем встретил злоумышленника и врага. И вышел царь из Иерусалима вместе с немногими, босой, закрываясь и проливая слезы. Эта война причинила ему не только скорбь, но и

стыд. Сын поступил тогда с блаженным оскорбительнее, чем Саул, обесчестил и наложниц отца, и притом не скрытно, но на кровле дома пред взорами всех; в ярости против отца нарушил и уставы природы, и законы обращения с женщинами, и в безумном упоении, когда война еще продолжалась, отважился сделать то, что обыкновенно делают уже по одержании победы и по взятии врагов в плен. Между тем Сива, встретив Давида в такой печали и страхе, еще более возмутил его, нагнав на своего господина и сказав, будто (Мемфивосфей) замышляет овладеть царством (2Цар.16:3).

9. После Сивы является Семей, человек злой и неблагодарный, и направляет против Давида множество злословий, бросая в него камнями с такими словами: "уйди, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего; и вот, ты в беде, ибо ты – кровопийца" (2Цар.16:7,8). Слыша и претерпевая это, Давид сокрушался, как видно из самого плача его, но не решился ничего сделать и дал Семейю уйти живым, сказав: "оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничтожение мое, и воздаст мне Господь благодатью за теперешнее его злословие" (2Цар.16:11,12); а сам с беспокойством и страхом ожидал, чем кончится предприятие Хусия. Когда же и это сделалось известным, то началось война, самая необыкновенная из всех когда-либо бывших войн, и даже похожая на загадку. Того, кто был виновником таких бедствий и подал все поводы в такой войне, с чьим падением уничтожались все эти бедствия, - того самого тщательно беречь и щадить Давид убеждал полководцев своих, повторяя: "сберегите мне отрока Авессалома" (2Цар.18:5). Что могло быть хуже этого горестного положения? Что прискорбнее этого затруднения? Давид вынужден был начать войну, в которой равно было тягостно для него и победить и быть побежденным. Он не хотел ни быть побежденным, иначе не выслал бы такого войска, ни одержать победы, иначе не запрещал бы умертвить того, кто начал и повел войну против него. Когда же война была решена и кончилась, как угодно было Богу, когда отцеубийца пал, тогда все прочие были в веселье и радости, один только Давид горевал и плакал, и, запершись, звал умершего и скорбел о том, что сам не умер вместо него: "кто дал бы мне умереть", говорил он, "вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой" (2Цар.18:33)? Слыхано ли что-нибудь ужаснее этого несчастья? Когда Авессалом умертвил своего брата, Давид хотел умертвить его; когда же Авессалом с неистовством восстал на него самого, тогда он щадит этого самого сына. И долго не перестал бы он плакать об умершем, если бы не пришел Иоав и не объяснил неуместности этой печали, если бы сильною речью не возбудил в нем бодрости и не склонил его принять войска с надлежащим достоинством. Впрочем, его бедствия еще не кончились и этим; но, во-первых, воины возмутились и разделились между собою; потом, едва только они покорились царю, и притом после многих ласковых увещаний, как опять отложились от него и присоединились к Савею; тогда опять началась другая война, между тем как не совсем еще окончилась и прежняя. Возмущенный этим Давид, собрав своих воинов, выслал их с военачальниками против неприятелей; но Иоав, одержавший победу и в этой войне, не преминул омрачить радость о победе печалью. В исступлении зависти, он без причины и совершенно безвинно злодейски умертвил равного ему военачальника, который привел под власть Давида весь народ; и это убийство так встревожило и возмутило царя, что он и при смерти своей завещал сыну и просил не оставить убитого Амессая не отмщенным. А еще тяжелее то, что Давид, находясь в таком расположении духа, не решался даже высказать причины своей скорби, потому что уже был угнетен бесчисленными бедствиями. После этих войн постиг всю страну голод и Давид, для прекращения этого зла, принужден был выдать детей Саула на смерть. Так повелевало определение (Божие); "ради Саула и кровожадного дома его, за то, что он умертвил Гаваонитян" (2Цар.21:1). А кто вспомнит, как Давид оплакивал Саула, тогда поймет, как страдал он и в это время, выдавая детей его гаваонитянам; однако и это он перенес; а между тем опять последовали дальнейшие несчастья. После голода настала язва и в течение полудня падает семьдесят тысяч мужей,

при чем царь, увидев ангела, простершего меч, и произнося скорбные слова, сказал: "вот, я согрешил, я поступил незаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего" (2Цар.24:17). Впрочем, нам невозможно с точностью пересказать все его печали; не все они изложены и в Писании; но по его плачевным песням и жалобам можно догадываться о тяжести и тех скорбей его, о которых не упомянуто, и о том, что этот праведник никогда не переставал скорбеть и сетовать. Что же он говорит? "Дней лет наших - семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет; и самая лучшая пора их - труд и болезнь" (Пс.89:10). Если же ты скажешь, что он здесь изобразил жизнь человеческую вообще, а не свою только, то скажешь больше того, что я сам хочу сказать, и избавишь нас от многоречия, сам признавая, что не только в жизни Давида, но и в жизни всякого другого человека гораздо больше скорбей, чем удовольствий. Действительно, как и сам ты правильно говоришь, Давид произнес такой приговор, имея в виду не только свою жизнь, но и других, и выразил то же самое, что и патриарх, только с большею силою; что тот сказал о части, то этот после обо всех. Тот говорил: "малы и несчастны дни жизни моей" (Быт.47:9); а этот: "дней лет наших", т. е. дни всех людей, "семьдесят лет, и самая лучшая пора их - труд и болезнь".

10. Но это, как я сказал, представляю тебе исследовать со всею точностью на досуге, а сам перейду к прочим пророкам. Хотя они нигде не оставили нам описания своей жизни, встретив впрочем и для этого затруднение в чрезмерности угнетавших их бедствий, но я думаю, что одним словом можно назвать всю жизнь их прискорбною. И, во-первых, что было общим у всех их, они в течение жизни своей были мучимы пытками, бичуемы, перепиливаемы, побиваемы камнями, заключаемы в темницы, умирали от меча, скитались в овечьих и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления (Евр.11:36-38). К этому присоединилась у них и другая печаль, еще более тяжкая, от того, что они видели, как возрастало нечестие причинявших им бедствия; этим они терзались больше, чем собственными скорбями. Так один из них говорил: "клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием" (Ос.4:2), показывая нам и безнаказанность, и разнообразие, и распространение нечестия. Другой взывал так: "горе мне! ибо со мною теперь - как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелого плода" (Мих.7:1), оплакивая этими словами малочисленность людей добродетельных. Иные еще жаловались на другое что-либо подобное. Пастырь коз (Амос) не только сетовал о грехах иудеев, но и плакал об их несчастьях более, чем о собственных искушениях, и молился Богу так: "Господи Боже! пощади; как устоит Иаков? он очень мал" (Ам.7:2). Но не смотря на это, он не получил просимого, как сказано: ""и этого не будет", сказал Господь Бог" (Ам.7:6). А Исаия, услышав, что вся земля будет опустошена, не хотел утешиться, но постоянно плакал и говорил: "оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня" (Ис.22:4), потому что такой род смерти выше всякого несчастья. Кто в состоянии читать без слез плачевные песни Иеремии о городе и о нем самом, как написанные особо, так и рассеянные по всей его пророческой книге? Иногда говорил он: "кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего"? Иногда: "кто дал бы мне в пустыне пристанище путников! оставил бы я народ мой и ушел бы от них: ибо все они прелюбодеи" (Иер.9:1,2). А иногда жалобно взывал: "горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею" (Иер.15:10); иногда же проклинал и день рождения своего: "проклят день", говорил он, "в который я родился" (Иер.20:14). А грязный ров, скорби от уз, бичевания и клеветы и постоянные насмешки привели его в такое состояние, что он даже стал отчаиваться. Что испытал он, когда по взятии города встретил заботливость и почтение к себе со стороны иноплеменников? Радовался ли он этому? Напротив, тогда-то он и написал горький плач об умерших, и увидел бедствия не меньшие прежних от того, что оставшиеся в живых после войны

раздражали Бога. Обещав повиноваться Ему во всем и ни в чем не противиться, они, однако, ушли опять в Египет, тогда как повеление (Божие) требовало совершенно иного, и пророка увели вместе с собою, и своею неблагодарностью вынуждали его предсказывать им беды, тягчайшие прежних. А что Иезекииль? А что Даниил? Не в плену ли провели они всю жизнь? Притом, первый из них за чужие грехи был наказан голодом и жаждою; когда же умерла жена его, ему повелено было переносить такое несчастье без слез; а что может быть тягостнее того, когда не позволяется оплакивать и собственные бедствия? Не говорю теперь о том, что он принужден был есть хлеб свой на куче навозной, лежать на одном боку сто девяносто дней, и терпеть все прочее, что повелевалось ему. Если бы и не случилось с ним ни одной из горестей, как опущенных нами, так и упомянутых теперь, то самое пребывание среди врагов, иноплеменников и людей нечистых, для праведного и чистого было тяжелее всякого наказания. А Даниил, по-видимому, наслаждался великою честью и жил как бы не в плену, пребывая при царском дворе и имея власть; но если кто прислушается к его молитве, обратит внимание на его пост, перемену лица и непрестанные мольбы, и точно узнает, для чего он делал это, тот увидит, что этот пророк более всех скорбел и унывал. Мучили его не только настоящие бедствия, но возмущали и будущие, так как он удостоился видеть пророческими очами и то, чего еще не было; взирая на иудеев, еще не освободившихся от прежнего рабства, он должен был предвидеть другое их пленение; город, который еще не был восстановлен, он видел уже разрушенным, а храм - оскверненным (нечистыми) жертвами и опустошенным, и всю святыню ниспровергнутою. Посему он скорбел и плакал и говорил: "Господи! у нас на лицах стыд, у царей наших, у князей наших и у отцов наших, потому что мы согрешили пред Тобою" (Дан.9:8).

11. Не знаю, как между пророками я пропустил одну небесную душу, - того, кто на земле жил как на небе, у которого не было ничего, кроме милости. Что же этот великий и дивный человек, если только можно назвать его человеком? После смелой речи пред Ахавом, после низведения огня, после избиения жрецов, после того, как он заключил и отверз небо во время, назначенное по его желанию, после столь многих и столь великих подвигов он подвергся такому страху и такому чрезмерному унынию, что сказал такие слова: "возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих" (3Цар.19:4). Это говорил тот, кто и теперь еще не умер. Мало этого; он удалился в пустыню, и спал там, изнемогши от тяжкого уныния. А ученик его получил не только сугубый дух учителя, но и скорби гораздо более тяжкие. Изображая этих пророков для нас и перечисляя их бедствия, блаженный Павел несколько раньше сказал: "те, которых весь мир не был достоин" (Евр.11:38). Благовременно пришел нам на память и этот блаженный. Если он, явившись один, может доставить нам достаточное утешение, то какого уныния и какой печали не уничтожит он, представши после других? Не считаю нужным говорить о голоде, жажде и наготе, о кораблекрушениях и пребывании в пустынях, о страхах и опасностях, о клеветах и темницах, ранах и бдениях, о бесчисленных опасностях смерти и обо всем прочем, что претерпел он за проповедь. Все это, хотя и причиняло некоторые скорби, но доставляло ему и удовольствия. Когда же отверглись от него все азийские верующие, когда уклонились от веры галаты - целый знаменитый народ, когда коринфяне разделили свою церковь на многие части и, оказав послабление блуднику, довели его до бесстыдства, тогда что, думаешь ты, чувствовал Павел? Каким мраком объята была душа его? Впрочем, для чего нам делать умозаключения, когда можно слышать собственные слова его? Так, в послании к Коринфянам он говорил: "от великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами" (2Кор.2:4); и еще: "чтобы опять, когда приду, не уничтожил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались" (2Кор.12:21). А к галатам говорил: "дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал.4:19). На азийцев же он жалуется и

своему ученику. И не только это мучило его, но и данный ему пакостник (плоти) так сокрушал и беспокоил его, что он многократно молил Бога об освобождении от него; ибо слово "трижды" значит здесь многократно (2Кор.12:8). Вообще мог ли когда-нибудь быть спокойным тот, кто сокрушался даже об отсутствии брата? "Я не имел покоя духу моему", говорит он, "потому что не нашел [там] брата моего Тита" (2Кор.2:13). И по случаю болезни другого брата, он опять страдал точно также: "Бог помиловал его", говорил он филиппийцам об Епафрасе, "и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали" (Фил.2:27). Также сильно скорбя по поводу оболъстителей и своих противников, он в послании к Тимофею говорил: "Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его" (2Тим.4:14). Итак, мог ли он иметь хотя малое отдохновение от уныния и скорби? Кроме вышесказанных бедствий, тяготивших душу его, были и другие, которые причиняли ему постоянную скорбь. И это опять сам он открыл, сказав: "кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквях. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся" (2Кор.11:28,29). Если же он за каждого из соблазнявшихся сам воспламенялся, то этому воспламенению и невозможно было погасать в душе его: потому что никогда не было недостатка в соблазнявших и доставлявших пищу этому пламени. Когда отпадали города, а часто и целые народы, то тем более это могло непрестанно случаться с тем или другим (верующим) из столь многих церквей во вселенной. Но предположим на словах, если угодно, что никто никогда и не соблазнялся и не отделялся от Павла, и никакой другой подобной неприятности не случилось с ним, - и в таком случае я не могу признать его свободным от уныния; на это опять мне не нужно никакого другого свидетеля, кроме самого страдальца. Что же он говорит? "Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Рим.9:3). А это означает следующее: желательнее было бы для меня впасть в геенну, нежели видеть израильтян неверующими. Это именно значат слова: "Я желал бы сам быть отлученным"; если же он готов был потерпеть геенские мучения для того, чтобы иметь возможность привести (к вере) всех иудеев, то, очевидно, что, не достигши этого, он вел жизнь более тягостную, чем мучимые в геенне, потому что для него было желательнее последнее более, нежели первое.

12. В каждом из упомянутых бедствий ты обрати внимание не только на причину, от которой рождалось у тех мужей уныние, но и на степень печали, и увидишь, что их печаль гораздо больше твоей скорби. Исследуем же теперь, сильнее ли они скорбели, чем ты, а степень уныния обыкновенно определяется не только причиной, от которой оно произошло, но и словами и делами (страждущих). Многие, потеряв только деньги, сетовали больше, чем ты; так что иные бросились в море, другие повесились, не вынесши этой потери; а некоторые от чрезмерной печали потеряли даже зрение: хотя потерять деньги кажется легче, нежели терпеть мучение от демона, однако многие перенесли последнее, а первым были поражены. Не суди об этом по своей душе и не думай, что если ты смеешься над потерей денег, то и другие относятся к ним так же; потеря денег довела многих до безумия и крайнего расстройств. Конечно, благородной души ни одна из этих скорбей не может сокрушить; но душа слабая и привязанная к миру более терзается потерей денег, нежели мучением от демона. Почему? Потому, что не одно и то же - бояться ли голода постоянно, или выносить мучения от демона только по некоторым дням: в последнем бедствии сильное мучение продолжается немного времени, подобно как в горячке, или в лихорадке, или при другом каком-либо периодическом припадке; и даже гораздо меньше продолжается, чем в этих болезнях. Если же (скажешь, что) болезнь беснования превосходит эти болезни силою, то я могу указать тебе на многих из одержимых горячкою таких, которые, когда охватывает их этот огонь, приходят в большее исступление, чем бесноватые. А при бедности опаснее терпеть недостаток в необходимом, как неистребимый червь, гнездится в душе бедных, и точит ее непрестанно. Что я говорю о бедности? Если мы захотим перечислять все несчастья

человеческие, то не только мы, но, может быть, и сам ты станешь смеяться над своим плачем и стенаниями. Но нам невозможно изобразить всех, даже малейшей части этих несчастий; мы не знаем их, а если бы и знали, то нам недостало бы целой жизни для повествования о них. Поэтому, выбрав из многих только некоторые, предоставлю тебе по ним заключать, по возможности, и о тех, которые будут опущены. Так, вспомни о том любезнейшем старце, Демофиле, из великого и знатного дома. Вот уже пятнадцатый год, как он ничего не в состоянии делать, подобно мертвым, отличаясь от них только тем, что постоянно трясется, кричит и ясно сознает свое несчастье; он живет в крайней бедности, и имеет одного слугу, юношу, хотя и доброго и привязанного к своему господину, но неспособного облегчить его несчастье, потому что слуга не может ни избавить от бедности господина, ни прекратить трясения его от расслабления; а может только вложить кусок в уста господина (свои руки не служат последнему и в этом), подать ему чашу и очистить нос; кроме этого он не в состоянии оказать ему никакой помощи. Так бедствует этот старец уже пятнадцать лет, как я сказал; при этом я припоминаю и того расслабленного, который страдал таким же недугом тридцать восемь лет (Иоан.5:5). Кроме этих несчастных, представь еще Аристоксена вифинского, который хотя не расслаблен телом, как тот старец, но одержим такою болезнью, которая гораздо тягостнее расслабления. Какие-то судороги в желудке и боли, несноснейшие всякой пытки, то пронзают его хуже вертелов, то пожирают сильнее огня, и мучат каждый день и каждую ночь, так что не знающие его болезни считают его за сумасшедшего: так судороги искривляют у него зрачки, стягивают руки с ногами, и делают его безгласным! А крики его и стоны (он часто после онемения начинает кричать) бывают сильнее стонов женщин, мучащихся родами; и нередко живущие вдали, у которых есть больные, страдающие от долгой бессонницы, присылали с жалобой на то, что их больным становилось хуже от этих криков. Это бывает с ним не чрез долгие промежутки времени, но по несколько раз днем и по несколько раз ночью, и вот уже шестой год, как он предан этому злему недугу; нет у него ни слуги, который бы ухаживал за ним, ни врача, который бы облегчал его страдания; первого по бедности, а второго потому, что врачебное искусство оказалось бессильным пред этою болезнью; многие врачи долго трудились над ним (так как у него прежде много было денег), и нисколько не помогли ему. А что всего тяжелее, - никто из друзей уже не хочет видеть его, но все оставили его, даже те, которые прежде много были благодетельствованы им. Если же кто-нибудь и войдет к нему, то тотчас же убегает: таким зловонием наполнена комната его, потому что никто не убирает ее. При нем сидит одна только служанка, которая делает не больше, чем сколько может сделать одна женщина, притом такая, которая приобретает себе пропитание трудами рук своих. Скольких же демонов мучительнее его бедствия? Если бы самые эти бедствия не мучили его, то чего не претерпел бы он от мысли о том, как много времени лежит он на одре, о больших издержках, доведших его до крайней бедности, о презрении от друзей, о неимении слуг, и от неведения о том, прекратятся ли когда-нибудь бедствия, - о чем и ты всегда скорбишь, - или лучше сказать, от совершенной уверенности, что они никогда не прекратятся, пока он будет жить и дышать? Так заставляет думать жестокость болезни и то, что бедственное положение его с каждым днем ухудшается.

13. Но чтобы мне не утомить слушателей перечислением каждого и всех подобных страдальцев, ты отправься к смотрителю странноприимного дома и попроси его ввести тебя к лежащим там, чтобы увидеть всякого рода страдания, странные виды недугов и разнообразные причины уныния. Оттуда пойди в темницу и, узнав все встречающееся в этом жилище, ступай в преддверия бань, где некоторые лежат нагими, употребляя вместо одежд и кровя навоз и солому, постоянно терзаясь холодом, болезнью и голодом, умоляя прохожих одним своим видом, трясением тела и скрежетом сжимаемых зубов, и не имея возможности ни подать голоса, ни протянуть рук от крайнего изнурения такими страданиями. И здесь не останавливайся, но сходи еще в убежище бедных, находящееся за городом, и тогда ясно увидишь, что терзающее тебя теперь уныние есть тихая

пристань. Что сказать о мужчинах, мало помалу разрушаемых проказою, о женщинах, страдающих раком? Обе эти болезни и продолжительны и неизлечимы; та и другая одержимых ими изгоняют даже из города, так как этим больным не позволено быть ни в бане, ни на рынке, ни в другом каком-либо месте внутри города. И не только это бедственно, но и то, что они не могут быть спокойны и относительно средств к пропитанию. А каково положение осужденных жить в рудниках, часто без вины и напрасно? Все они терпят гораздо больше горя, чем одержимые демоном. Если ты не веришь, это несколько не удивительно; потому что мы обыкновенно судим о своих и о чужих бедствиях не одинаково, но последние узнаем только из слов и по виду страдающих, а первые - собственным опытом и чувством, и из пристрастия к самим себе думаем, что последние несноснее первых, хотя бы они на самом деле были очень легки и сносны. Если же кто, отрешившись от всякого пристрастия, узнает свойство чужих несчастий, и вникнет в положение подвергшихся им, тот даст нам о них верное суждение. Может быть, ты скажешь, что все те болезни относятся только к телу, а твоя болезнь касается души, и тяжелее всех их. Но по этому самому особенно и оказывается она легче тех: она не разрушает тела, как те, и душу беспокоит только на короткое время; между тем указанные выше болезни, зарождаясь в теле, не останавливаются на нем вредных своих действий, а простирают их и на душу, постоянно муча ее и сокрушая скорбью и великим унынием. "Как уксус вредит ране и дым глазам, так появившаяся в теле страсть печалит сердце" (Прит.25:20), говорит Писание. Итак, не о том только говори, что какая-нибудь болезнь гнездится в теле, но докажи, что она не простирает своего губительного и разрушительного влияния на душу. Так и зараза рождается не в самых телах, а губит тела; и яд змей выходит из них, а вредит нам. То же и с теми болезнями: рождаются они в теле, а яд своей злокачественности переливают в нашу душу. Итак, чрезмерное уныние вреднее всякого демонского действия, потому что и демон, если в ком властвует, то властвует чрез уныние, а если уничтожишь уныние, то и от демона не потерпишь никакого вреда. Но как, скажешь ты, можно не унывать? А я тебя спрошу, как невозможно не унывать? Если бы ты совершил блуд, убийство или какой-нибудь другой из грехов, лишаящих царствия небесного, то унывай и сетуй: никто не будет препятствовать; если же ты, по благодати Божией, стоишь далеко от всех этих грехов, то для чего напрасно мучишь себя?

14. Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблагоприятно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время; а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло. Мы же извратили порядок и перемешали времена; делая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если от кого-либо потерпим хотя малое зло, падаем духом, безумствуем, спешим отказаться и избавиться от жизни. Поэтому такое состояние (уныния) и кажется нам несносным и тяжким, равно как и гнев и похоть, на которые также жаловались те, кто пользовались ими не хорошо и не надлежащим образом. Здесь бывает то же, что и с лекарствами, которые даются врачами: и они не только не избавляют больного от мучений, но еще более усиливают болезнь, когда употребляются при болезнях не соответствующих им и не тех, для которых они приготовлены, но при совершенно других. Точно так же действует и уныние, и это естественно. Как врачество сильное, разъедающее и, так сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его; а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая удобопоражаемой. Посему и Павел, обращаясь к стоявшим и подвизавшимся, говорил: "радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь" (Фил.4:4); а к расслабленным душою и одержимым сильною страстью писал:

"и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать" (1Кор.5:2). Кто тучнеет туком грехов, тот пусть утончает и иссушает себя этим врачевством, а здоровому и соблюдающему себя в надлежащем благосостоянии, для чего губить свое благополучие унынием? Оно - такое сильное врачевство, что когда и к нуждающимся в нем было прилагается дольше надлежащего времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и блаженный Павел повелевал устранять его тотчас после того, как оно сделает свое дело, и на это представил то же причину, которую я высказываю теперь: "дабы", говорил он, "он не был поглощен чрезмерною печалью" (2Кор.2:7). Если же оно, приражаясь сверх меры, губит и тех, кто имеет в нем нужду, то чего не сделает оно с теми, которые совсем не имеют в нем нужды, если они предадутся ему в великой степени? Так, скажешь ты, знаю это и я; но, как мне устранить и удалить уныние из души своей, - не знаю. Какая же в этом трудность, друг мой? Если бы это была какая-нибудь похоть и безумная плотская любовь, или сильное тщеславие, - это неудобоистребляемое зло, или какая-либо другая подобная страсть, то ты имел бы основание затрудняться освобождением от них, так как плененным ими, хотя и невозможно, однако трудно избавиться от этих сетей. Почему? Потому, что им содействует и помогает удовольствие: оно как бы канатами со всех сторон опутывает предавшихся страстям, и трудность исправления, прежде всего, состоит в том, чтобы душа склонилась пожелать и решиться на освобождение от них; подобно тому, как если бы человек, нуждающийся в исцелении от коросты и чесотки, находил удовольствие в этой болезни, и сам себя ввергал в недуг. А для освобождения от скорби не мало способствует нам то, что мы не находим в ней удовольствия; кто тяготится чем-нибудь, тот скоро постарается и освободиться от этого. Но что, если он, хотя и постарается, но не успеет? Пусть не перестает стараться, и скоро будет иметь успех. Имей в виду, что для христианина, если он когда-нибудь скорбит, должны быть только два повода к унынию, - когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога; а так как твоя скорбь не основывается ни на одном из этих поводов, то напрасно ты мучишь себя. А откуда известно, скажешь ты, что этою скорбью мы не наказываемся за грехи? Это хорошо известно, но пока я не стану утверждать этого. Если же ты хочешь, то пусть будет не только не неизвестно, как ты сказал, но даже хорошо известно, что эта скорбь есть возмездие за грехи; неужели же, скажи мне, ты по этому сетуешь? Но надобно благодушеествовать от того, что ты еще здесь освободился от грехов, и не будешь осужден вместе с миром. Сетующему должно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога; грехи удаляют нас от Бога и делают врагами Его, наказания же примиряют Его с нами и делают милостивым и близким к нам. А что твой подвиг и труд не есть возмездие за грехи, но подготовка к венцам и наградам, это видно из следующего. Если бы ты прежде жил постыдно и распутно, а потом перешел бы к монашеской жизни, и в таком случае мысль о наказании за грехи была бы неуместна. Если Бог посылает наказания для того, чтобы грешников обратить к покаянию, то когда принесено покаяние, наказание по этому самому излишне. Бог столь далек от желания наказывать нас, что часто даже тогда, как мы делаем достойное наказания и нуждаемся в сильном вразумлении, Он вразумляет нас только угрозою и устрашающими словами. Это ты можешь видеть на примере израильтян и города ниневитян: Бог не только не навел на них наказания, когда они принесли покаяние, но тотчас прекратил и угрозу. Он гораздо более нас самих желает, чтобы мы не терпели никакого зла, и никто из нас не щадит себя так, как Бог щадит всех нас. Неужели же Тот, Кто часто и согрешивших устрашает только словами, но не наказывает, а покаявшихся освобождает и от самого опасения, тебя, оказавшего такое благочестие и такую добродетель, не только не избавил от угрозы, но и предал действительному наказанию? Как можно поверить этому? Если бы прежняя жизнь твоя была, как я сказал, развратна и порочна, это могло еще придти кому-нибудь на мысль; но так как она была скромна и исполнена великой честности, хотя и ниже теперешней, то из всего этого нам ясно, что твои подвиги ведут к венцам и высшему воздаянию. Поэтому, как я сказал, должно возбуждать в себе такие и подобные мысли; а вместе с этим, или еще прежде этого, должно рассеивать этот мрак уныния молитвами и молениями. Так и блаженный

Давид, столь дивный и великий муж, постоянно пользовался этими врачевствами, и избавлялся ими от тяжести скорбей, то молясь так: "скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих" (Пс.24:17); то возбуждая в себе благочестивые мысли: "что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога; ибо я буду еще славить Его" (Пс.42:5); и еще говорил, от размышлений обращаясь к молитвам: "отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня" (Пс.38:14), и от молитв к размышлениям: "кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле" (Пс.72:25). Так и Иов размышлениями возражал жене, внушавшей ему произнести сатанинские слова, и, укоряя ее, говорил: "ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать" (Иов.2:10)? А пред Богом он прибегал к молитвам. И блаженный Павел обоими этими средствами помогал впадавшим в скорби и искушения; иногда говорил: "если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец" (Евр.12:7,8)? - а иногда с молитвою говорил: "верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил" (1Кор.10:13); и еще: "ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою" (2Фесс.1:6,7). Итак, если и ты захочешь воспользоваться тем и другим оружием и крепко оградишь себя со всех сторон, размышлениями заграждая унынию доступ к себе, а молитвами, как своими, так и чужими, устрояя эту крепкую ограду, то скоро увидишь плоды таких усилий. Ты приобретешь не только ту пользу, что станешь мужественно переносить настоящие страдания, но, хорошо укрепившись ими, будешь и впредь неодолим никакими житейскими горестями.

[1] Разумеется, вероятно, Иевосфей. См. 2Цар.4:7.

СЛОВО К ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С ДЕВСТВЕННИЦАМИ.

Нижеследующие два Слова или рассуждения, не соединенные общим заглавием, связаны между собою одинаковым содержанием, направленным в первом Слове против мужчин, имевших своими сожительницами девственниц, а во втором против девственниц, живших вместе с мужчинами, так что сам автор в одном месте второго Слова (отд. 4) ссылается на содержание своего первого Слова. Посему можно полагать, что эти два произведения написаны св. Иоанном Златоустом одновременно, непосредственно одно за другим; но в какое время его жизни, во время ли его диаконства в Антиохии, как свидетельствует церковный историк Сократ (кн. VI, гл. 3), или во время его епископства в Константинополе, как свидетельствует жизнеописатель его епископ Палладий (Разгов. отд. 5), это достоверно неизвестно. Во всяком случае, оба Слова представляются плодами истинно-пастырской ревности святителя о нравственной чистоте лиц, посвятивших себя преимущественно на служение Богу, но позволявших себе сожительство с посторонними лицами другого пола, которое было запрещено 1-м вселенским Никейским собором (прав. 3) и осуждено св. Василием Великим (посл. к Григорию пресвитеру).

Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. – Тщетные оправдания обычая. – Страсть, как основа его. – Неизбежное разжигание страстей. – Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. – Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. – Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

У предков наших были две причины, по которым женщины жили вместе с мужчинами; одна заключается в браке, - причина и древняя, и справедливая, и основательная, как происшедшая от законодателя Бога: "потому", говорит он, "оставит человек отца своего и

мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть" (Быт. 2:22); а другая заключается в прелюбодеянии, - причина и новейшая в сравнении с той, и несправедливая, и незаконная, как происшедшая от лукавых демонов. А в наш век, выдумав еще некоторый третий образ жизни, новый и странный, и приводящий в великое затруднение желающих найти ему причину. Есть такие люди, которые принимают к себе безбрачных отроковиц, не вступая в брак и не сочетаясь с ними, оставляют их навсегда в своем доме и держат их при себе до глубокой старости, не для рождения детей, - ибо не сочетаются с ними, как они говорят, - и не из распутства, ибо сохраняют их невинными, как они утверждают; а если кто-нибудь спросит о причине, то хотя они представляют и измышляют много причин, но основательной и уважительной, по моему мнению, не имеют ни одной. Впрочем, о тех или других предлогах и мы пока говорить не будем, а укажем ту причину, какую мы сами особенно подозреваем. Какая же эта причина? Во всяком случае, если я уклонюсь от цели, желающие из вас, могут удержать меня. Итак, какая эта причина? Мне кажется, что для них есть некоторое удовольствие жить вместе с женщинами не только по закону брака, но и без брака и сочетания. Если же я думаю неправильно, то не имею ничего и против этого; я высказываю вам пока собственное мое мнение, и, может быть, не только мое, но и их самих, а что и им так же кажется, видно из следующего. Они, конечно, не оставляли бы без внимания столь великой молвы и столь великих соблазнов, если бы удовольствие от этого сожителства не действовало на них сильно и властно. Если же кто-нибудь был бы недоволен такими нашими словами, то я попрошу простить нас и не гневаться; ибо добровольно и необдуманно я не решился бы навлечь на себя негодование. Я не так жалок и несчастен, чтобы желать напрасно оскорблять всех; но я весьма жалею и скорблю, видя, как и слава Божья унижается и спасение многих мало помалу погибает из-за этого удовольствия. Что такое сожителство приятно для них и сопровождается сильнейшею любовью, нежели сожителство по закону брака, слыша об этом теперь, вы, может быть смущаетесь, но после доказательства и сами согласитесь. С законною женою совокупление, как беспрепятственное, ослабляет страсть, и часто производит в муже пресыщение и укрощает неумеренную похоть. Кроме того, болезни чревоношения и рождения, рождение и воспитание детей, и следующие за ними частые болезни, изнуряющие тело и измождающие цвет юности, ослабляют действие удовольствия. А с девственницами не бывает ничего подобного; нет ни совокупления, которое может укротить и подавить естественную похоть, ни болезни рождения и воспитание детей не изнуряют плоти, но долго сохраняют они себя цветущими, оставаясь непричастными ничему подобному. У брачных после родов и воспитания детей тела делаются более слабыми; а те и до сорокового года остаются сходными с юными девами; посему у живущих вместе с ними возбуждается похоть вдвойне, и оттого, что не дозволяется подавлять страсть совокуплением, и от того что причина возбуждающая страсть, долго остается очень сильною. Такой я подозреваю предлог к этому сожителству. Впрочем, не будем негодовать на них и гневаться; потому что никто, желая восстановить больного, не делает этого с гневом и истязанием, но подает лекарство с заботливостью и увещанием. Если бы нам предлежало наказывать, и мы занимали бы положение судей, то должно было бы и выражать негодование; но если, оставив это, мы принимаем положение врачей и попечителей, то следует увещывать и просить и, когда нужно, касаться самых колен (больного), чтобы достигнуть желаемого. Посему, как врачи, желая отклонить больных от вредных, хотя и доставляющих удовольствие, или яств, или питий, прежде всего убеждают их, что эти предметы производят вместе с вредом и великую неприятность; так и мы поступим, внушая им, что это приятнейшее для них сожителство причиняет великую гибель и нисколько не лучше ядовитых веществ. И хотя, по-видимому, оно доставляет некоторую сладость, но вливает в услаждающуюся душу великую прикровенную неприятность и горечь; и такое убеждение поспособствует удалению от этого. Кто разлучается с любимой женщиной по страху и необходимости, тот делается еще более страстным любителем и, может быть, опять возвратится к тому же; а кто узнает

предмет и удалится от него, как от вредного и горького, тот не возвратится к нему опять, так как приговор собственного его мнения подействует на него сильнее всякой необходимости. Как же мы убедим их, что это дело не только вредное, но и горькое? Как же иначе, если не свойством самых предметов? Итак, спросим их: если бы кто-нибудь, приготовив роскошную трапезу, наполненную множеством приятнейших яств, с великою угрозою запретил касаться чего-либо из предложенного, то неужели решился бы кто-нибудь сидеть подле такой трапезы и мучиться? Я не думаю; ибо не столько удовольствия он получил бы от созерцания, сколько неприятности потерпел бы от запрещения. И что, если бы кто-нибудь, показав жаждущему и мучимому жаром чистый и светлый источник, не позволил не только вкушать от него, но и коснуться концами пальцев, могло ли бы что-нибудь быть неприятнее такого наказания?

2. Здесь, я думаю, никто не станет противоречить мне. Это зло столь велико, что и из внешних (язычников) те, которые особенно искусны были рассуждать об этом, т. е., о свойствах удовольствия и печали, пожелав представить кого-либо сильно наказываемым, представляли не иначе, как следующим образом: составив басню, они выводили в этой басне человека [1], которому следовало подвергнуться крайнему наказанию, и, не делая с ним ничего другого, предлагали ему всякие яства и показывали мимотекущую воду, не позволяя, однако пользоваться ничем из этого: как только он протягивал руку, все видимое им удалялось; и это происходило постоянно. Таков был способ наказания по басне язычников. И один из философов [2], увидев, как некто из живших вместе с ним поцеловал красивого мальчика, с удивлением сказал: этот и в огонь легко бросился бы, решившись воспламенить в самом себе поцелуем такую пещь. Впрочем, я не могу утверждать, что те люди целуют или обнимают своих сожительниц; если же некоторые стали бы обвинять их в этом, то я постараюсь показать, что, если они доходят и до этого, то навлекают на себя мучение еще тягчайшее вышесказанного. Если одно только созерцание производит такую скорбь, то когда вместе с тем бывает и прикосновение, т. е., наслаждение гораздо более ощутительное, чем производимое зрением, то оно поднимает больший пламень, производит тягчайшее томление и сильнее разъяряет (внутреннего) зверя. Ибо, чем более мы усиливаем похоть и чем больше доставляем ей пищи, тем более усиливается в нас и томление. Как сидящий подле трапезы и источника мучится не столько при созерцании их, сколько тогда, когда, имея позволение и касаться их рукою, не имеет возможности вкушать их; так точно и те, имея возможность касаться тел девственниц, мучатся от этого прикосновения более, нежели от созерцания, испытывая неприятнейшее томление от несочетания с ними. Но нужно ли доказывать это внешними примерами? Есть определение Божье, которое сильнее всех их доказывает, что это действительно так. Бог, желая наказать Адама, поселил его не далеко от рая, но близ него самого, чтобы он имел постоянным наказанием - созерцание возжеленного места, непрестанно взирая на него, но, не имея дозволения пользоваться им. Может быть, кто-нибудь скажет: если это дело по свойству своему столь неприятно, то почему же многие с таким рвением предаются ему? На это я мог бы сказать, что это самое и служит величайшим доказательством крайней их болезни. Обыкновенно больные позволяют себе какое-либо пустое и кратковременное удовольствие и чрез это навлекают на себя продолжительное страдание. Это можно видеть на больных горячкою, которые, не желая потерпеть немного, при кратковременном облегчении вкушают запрещенные пития и яства и делают болезнь свою долговременною и жесточайшею. А здоровым должно не от больных заимствовать мнения о вещах; ибо, если мы будем следовать им, то будем осуждены и врачебной наукой и философией. И не только в горячке и в отношении к женщинам испытывают это, но и в отношении к деньгам и ко всему прочему бывают такие больные. Так, привязанные к деньгам, хотя знают, что уделяющие здесь эти маловажные предметы нуждающимся получают там бесчисленные блага, однако удерживают их и зарывают, и предпочитают лучше лишиться всех благ за свое пустое и кратковременное удовольствие, нежели избавиться от вечного мучения и приобрести

бессмертную жизнь за временное их презрение. Точно в такой же болезни находятся и те: не решаясь немного воздержаться от малой похоти очей, они навлекают на себя нестерпимый огонь; и чем более думают получать удовольствия, тем более запутываются в зле, по коварству дьявола, производящего это для продолжения и усиления пламени, так что пламенея, они и услаждаются и мучатся, производя какое-то странное смешение чувств в душах своих.

3. Если же кто будет обвинять нас в невоздержности за эти слова, - мужи доблестные, и, живя с женщинами, будто бы ничего худого от этого не терпят, - то я ублажаю таких людей и сам хотел бы иметь столько же силы; я верю, что могут быть даже такие люди; но я хотел бы, чтобы обвиняющие нас могли доказать, что молодой человек, цветущий телом, живя вместе с юной девой, вместе сидя и обедая, и беседуя с ней целый день, - не распространяюсь ни о чем прочем, неприличном смехе и хохоте, и нежных выражениях, и о прочем, о чем даже и говорить, может быть, неприлично, - что он, живя с ней в одном и том же доме, разделяя с ней трапезу и беседы и с великой свободой многое принимая от нее и сам сообщая ей, не испытывает ничего человеческого, но остается чистым от порочного пожелания и удовольствия; я хотел бы, чтобы обвиняющие нас могли убедить нас в этом, но они и сами не хотят убеждаться, и нас, обличающих это, провозглашают бесстыдными, больными одной и той же с ними болезнью и прикрывающими собственную порочность. Какое, говорят они, нам дело до этого? Мы не виновны в безумии других, и, если кто безрассудно соблазняется, мы не заслуживаем наказания за его безумие. Но Павел не так говорил, а заповедал обращать внимание, хотя бы кто соблазнился без вины (соблазняющих), хотя бы по немощи. Мы тогда только освобождаемся от наказания, назначенного соблазняющим, когда от соблазна происходит другая польза, большая вреда, причиняемого соблазном; если же этого нет, а происходит один только соблазн для других, основательно ли будут они соблазняться, или не основательно, или по немощи, то кровь их падает на нашу голову и от наших рук Бог взыщет души их. Посему, чтобы мы и не всегда заботились о соблазняющихся, и не всегда презирали их, Христос постановил для нас некоторые ограничения и правила, и Сам соблюдал то и другое в надлежащее время. Так, когда Он беседовал о свойстве яств и объяснял, что они по природе своей чисты, и освобождал от иудейской разборчивости в них, и когда Петр пришел и сказал: "соблазнились", то Он отвечал: "оставьте их", и не только презрел их, но и осудил, сказав: "всякое растение, которое не Отец мой небесный насадил, искоренится" (Матф. 15:12-14). Таким образом, Он отменил закон о яствах. Когда же требовавшие дидрахмы, приступив к Петру, говорили: "Учитель ваш не даст ли дидрахмы?", то Он не поступил так же, как в отношении к первым, но принимает во внимание соблазн и говорит: "но чтобы нам не соблазнить их, пойдешь на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя" (Мф. 17:24-27). Видишь ли, как Он и заботился и не заботился о соблазняющихся? Здесь не было неотложной нужды открыть славу Единородного; как (могло быть) это, когда Он еще старался прикрывать ее и заповедал не говорить народу, что Он - Христос? От уплаты дидрахмы не было никакого вреда, а от неуплаты ее произошло бы великое зло; ибо тогда стали бы отвращаться от Него, как властолюбца, возмутителя, врага всего государства, и подвергающего других крайним опасностям. Посему и от тех, которые сами хотели взять и сделать Его царем, Он отошел далеко, желая отклонить от этой мысли окружавший Его народ. А там совершалось необходимое дело; посему Он с пользою и благовременно ради большего блага не обратил внимания на соблазн. Тогда уже благовременно было - стремившихся восходить к высочайшему любомудрию не останавливать из угождения иудеям, но направлять к душевной чистоте, так как время призывало к этому, не задерживать соблюдением заповедей касательно тела, но освободить от этой неважной заботы. Так и Павел иногда не обращает внимания на соблазняющихся, а иногда обращает, следуя Учителю, и говорит: "так, как и Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих,

чтобы они спаслись" (1 Кор. 10:33). Если же Павел презирал собственную пользу, чтобы оказать пользу другим, то какого не будем достойны наказания мы, не желая даже отстать от вредного нам самим для доставления пользы другим, но охотно погубляя вместе с собою и других, тогда как можно было бы спасти и себя и других? Посему он, когда видел великую пользу, превышающую вред от соблазна, то не обращал внимания на соблазняющихся; а когда не было никакой пользы, но мог произойти один только соблазн, то решался делать, и терпеть все, чтобы не произошел этот соблазн. Не рассуждал он так, как мы, и не говорил: почему они немощны, почему безрассудно впадают в соблазн? - но по тому самому особенно и щадил их, что они безрассудно впадают в соблазн, что они - немощные.

4. Какую, скажи мне, основательную причину может представить соблазняющийся тем, кто ест мясо и пьет вино, тогда как это издревле дозволено законом Божиим? И однако, когда кто-нибудь соблазнялся этим, то Павел воздерживался и от этого: "не буду есть мяса" и пить вина, говорил он, "чтобы не соблазнить брата моего" (1 Кор. 8:13). Он не говорил того, что говорим мы: разве я буду виновен в неразумии других? - и: если кому угодно соблазняться напрасно, то разве я должен терпеть наказание? Между тем, если бы он и сказал это, то сказал бы с большею справедливостью, нежели мы; ибо соблазняющийся этим весьма безрассуден и безумен; а соблазняющийся тем мог бы представить много справедливых и основательных причин; однако Павел, который мог сказать это справедливее нас, не сказал, но взирал только на одно, на спасение ближнего. И посмотри на его превосходство; он не сказал: однажды, или дважды, или столько-то и столько времени, но: "во век", говорит, "не буду есть", если другой соблазняется. А чтобы ты не подумал, что он ограничивался этим, он прибавил и еще нечто больше того; сказав: "лучше не есть мяса, не пить вина", он прибавил: "отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает" (Римл. 14:21). И еще посмотри на мудрость учителя: оставив немощного, он прежде того исправляет сильного; потому что последний бывает причиною немощи первого, имея возможность исцелить болезнь и, не делая этого. Но что я говорю о немощных братьях? Даже об иудеях и язычниках он заповедует иметь такую же заботливость; "не подавайте", говорит, "соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни Церкви Божией" (1 Кор. 10:32). Итак, чем сильнейшим ты считаешь себя и нисколько не испытывающим вреда от такого сожительства, тем более ты делаешь себя обязанным расторгнуть эту связь. Чем ты сильнее, тем справедливее было бы тебе поддержать слабейшего. Итак, если сам ты слаб, то перестань делать это для себя самого; а если ты очень силен, то - для слабого; ибо сильному должно быть сильным не только для себя, но и для других. Если же ты, считая себя сильным, презираешь немощь другого, то ты подвергнешься двойному наказанию, и за то, что ты не предохранил его, и за то, что для предохранения его имел великую силу; ибо каждый из нас ответствен за спасение ближнего. Посему нам и заповедаю "не ищи своего, но каждый пользы другого" (1 Кор. 10:24), потому что мы "куплены ценою" (1 Кор. VI, 20); а Искупивший нас заповедал это для общей нам пользы. Эта польза бывает не тогда, когда мы спасаем только собственные члены, но когда поставляем и других в большую безопасность. Итак, сколько бы ты ни рассуждал, но самыми делами обличаешься, что получаешь немаловажный вред от такого сожительства. Когда я вижу, что ты не отстаешь от этого, пренебрегаешь множеством претерпеваемого вреда и не обращаешь внимания на многих осуждающих тебя, но и собственную славу попираешь ногами, и общество церковное подвергаешь великой укоризне, и уста неверных отверзаешь, и на всех навлекаешь дурную молву, - столько вообще от такого сожительства зол, а блага для вас никакого, от разлуки же прекратилось бы все это зло и было бы приобретено много других благ, и однако, ты не хочешь разлучиться! - то как я буду в состоянии убедить осуждающих, что ты свободен от всякого пристрастия и чист от порочного пожелания? Впрочем, не буду спорить об этом; даже допустим, что ты остаешься чистым и при сожительстве; однако и блаженный Иов не осмеливался приписать себе такого могущества и любомудрия, но и он, отличившийся

всякими добродетелями, избавлявшийся от всех сетей дьявола, первый и один только оказавший такое терпение, превзошедший всякое железо и адаманта твердостью души своей, и низложивший силу дьявола, так боялся той борьбы и считал столь невозможным живущему вместе с девицею оставаться неврежденным и чистым, что держал себя весьма далеко не только от такого сожительства, но и от простого и случайного лицезрения, и "завет положил" очам своим, чтобы не смотреть "на девицу"; ибо он знал, хорошо знал, что не только живущему вместе, но и пристально взирающему на лице девицы трудно, а может быть и невозможно - избежать проистекающего отсюда вреда; посему и говорил: "чтобы не помышлять мне о девице" (Иов. 31:1).

5. Если же Иов кажется тебе малым для твоего соревнования, хотя мы недостойны и гноища его, если ты считаешь этот пример ниже величия души своей, то представь велегласнейшего проповедника истины - Павла, который прошел всю вселенную и мог сказать такие, исполненные великой мудрости слова: "и уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2:20), и: "для меня мир распят, и я для мира" (Гал. 6:14), и: "каждый день умираю" (1 Кор. 15:31), и однако, после такой благодати Духа и совершения таких подвигов, после невыразимых опасностей и по достижении любомудрия, для внушения нам и объяснения, что, доколе мы дышим и облечены этой плотью, нам нужны подвиги и труды, и что без трудов никогда нельзя сохранить целомудрие, но для этой победы нужно нам много старания и усилий, говорил так: "но усмиряю и поработаю тело мое, дабы проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1 Кор. 9:27). В этих словах он указывает на возмущение плоти и раздражение похоти, на постоянную борьбу и подвижническую жизнь свою. Посему и Христос, объясняя трудность этого дела, не просто запрещал взирать на лица женщин, но и угрожал наказывать взирающих наказанием прелюбодеев. Когда же Петр сказал: "лучше не жениться", то Он не заповедал не жениться, но, выражая тяжесть этого дела, сказал: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:10-12). И в наше время мы слышим, что многие, обложившие все тело свое железом и одевшиеся во вретиче и ушедшие на вершины гор, и постоянно живущие в посте и всенощных и неусыпных бдениях, и оказывающие всякую строгость в жизни, и не позволяющие никому из женщин входить в свои хижины и пещеры, и таким образом соблюдающие самих себя, едва преодолевают неистовство похоти. А ты говоришь, что, когда видишь живущего вместе с девственницею и привязанного к ней, и забавляющегося с нею, и готового скорее отдать свою душу, нежели сожительницу, и потерпеть и сделать все, нежели разлучиться с возлюбленною, ты не веришь ничему дурному и считаешь это не делом похоти, а благоговения. Но, удивительный человек, такое состояние свойственно не существам, облеченным телами, а имеющим жизнь одинаковую с камнями. Ты не веришь, может быть, по своему великому целомудрию; а я слышал от некоторых рассказывавших, что многие чувствовали некоторую страсть и к изваяниям и камням. Если же иногда грубое изваяние и одно изображение имеет такую силу, то когда вместе с изображением будет предстоять и нежное тело, какого не произведет оно неистовства? Как же не думать, что осуждающие говорят справедливее, нежели вы, защищающиеся? Что правдоподобнее, скажи мне: чувствует ли мужчина похоть к женщине, или не чувствует? Конечно, чувствует, скажем мы. Еще: когда множество основательных причин побуждает разлучиться, а он не исполняет этого, но подвергает себя не чему-либо добродетельному, а бесчисленным укоризнам и неприятностям от своих и чужих, то что вероятнее, с добрым ли намерением он терпит это, или с дурным? Конечно, скорее с дурным, скажет всякий. Впрочем, не будем спорить об этом, но допустим, что соблазняющиеся соблазняются неосновательно и несправедливо, а тщетно и напрасно; для чего, скажи мне, ты живешь вместе с девственницею? Конечно, такое сожительство вошло в обычай не почему-либо иному, как по любви и пристрастию: отними это, и прекратится потребность такого дела; ибо какой мужчина без этой потребности решился

бы переносить женскую изнеженность и обидчивость, и другие недостатки этого пола? Посему и Бог в начале вооружил женщину этою особою силою, зная, что она подверглась бы великому презрению, не оказывая такого влияния, и что никто, оставаясь чистым от похоти, не решился бы жить вместе с нею. Если и теперь, при такой потребности и многих других пользах (ибо они и рожают детей, и берегут дом, и оказывают много других важнейших услуг), если и теперь они, оказывая столько и таких услуг мужчинам, часто бывают презираемы и изгоняемы из дома, то как они могли бы для нас быть вожделенными без похоти, притом подвергая нас столь многим укорицам? Итак, или скажите причину сожительства, или необходимо - подозревать не иную какую-нибудь, а именно порочную похоть и предосудительное удовольствие.

б. А что, если мы в состоянии будем, скажете вы, представить основательную и справедливую причину, тогда не окажется ли, что ты напрасно сказал это о нас? Без сомнения, вы не представите ни одной такой; впрочем, я желал бы узнать, не можете ли вы представить хотя некоторую тень основательной причины. Эта девственница, говорите вы, беззащитна, не имеет ни мужа, ни попечителя, часто даже ни отца, ни брата, и нуждается в том, кто бы оказывал ей помощь, утешал ее в одиночестве, везде защищал и поставлял в совершенной безопасности и в пристани. В какой безопасности и в какой пристани? Я вижу здесь подводный камень не укрощающий, а воздымающий волны, и пристань не утишающую бури, но производящую и не существовавшие треволения. Как же вы не стыдитесь, не закрываетесь, представляя такое оправдание? Если бы даже не происходило от этой услужливости никакого ни осуждения, ни вреда, ни соблазна, но можно было делать это без дурной молвы, и тогда не были ли бы вы жалки, умножая ее богатство, упражняя ее в любостыжании, вовлекая ее в разные дела, и располагая ее к мирским заботам, исправляя для нее должность экономов, опекунов и каких-то торговцев? Очень жалки, потому что вы не будете в состоянии беседовать о нелюбостыжательности и внушать презрение к имуществу, употребляя все меры к тому, чтобы сохранилось и умножилось имущество и прибывали доходы к доходам, сделавшись для этих женщин как бы приказчиками и поверенными, хотя и бесполезными. Не благородны ваши надежды, когда вы, получившие заповедь нести крест и следовать Христу, отвергнув крест, как изнеженные воины (бросают) щиты, сидите около прялки и корзинки, другим постыднейшим образом начав проводить настоящую жизнь; ибо не так постыдно вступившим в брак заниматься этим, как постыдно вам, когда вы, притворяясь, будто отказались от настоящих благ, под другим именем опять предаетесь тому же. Потому нас повсюду и считают сластолюбцами и тунеядцами, льстецами и женскими угодниками, что мы, отвергнув все благородство, данное нам свыше, меняем его на земное раболепство и унижение. Некогда доблестные мужи (апостолы) не принимали на себя обязанности раздавать деньги вдовицам, хотя тогда был такой ропот из-за неимения никакого распорядителя, но, считая это дело ниже своего любомудрия, поручили его другим; а мы не стыдимся умножать чужое богатство ко вреду владеющих им, оказываясь несколько не лучше евнухов, занимающихся этим, тогда как мы должны каждый день охранять кровь и души (свои) от сильного оружия (врагов). Что же, скажете, неужели не нужно обращать внимание, когда все имущество девственницы расхищается, уносится и увозится родственниками и слугами, чужими и своими? Хорошее же дадим мы девственнице вознаграждение за то, что она не вступила в брак и не возлюбила настоящего мира, но вместо всего избрала Христа, допустив ее преклоняться перед желающими лишить ее имущества! - Но не лучше ли было бы ей вступить в брак и предоставить супругу своему распоряжаться такими делами, нежели, оставаясь безбрачною, попирает обеты, данные Богу, оскорблять столь честное и почтенное дело, увлекать и других в круговорот собственных зол? Как же ты говоришь, что она вместо всего избрала Христа, когда Христос взывает и говорит: "не можете служить Богу и мамоне" (Матф. 6:24)? Как ты (говоришь о том), чтобы возненавидеть мир и настоящие блага, убеждая предаваться мирским пожеланиям? Кого и из замужних ты будешь в

состоянии убеждать к презрению имущества, собирая богатство для девственницы? А ей самой оставишь ли возможность постоянно и непрерывно предстоять пред Господом, употребляя всю жизнь и ревность на дела ее? Когда будет в состоянии девственница любомудрствовать, видя, как ты, мужчина, являешься негодующим, если расхищаются ее деньги? Как она будет терпеливо взирать на потери, видя, что ты и делаешь и терпишь все для того, чтобы умножить для нее настоящее богатство? Не такое освобождение от дел заповедует нам Бог, но соединенное с презрением богатства, с отречением от всего житейского. А вы не допускаете и не позволяете действовать этому закону Божьему. Что же, скажете вы, если она имеет нужду в покровительстве других и терпит много непристойного, неужели такое покровительство недостойно девственницы? Ничто так не недостойно девственницы, как обогащаться и развлекаться множеством дел. А что (скажете), если она станет приказывать что-нибудь другое, например, отдавать золото в рост, и, пригласив нас и не получив нашего согласия, обратится поэтому к другим, - не будем ли мы виновны? Что, если она станет предпринимать какие-нибудь другие рабские и непристойные торговые дела и потом, не получив нашего согласия на содействие, прибегнет к помощи кого-либо другого, не будем ли мы достойны осуждения? Нет, но будете еще достойны похвалы; ибо противоположное было бы достойно осуждения и порицания, т. е. согласие на эти дела и содействие им. Хочешь ли, чтобы деньги ее не были уносимы и расхищаемы? Убеди ее сложить их там, где она не будет нуждаться в мужчине для их охранения и где они останутся навсегда нерастраченными. Если же она захочет заниматься (житейскими) делами, то для чего шутить предметами нешуточными? Подлинно, если девственница станет заниматься такими делами, то это значит играть в игру, приносящую не удовольствие, а смерть. Когда, обрекши себя на такие подвиги, она и после того станет заниматься всем, недостойным такого обета, то ее постигнет большее наказание, тягчайшее мучение. Разве ты не слышал, какой закон постановил для ней Павел, или лучше, говоривший чрез него Христос: "есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом" (1 Кор. 7:33-34)? А вы не допускаете этого, выслушивая все их желания скорее наемных невольников. Так, скажете; но что, если она борется с крайней бедностью? О богатых это хорошо сказано тобою; а поддерживать тех, которые находятся в бедности и великой беспомощности, неужели предосудительно? Если бы вы не приводили и не ввергали их в пропасть гибели, то это было бы и желательно; но, если ты делаешь это из повиновения Повелевшему помогать бедным, то имеешь для этого множество братьев; там прояви эту добрую деятельность, где не будет ничего соблазнительного; а здесь милостыня хуже всякой жестокости и бесчеловечия. Ибо какая польза, когда ты тело будешь питать, а душу изнуришь, когда дашь одежду, а возбудишь подозрение, постыднейшее наготы, когда в телесном доставишь пользу, а во всем духовном причинишь вред, когда, доставив ей благополучие на земле, лишишь ее небес? Какая же милостыня, когда унижается слава Божья, когда бывает бесчестие и посрамление, осмеяние и порицание и самой получающей милостыню, и многих других, соблазняющихся ею? Это - дело не милосердной, а бесчеловечной и жестокой души. Ибо, если бы это было делом милосердия и человеколюбия, то надлежало бы совершать это в отношении к мужчинам.

7. Но женщины, скажете вы, нуждаются в большем покровительстве; мужчины же имеют от природы много удобств. Однако и между мужчинами есть много таких, которые слабее женщин и по преклонной старости, и по болезни, и по убожеству телесному, и по жестоким недугам, и по некоторым другим подобным причинам; но так как вы особенно печетесь о женщинах как слабейшем поле, и весьма милостивы и сострадательны к ним, то теперь мы не оставим без внимания и эту причину, и укажем вам на такие предприятия, которые и свободны от всякого осуждения, и доставят вам большую награду. Есть женщины, одни - ослабевшие от старости, другие - лишившиеся рук, иные - убогие глазами, иные - подвергшиеся другим различным и разнообразным страданиям и

тягчайшему из страданий - бедности; ибо бедность и совершенная скудость усиливает у них болезни телесные; а с другой стороны, и самая бедность делается от них более тяжелою и более несносною. Выходи же на уловление этих (бедных) и собирай их; или лучше, тебе не нужно и трудиться над собиранием их; они предстоят в готовности пред всеми, желающими простирать руку помощи. Если ты имеешь деньги, издерживай на них; если ты силен, здесь подавай помощь силами телесными; много и здесь ты увидишь нужд, требующих и телесной помощи, и траты денег и хлопот; ибо нужно и жилища доставить им, и лекарства приготовить, и постель и одежды купить, и годную пищу и все прочее приобрести, хотя бы таких больных было только десять женщин; а теперь наш город наполнен ими и найдешь их тысячу и вдвое больше того. Вот нуждающиеся в покровительстве, вот - одинокие, а вот - поверженные на землю; вот это - милостыня, это - человеколюбие, это - служит к славе Божьей и доставляет пользу и взирающим, и страдающим, и благодетельствующим. Подлинно справедливее было бы оказывать помощь более слабым, нежели сильным, престарелым, нежели молодым, не имеющим необходимого пропитания, нежели имеющим достаточное состояние, ненавидимым многими по причине несносных страданий, нежели любимым многими, имеющим возможность отогнать и нанесенное огорчение и доставить добрую славу, нежели причиняющим огорчения. Покажи же, что ты делаешь это для Бога, и позаботься об этих людях. Но если ты не хочешь таких даже видеть во сне, а красивых и молодых везде отыскиваешь и, руководясь одною непростительною причиною этой непристойной ловитвы, представляешь другую, кажущуюся благопристойною, т. е., покровительство, то, хотя бы ты обманул людей, не обманешь неподкупного судилища, делая это по одной причине, а представляя другую. Вы говорите, что делается все для Бога, а делаете то, что свойственно врагам Божьим; ибо делать то, чрез что имя Его злословится и хулится, свойственно врагам Божьим. Впрочем, я сделаю и другое соображение. Положим, что говорящий это говорит правду и что он чист от всякой похоти и принимает на себя такое покровительство не по чему-либо иному, а по одному только благочестию; но и при этом мы найдем, что он не избавится от наказания. Если бы не было других случаев, в которых следовало бы показать и свое благочестие и сделать это без соблазна для душ других, и тогда не надлежало бы делать то, от чего бывает больше вреда, нежели пользы. Разве безразличное дело, скажи мне, покровительствуя одной или двум девственницам в нуждах телесных, соблазнять бесчисленное множество душ? Впрочем, это еще не столь тяжкая вина; но когда ты можешь найти бесчисленное множество путей, чуждых нарекания и свободных от соблазнов и представляющих больше пользы, то для чего ты сам себя запутываешь в эти дела тщетно и напрасно, и теряешь пользу и действуешь с опасностью и бесчестием, тогда как можно - с безопасностью и великой славой? Разве ты не знаешь, что жизнь христианина повсюду должна сиять светло, и кто посрамил свою честь, тот уже во всем будет бесполезен и себе не может приобрести ни в чем великой пользы, хотя бы он иногда и совершал великие дела? "если же соль потеряет силу", говорит Господь, "то чем сделаешь ее соленою?" (Матф. 5:13)? Бог желает, чтобы мы были солью, светом и закваскою, так чтобы и другие могли получать от нас пользу. Если люди, живущие безукоризненно, едва могут вразумлять беспечных, то, если мы будем подавать им повод (ко греху), не будем ли мы во всех отношениях виноваты в их гибели? Подлинно, как живущему развратно никогда невозможно спастись, так и навлекшему на себя дурную славу невозможно избежать наказания. Даже, - если можно сказать нечто дивное, - кто совершит великие грехи, но сделает это незаметно и никого не соблазнит, тот подвергнется меньшему наказанию, нежели согрешивший легче, но с дерзостью и с соблазном для многих.

8. Чтобы ты не удивлялся сказанному и не считал этого слова преувеличением, мы приведем тебе такое же изречение с неба и представим такой же закон оттуда. Так, блаженному Моисею, кротчайшему из всех людей на земле, другу Божию и большому из пророков (ибо с другими Бог беседовал в притчах, а с ним, как друг с другом), такому и

столь великому мужу, терпевшему бесчисленные бедствия в пустыне столько лет, часто подвергавшемуся крайним опасностям и от египтян за иудеев, и от иудеев по их неблагодарности, не другое что-либо воспрепятствовало после тех многих бедствий и бесчисленных подвигов получить обетованное, как соблазн, произведенный им на бывших вместе с ним при изведении воды. Это давая разуметь, Бог говорил: "за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы народа сего в землю, которую Я даю ему" (Числ. 20:12). Хотя он и прежде того оказывал некоторое непослушание (ибо он однажды и дважды противоречил Богу, быв посылаем в Египет, и после этого в пустыне оказал неверие, когда говорил: "шестьсот тысяч пеших в народе сем, а Ты говоришь: "Я дам им мяса, и будут есть целый месяц!": заколоть ли всех овец и волов, чтобы им было довольно? или вся рыба морская соберется, чтобы удовлетворить их?" (Числ. 11:21, 22), и после того опять противился и отказывался от управления народом, однако ничто из всего этого не могло лишить его предстоявших наград, а только один случай при изведении воды; потому что этот поступок, хотя по существу своему был маловажнее тех, но по вреду для других был гораздо важнее их. Те происходили наедине и тайно, а этот грех был совершен явно и при всем народе. Посему и Бог, обличая, выразил это в словах: "за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых", раскрывая сущность этого греха его и объясняя, почему он был непростительным. Если же это подвергло падению такого мужа, то нас, червей и существ ничтожных, как не низвергнет это и не погубит? Ничто так не оскорбляет Бога, как то, когда хулятся имя Его. И иудеев Он за это непрестанно обличал: "ибо какое бы было нареkanie на имя Мое" (Ис. 48:11); и еще: "а вы хулите Его" (Малах. 1:12); и еще: "всякий день имя Мое бесславится" (Ис. 50:5); и таково было Его попечение, чтобы этого не было, что Он часто спасал и недостойных, чтобы того не случилось. "Я поступил ради имени Моего", говорит Он, "чтобы оно не хулилось перед народами" и еще: "не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего" (Иез. 20:9; 36:22). И Павел желал быть отлученным (от Христа) для славы Божьей, и сам Моисей просил изгладить его из книги для славы имени Божьего; а вы не только не хотите ничего потерпеть, чтобы отстранить богохульство, но делаете все, чем еще умножаете его и увеличиваете каждый день. Кто же оправдает вас? Кто простит вас? Никто. А такое попечение Бога и святых о том, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Бог имел нужду в прославлении от нас (ибо Он вседозволен и совершен), но потому, что от такой хулы происходит великий вред для людей. Когда пред ними хулятся имя Божье и слава Его, то оно уже не приносит им никакой пользы; если же Бог хулимый не доставляет им никакой пользы, то гораздо более - мы.

9. Итак, будем всячески стараться, чтобы не подавать никакого повода к соблазну; но, если станут порицать нас несправедливо, будем убеждениями опровергать обвинения, и подражать святым, которые оказывали такую ревность о славе Божьей, что презирали собственную славу для Божьей. Не будем думать, безрассудно оставив и презрев все, будто для оправдания нашего достаточно, если мы скажем, что мы купили для девственников одежду и обувь и хорошо устроили все прочее, относящееся к телесному ее спокойствию. А кто, скажете, будет заниматься нашими домашними делами, кто будет смотреть за имуществом, кто будет распоряжаться, когда мы находимся вне дома, а жены в нем нет? Ибо и это говорят, хотя вопреки прежнему и более постыдно, не заботятся ни о чем и не стыдятся, говоря все без разбора, подобно пьяным. Посему и мы не станем тяготиться, - хотя слова их таковы, что не заслуживают никакого ответа, - не станем тяготиться ответом, и кротко будем говорить с ними, пока не избавим их от этого опьянения, сколько возможно для нас. Я стыжусь и краснею, начиная опровергать те возражения, которые они не стыдятся говорить; однако, надобно перенести этот стыд для пользы не стыдящихся; ибо нелепо было бы, осуждая их за презрение к соблазняющимся братьям, самим нам по стыду оставлять без внимания их исцеление. О каких, скажи мне, говорится домашних делах, для наблюдения за которыми считаются необходимыми

услуги девственницы? Разве есть у тебя множество иноземных и недавно купленных рабынь, которых нужно руководить и приучать к пряже и к другим работам? Или есть у тебя хранилища множества денег и драгоценных одежд и нужно, чтобы в доме постоянно сидел сторож, и глаза девственницы берегли их от злонамеренных слуг? Или часто даются обеды и пиршества, и нужно, чтобы дом был украшаем, а повара и служащие при трапезе находились под надзором девственницы? Или бывают разнообразные и непрестанные издержки, и нужно кому-нибудь постоянно наблюдать, чтобы одно тщательно сохранялось, а другое не исчезало из дома напрасно? Ничего такого не говорится, но только то, чтобы для себя она наблюдала за шкатулкою, одеждою и прочим скудным имуществом, чтобы накрывала на стол, постилала постель, зажигала огонь, омывала ноги и доставляла всякие другие удобства. И за такие малые и незначительные удобства мы будем переносить бесчестие, будем подвергаться таким укоризнам? Не гораздо ли лучше и легче исполнил бы эту службу брат? Мужчина от природы сильнее женщины, и в нуждах удобнее для нас, и не столько требует издержек. Женщина, принадлежа к более нежному полу, имеет нужду в более мягкой постели и в более тонкой одежде, и, может быть, также в служанке для нее самой, и не столько услуг доставляет нам, сколько сама требует от нас; а брат свободен от всего этого; если же и будет нуждаться в чем-нибудь, то будет нуждаться в одном и том же с нами; а это не маловажное удобство, когда живущие вместе пользуются не различными вещами, но одними и теми же, чего при девственнице не может быть. Так, во-первых, когда нужно мыться или случится телесная болезнь, тогда ни брат не может служить ей при этом, если не будет весьма бесстыден, ни сама она не позволит помогать себе; если же братья будут жить вместе, то они могут взаимно оказывать друг другу эти услуги. Также, когда нужно спать, то если девственница находится в доме, нужно иметь два ложа, две постели и два одеяла, и даже, если они благоразумны, две комнаты; а при братьях эти нужды уменьшаются, как одинаковые для них, ибо и комната одна, и изголовье одно, и ложе одно, и одеяла одни и те же достаточны будут для обоих; и вообще, если разобрать все потребности, то здесь найдешь великое удобство, а там - неудобство. Я не распространяюсь о непристойностях в доме, когда, например, вошедший в дом одинокого мужчины может увидеть развешенными женские башмаки и пояса, и головные повязки, и корзиночки, и прялку, и веретено, и гребни, и подножку, и многое другое, чего нельзя исчислить порознь. Если же при этом представишь богатую девственницу, то будет еще больше смеха. Во-первых, сожитель обращается среди толпы служанок, как подпевающий пляшущим распорядитель оркестра в хоре женщин; а что может быть постыднее и бесчестнее этого? Затем он терзается целый день, гневаясь на слуг за вещи, принадлежащие этой женщине; ибо он или должен молчать и, не обращая ни на что внимания, получать от нее выговоры, или, разговаривая и бранясь, позорить себя. И посмотри, что происходит. Тот, кому заповедано даже не приближаться к житейским делам, вмешивается не только в житейские, но и в женские дела; он, конечно, не откажется и женские принадлежности относить, и часто будет наведываться у серебряных дел мастеров, спрашивая, готово ли зеркало госпожи, сделали ли они фляжку, возвратили ли склянку; ибо все дошло до такого развращения, что многие из девственниц больше мирских занимаются этими принадлежностями. Оттуда опять он бежит к мироварителю поговорить об ароматах госпожи, а часто из излишнего усердия при этом не преминет и обидеть бедного; ибо девственницы употребляют и ароматы различные и драгоценные. Потом от мироварителя он идет к продавцу полотен, а от него еще к делателю навесов; ибо они не стыдятся поручать и эти мелочи, видя, что мужчины вполне слушаются их и бывают благодарны им за приказания более, нежели другим за услуги. Затем опять, если нужно приготовить что-нибудь для переносного навеса, они без обеда дожидаются до самого вечера, оставаясь в мастерских. И не только этим странным они занимаются, но бывают обременительны и для несчастных слуг, и много причиняют им оскорблений с негодованием и криком. Представь же, сколько бывает отсюда нареканий; потому что слуга оскорбленный, и особенно за такие вещи, не находя никакого другого способа отомстить оскорбившему,

делает это языком и тайным порицанием, не щадя никого, кто может подпасть его гневу, но предается этому мщению с такой крайностью, какая именно свойственна слуге, так оскорбленному и находящему в том единственное утешение в своей злобе на оскорбившего. Но живущий вместе с бедной, скажете, не станет обращаться к серебряных дел мастерам (ибо не позволит бедность), не будет ходить к продавцам ароматов. Однако он часто будет посещать башмачников, ткачей, портных и красильщиков. И нужно ли излагать все безобразия, например, когда такие люди входят в дома для покупки прялки и пряжи, когда ходят по площади, отыскивая того же самого? Это бывает в домах; а на площадях они подвергаются еще большему осмеянию.

10. А какой бывает срам в церкви, этого и сказать невозможно. Как будто для того, чтобы никакое место не оставалось незнающим их бесчестия и рабской услужливости, они и в этом святом и страшном месте обнаруживают все свое невоздержание; и, что всего прискорбнее, они еще восхищаются тем, чего следовало бы стыдиться. Встречая своих девственниц у дверей и заменяя для них евнухов, они расталкивают других и, шествуя впереди, величаются перед глазами всех и не стыдятся, но еще хвалятся этим; и в самое время приношения страшных тайн они из угодливости оказывают им много услуг, подавая многим видящим повод к соблазну. А те, бедные и несчастные, вместо того, чтобы удерживать их от такой угодливости, еще услаждаются и величаются этим. Подлинно, если бы кто захотел произнести против этих женщин или их угодников обвинение, то мог ли бы найти тягчайшее того, что они обнаруживают свое невоздержание перед множеством свидетелей и поступают непристойно перед глазами всех? Нужно ли говорить о том, сколько в самых церквях происходит беспорядков из угождения этим женщинам, сколько дел Божьих пренебрегается многими, чтобы они не оскорбились? И что я говорю: не оскорбились? Если кто-нибудь только посмотрит на них угрюмо и неприятно, то (их угодники) скорее готовы перенести все, нежели допустить их терпеть это. Впрочем, доколе и мы будем заниматься непристойным, рассказывая все дела их? Не это мы предположили себе; и нужно было бы нам много и долго говорить, чтобы рассказать все; или лучше, рассказать все невозможно, хотя бы мы и хотели; но, избрав немного из многого, мы и так уже достаточно распространили речь. Мы стремились не к этому, но и об этом упомянули невольно, чтобы, хотя немного удержать тех из слушателей, которые имеют ум; а теперь нужно предложить увещание и молитву. Итак, прошу и увещаю и припадаю к коленам вашим, и всячески умоляю: убедитесь, отстанем от этого опьянения, будем владеть сами собой и сознать честь, какую Бог даровал нам, и послушаем Павла, который взывает: "не делайтесь рабами человек" (1 Кор. 7:23), и перестанем раболепствовать женщинам к общей для всех нас гибели. Христос желает, чтобы мы были доблестными воинами и подвижниками. Он вооружил нас духовным оружием не для того, чтобы мы услуживали недостойным девам, чтобы обращались около пряжи, ткани и подобных рукоделий, чтобы сидели близ прядущих и ткущих женщин, чтобы проводили весь день, внедряя в свою душу женские нравы и речи, но чтобы мы отражали враждебные нам невидимые силы, чтобы поражали предводителя их дьявола, чтобы прогоняли свирепые полки демонов, чтобы разрушали их укрепления, чтобы, связав "мироправителей тьмы" (Ефес. 6:12), отводили их в плен, чтобы обращали в бегство духовные силы зла, чтобы дышали (против них) огнем, чтобы были готовы и приготовлены на ежедневную смерть. Для этого Он облек нас в "броню праведности", для этого опоясал нас поясом "истины", для этого возложил на нас "шлем спасения", для этого обул ноги наши "в готовность благовествовать мир" и вручил нам "меч духовный", для этого воспламенил огонь в душах наших (Ефес. 6:14-17). Итак, скажи мне: если бы ты увидел, что кто-нибудь из воинов, одевшись в шлем, поножи, броню, взяв меч, копье, щит, лук, стрелы, колчан, когда труба уже громко трубит и вызывает всех вперед и, когда враги дышат сильной яростью и готовы разрушить город до основания, бежит не вперед к воинскому строю, а уходит домой и садится с этим оружием около женщины, то не пронзил ли бы ты его мечем, если бы можно было, не говоря с ним ни слова? Если же ты

исполнился бы такого гнева, то какими, думаешь ты, оказываются перед Богом дела, гораздо непристойнейшие этих? Ибо те дела столько постыднее и непристойнее этих, сколько наша война тяжелее, и враги сильнее, и награды за войну больше, и вообще все столько отличнее, сколько истина отличается от тени. Не будем же расслаблять свою крепость и разрушать свои силы такими беседами; ибо отсюда происходит невыразимое и великое зло для душ наших. А что (сказать), если мы даже не чувствуем этого, опьяняемые пристрастием? Это ужаснее всего, что мы даже и не сознаем, как мы расслабеваем и делаемся мягче всякого воска. Как тот, кто, поймав льва, взирающего гордо и грозно, отрежет у него гриву, вырвет зубы и острижет ногти, делает презренным, смешным и даже для детей преодолимым того, кто был страшен и непреодолим и потрясал все одним рычанием; так точно и эти женщины всех, кого привлекут к себе, делают удоболовимыми для дьявола, изнеженными, раздражительными, безрассудными, гневливыми, дерзкими, непристойными, низкими, неблагородными, бесчеловечными, раболепными, подлыми, наглыми, болтливými, и вообще все женские дурные нравы передают и внедряют в их души.

11. Невозможно, чтобы живущий с женщинами так пристрастно и занимающийся беседами с ними не был каким-нибудь сплетником и болтуном и легкомысленным. Станет ли он говорить о чем-нибудь, он говорит все о пряжах и тканях, так как язык его заражен свойством женских речей; станет ли делать что-нибудь, делает с великим раболепством, так как он далеко уклонился от свойственной христианам свободы и сделался неспособным ни к какому великому делу. Если же такой человек неспособен к житейским и гражданским делам, то гораздо более - к великим духовным, которые требуют столь доблестных мужей, что намеревающиеся приступить к ним не могут и касаться их, если не сделались из людей ангелами. И не только сами они впадают в такое зло, но и для сожительниц своих служат причиной развращения нравов. Как сами старающиеся угождать девственницам не занимаются надлежащею деятельностью: так и те из-за них уклоняются от своего надлежащего пути, воздавая им это злое и пагубное возмездие. Они и тщательнее украшают себя, и много заботятся об изящной одежде и походке, и весь день болтают о пустых предметах; ибо, видя, что (сожители их) услаждаются этими непристойными нравами и речами, они стараются делать все, чем можно было бы удержать их пленниками. Но если мы, немного воздержавшись, обуздаем самих себя, то принесем пользу и им, и себе самим, и всем другим; и как теперь мы делаемся виновными в гибели многих, так тогда получим награду за спасение всех, и чем теперь пользуемся постыдным образом, тем тогда будем пользоваться с великой честью. Для чего, скажи мне, ты хочешь быть почитаемым от женщин? Весьма недостойно духовного мужа желание такой чести; между тем и она будет достигнута тогда, когда мы не станем искать ее. Обыкновенно человек презирает угождающих ему, а уважает тех, которые не льстят ему; такое настроение особенно свойственно женскому полу. Женщина бывает недовольна, когда льстят ей, больше всех уважает тех, которые не хотят преклоняться и покоряться неуместным ее желаниям: в этом вы можете быть мне свидетелями. Теперь не только посторонние, но и сами сожительницы смеются над вами, если не явно, то в своей совести, и хвалятся этою жестокою властью (над вами); а тогда они будут уважать всех вас и удивляться вашей свободе. Если же не верите словам нашим, то спросите их самих, кого они больше хвалят и одобряют: раболепствующих им, или господствующих над ними, покоряющихся и все делающих и терпящих из угождения им, или не допускающих ничего такого, но стыдящихся повиноваться дурным их приказаниям? - и, если они захотят сказать правду, то, конечно, скажут, что - последних; или лучше, здесь не нужно и ответа, когда дела говорят это. Но, скажете, сожительствующий для удовольствия переносит все это, услаждаясь лицезнением девственниц. Даже если бы и было так, по этому самому и следовало бы ему удаляться; вам теперь достаточно доказано, что не в этом удовольствие, а в противном, в том, чтобы не наслаждаться таким лицезнением; присоедини еще и утешение совести: обыкновенно

ничто так не утешает нас, как добрая совесть и благие надежды. Но ты ищешь в этом спокойствия? Однако доказано, что и оно легче достигается, когда будет жить вместе с тобою брат. Теперь ты нисколько не отличаешься от раба и, ища спокойствия, находишь жесточайшее рабство; а тогда ты станешь вне этого рабства и будешь в числе повелевающих, а не покоряющихся. Итак, если там бывает вместо удовольствия скорбь, вместо славы стыд, вместо свободы рабство, вместо спокойствия труд, и кроме того оскорбление Бога, погибель, соблазны, вечное наказание и лишение бесчисленных благ; здесь же - все противоположное, слава, честь, удовольствие, дерзновение, свобода, спасение душ, наследие царства и избавление от наказания, то почему нам не предпочесть последнее первому? Я не знаю, если только кто не желает решительно погубить сам себя; потому что после уже не будет нам ни оправдания, ни прощения. Если и без всего этого нам следовало бы переносить все для славы Божьей, то, когда можно получить и здешние блага и сподобиться будущих благ, а мы, подавая повод к богохульству, вместе с тем губим и самих себя, кто спасет и избавит нас от назначенного за это наказания? Никто.

12. Итак, представляя себе все это, обратимся хотя теперь, наконец, к спасению душ наших. Если же отстать от долговременной привычки кажется несколько трудным, то предоставим все дело силе рассудка вместе с благодатью Божьей, и, убедившись, что, если мы положим только начало делу, то не увидим потом никакой трудности, таким образом, и восстанем против этой привычки. Ибо, если ты воздержишься десять дней, то потом легче перенесешь двадцать дней, а затем вдвое столько, потом, простираясь вперед, ты, наконец, не будешь и чувствовать трудности, бывшей в начале, но весьма трудное дело найдешь весьма легким и приобретешь себе другую привычку, и признаешь такую перемену удобною не только по (новой) привычке, но и по благим надеждам. Тогда и девственницы будут больше уважать тебя, и Бог еще прежде них одобрит, и все люди прославят, и ты будешь жить жизнью, исполненной великой свободы и великого удовольствия; ибо что может быть приятнее, как освободиться от угрызений совести, прекратить постоянную борьбу с похотью, с великой легкостью сплести прекрасный венец целомудрия, свободными очами взирать на небо и чистым голосом и сердцем призывать Владыку всех? Ни один узник, освободившись от уз, смрада и прочих бедствий темницы, или лучше, ни один слепой, прозрев и увидев этот приятный свет, не радуется, не веселится и не восхищается столько, сколько тот, кто мог освободиться от этого рабства. Подлинно, гораздо приятнее света освобождение от этого подчинения и несноснее всякого мрака страдание от этого рабства и этих уз. Впрочем, для чего распространяться о свойствах той и другой жизни, из которых одна исполнена унижения, скорби, вреда и великого расслабления, а другая - свободы, удовольствия, пользы и великого целомудрия? Никакое слово не может изобразить их, а (может показать) одно только испытание на деле. Тогда вы хорошо узнаете, от каких вы избавились зол, какую приобрели жизнь, когда захотите убедиться в словах наших на деле; тогда и убедитесь, когда проверите сказанное самими делами. Если же вы еще не довольствуетесь этим и не верите словам нашим, то спросите тех, которые некогда находились в этом рабстве, но потом вдруг избавились и достигли прекрасной свободы, и тогда вы узнаете пользу этого увещания. Так и Соломон, когда пристрастился к житейским вещам, считал их великими и дивными и весьма заботился о них, созидавая великолепные дома, приобретая бесчисленное множество золота, собирая отовсюду сонмы музыкантов и разнообразные толпы поваров и служащих при трапезе, обильно доставляя своей страсти приятность от дубрав и удовольствие от красивых тел, и пролагая себе, так сказать, все пути к веселью и наслаждению; но когда он немного воспрянул от этого и, как бы из какой-нибудь мрачной пропасти, воззрел на свет любомудрия, тогда произнес это высокое и достойное небес изречение: "суета сует - все суета" (Еккл. 1:2). Такой и еще высший приговор об этом непристойном удовольствии произнесете и вы, если захотите, когда немного отстанете от дурной привычки. Притом Соломон, живший в древние времена, и не был обязан к

весьма строгому любомудрию; ибо древний закон не запрещал роскошествовать и наслаждение прочими удовольствиями не называл излишним и тщетным; однако, и при всем этом он увидел их бесполезность и познал великую их суетность. А мы призваны к лучшему образу жизни, стремимся к высшему совершенству и обрекли себя на важнейшие подвиги; ибо, что иное заповедало нам, как не то, чтобы жить подобно горным силам, духовным и бестелесным? Посему, не стыдно ли и не достойно ли великого наказания - оказываться гораздо хуже его и не только не возвышаться над дозволенными (удовольствиями), как он, но и предаваться запрещенным и навлекающим на нас невыносимое мучение? Подлинно, питать в душе порочную любовь, с вожделием смотреть на женщину, любоваться чужою красотой, срамить себя самого, а более немощным вредить и подавать много поводов (к укоризне) язычникам и иудеям, соблазнять своих и чужих, содействовать великому унижению славы Божьей и принимать на себя раболепное служение, вмешиваться в суету житейских дел, дарованную нам свободу предавать дьяволу и вместо нее подвергаться тягчайшему подчинению, делаться предметом смеха для друзей и предметом порицания для врагов, навлекать дурную молву на общество церковное, посрамлять почтенное достоинство девства, доставлять множество предлогов склонным к распутству и причинять еще больше этого других зол (ибо невозможно усмотреть и изобразить словом все, чему подвергаются такие люди на самом деле), - это принадлежит к числу дел, строго запрещенных и навлекающих невыносимое наказание. Таким образом, если в том и есть какое-нибудь малое удовольствие, мы, противопоставляя ему все это, осмеяние, стыд, подозрение от многих, осуждение, насмешки, порицания, червь не умирающий, тьму кромешную, огонь неугасающий, скорбь, воздыхание, скрежет зубов, узы неразрешимые, и положив это как бы на чашку весов и сравнив одно с другим, устранимся хотя теперь наконец от такой тягчайшей и губительной заразы, чтобы нам отойти туда с светлыми венцами и получить возможность свободными устами сказать Христу: "для Тебя и Твоей славы мы презрели свою привычку, преодолели удовольствие, привели в сокрушение свою душу и, отвергнув всякое пристрастие и предубеждение, Тебя и любовь к Тебе предпочли всему". Таким образом, мы принесем пользу себе самим, принесем пользу и жалким сожителям, принесем пользу и соблазняющим, станем близ самых мучеников и получим первое место; ибо не ниже подвизавшихся величайшими подвигами и переносивших жестокие мучения ставлю я того человека, который, быв предан давней похоти и привержен к какой-либо приятнейшей и застарелой привычке, потом по страху Божию расторгает эти узы и прибегает к воле Божьей. Подлинно, одно из труднейших дел - отвергнуть пристрастие и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознестись до сводов небесных. Как у мучеников тяжел подвиг, так и у этих бывает продолжительная скорбь. Потому и венцы их одинаковы, что и подвиги их подобны. Если "если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста" (Иер. 15:19), то и освободивший самого себя и избавивший весьма многих других от осуждения, представь, какую получит награду, и, окрыляясь надеждою воздаяний, презри дурную привычку, чтобы тебе, протекши настоящую жизнь согласно с волей Божьей, с чистой совестью увидеть там свою (возлюбленную) и насладиться святейшим собеседованием с ней; ибо по истреблении телесных страстей и угашении губительной похоти там не будет никакого препятствия мужчинам и женщинам быть вместе, когда прекратится всякое порочное воззрение и все, вводимые в царство небесное, будут в состоянии вести жизнь ангелов, этих духовных сил, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

[1] Тантала, упоминаемого в греческом баснословии. См. Одисс. XI, 582-592.

[2] Философ Сократ, по сказанию историка Ксенофонта. См. Достопамятности Сократа, Кн. 1, гл. 3, отд. 9-13.

СЛОВО К ДЕВСТВЕННИЦАМ, ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С МУЖЧИНАМИ.

Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. – Отсутствие девственниц у греков или язычников. – Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. – Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. – Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. – Стремление женщин к тщеславию. – Нравы истинной девственницы.

"Горе мне!" (Мих. 7:1), - благовременно и мне вместе с пророком сказать это теперь, и не однажды, и не дважды, а много раз: "горе мне!", какое погибает дело, какого исполненное любомудрия! Девство оскорблено, отделяющая его от брака завеса уничтожена, быв расторгнута бесстыдными руками, святое святых попрано, почтенное и достоуважаемое сделалось презренным и пренебрегаемым всеми, и звание, столь честнейшее брака, унижено и низложено так, что более ублажаются вступившие в брак. Всегда девство в сравнении с браком имело первенство и все преимущества; ныне же оно не может оставаться и на втором месте, а низведено далеко, даже до последнего места; и, что всего тяжелее, не враги какие-нибудь и недруги, но те самые, которые по-видимому особенно охраняли его, так низвели его, и те самые, которые больше всех доставляли нам возможность смело говорить против неверных, больше всех заградили нам уста и покрыли нас великим стыдом. В отношении к богатству язычники могли бы указать у себя некоторых любомудрых, хотя немногих; также гнев некоторые у них преодолевали; но цвета девства у них никогда не было, и всегда они уступали нам первенство здесь, признавая это дело превышающим природу и нечеловеческим. В этом весьма удивлялись нам все народы, а ныне уже не удивляются, но смеются и издеваются. Потому и диавол так напал на это стадо, что видел, как воинство Христово особенно украшается этим сонмом, и решился так посрамить его, что даже лучше было бы, если бы вовсе не было девственниц, таким образом посвящающих себя девству. Причину же всех зол то, что это дело остается только по названию и все ограничивается только (словами) на устах, в чем состоит малейшая часть девства: а необходимейшее и особенно отличающее его пренебрежено, и нет у них речи ни о благопристойной одежде, ни о спокойствии, приличном девственницам, ни о сокрушении, ни о чем другом подобном; но и говорят они о всем легкомысленно, и смеются неблагоприятно, и тревожатся, и предаются удовольствиям более женщин, услаждающихся в (непотребном) убежище, всячески прельщая взирающих своими ухищрениями, и стараются усвоить себе бесстыдство блудниц, как бы соревнуя с ними и усиливаясь приобрести первенство в дурной о себе молве. Как же, скажи мне, мы будем в состоянии исключить такую девственницу из числа и общества этих женщин, когда она делает то же, что и те, обольщая сердца юношей, когда она так же легкомысленна и невоздержна, когда она производит те же зелья, наполняет те же чаши и приготовляет тот же яд? Правда, она не говорит: "прииди и поваляемся в похоти"[1] (Прит. 7:18) или: "спальню мою надушила смирию, алоем и корицею" (Прит. 7:16), и - о если бы ложе и одр, а не одежды и тело! Те скрывают яд свой дома, а ты везде носишь сеть и, носясь на крыльях наслаждения, ходишь по площади. Хотя ты не говорила и не произносила тех слов блудницы: "прииди и поваляемся в похоти", не произносила языком, но говорила видом, не произносила устами, но говорила походкою, не приглашала голосом, но приглашала яснее голоса глазами. Хотя, пригласив, ты не предала саму себя; но и ты не свободна от греха; ибо и это - особый вид прелюбодеяния; ты осталась чистою от растления, но телесного, а не душевного; и у тебя совершен грех вполне, если и не через совокупление, то через

зрение. Для чего же, скажи мне, ты приглашаешь проходящих? Для чего воспаляешь этот огонь? Как ты думаешь быть чистой от греха, совершив его вполне? Ты сделала совершенным прелюбодеем того, кто прельстился этим твоим видом; как же ты можешь не быть блудницею, когда дело твое оказывается прелюбодеем? Ибо его неистовство есть твое дело; и всякому известно, что делающая других прелюбодееми никогда не может избежать наказания за прелюбодеение. Ты изощрила меч, ты вооружила руку, ты вооруженную руку направила в несчастную душу; как же ты можешь избавиться от наказания за это убийство? Скажи мне: кого мы ненавидим и отвращаемся? Кого называют законодатели и судии? Пьющих ли ядовитые вещества, или вливающих их в чашу и приготавливающих их и своим искусством погубляющих (других)? Пьющих не жалеет ли мы, как потерпевших вред, а тех не осуждаем ли единогласно? И недостаточно для них сказать в свое оправдание: я не причинил вреда самому себе, а погубил другого; но за это самое они и подвергаются более жестокому наказанию. А ты, несчастная и жалкая, приготовив такую гибельную чашу, предложив и подав это зелье, когда тот уже выпил и погиб, думаешь оправдываться тем, что ты не сама выпила, но предложила яд другому? Притом, вы настолько тяжчайшее в сравнении с теми продавцами яда потерпите наказание, насколько и смерть здесь тяжелее. Вы умерщвляете не тело только, но и душу; и те часто делают это или по вражде, или по гневу, или по нужде в деньгах; а вы не можете прибегнуть и к этому предлогу; ибо не с врагами и не с обидевшими вас, и не нуждаясь в деньгах, вы так поступаете, но из одного только тщеславия шутите чужими душами, находя в смерти других собственное наслаждение.

2. Впрочем, я не знаю, как я стал говорить об этом, имея в виду другое; посему надобно возвратиться к тому, с чего я начал. Как будто вышесказанного не довольно для посрамления всего (женского) пола, они выдумали еще нечто больше того. Но пусть никто не думает, что это сказано обо всех; я не так жалок, чтобы все смешивать и сливать. То, что было говорено и что будет сказано затем, относится к виновным. Как будто вышесказанного не довольно было для вреда, они еще, принимая к себе некоторых мужчин, вовсе им незнакомых, поселяют их вместе с собою и живут вместе с ними все время, как бы показывая и через это, и через вышесказанное, что они приняли девство против своей воли, уступив крайнему насилию, почему и утешают себя за это насилие и принуждение. И даже, при случае, не говорят ли о них еще хуже их друзья и родственники? Как могут такие еще жить или дышать, а не расторгаются пополам, или не погребаются живыми вместе с самими сожителями? Так между многим прочим, все говорят и то, будто в дома девственниц каждый день уже приходят и повивальные бабки, как бы к рождающим, если не для того, чтобы ходить за родильницу (а бывало с некоторыми и это), то для того, чтобы разведать, как бы о продаваемых служанках, которая из них растленная и которая не растленная; при этом будто одна легко соглашается на осмотр, а другая не соглашается и таким образом остается посрамленною, хотя она и не растленная; одна обличается в этом, а другая не обличается, но и эта не меньше той подвергается стыду, потому что не могла по образу своей жизни оказаться достойною доверия, а имела нужду в свидетельстве после осмотра. Каких это не достойно слез? Каких не достойно смертей? Кто будет столь каменным и бесчувственным, чтобы не возмутиться и не воспалиться ревностию Финееса? Он, если бы в то время увидел такой срам, то не пощадил бы их, а совершил бы то же самое, что сделал тогда с мадианитянкою (Числ. 25:8-14); а мы (которым не позволено извлекать меч и пронзать копьем таких грешников), хотя чувствуем то же, что чувствовал и этот святой муж, но не делаем того же, а облегчаем скорбь иначе - воздыханиями и слезами. Придите же, плачьте и воздыхайте вместе со мною все вы, которые чужды этого срама; ибо те жалкие и несчастные, может быть, страдают между прочими болезнями и бесчувственностью. А вы, ведущие такую (добродетельную) жизнь и удостоившиеся быть в брачном чертоге с Женихом, имеющие горящие светильники и украшающиеся досточтимым венцем девства лучше всякой царской диадемы, плачьте вместе с нами и горько воздыхайте; это - не

малое врачество и к исправлению тяжко больных, и к утешению оплакивающих их болезни; это сделал некогда и Жених ваш. Так, взглянув на Иерусалим, ниспадный до крайней степени погибели и уже не имевший возможности восстать от болезни, Он заплакал (Лк. 19:41); и при Вифсаиде Он уже не предлагал ни увещаний, ни знамений, но только выражал сожаление, неоднократно повторяя "горе" этим городам, как мы поступаем при умирающих (Лк. 10:13). И блаженный Павел, подражая своему Учителю, во всю жизнь не переставал оплакивать падших и оставшихся в этом падении и не хотевших восстать, и так горько, что даже с некоторыми сильнейшими выражениями говорил об этом в послании к Римлянам: "великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильян" (Рим. 9:2-4). Видишь ли, как разительны эти слова, какую представляют они болезнь сердца? Хромающих и бедствующих из верных он оплакивал так, как бы сам находился в таких же бедствиях. "Кто изнемогает", говорил он, "с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11:29)? Не сказал: скорблю, но: "воспламеняюсь", желая выразить словом "воспламенение" нестерпимость и чрезвычайность скорби. Будем же и мы подражать и нашему Владыке, и подобному нам рабу. Немалая будет нам награда за эти воздыхания и слезы, равно как немалое осуждение от Бога будет тем, которые без сожаления смотрят на бедствия собственных членов. Первое можно узнать от терпеливейшего мужа Иезекииля, а второе от блаженного Михея. Так, первый говорит, что, когда иудеи достигли крайнего нечестия и уклонились к идолопоклонству, то Бог повелел сделать знак "на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него." (Иез. 9:4); ибо не только нужно воздыхать, но и болезновать; и хотя они ничего не сказали и не сделали для исправления совершавшихся грехов, но когда они только оказали должное с своей стороны, то и были почтены такою честью от человеколюбивого Бога, что удостоились и безопасности, и великой славы. А Михей [1] <> между прочими грехами, как то: чревоугодием, пьянством, пристрастием к намащению ароматами, привел и этот грех - несострадание, сказав так: "не болезнуете о бедствии Иосифа!" (Ам. 6:6). И жителей города Енана пророк за тоже осудил говоря: "не изыде плакаться дому сущаго близ него"[2] (Мих. 1:11). Если же тогда, когда гневается Бог, не сострадающий наказуемым осуждается, то не сожалеющий о впадающих в нечестие какого удостоится прощения? И не удивляйся, что нам должно сожалеть о наказуемых, когда наказывает их Бог; ибо и сам наказующий Бог не желает делать это: "разве Я хочу смерти беззаконника?", говорит Он (Иез. 18:23). Итак, если наказующий не хочет наказывать, то гораздо более нам нужно сострадать наказуемым; может быть, таким образом мы обратим их; может быть еще спасем их. Даже если бы они и погибали, мы все-таки будем употреблять имеющееся у нас врачество, будем плакать и воздыхать, не собирая сонмы женщин, а каждый наедине и сам по себе без них. Если хотите, я и начну с вами эту плачевную песнь: я не стыжусь делать это вместе с Иеремиею, Исаиею, Павлом и прежде всех их с Господом. Начнем же, как начинал Христос, и скажем: горе тебе, душа; к какой ты призвана чести человеколюбием Божиим и какое получишь место за свое нерадение? Горе тебе; потому что Он привлекал тебя в духовный брачный чертог, а ты, отринув эту славу, низверглась в огонь дьявола и в нестерпимые мучения, где плач и скрежет зубов, где нет утешающего и простирающего руку помощи, но все - мрак, стеснение, смущение и страдания, не имеющие ни облегчения, ни конца, все это причинила тебе любовь к миру, предпочтение земли небу и нежелание слушаться голоса Жениха, непрестанно убеждающего нас не иметь ничего общего с настоящими делами. Кто тебя, жалкая и несчастная, будет жалеть тогда? Ибо, хотя бы ты увидела самого Ноя, спасшего весь дом свой при общем потоплении вселенной и устоявшего при таком гневе (Божием), хотя бы Иова и Даниила, и вместе с ними Моисея и Самуила, хотя бы патриарха Авраама, никто не подаст тебе тогда руки помощи; и хотя бы ты была их родственницею, хотя бы дочерью, хотя бы сестрою, хотя бы возносила моления, подобно тому богачу, все это будет тщетно и напрасно. "Как упала ты с неба", ты, не "денница, сын зари" (Ис. 14:12), но имевшая возможность сиять

светлее самых лучей солнечных? Как ты осталась одинокою? И не погрешил бы тот, кто большую часть сетований, произнесенных о городе Иерусалиме, отнес бы к этой плененной хуже того города.

3. Впрочем, может быть, довольно и этих сетований, довольно того, что (сказано) в Писании и в (нашей) книге; иначе нам не хватило бы времени, чтобы как должно оплакать душу, страждущую такой болезнью. Ибо что прежде всего оплакивать? То ли, что досточтимое, святое и великое Имя Божие через вас хулится у язычников и слава Его унижается? Или то, что столь почтенное и великое дело подвергается презрению? Или то, что многие души падают от таких соблазнов? Или то, что и здравая часть вашего сонма очерняется нечистою молвою о вас? Или то, что вы воспламеняете неугасимый огонь и для себя самих, и для своих сожителей? Но откуда все это следует, скажете вы, когда мы можем доказать, что у нас тело нерастленно и не подвергалось блудодеянию? Такое доказательство будет ясно не теперь, а особенно тогда, в последний день. Звание и искусство повивальной бабки может видеть только то, подвергалось ли тело совокуплению с мужчиною; но чисто ли оно от постыдного прикосновения и от прелюбодеяния и растления посредством лобзаний и объятий, это обнаружится в тот день, когда живое Слово Божие, открывающее сокровенные помышления человеческие и присущее при совершаемом тайно, представит все обнаженным и открытым перед взорами всех (Евр.4:12-13); тогда мы хорошо узнаем, чисто ли от этого тело твое и вполне ли нерастленно. Впрочем, не будем спорить и состязаться об этом, но положим, что оно выше всех тех сетей и чисто во всех отношениях, и свободно от всякого повреждения, и пусть девственница будет девою, как же это относится к сказанному нами? Ибо всего ужаснее и достойно множества слез то, что она, тщательно соблюдая свое тело во всех отношениях, перенесла столько труда, и весь труд свой сделала тщетным и старания свои напрасными, подав повод к хуле на Христа; и щадя свою плоть, она не охранила славы Божией, но для того, чтобы тело ее осталось неприкосновенным, она употребила все меры, а о том, чтобы Он не был оскорбляем и посрамляем многими, нисколько не заботилась; и - о если бы она не все делала и предпринимала, чем унижается слава Божия! Но как же, скажешь, я делаю это? Поселяя мужчин вместе с собою в доме и постоянно держа их при себе. Если ты желаешь иметь сожителями своими мужчин, то тебе следовало не девство избрать, а вступить в брак; ибо гораздо лучше для этого вступить в брак, нежели действовать таким образом. Брака ни Бог не осуждает, ни люди не укоряют; ибо это - дело честное, никого не оскорбляющее и не поражающее; а такое девство при сожительстве с мужчинами осуждается всеми больше прелюбодеяния; потеряв свое значение, оно упало низко, и даже ниже самой пропасти прелюбодеяния; ибо заботящуюся не о Господнем, но делающую многих людей прелюбодеями, никто не станет считать ни между девами, ни между замужними. Эта заботится о том, чтобы угодить одному мужу, а ты - весьма многим, и притом близким к тебе не по закону брака, а некоторым другим образом, порицаемым и осуждаемым всеми. Посему я боюсь, чтобы ты, быв отвергнута тою и другою стороною, не оказалась причисленною к бесчестным женщинам. И по самому названию твоему, если бы кто захотел определить это состояние, мы также не в состоянии были бы возразить что-нибудь. Ибо, когда в собрании на площади или дома зайдет речь о таких (девственницах), то разговаривающие об этом непристойном сожительстве, желая указать принадлежащую такому то, называют ее не матерью его, - ибо она не родила его, - и не сестрою, - ибо они не произошли из одного чрева, - и не супругою, - ибо она живет с ним не по закону брака, - и не другим каким-нибудь названием родства из дозволенных и установленных по закону, а названием постыдным и смешным. Я не хотел бы произносить его; так я ненавижу самое это название и отвращаюсь от него; так противно мне даже самое наименование этого сожительства. Но ты не рождала и не испытала болезней рождения. Что постыднее такого оправдания? Что достойнее сожаления того, когда девственница хочет доказывать свое девство тем, к чему могут прибегать и многие женщины из блудниц? Но те развратницы,

скажешь, отличаются другими признаками. Какими, скажи мне, другими? - Внешним видом, взорами, походкою, любовниками, которых привлекают к себе. - Хорошо ты изобразила нам черты блудницы; но посмотри, не коснулась ли ты прежде нее самой себя этими чертами и признаками; потому что и ты привлекаешь к себе многих таких же поклонников и такими же сетями. Хотя ты и не стоишь около дома, зазывая проходящих, но ты постоянно держишь мужчин у себя в доме, - что гораздо хуже, - не для чего иного, как для того, чтобы доставить непристойное удовольствие им и себе, хотя и не посредством совокупления. Какое же в этом преимущество, когда и взаимное лицемерие производит тоже самое? А если этого нет и если вы не совершаете такого прелюбодеяния, то для чего ты держишь его дома? Какую скажешь нам справедливую и основательную причину? Замужняя может указать на брак, блудница - на любодеяние; а ты, девственница, какой представишь нам благовидный и справедливый предлог?

4. Но, скажут, чего ты домогаешься, когда сожители и не спят, и не совокупаются с нами, как бывает с теми? И на это особенно указывают многие. Но не на свою ли голову они говорят это? И - только ли на свою голову, это мы исследуем после. Уже ясно было доказано, когда мы говорили к мужчинам, что не только злословящие, но и представляющие пустые предлоги достойны наказания, положенного за злословие; впрочем, это еще мы объясним в другой раз; а теперь я спрошу тебя о причине такого сожительства, если можешь какую-нибудь представить. - Я немощна, скажешь, я - женщина, и не могу одна удовлетворять своим нуждам. Между тем, когда мы обличали сожителей ваших, то слышали от них противное, т. е. что они держат вас для услуг им. Отчего же вы, имея силу с избытком оказывать услуги даже мужчинам, не могли бы помогать самим себе, женщинам, а нуждались бы в других? Как мужчине с женщиною, так и женщине с женщиною легче и удобнее было бы жить вместе; но если вы бываете полезны и для служения мужчинам, то гораздо более - вам самим. В чем же, скажи мне, может быть полезно и необходимо сожительство мужчины? Какие он может доставлять вам услуги, которых женщина не могла бы доставить женщине? Ткать основу вместе с тобою и сплести нитки и пряжу - неужели он сможет лучше женщины? Напротив. Он, хотя бы и хотел, не сумеет приняться за что-нибудь подобное, если только и этому теперь не научили вы их; это дело одной только женщины. Или вымыть одежду, зажечь огонь, и согреть горшок? Конечно, и это не хуже, но еще лучше мужчины может сделать женщина. В чем же, скажи мне, полезен для тебя мужчина? Когда вообще нужно продать что-нибудь или купить? Но и здесь женщина полезна не меньше мужчины; об этом может свидетельствовать и торжище, и все, кто желает купить одежду, покупающие ее большей частью от женщин. Если же девственнице стыдно стоять на площади для такой торговли, как и действительно стыдно, то не гораздо ли стыднее жить вместе с мужчинами? Впрочем, и первого, менее постыдного, нежели последнее, можно избегнуть; я предложил бы поручать все или молодой прислужнице, или способным на это старушкам; отсюда видно, что вышесказанное есть предлог и отговорка, и прикрытие слабости. Какой, скажешь, слабости прикрытие? Если бы я пожелала иметь мужа и вступить в брак и вести такой образ жизни, то кто воспрепятствовал бы мне? Разве не позволительно сделать это свободно и не оскорбляя Бога, и не подвергаясь осуждению и укоризнам от людей? Это и я говорю, и это не столько твои, сколько мои слова. Но теперь надобно сказать, в чем тебе может быть необходима помощь мужчины; или, если не можешь объяснить этого, изгнать непристойного сожителя; ибо иначе тебе не возможно избавиться от позора; а то, что ты сказала, не столько твои слова, сколько тех, которые жалеют о твоей неблагопристойности. Итак, хотя бы тысячекратно полезно было для тебя служение мужчины, и тогда не следовало допускать его с таким позором; ибо, когда унижается слава Божия, то не должно быть никакого предлога столь внушительного, чтобы оставить без внимания такое зло. Даже, если бы предстояло умереть тысячу раз в день для того, чтобы этого не было, следовало бы подвергнуться тому с великой радостью, а не только не оставлять без внимания такое зло для своего спокойствия и

мирской пользы. Послушай, как Павел трепетал и сильно боялся этого: "для меня лучше", говорит он, "нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою" (1 Кор. 9:15). Для того, чтобы не унижалась похвала его, он решался умереть; а мы для того, чтобы отклонить соблазны, не хотим презреть и малое удовольствие? Как же мы можем когда-нибудь спастись? Притом не равное дело и даже несколько не близкое - лишиться похвалы и подвергнуться осуждению. Он не оскорбил бы Бога, если бы и так случилось; потому что Сам Бог повелел ему "жить от благовествования" (1 Кор. 9:14); и однако, он предпочитал лучше умереть, нежели сделать тщетным свое доблестное дело; а мы, везде нарушая установленное и зная, что потерпим за это величайшее наказание, не хотим оставить даже неуместной и пустой привычки? Какое же будет нам прощение? Хотя бы для многих нужд требовался только мужчина, но от этого происходил бы такой позор, то надлежало бы, как я выше сказал, решиться лучше умереть, нежели допускать это; а если еще удобнее и легче исполнить все посредством женщины, то какое будет прощение вам, столь изнеженным и небрежущим о своем спасении? Скажи же мне: когда он оказывает тебе услуги, то не станешь ли и ты сама в чем-нибудь услуживать ему? Это для всякого очевидно. Но не гораздо ли было бы лучше - не воздавать ему тем же и не принимать от него услуг, и то время трудов, которое ты тратишь для доставления ему спокойствия, лучше употреблять на успокоение самой себя, нежели, принимая на себя тяжкие труды, еще срамить свою честь? Но (скажешь), ты не оказываешь ему никаких услуг. Тогда нужно думать, что он сам себе служит во всем, и постилает постелю, и варит, и зажигает огонь, и исполняет другие подобные дела; но так служить не согласится и раб, ничего не получающий себе от господина. Но он, скажешь, переносит все по страху Божию и ради назначенной за такое служение награды и с благодарностию унижается, не получая себе от нас никакой пользы. Чем же, наконец, мы заградим уста бесстыдных? Хотя ты приписываешь ему такое благочестие и хотя он так страшится и боится повелений Божиих, что смотрит на себя смиреннее всякого раба и доставляет тебе все, не получая сам от тебя ничего, но прежде всего этого ему надлежало позаботиться о чести и славе Божией; теперь же странно - одной и той же душе и в одно и тоже время оказывать и уважение, и презрение к повелениям Божиим, и то страшиться их, то не обращать никакого внимания на оскорбление самого Законодателя. Оставаться чуждым удовольствия и не чувствовать совершенно ничего человеческого, и при этом трудиться, изнуряться, унижать себя и своими трудами доставлять спокойствие другим, свойственно душе весьма любознательной и возвышенной; а не унижать славы Божией и не делать того, за что Он хулился бы многими, это доступно для многих и не весьма великих (душ). Как же мы поверим тебе, что ты для Бога и по усердию к подвижничеству делаешь то, для чего требуется великая и бодрая душа, тогда как не хочешь отстать от того, от чего может отстать душа низшая и обыкновенная? Ты не хочешь отстать от того, чем оскорбляется Бог и будто бы отдаешь и тело и все - за то, что неуютно Ему. Кто же может поверить этому? Впрочем, не знаю, как я перешел от девственниц к их сожителям; поэтому опять нам нужно обратиться к девственницам.

5. Итак, каким образом мы будем в состоянии убедить высказывающих такие возражения и рассуждения? Не нужно, скажешь, и убеждать их. Но свойственно ли это душе благочестивой? Тогда следует оставлять без внимания говорящих худо, когда мы не подаем им к тому поводов; даже и тогда не должно, если мы можем заградить им уста; если же все дело зависит от нас, то и весь огонь обращается на нашу голову. Ибо "таким образом", говорит апостол, "согрешая против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа" (1 Кор. 8:12). Он знал, точно знал, что немощь соблазняющихся не только недостаточна для нашего оправдания, но она особенно и служит к нашему осуждению; ибо, чем более мы чисты от соблазнительного дела, тем более нам следовало бы щадить немощь их. Я не утверждаю, что они соблазняются без причины; но положим даже, что они соблазняются неосновательно, и тогда не нужно презирать их. Этому научил нас Павел в послании к Римлянам, сказав так: "ради пищи не

разрушай дела Божия" (Рим. 14:20). Хотя бы кто соблазнился неосновательно, однако он осуждает не соблазняющегося, а производящего такой соблазн. Как я и прежде говорил, так и теперь скажу: когда может произойти какая-нибудь великая польза, и притом превосходящая соблазн, то не нужно обращать внимания на соблазняющихся; а когда не может быть ничего больше, кроме соблазна немощных, то, хотя бы они соблазнились тысячу раз неосновательно, надобно щадить их; ибо и Бог осуждает на наказание тех, которые соблазняют и подвергают падению, потому что соблазнять другого без всякой пользы - дело крайне нечестивое. И мы, видя, что кто-нибудь сделался раздражительным от продолжительной болезни, скорее удаляем из дому тех, кто безвременно раздражает его, даже не исследуем, справедливо или несправедливо они делают это, и не принимаем от них никакого оправдания, а жалея больного вполне прощаем его по причине немощи, хотя бы он и несправедливо раздражался. Если же мы оказываем такое попечение и о рабах, и о детях, даже часто наказывая и сына виновного в этом, то тем более Бог, благий и милосердый, и снисходительный, сделает это. Что говоришь ты? Соблазняющийся немощен? Поэтому он и достоин пощады, а не поражения. Он имеет раны? Поэтому мы и не станем растравлять их, а лечить. Он подозревает злобно и безрассудно? Поэтому мы и будем устранять подозрение, а не усиливать; ибо, делая вопреки этому, ты грешишь против Самого Христа. Или ты не слышишь, как часто в Ветхом Завете Моисей говорит, что Бог есть "ревнитель" (Исход. 22:5), и Сам Он говорит: "возревновал Я о Иерусалиме" (Зах. 1:14); а в Новом Завете Павел взывает: "я ревную о вас ревностью Божиею" (2 Кор. 11:2)? Этого одного, без всего прочего, достаточно было бы для того, чтобы тронуть душу не слишком недужную и отчаянную; это так страшно, или вернее - более утешительно, нежели страшно. Ибо ревности не было бы, если бы не предшествовала ей горячая и пламенная любовь, так что она служит знаком сильной и пламенной любви Божией и расположенности. Ревность в Боге не страсть, но, желая выразить свою неизреченную любовь, Он часто употребляет такое название. Мы же, при великой бесчувственности своей, впадаем в человеческие страсти, и так сильно любящего нас (Бога) оскорбляем, а тем, которые не могут доставить никакой пользы, всячески угождаем. Может ли тебе, жалкая, принести столько же пользы это непристойное сожительство, скольких оно лишает тебя сокровищ? Смотри: оно низводит тебя с небес, изгоняет из духовного брачного чертога, отлучает тебя от небесного Жениха, навлекает на тебя вечное наказание и мучения, не имеющие конца. Хотя бы тысячи рудников золота предлагал тебе живущий с тобою, хотя бы подчинялся тебе более купленных рабов, хотя бы доставлял тебе и чести и спокойствия больше, чем самой царице, при всем том не следовало ли бы тебе чуждаться и отвращаться от него, как от заразы и врага, который больше отнимает, нежели сколько дает? Тебе надлежит помышлять о благах небесных, о тамошнем царстве, о бессмертной жизни, о неизреченной славе; а ты помышляешь о земных предметах, и тому, кто в отношении к ним представляется полезным, угождаешь, как Владыке, и не молишься, чтобы под тобою разверзлась земля и таким образом ты отошла отсюда? Ты указываешь мне на слабость женского пола, на исправление человеческих нужд и на домашнее спокойствие, изобретая и составляя недействительные предлоги. Но этим не обманешь имеющих ум; потому что нет, нет такого спокойствия, которое делало бы необходимою такую непристойность. Женщина, если захочет, может удовлетворительно служить не только себе, но и многим другим; и в начале, когда мужчина получил в удел общественные дела, она получила в удел - исправлять и устроить все внутри дома. Таким образом не по нужде в спокойствии вы привлекаете к себе в дом мужчин. Но разве, скажете, для прелюбодеяния и распутства? Я не могу сказать этого, - да не будет, - я даже говорящих это не перестаю укорять; но, о если бы возможно было разубедить их! Какая же, скажете, причина делает это сожительство вожделенным для нас? Страсть тщеславия влечет к этому сожительству. Весь род человеческий, можно сказать, тщеславен, но особенно - женский пол; ибо, если они и в спокойствии не нуждаются, как доказано, и не предаются распутству вместе с ними, то вполне очевидно, что остается подозревать только это одно.

б. Итак, нашедши самый корень зла, оставим, наконец, обличение и станем увещевать и убеждать. Как из мужчин живущие вместе с девственницами думают находить в этом удовольствие, а испытывают тягчайшее мучение (ибо единственно чистым и прочным удовольствием была бы разлука с ними), так и они. Кажется, они думают, что отсюда происходит некоторая слава и знаменитость; но если исследовать тщательно, то они навлекают на себе осмеяние, стыд, порицания и крайнее бесславие. Об этом мы уже сказали кратко и в начале, но скажем и теперь. Пусть будет, если хочешь, сожитель не из простолюдинов и не из презренных людей, но из имеющих великую силу в церкви, пусть будет предметом удивления у всех и по знатности своего рода, и по силе красноречия, и по благочестию, и во всех отношениях пусть будет знаменитым; и однако, при всем том он не может сделать сожительницу знаменитою и почтенною. Ибо тому, кто хочет приобрести себе славу от дружбы с кем-нибудь, должно прежде всего охранять славу доставляющего прославление; если же она будет посрамлена, то тем более сам он унижится. Как от испорченного источника и текущие около него потоки заимствуют испорченность и от гнилого корня плод еще более бывает заражен гниlostью, так и теперь, когда тот, от которого девственница ожидает себе славы, делается смешным вследствие сожительства с нею, то и она прежде него и вместе с ним подвергнется осмеянию; и если о женщине прежде у многих была хорошая молва, то он, поступив к ней, лишит дом ее этой молвы, а никак не доставит ей другую лучшую; также если и он пользовался таким о себе мнением, то и с ним будет то же. Таким образом это сожительство не увеличивает хорошую молву о вас, но лишает вас и той, какая была, и навлекает на обоих дурную молву, которой не было. И благовременно теперь сказать то, что пророк сказал об иудеях: "может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс - пятна свои?" (Иер. 13:23); так и эти сожители очистятся ли когда-нибудь от срамоты своей, которая, как некая язва на теле, пятнает общественное мнение о них обоих, затемняя все добрые их качества? Но, может быть, они считают славою для себя самое господство над мужчинами? Однако, это весьма смешно, и этим особенно отличаются одни только блудницы; женщинам же благородным и целомудренным несвойственно восхищаться такими сетями. В этом заключается даже еще особая причина бесчестия, так как чем более они господствуют над мужчинами и чем сильнее подчиняют их себе, тем более посрамляют самих себя вместе с ними; ибо не порабощающая мужчин женщина, но уважающая их бывает у всех и почтенна, и славна. Если же она не послушает наших слов, то может заградить им уста закон Божий, который говорит так: "к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою" (Быт. 3:16); ибо "жене глава - муж" (1 Кор. XI, 3). И во многих других местах можно найти такое постановление и такой, издревле существующий, порядок; и великий бывает срам, когда верхнее делается нижним, глава становится внизу, а тело вверху. Если же это постыдно и в брачном состоянии, то гораздо более в таком сожительстве, в котором уже дурно не только то, что нарушается закон Божественный, но и то, что навлекается очень дурная молва и на мужчину, и на женщину. Если самое сожительство постыдно, то гораздо более - порабощение сожительнице. Господство не всегда доставляет похвалу, но бывает, что и не господствующий удостоивается чести и господствующий подвергается посрамлению. Итак, если ты хочешь быть уважаемою от мужчин, то не имей с ними общения, удаляйся от их сообщества, лицемерия и сожительства. Тогда и женщины будут восхищаться тобой, и все мужчины будут уважать тебя, как действительную девственницу, неотлучно пребывающую при Женихе; тогда не только домашние, но и язычники, и иудеи, и весь род человеческий будет одобрять тебя. Посему, если ты ищешь славы, то иди этим путем, а не противоположным; тогда тебя уже не станут называть принадлежащею такому-то и такому то, а Христовою; другого, равного этому, отличия никогда не может быть тебе ни от кого. Разве это маловажно, скажи мне, когда каждый день станут возглашать и повторять и на торжище, и в домах, и в других городах, что такая-то девица, очень молодая и весьма благообразная, имевшая возможность, если бы захотела, приобрести

себе многих покровителей, не пожелала этого, но решилась лучше потерпеть и перенести все, нежели изменить любви ко Христу и помрачить цвет целомудрия? Блаженна она и дважды, и трижды, и многократно; каких удостоится она благ, какой получит венец, какой сподобится награды, соревнуя самым бестелесным силам! Это и подобное тому все станут говорить о ней и представлять ее в пример для подражания дочерям своим; захочет ли кто ободрить живущую благопристойно, или вразумить распутную, все опять будут выставлять похвальные ее качества; и не только при этих случаях, но и тогда, когда просто зайдет речь о девстве, все так будут хвалить ее, и не только живущие благопристойно, но и те, которые старались и употребляли все меры, чтобы увлечь ее, но потом были презрены ею и оставлены без внимания. Столь великою и еще гораздо большею сказанной будет пользоваться она славою; а имеющая сожителей - совершенно напротив. И во-первых, когда какие-нибудь нечестивцы станут порицать девство, то обе они придут на память в таких разговорах, но первая - отвергая уста защищающим, а последняя - порицающим. Потом, когда нужно кого-нибудь вразумить или исправить, то первая выставляется, как бы врачевство, утоляющее боль и способное истребить гнилость, и украшает речь учителя; а последняя ставится на ряду с постыдною женщиною, и хотя бы она и не присутствовала при этом, ее подвергают осуждению и посрамлению; ибо при (упоминании) о каждой согрешающей, необходимо и она опять осуждается и посрамляется. И где бы ни зашла речь об этом предмете, везде первая называется блаженною, а последняя - жалкою и несчастною и тому подобными названиями, и как ту не только знающие, но и не знающие и не получавшие от нее никакого благодеяния прославляют и восхваляют, так эту и знающие и не знающие и не потерпевшие от нее никакого зла оуждают и поносят; ибо праведно живущих хвалят и прославляют не только знакомые, но и незнакомые, и даже самые враги, а распутных и дурных оуждают и друзья. Это - дело промысления Божия. Господь внедрил в нас такое расположение к добродетели и такое отвращение от порока, что ее одобряют все и непричастные к ней, а порок осуждают и отвращающиеся от него, и предающиеся ему. Отсюда видно, что нерадивых девственниц отвращаются не только знающие, но и не знающие их, а больше всех сами сожители их. Подлинно, хотя бы они сильно уверяли, что любят и уважают вас, хотя бы изъявляли благодарность за удовольствие, которое вы доставляете им, но в совести своей они ненавидят вас, когда, немного опомнившись, поймут, в какой сети они находятся. Вот какое зло - этот порок; даже те самые, которым вы угождаете больше всех, осуждают вас больше всех, потому что, быв допущены во внутреннейшие убежища и проникая во все ваши тайны, больше всех знают ваши дела. А что они ненавидят вас, видно из следующего: они тысячекратно хотели бы избавиться от этой страсти и тяжелой болезни, но препятствует привычка и некоторое кажущееся удовольствие; бывает такая болезнь, от которой желают избавиться и ненавидят ее все, имеющие ее, но находят удовольствие и в ней; так бывает и с этой. Как бы кто ни был жалок и несчастен, он не может быть столь отчаянным и склонным к посрамлению собственной чести, чтобы пожелать жить в бесчестии, быть на устах у всех предметом осуждения, осмеяния и порицаний, и общего зрелища на торжище, где все, как скоро он является, пальцами указывали бы ближним на него, как на постыднейшего. Так не малое огорчение получают они от этой подозрительности, которое постоянно тревожит их совесть и упорнее всякого червя терзает их душу. Если же тогда, когда посрамление происходит от людей, явно ничего не говорящих, но осуждающих дома и между собою, бывает такое огорчение, то, когда мы отойдем к самому Жениху оскорбленному, когда и тайное делается явным, когда откроются и сердца, и речи, и расположения, и взгляды и помышления (не говорю о более постыдном), когда вообще все откроется и обнажится пред всею вселенною, тогда мы какому подвергнемся бесчестию и наказанию, и мучению? Тогда, если наша душа не предстанет сияющею так, как следует преданной этому Жениху, если не будет чиста от всякой нечистоты, скверны и порока, то погибнет и подвергнется крайним бедствиям; потому что, если и незначительное пятно может извергнуть ее вон, то, когда будет великая нечистота и такое зловоние, и тысячи ран со всех сторон, кто избавит ее от того

наказания и мучения? Если здесь так для всех гнусна и неприятна жизнь ее, что все отвращаются от нее, и друзья и враги, то как она сможет войти в царское преддверие, оскверненная такою грязью? Не видишь ли ты, что и в дом человека простого и незнатного никто не впустит свиньи, запачканной грязью, но все отгоняют ее и преследуют, и затворяют двери и уходят от нее далеко? Если же и бессловесного животного, и притом привыкшего к грязи, люди позволяют впускать в дом с нечистотою, то как в небесные обители, где такой блеск, где все светло, где неприступный свет, где находятся девы, сияющие светлее всякой молнии, как сможет кто-нибудь войти столь оскверненным? Девы, не имевшие елеля, были удалены от брачного чертога; как же вы надеетесь войти в те неприступные обители? А ваш грех еще тяжелее их греха; ибо не одно и то же - не подавать телесной пищи и губить многие души. Те не обижали бедных; но так как они не давали им своего и не избавляли их от бедности, то и потерпели это; а ты и обидела, и отогнала (от чертога), и не только не оказала никакой пользы, но и причинила величайший вред. Если же не принесшие пользы потерпели такое наказание, и притом сохранив девство свое неповрежденным; то те, которые при бесполезности своей причинили еще величайший вред и себе самим, и сожителям, и соблазнившимся, и, важнее того, оскорбили имя Жениха, какому подвергнутся наказанию? Разве вы не знаете, какое вы приняли на себя дело, на какой выступили подвиг, какую избрали часть борьбы, какое наследовали место в воинстве? Вы стоите около самого военачальника, или лучше - около самого Царя, и сражаетесь. Как на сражениях все войско занимает не одно место, но одни помещаются на крыльях строя, другие в середине, иные позади, иные украшают переднюю часть отряда, а иные везде, где является царь, вместе с ним появляются и двигаются, так точно и сонм девственниц, когда он действительно составляет сонм дев, занимает не другое какое-либо, а именно это последнее место. Не столько те, которые носят золотые одежды и ездят на украшенных золотом конях, и носят золотые и осыпанные камнями щиты, должны предвещать пришествие царя, сколько девственница - пришествие Христово; ибо те появляются при царской колеснице царя; а она сама бывает, если захочет, и царскою колесницею, как херувимы, и предстоит Ему, как серафимы.

7. Итак она, выходя на площадь, должна бы являться образцом всякого любомудрия и изумлять всех, как бы ангел, ныне сошедший с неба; и если бы кто-нибудь из самих херувимов явился на земле, то он привлек бы к себе всех людей; так и девственница должна располагать всех, взирающих на нее, к изумлению и удивлению ее святости. Когда она идет, то идет как бы по пустыне, в церкви сидит в глубочайшем молчании, не обращает взоров ни на кого из проходящих, ни женщин, ни мужчин, а только - на своего Жениха, как бы присутствующего и видимого; когда она пойдет домой, то опять беседует с Ним в молитвах и слышит только Его голос чрез Писания; находясь же в доме, она помышляет только о Нем, своем возлюбленном, оставаясь как бы странницею и пришелицею и гостьею, и делает все так, как следует делать чуждой всего здешнего; избегает не только взоров мужчин, но и общества мирских женщин, и о теле своем заботится столько, сколько требует лишь необходимость, а все попечение свое обращает на душу. Кто же не будет удивляться, кто не станет изумляться, видя в женщине ангельский образ жизни? Кто осмелится приступить к ней? Кто из людей решится коснуться столь пламенной души? Посему все волею и неволею станут отступать от нее, все будут изумляться, видя как бы раскаленное и блистающее золото. Золото и по природе своей имеет великий блеск; а когда оно получает еще блеск от огня, то зрелище бывает еще величественнее и поразительнее, если так бывает с веществом, то, когда это произойдет с золотою душою, тогда будет зрелище вожденное не только для людей, но и для ангелов. Для чего же ты украшаешь себя одеждами, имея украшение от этого пламени? Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыд наготы, не для того, чтобы мы облакались в то, что может посрамить нас хуже наготы. Посему и Бог одел Адама и жену его в кожаные одежды (Быт. 3:21), хотя Он мог

бы, если бы хотел, одеть их в прекрасные одежды; но Он издревле и чрез это внушает нам, что теперь время не роскоши, а воздыхания и сокрушения. Если же самая нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? Не достаточным ли доказательством нашего падения служит самая нужда в одеянии? Для чего же ты делаешь это унижение еще большим? Для чего увеличиваешь осуждение, умножая эту нужду? Следовало бы плакать и воздыхать, и изнурять самое тело, по учению Павла (1 Кор. 9:27); а мы стараемся украшать покровы его, подобно тому, как если бы кто, имея опухоль на глазу и быв поставлен в необходимость покрывать ее, стал еще украшать эти покрывала. Посему Илия и Иоанн имели простое одеяние, облакаясь в кожаные хитоны и волосяные одежды; ибо они старались и стремились получить одежду нетления. А ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностию одежд, прельщая ими рассеянных юношей. Не такого украшения и убранства твоего желает Жених, но Он заповедовал, чтобы все прославление Его было в душе твоей; а ты, пренебрегая этим, разнообразно украшаешь грязь и пепел и привлекаешь невоздержных любителей и, так сказать, делаешь прелюбодеями всех, взирающих на тебя. Что таким образом ты обрекаешь себя великому пламени, этому и сама ты, я думаю, не станешь противоречить; а что за тем следует и бесчестие, и осуждение, это я постараюсь показать, обратив внимание на самих любителей. Когда украшающая свою душу имеет любителем красоты ее Бога, а ты - людей, или лучше - не людей, а свиней и собак или какое-либо еще худшее из бессловесных животных, то кто будет так безрассуден, чтобы считать тебя украшенною лучше той, которая привлекает любовь Божию своим внутренним благообразием? Итак, чем более ты увеличиваешь изысканность (в одежде), тем становишься отвратительнее, удаляя от себя Бога и привлекая таких людей, и через это оказываясь более постыдною и безобразною; ибо не безобразна ли та, которая не может привлечь к себе Бога? Если же так неприятна украшающаяся, то представь, как увеличивает свою отвратительность еще имеющая у себя сожителя.

8. Но, если угодно, мы не упомянем только о сожительстве, а раскроем его, чтобы оно оказалось еще более постыдным. Так как они не боятся недремлющего Ока, а остерегаются только людских взоров, то лишим их и этого утешения, выставив на вид то, что скрывают и затевают стены, и откроем двери для желающих видеть, прежде всего подняв их с постели. Но лучше, если угодно, изложим наперед происходящее в их доме, и положим, что сожительство разделяются стенами и спят в разных комнатах; ибо я не думаю, чтобы кто-нибудь из них, хотя бы и склонный к великой непристойности, до такой степени стал срамить себя, что и спал бы в одной комнате. Итак, пусть они разделены стенами. И что же? Этого недостаточно для того, чтобы избавить их от подозрения; впрочем, не станем теперь говорить о подозрении, хотя бы вместе с мужчиною жило множество служанок; а изложим пока другого рода непристойность. Случается, что они, проснувшись в одно и то же время, не для всенощных бдений (ибо ничего благочестивого от таких душ никогда не может быть), идут один к другому еще лежащему и разговаривают между собою ночью; что может быть постыднее этого? Если же случится сожительнице и заболеть внезапно, тогда уже и стены бесполезны; быстро встав прежде других, так как служанки часто медлят, он входит к лежащей девственнице, оправдываясь ее болезнью, садится около нее, и исполняет разные услуги, которые пристойно исполнять иногда только женщинам, и она не стыдится, но еще утешается этим, и он не только не совестится, но еще очень радуется, и тем более, чем постыднее то служение, которое исправляет; тогда и оправдывается апостольское изречение: "слава их - в сраме" (Флп. 3:19). Когда же встанут и служанки, то срам бывает еще хуже; они с непокрытою головою, в одной нижней одежде и с обнаженными руками, как встревоженные и пробужденные ночью, бегают в его присутствии, или лучше - он обращается и бегают среди них, тогда как они исполняют все нужды; этого что может быть постыднее? Когда придёт и повивальная бабка, и тогда он не стыдится, а еще хвалится в присутствии даже посторонних девиц; ибо имеет в виду только то одно, как бы оказать больной свои услуги,

не сознавая, что чем более он оказывает их, тем более срамит и ее и себя. И что удивительного в том, если он не стыдится пришедшей? Часто и в полночь он не ленится исполнять дело низких служанок, даже бежать к повивальной бабке; когда же та придет, его то выгоняют против воли, если он слишком бесстыден, то позволяют ему войти и сидеть; впрочем, кто мог бы, даже употребив много усилий для посрамления его, изобразить его таким, каким он делает сам себя? Когда же наступит день и нужно будет обоим вставать с постели, то начинаются предосторожности и опасения; ибо и она не может безопасно выйти из своей комнаты, так как часто, входя, быть может, встречала не одетого мужчину; и он опасаясь того же самого, иногда входит предвозвестив о себе, а иногда - без предосторожности, за что подвергается великому осмеянию; но я не стану говорить ничего более. Все это, хотя и маловажное, обыкновенно производит великий огонь неводержания. Это и еще больше того бывает в доме; когда же он, отправившись на торжище, возвратится назад, то опять бывает большая непристойность. Входя в дом, как в свой, и не считая нужным предупредить об этом, он, находя сидящих у ней женщин, стыдит ее; и она часто испытывает тоже самое. Так у них женщина считает постыдным принимать к себе женщин, и мужчина мужчин; а сами они не отказываются жить вместе друг с другом, отказываясь принимать к себе людей одного с собою пола. Что может быть хуже этого? Случалось, что его находили и сидящим около мотающей нитки в клубок или держащей прялку. А кто может изобразить огорчения и ежедневные ссоры? Хотя бы между ними была великая дружба, может случаться и это. Я слышал о некоторых, что они испытывают даже ревность; ибо, где нет духовной любви, там необходимо бывает и это. Отсюда непрестанные падения, отсюда развращение, от этого девственницы делаются неблагородными и бесстыдными и бывают, хотя не растленны телом, но растленны нравами; потому что, когда она привыкает свободно разговаривать с мужчиною, и сидеть вместе с ним, и смотреть на него, и смеяться в его присутствии, и делать многие другие непристойности, нисколько не считая этого дурным, то срывается завеса девства и попирается цвет его. Поэтому они ни от чего не устраниаются и ни от чего не отказываются, но бывают и свахами и зачинщицами брака, и исполнительницами других дел, и многим женщинам, желающим остаться во вдовстве, препятствуют, думая найти в этом оправдание своих пороков; поэтому они и презираются всеми; поэтому и сами замужние женщины не стыдятся пред ними, как поступающие во всем лучше их. Подлинно, гораздо лучше вступать в первый и во второй брак, нежели делать такие непристойности и считаться у всех сводницами и бесстыдницами, лишаясь удовольствий брака и возлагая на себя бремена брака; ибо что может быть тяжелее, как иметь у себя мужчину и заботиться о его делах? Бог освободил тебя от этого бремени; от повеления: "к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою" (Быт. 3:16), избавило тебя девство; для чего же ты опять навлекаешь на себя рабство? Христос сделал тебя свободною, а ты сама себе умножаешь труды; Он сделал тебя чуждою забот, а ты вымышляешь себе заботы.

9. Так как я упомянул о заботах, то благовременно мне, говорящему об этом, припоминается апостольское изречение. Если бы самое сожителство женщин с мужчинами и мужчин с женщинами освобождало от забот, то Павел, призывая к воздержанию, не сказал бы: "я хочу, чтобы вы были без забот" (1 Кор. 7:32), как бы желая и этим побудить нас к тому. Чего хотите вы, говорит он, - спокойствия и свободы? А разве вы не видите, что от сожителства с мужчинами происходит противное, - рабство и труды и многие беды? Поэтому многие, лишившись мужей, часто и не вступали снова в брак, чтобы не быть опять под игом рабства. Вообще, хотя бы тебе пришлось жить в бедности и оставаться без всяких покровителей, ты веди жизнь добродетельную и не имей ничего общего с мужчиною, но входи в общение с женщинами, живущими благопристойно, и не потеряешь венца своего и будешь наслаждаться полною безопасностью. Если же это сообщение представляется тебе труднодостижимым, поищи его тщательно, и несомненно найдешь, или лучше, и искать не нужно. Как все мы прибегаем к свету, так и к тебе, если

будут блистать лучи твоей жизни, прибегут все женщины, каждая с любовью предлагая тебе себя вместо служанки, и будут считать тебя опорой своего дома, и украшением и венцем своей жизни, по слову Христову: "ищите", говорит Он, "прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Мф. 6:33). А теперь мы, нерадя о небесном, по собственной вине лишаемся и житейского. Когда я говорю мы, то разумею не только мужчин, но и вас, женщин, и притом вас более, нежели мужчин, так как и в начале жена получила тяжчайшее наказание потому, что она преимущественно содействовала обольщению; Бог и наказал обольстившую больше обольщенного. То же самое будет и ныне, если вы не захотите исправиться и возвратить свое благородство. Когда жена была обвиняема в том, что дала мужу от плода, она не осмелилась сказать, что ему, как мужчине, следовало бы не соглашаться и не обольщаться, но, умолчав об этом оправдании, как ничего не значущем, обратилась к оправданию другому, хотя также слабому, однако имеющему значение больше того. Отсюда видно, что скорее обольщенные могут слагать вину на обольстителей, нежели последние на обольщенных. Блудница приглашает растлевающего ее тело и, переспав с ним, потом отпускает его; а ты, пригласив повреждающего и растлевающего твою душу, держишь его постоянно в своем доме и не позволяешь уйти, налагая на него тяжкие узы ласкательством, угодливостью и другими действиями, и думая, что прославляешься, посрамляешь саму себя. Разве ты не понимаешь, скажи мне, как кратка настоящая жизнь, как подобна она сновидениям, увядающим цветам и скоропреходящей тени? Для чего же ты хочешь, насладившись теперь в сновидении, тогда терпеть наказание в действительности? Впрочем, в этом нет и наслаждения; ибо какое наслаждение там, где осуждение, порицание, насмешки и соблазны? Даже если бы и было наслаждение, то что значит малая капля воды в сравнении с беспредельным морем? "Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей" (Пс. 44:11-12), взывал некогда Давид к вселенной, находящейся в худом состоянии. Это и мы провозгласим тебе, изменив немного слова пророка, и скажем вместе с пророком: "Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь" дурную привычку свою и живущих с тобою ко вреду твоему, и "возжелает Царь красоты твоей". Чего тебе больше этого? Что другое можем мы сказать равное тому, когда ты приобретешь любовь Владыки небес и земли, ангелов и архангелов и высших сил, освободившись от этих низких, подобных тебе рабов, посрамляющих твое благородство? Поэтому здесь и прилично окончить речь; ибо мы не можем сказать ничего, равного этой чести. Если имеющая женихом своим царя земного считает себя счастливее всех, то ты (имея Женихом своим) не царя земного и не подобного себе раба, но Царя небесного, превышающего всякое начальство и власть, и силу, и всякое именуемое название (Еф. 1:21), сидящего выше херувимов, потрясающего землю, распростершего небо, страшного для херувимов, неприступного для серафимов, и не только Женихом, но и любящим тебя, и любящим сильнее всякого человека, как не оставишь все здешнее, хотя бы даже надлежало отдать самую душу? Итак, если этого одного слова достаточно для того, чтобы исправить человека, хотя бы он был грубее всякого свинца, и устремить его к горним обителям, то мы, здесь оканчивая (свое слово), увещеваем тебя - воспевать это изречение, как бы некоторую божественную песнь, и дома и на торжище, днем и ночью, на пути и в горнице, голосом и мыслию, и непрестанно повторять душе: "Слыши", душа моя, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь" дурную привычку свою, и "возжелает Царь красоты твоей"; и если ты будешь постоянно повторять эти слова, то сделаешь душу чистейшею всякого золота, так как это изречение сильнее огня воспламеняет душевные помыслы и очищает всякую нечистоту, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

[1] Приводимые ниже места св. Писания, принадлежащие двум пророкам, св. Иоанн приводит под именем одного пророка Михея.

[1] Это славянский перевод, в Синодальном это звучит так: "зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью".

[2] Так у Златоуста, в слав. тексте смысл другой: "не изыде живущая в Сеннааре, плачется дому (сущаго) близ нея", т.е. она не смогла выйти, а вы плачете над домом близ нее. В Синодальном же переводе: "не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем". – и.Н.

КНИГА О ДЕВСТВЕ.

Рассуждение о девстве принадлежит к ранним произведениям св. Иоанна Златоуста, но достоверно неизвестно, тогда ли оно написано, когда он был диаконом или пресвитером антиохийской церкви (380-398 г. по Р. Х.), или, когда еще подвизался в пустыне (374-380). Несомненно, только то, что это произведение сделалось известным прежде Бесед его на 1-е послание ап. Павла к Коринфянам, сказанных в Антиохии, так как в конце 19-й Беседы на это послание сам святитель ссылается на свою книгу о девстве, в которой тщательно изъясняется христианское учение о девстве и его отношение к учению о законном браке, вопреки унижавшим брак еретикам, против которых в начале рассуждения святитель и направляет свою вдохновенную речь.

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. – Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. – Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. – Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. – Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак – чего не бывает у еретиков, поносящих брак. – Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. – Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. – Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. – Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. – Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. – Возможность размножения людей без брака. – Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. – Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. – И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. – Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. – Картина несчастных браков. – Увещание девственниц, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. – Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. – Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. – Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. – Они будут лишены царства небесного. – Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. – Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. – Апостолы выше этого патриарха. – И

богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие примеры редки. – Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большом изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

КРАСОТУ девства иудеи презирают, и это нисколько не удивительно, если они не почтили Самого Христа, родившегося от Девы; а язычники восхищаются и поражаются ею; но ревнует о ней одна только Церковь Божья. Дев еретических я никогда не назову девственницами, – во-первых, потому, что они нечисты, так как не обручены одному мужу, как желает блаженный друг Жениха – Христа, когда говорит: "потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою" (2 Кор. 11:2). Хотя это сказано обо всей полноте Церкви, но под этими словами понимаются и девственницы. Как же могут быть чистыми те, которые не питают любви к одному Мужу, а присоединяют к Нему другого несуществующего бога? Итак, они не могут быть девственницами, во-первых по этой причине; а во-вторых потому, что они, признав брак бесчестным, стали воздерживаться от брака. Приняв же за правило считать брак порочным делом, они заранее лишили себя наград, принадлежащих девству; ибо справедливость требует, чтобы воздерживающиеся от злых дел не венцы получали, а только не подвергались наказанию. И такое установление можно видеть не только в наших, но и внешних (языческих) законах. Убийца, гласят (законы), пусть будет казнен смертью: но не прибавляют: неубивающий пусть получит почести. Вор, гласят (законы), пусть будет наказан; но не повелевают, чтобы удостоивался дара тот, кто не похищает чужого; и, подвергая смерти прелюбодее, они не удостоивают никакой награды того, кто не вредит чужим бракам. Это и весьма справедливо. Надобно воздавать похвалу и удивляться тем, которые преуспевают в добре, а не тем, которые (только) избегают зла; для последних довольно и той чести, если они не терпят ничего худого. Посему и Господь наш угрожал геенною тому, кто без причины и напрасно будет гневаться на брата своего и назовет его уродом (Матф. 5:22), но не обещал царствия небесного тем, которые не гnevаются напрасно и воздерживаются от злословия, а потребовал еще другого, большего и важнейшего, сказав: "любите врагов ваших" (Матф. 5:44). И, желая показать, как маловажно, незначительно и недостойно никакой чести, только воздерживаться от ненависти к братьям, Он, заповедав нечто гораздо большее, т. е. любить их и быть в дружестве с ними, сказал, что и этого недостаточно для того, чтобы нам удостоиться какой-нибудь чести; ибо как это возможно, когда мы в этом отношении нисколько не превосходим язычников? Посему, у нас должно быть приложено к этому нечто другое более важное, если мы желаем требовать награды. Если, говорит (Христос), Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающегося от злословия и гнева на брата, то по одному этому ты не считай себя достойным венцов; потому что Я требую не такой только меры благорасположения; но, хотя бы ты к незлословию прибавил, что и любишь его, ты еще возвращаешься долу и ставишь себя в ряду мытарей; если же ты желаешь быть совершенным и достойным небес, то не останавливайся только на этом, но взойди выше и усвой себе помысел, превосходящий самую природу, то есть – любовь к врагам. Итак, когда все согласны с нами в этом, то пусть перестанут еретики напрасно утруждать самих себя; они не получают никакой награды, не потому, чтобы Господь был не правосуден – да не будет!, – но потому, что они сами несмысленны и лукавы. Как это? Выше доказано, что за одно воздержание от худых дел не полагается никакой награды; а они избегают брака потому, что считают его худым делом: как же они могут требовать награды за уклонение от худого? Как мы не удостоимся венцов за то, что не прелюбодействуем, так они – за то, что не вступают в брак. Им в тот день скажет Имеющий судить нас: Я уготовал почести не для тех, которые только воздерживались от злых дел (это для Меня маловажно), но тех, которые исполняли всякую добродетель, Я ввожу в нетленное небесное наследие. Как же вы, признав брань делом нечистым и скверным, за свое воздержание от скверного требуете наград, уготованных делающим доброе? И агнецв поставляет Он одесную, и

благословляет, и вводит в царство, не за то, что они не похищали чужого, но за то, что и свое собственное разделяли с другими; и того, которому вручено было пять талантов, Он одобряет не потому, что он не уменьшил числа их, но потому, что еще умножил данное и возвратил залог сугубым. Доколе же вы не перестанете бегать напрасно, трудиться тщетно, всеу подвизаться и бить воздух (1 Кор. 9:26; Филип. 2:16)? И, о если бы только напрасно! - хотя для трудившихся много и ожидавших наград еще больших, чем труды, и то не малым послужит наказанием, что они во время почестей окажутся между не получившими их.

2. Но не в этом только состоит их несчастье, и не тем только ограничится страдание их, что они ничего не приобрели; но последуют другие, еще гораздо более тяжкие наказания, - огонь неугасающий, червь неумирающий, тьма кромешная, скорбь, теснота. Посему нам нужны бесчисленные уста и ангельская сила, чтобы мы могли создать Богу достойную благодарность за Его попечение о нас; или лучше - и тогда это невозможно. Почему? Хотя старание о девстве и у нас и у еретиков одинаково, а может быть у них и гораздо большее, но плод этих трудов не одинаков: для них (готовятся) узы, слезы, скорби и вечные мучения, а для нас - участь ангельская, блистательные светильники и главнейшее из всех благ - общение с Женихом. Отчего же так, - за одни и те же труды возмездие противоположное? Оттого, что они (еретики) избрали девство, чтобы поставить закон противный Богу; а мы это делаем, чтобы исполнить Его волю. Бог хочет, чтобы все люди воздерживались от брака, по свидетельству того, через которого Христос говорит: "ибо желаю, чтобы все люди были, как и я" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Но Спаситель, щадя нас и зная, что "дух бодр, плоть же немощна" (Матф. 26:41), не поставил этого дела в непрременную заповедь, но предоставил избрание его нашим душам. Если бы это было повелением и законом, то исполняющие его не получили бы награды, но услышали бы: "потому что сделали, что должны были сделать" (Лук. 17:10); равно как и преступившие не получили бы прощения, но подверглись бы наказанию, как нарушители закона; теперь же, сказав: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12), (Спаситель), с одной стороны, не осудил немогущих, а с другой - могущим открыл великий и чрезвычайный подвиг. Посему и Павел, шествуя по следам Учителя, говорит: "относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет" (1 Кор. 7:25).

3. Но ни Маркион, ни Валентин, ни Манес [1] не удержались в (пределах) такой умеренности; ибо в них говорил не Христос, щадящий овец Своих и полагавший за них душу Свою, но человекоубийца, отец лжи (Иоан. 10:11; 8:44). Посему, они погубили и всех поверивших им, здесь обременив их бесполезными и невыносимыми трудами, а там увлекши вместе с собою в уготованный для них огонь.

4. О, вы более несчастны, чем даже язычники! Хотя язычников ожидают мучения геенны, но они, по крайней мере, здесь пользуются удовольствиями, вступая в браки, наслаждаясь богатством и другими житейскими приятностями; вам же и здесь и там предстоит терпеть мучения и скорби, здесь добровольно, а там невольно. И язычникам за пост и девство награды никто не даст и не предложит наказание; а вы подвергнетесь крайнему осуждению за то самое, за что ожидали бесчисленных похвал, и вместе с другими услышите: "идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его" (Матф. 25:41) - за то, что вы постились, за то, что вы девствовали. Сами по себе пост и девство ни добро, ни зло, но бывают тем или другим от намерения упражняющихся в них. Для язычников такая добродетель бесплодна; потому что они удаляют от себя награду тем, что не по страху Божью преуспевают в ней; а вы, восставая против Бога и клеветая на Его создания, не только удаляете от себя награду, но даже будете за то наказаны. За догматы вы будете поставлены наряду с язычниками; потому что, подобно им, отвергши истинного Бога, вы ввели многобожие; а по жизни они будут лучше вас. Их беда ограничивается тем, что они не получают никакого блага, вам же

предстоит кроме того терпеть еще и зло; но им пришлось насладиться всем в настоящей жизни, а вы лишили себя и того и другого. Получить мучения в воздаяние за труды и усилия - может ли какое-нибудь наказание быть тяжелее этого? Прелюбодей, любостыжатель, пользующийся чужим, обкрадывающий ближнего, имеют некоторое утешение, хотя маловажное, однако имеют, - в том, что они наказываются за здешние наслаждения. Но и сказать нельзя, какая скорбь постигнет того, кто добровольно принял нищету, дабы там обогатиться, и решился на подвиги девства, дабы там ликовать вместе с ангелами, и вдруг, сверх всякого ожидания, будет наказываться за то самое, за что надеялся получить бесчисленные блага. Я думаю, что совесть будет терзать его так же, как огонь, когда он представит, что те, которые одинаково с ним трудились, пребывают со Христом, а он за то же самое, за что они наслаждаются неизреченными благами, терпит крайнее наказание, и, хотя вел строгую жизнь, страдает даже более людей распутных и сладострастных.

5. Подлинно, целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость; такие сети расставляет дьявол своим служителям. А что девство еретиков действительно есть изобретение его лукавства, это говорю не я, а Тот, Кому не безызвестны его замыслы. Что же Он говорит? "Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением" (1 Тим. 4:1-3). Как же может быть девственницей та, которая отступила от веры, слушается обольстителей, доверяется демонам, почитает ложь? Как может быть девственницей та, у которой сожжена совесть? Девственница должна быть чиста не телом только, но и душой, если желает принять святого Жениха; а та (дева еретическая) как может быть чистой, имея столько пятен? Если надобно устранять даже житейские попечения от этого брачного чертога, как несовместные с его благообразием, то, как будет в состоянии сохранить красоту девства та, внутри которой обитает нечестивый помысел?

6. Хотя тело ее и остается нерастленным, но растлилась лучшая часть ее - душевные помыслы; а что пользы в том, что остаются ограды, когда храм разрушен? Или какая польза от того что место престола остается чистым, если самый престол осквернен? А лучше сказать, и тело ее не свободно от осквернения. Богохульство и злоречие хотя рождаются внутри, но не остаются в душе, а, быв произнесены устами, оскверняют как язык (говорящего), так и слух внимающего, и, подобно ядовитым зельям, проникая в самую душу, передают корень (существа человеческого) хуже всякого червя, а с ним вместе губят затем и все тело. Итак, если сущность девства состоит в святости тела и духа, а (дева еретическая) осквернена и нечиста в том и другом отношении, то, как может она быть девственницей? Но она указывает мне на бледность (своего лица), на изнуренные члены (тела), на убогую одежду, на смиренный взор. А что пользы в этом, когда внутренний взор ее бесстыден? Что может быть бесстыднее того взора, который располагает и здешние глаза - смотреть на создания Божьи, как на зло? "Вся слава дочери Царя внутри" (Псал. 44:14); а она извратила стройность этого изречения, извне облекшись в славу, а внутри имея всякое бесчестие. В том и беда, что перед людьми она выказывает великое благоприличие, а перед создавшим ее Богом позволяет себе великое безумие; и та, которая остерегается взглянуть на мужчину, - если только есть такие (девы) между еретиками, - бесстыдными очами взирает на Владыку людей и изрекает хулу на небо: побледнело у них лицо и уподобилось мертвому. Потому они и достойны слез и многих сетований, что приняли на себя такой труд не только напрасно, но и на погибель своей головы.

7. Одежда их убога? Но не в одеждах и не в цвете одежд заключается девство, а в теле и душе. Если мы о философе судим не по волосам, не по трости и не по хитону, но по нравам и душе, и о воине - не по плащу и поясу, но по силе и мужеству; то не нелепо ли было бы так просто и легкомысленно полагать всю доблесть девственницы, - этого дивного и превосходящего все человеческое явления, - в неубранных волосах, в поникшем лице и в серой одежде, не вникнув в ее душу и не исследовав тщательно ее внутреннего настроения? Но этого не допускает тот, кто постановил законы такого подвижничества. Он повелевает не по одеждам судить о посвятивших себя на этот подвиг, но по верованиям и по душе. "Все подвижники", говорит он, "воздерживаются от всего" (1 Кор. 9:25), от всего вредного для здоровья души; и: "не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2:5). Какие же законы этого подвижничества? Послушай, что еще он говорит, или лучше, через него Сам Подвигоположник Христос: "брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4).

8. Но что мне до этого, скажешь ты, когда я совершенно отказалась от брака? Вот это, - о, несчастная! - это и погубило тебя, что ты думаешь, будто это учение не имеет никакого к тебе отношения. Оттого ты, увлекшись непомерным презрением к этому предмету, и оскорбила Божью премудрость и оклеветала все создание. Если бракосочетание - дело нечистое, то нечисты и все рождающиеся от него, нечисты и вы, чего я не сказал бы о природе человеческой. Как же нечистая будет девственницей? Вами придуман этот второй, или - лучше - третий род осквернения и нечистоты; вы, избегая брака, как нечистого, через это самое удаление стали сквернее всех, изобретши девство, которое гнуснее прелюбодеяния. С кем же мы поставим вас наряду? С иудеями? Но они не потерпят этого, потому что почитают брак и восхищаются созданием Божиим. С нами? Но вы не захотели послушать Христа, говорящего через Павла: "брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4). Остается (наконец) поставить вас наряду с язычниками; но и они также оттолкнут вас, так как вы нечестивее их. Платон говорит, что благ был устроивший все это, и что в благом не бывает зависти ни к кому и ни в чем [2]; а ты называешь Его злым и виновником злых дел. Но не пугайся: общниками в таком учении ты имеешь дьявола и ангелов его, или - лучше - и не их, ибо, хотя они и внушили тебе такое безрассудство, не думай, чтобы они и сами так рассуждали. Они знают, что Бог благ. Послушай, как они сами говорят, то, взывая: "знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий" (Марк. 1:24), то такими словами: "сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения" (Деян. 16:17). Неужели еще вы будете упоминать о своем девстве и хвалиться им, вместо того, чтобы, удалившись плакать о самих себе и рыдать о безумии, которым дьявол связал вас, как пленниц, и увлек в огонь геенны? Ты не вступала в брак? Но это еще не девство. Я могу называть девственницею только такую женщину, которая, быв властна вступить в брак, однако не вступила; а когда ты говоришь, что брак принадлежит к числу запрещенных дел, то твой подвиг становится уже не подвигом произволения, но требованием закона. Посему мы удивляемся тем из персов, которые не женились на своих матерях, но не удивляемся тому же у римлян; потому что у последних такое дело представлялось омерзительным для всякого, а у персов безнаказанность державших на это, делала достойными похвалы тех, которые воздерживались от подобных кровосмешений. Так же надобно рассуждать и о браке. У нас он позволен всем и посему мы справедливо удивляемся безбрачным; а вы, поставившие брак наряду с худшими делами, уже не можете ожидать похвал за безбрачие; ибо воздержание от запрещенного еще не есть признак доблестной и бодрой души. Совершенство добродетели состоит не в том, чтобы не делать того, за что мы у всех стали бы считаться худыми, но в том, чтобы блистать такими делами, которые и не совершивших не подвергают за это осуждению, и совершивших и отличившихся ими не только освобождают от славы дурных людей, но и поставляют в ряду добродетельных. Как никто не будет хвалить за девство евнухов, не вступающих в брак, так и вас. Что у них происходит по необходимости естества, то у вас делается по предубеждению лукавой

совести; и, как евнухов телесный недостаток лишает уважения за это дело, так и вас, хотя и остающихся с естеством неповрежденным, лишив здравых мыслей и поставив в необходимость быть безбрачными, дьявол, с одной стороны изнуряет трудами, и с другой - не допускает получить почести. Ты препятствуешь вступить в брак? Поэтому за безбрачие тебе и предстоит не награда, а наказание и мучение.

9. А ты, скажет кто-нибудь, разве не препятствуешь браку? - Отойди от меня, чтобы и мне не впасть в безумие вместе с тобою. - Почему же, скажешь, ты увещаешь не вступить в брак? - Потому, что девство я считаю гораздо досточтимее брака; и, однако, через это я не поставлю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его. Он есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе. Выставляя законное совокупление, как оплот, и таким образом удерживая волны похоти, он поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии. Но есть люди, которые не нуждаются в таком ограждении, и вместо того укрощают ярость естества постами, бдениями, земными поклонами и другими суровостями жизни; таким людям я советую не вступать в брак, но не запрещаю брака. Между советом и запрещением великое различие, такое, какое между произволением и необходимостью. Советующий предоставляет слушателю власть в избрании того, что он советует; а запрещающий отнимает у него эту власть. Притом я, советуя, не оуждаю брака и не виню того, кто не послушается меня, а ты, отвергая брак и признавая его дурным делом, и присваивая себе право законодателя, а не советника, естественно ненавидишь тех, кто не слушается тебя. Не так я (поступаю); но с одной стороны удивляюсь выступившим на этот подвиг, а с другой не виню и тех, которые остаются вне этого подвига. Осуждение тогда только было бы справедливо, если бы кто стремился к признанному всеми злу; тот же, кто имеет меньшее благо, и не достиг большего, хотя лишается похвал и удивления за это, но по справедливости не может быть осуждаем. Как же я препятствую вступить в брак, когда не осуждаю брачующихся? Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда. И дерзающих на первое, я наказываю и отлучаю от церковного общества, а избравших последнее, если они соблюдают целомудрие, я непрестанно хвалю. Таким образом, отсюда происходят две выгоды: одна та, что не осуждается установление Божье, а другая та, что не только не унижается достоинство девства, но даже оказывается гораздо более почтенным.

10. Так, кто оуждает брак, тот сокращает славу и девства; а кто одобряет брак, тот еще более возвышает девство и делает его более дивным и светлым. Что является добром в сравнении лишь со злом, то не есть еще великое добро; а что лучше всякого общепризнанного добра, то есть добро по преимуществу; таким добром мы и представляем девство. Посему как те, которые оуждают брак, лишают через то похвал девство, так не порицающий брака восхваляет не столько брак, сколько девство. И из тел мы называем красивыми не те, которые лучше изуродованных, но те, которые лучше целых и не имеющих никакого повреждения. Брак - добро; и девство потому достойно удивления, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчий превосходнее гребцов и полководец - воинов. Но как, отняв у корабля гребцов, ты потопишь корабль, и, удалив из сражения воинов, предашь в плен врагам самого полководца; так и здесь, если ты низведешь брак с его высокой степени, то уронишь славу девства и низведешь его до последней степени зла. Девство - добро: утверждаю это и я; оно лучше брака: и с этим соглашаюсь. И если угодно, я прибавлю, насколько оно лучше, - именно настолько, насколько небо лучше земли, и ангелы - людей, а сильнее сказать, то и этого больше. Ангелы, хотя также не женятся и не посягают (Марк. XII, 25), но не имеют плоти и крови, живут не на земле, не тревожатся множеством вожделений, не нуждаются в пище и питье, не расслабляются приятной песнью, не соблазняются красивым лицом и не испытывают ничего другого подобного; а как в ясный полдень небо представляется

чистым, не затмеваясь ни каким облаком, так и их природа необходимо пребывает светлой и блистательной, не омрачаясь никакой похотью.

11. Род же человеческий, по природе своей уступая этим блаженным существам, напрягает свои силы и тщательно старается, по возможности, сравниться с ними. Каким образом? Ангелы ни женятся, ни посягают; не делает этого и девственница. Те непрестанно предстоят и служат Богу: то же делает и девственница. Посему и Павел освободил девственниц от всех других забот, для непрестанного и не развлекаемого служения Богу (1 Кор. 7:35 и дал.). Хотя они пока еще не могут восходить на небо, как ангелы, потому что плоть удерживает их, но и здесь они имеют великое утешение, принимая самого Владыку небес, если будут святы телом и духом. Видишь ли достоинство девства, как оно способствует пребывающим на земле проводить жизнь подобно небожителям, облеченным плотью не позволяет уступать силам бесплотным, людей ведет к соревнованию с самими ангелами? Но все это не относится к вам, искажающим такое дело, клеветующим на Владыку, называющим Его злым. Вас ожидает наказание лукавого раба, а девственницам Церкви предлежат многие и великие блага, превосходящие и зрение, и слух и мысль человеческую. Посему, оставив еретиков (так как для них довольно уже сказано), обратим речь затем к чадам Церкви.

12. С чего же прилично начать слово? С тех самых слов Господа, которые Он вещает через блаженного Павла; ибо надобно верить, что совет апостола есть совет Господа. Так словами: "а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь" (1 Кор. 7:10), и еще: "прочим же я говорю, а не Господь" (1 Кор. 7:12), апостол не то хочет сказать, что одно из этих (завещаний) принадлежит ему самому, а другое Господу. Как решился бы сказать, или помыслить что-нибудь неугодное Христу, и притом в виде узаконения, тот, кто имел в себе говорящего Христа, кто для того только старался и жить, чтобы жил в нем Христос, у кого и царство и жизнь, и ангелы и силы, и всякое другое творение и вообще все занимает второстепенное место после любви к Нему? Итак, что же значат слова апостола: "я" и "не я"? То, что одни из законов и догматов преподал нам Христос, Сам, непосредственно, а другие через апостолов. А что Сам Он не все (законы и догматы) постановил непосредственно, об этом, послушай, что говорит Он: "еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить" (Иоан. 16:12). Таким образом, "жене не разводиться с мужем" (1 Кор. 7:10) Христос еще прежде постановил, когда был на земле во плоти, и потому апостол говорит: "а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь". Но касательно неверных Он ничего не сказал нам Сам непосредственно, а дал закон, подвигнув к тому душу Павла. Посему и сказал апостол: "не Господь, но я", желая выразить не то, что сказанное им есть учение человеческое (как это возможно?), но что Господь преподал эту заповедь не тогда, когда обращался с учениками, а после - через него. Как слова: "Господь, не я" - не то означают, будто он не соглашается с повелением Христа; так и слова: "я, не Господь" - означают не то, будто апостол говорит что-нибудь особенное, неугодное Богу, но только то, что эта заповедь теперь преподается через него. Так и, беседуя о вдовице, он говорит: "но она блаженнее, если останется так, по моему совету" (1 Кор. 7:40). Потом, дабы ты, услышав слова: "по моему совету", не подумал, будто это суждение человеческое, он, устраняя недоразумение, прибавил: "а думаю, и я имею Духа Божия" (1 Кор. 7:40). Как то что он вещает от Духа и называет своим мнением, мы поэтому не назовем изречением человеческим, так и здесь, когда он говорит: "я говорю, не Господь", не думай, будто это - слово Павлово; ибо он имел в себе говорящего Христа, и не дерзнул бы изречь такого учения, если бы не принял от Него для нас этого закона. Иначе кто-нибудь сказал бы ему: я, как верный, не могу жить с неверной, чистый с нечистой; ты же сам предварительно сказал, что это говоришь ты, а не Господь; где же я найду безопасную и надежную опору? А Павел сказал бы ему: не бойся; для того я и сказал, что имею в себе говорящего Христа и что "а думаю, и я имею Духа Божия", чтобы ты в словах моих не подозревал ничего человеческого; если бы это было не так, то я не

приписал бы такой силы своим суждениям. "Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны" (Премуд. 9:14). И вся вселенская Церковь подтверждает силу этого закона, в точности соблюдая его; а она не соблюдала бы, если бы не была вполне убеждена, что это изречение есть повеление Христово. Итак, что же Павел говорит по внушению Господа? "а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1). Здесь можно бы похвалить коринфян за то, что они, не получив от учителя никакого совета касательно девства, сами предупредили его своим вопросом. Отсюда уже открывается преуспеяние их в благодати, так как в ветхом завете этот предмет не подвергался недоумению; ибо не только все прочие, но и левиты и священники, и сам великий архиерей придавали великую важность браку.

13. Почему же коринфяне пришли к такому вопросу? Они ясно и хорошо понимали, что для них потребна высшая добродетель, так как они удостоены и большего дара. Достоинно внимания и то, почему апостол прежде никогда не предлагал им такого совета; если бы они слышали что-нибудь подобное прежде, то, конечно не написали бы снова, спрашивая опять о том же. Подлинно, и здесь можно видеть глубину мудрости Павла. Не без причины и не напрасно он прежде не давал совета касательно этого дела, но ожидал, чтобы наперед сами они пожелали и получили некоторое понятие о нем, чтобы, имея перед собою души уже расположенные к девству, с пользой сеять слово, когда самое расположение слушателей к этой добродетели много способствовало бы к принятию увещания; а с другой стороны он показал этим величие и большую важность самого дела. В противном случае, он, конечно, не ожидал бы их готовности, но сам предварительно предложил бы это, если не в виде повеления и заповеди, то в виде увещания и совета. Не начиная сам делать этого прежде, он ясно внушил нам, что девство требует многих усилий и великих подвигов; и поступил так, подражая и здесь общему нашему Владыке, Который тогда стал беседовать о девстве, когда спросили Его о том ученики. Так, когда они говорили: "если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться", тогда Он сказал: "есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:10,12). Когда требуемое дело велико, и потому не может быть поставлено в необходимую заповедь, тогда надобно ожидать готовности намеревающихся исполнять его, возбуждая в них наперед хотение и желание другим каким-нибудь образом и незаметно для них. Так и поступил Христос. Не беседами о девстве Он возбудил в них желание девства, но, беседуя только о браке и показывая его тяжесть и не простирая речи далее этого, Он так мудро устроил, что не слышавшие еще ничего о безбрачии сами от себя сказали: "лучше не жениться". Посему и Павел, подражатель Христов, говорил: "а о чем вы писали ко мне", как бы оправдываясь пред коринфянами и говоря так: я не решался возводить вас на такую необыкновенную высоту по причине трудности этого дела; но когда вы сами предварительно написали мне об этом, то я смело даю вам совет. Почему он нигде в другом месте не сделал подобного прибавления, хотя они о многом писали к нему? Не почему-либо другому, как потому, о чем я теперь сказал: т. е. чтобы кто-нибудь не огорчился таким увещанием, он напоминает им о письмах, которые они прислали ему, и притом предлагает увещание не строго, хотя имел повод к тому, но весьма снисходительно, подражая и в этом Христу; ибо и Спаситель, окончив речь о девстве, присовокупил: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12). Что же говорит апостол? "а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1).

14. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если добро "хорошо человеку не касаться женщины", то для чего установился в жизни брак? Какая будет нам нужда в женщине, если она не будет приносить нам пользы ни в браке, ни в деторождении? И что воспрепятствует уничтожению всего рода человеческого, когда смерть каждодневно убавляет и поражает его, а это учение не позволяет восстанавливать других на место падших? Если бы мы все стали ревновать об этом благе и не прикасались бы к женщинам,

то исчезло бы все, и города и дома, и нивы и искусства, и животные и растения; потому что, как с падением военачальника необходимо расстраивается весь порядок войска, так и с уничтожением, от безбрачия, царствующего над всем земным человека, ничто остальное не останется в прежнем устройстве и порядке, и, таким образом, эта добрая заповедь исполнит вселенную бесчисленных зол. Если бы так говорили только враги и неверные, то я признал бы слова их маловажными; но так как и многие, по-видимому, принадлежащие к Церкви говорят это, с одной стороны, по слабости воли оставив девственные подвиги, а с другой - желая охудением и пренебрежением девства прикрыть свое нерадение, чтобы иметь повод уклоняться от этих подвигов не по небрежности, а по здравому суждению ума, то мы теперь, оставив врагов ("душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием" (1 Кор. 2:14)), научим выдающих себя за наших тому и другому, т. е., что девство не только не излишне, но и очень полезно и необходимо, и что такое суждение не останется для них безнаказанным, но навлечет на них столько бед, сколько подвизающиеся в девстве получают наград и похвал. Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир. Первозданный жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, - и он явился; и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и доселе, и люди оставались бы без него, живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседой с Богом; плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлomu ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. На всей земле не было тогда людей, чего теперь боятся те попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужих делах, а не хотят помышлять о своих, которые опасаются, как бы не прекратился весь род человеческий, а нерадят каждый о собственной душе так, как бы о чужой, хотя о ней потребуются от них точный отчет даже в малейших предметах, между тем как, за уменьшение людей они не будут подлежать ни малейшей ответственности. Не было тогда ни городов, ни искусств, ни домов, о чем вы также не мало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей, чем настоящая. Когда же (первозданные) преслушались Бога и сделали землю и пеплом, то вместе с той блаженной жизнью утратили и красоту девства; и оно, вместе с Богом, оставило их и удалилось. Пока они не были уловлены дьяволом и почитали своего Владыку, дотеле и девство продолжало украшать их более, нежели царей украшают диадема и золотые одежды; а когда они, сделавшись пленниками, сняли с себя это царское одеяние и сложили это небесное украшение, и приняли смертное тление, проклятие, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вместе с этим произошел и брак - эта смертная и рабская одежда. "а женатый", говорит (апостол), "заботится о мирском" (1Кор. 7:33). Видишь ли, откуда получил свое начало брак и отчего он оказался необходимым? От преслушания, от проклятия, от смерти. Где смерть, там и брак; не будь первой, не было бы и последнего. Но девство не имеет такой связи (со смертью); оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти, и после смерти, и прежде брака и после брака. Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаясь, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем ангелов служат Богу и тысячи тысяч архангелов предстоят Ему (Дан, VII, 10), и ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом, Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди.

15. И теперь не сила брака умножает род наш, но слово Господне, сказанное в начале: "плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю" (Быт. 1:28). Помог ли, скажи мне, брак Аврааму в деторождении? Не после ли столь многих лет брачного состояния он сказал: "Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным" (Быт. 15:2)? Посему, как тогда

в омертвевших телах Авраама и Сарры Бог устроил источник и корень столь многих тысяч людей, так и в начале, если бы Адам и Ева, повинувшись заповедям Его, удержались от наслаждения древом (познания добра и зла), не оказалось бы недостатка в способе, как размножить род человеческий. Ни брак, без соизволения Божьего, не может умножить числа существующих людей, ни девство не может повредить размножению их, когда Он желает, чтобы их было много; но Бог соизволил так, как говорит (Писание), из-за нас и вследствие нашего непослушания. Иначе, почему брак не явился прежде обольщения? Почему в раю не было соития? Почему прежде проклятия не было болезнью чадородия? Потому, что тогда это было излишним, а после стало необходимым, по причине нашей немощи, как это, так и все прочее: города, искусства, одежды и множество остальных нужд. Все это привлекла и привнесла смерть вместе с собою. Итак, что допущено по причине твоей немощи, того не предпочитай девству или, лучше сказать, и не равняй с ним; иначе, продолжая эту речь, ты скажешь, что и двух жен иметь лучше, нежели довольствоваться одною, так как и это дозволено в законе Моисеевом; а затем ты предпочтешь также богатство произвольной нищете, пресыщение воздержанию и мщение великодушному перенесению обид.

16. Ты же, скажет кто-нибудь, охуждаешь все это. - Нисколько не охуждаю, потому что это позволено Богом и в свое время было полезно; но я утверждаю, что это маловажно и составляет занятие более детей, нежели мужей. Посему и Христос, желая сделать нас совершенными, повелел отлагать это, как одежды детские и неспособные ни прикрыть человека взрослого, ни украсить "в меру полного возраста Христова" (Ефес. 4:13), а повелел облекаться в одежды более благообразные и совершенные, не противореча себе, но вполне последовательно. Хотя последнее повеление больше первого, но цель Законодателя одна и та же. Какая же это цель? Пресечь порочность нашей души и возвести ее к совершенной добродетели. Если бы Он заботился не о том, чтобы поставить закон высший в сравнении с прежним, но о том, чтобы оставить все в одном и том же виде навсегда и никогда не освободить от прежней недостаточности, то это было бы делом того, кто весьма противоречит самому себе. И как, если бы Он узаконил такой строгий образ жизни в начале, когда род человеческий был еще в детстве, мы никогда не получили бы соразмерного (узаконения) и от такой несоразмерности расстроилось бы все дело нашего спасения; так, и если бы Он после долгого времени оставил в силе на земле руководство закона, когда время уже призывало к небесному любомудрию, мы не получили бы никакой пользы от Его пришествия, ибо совершенство, для которого совершилось это пришествие, не касалось бы нас.

17. А теперь произошло подобное тому, что бывает с птенцами. Когда мать вскормит их, то выводит из гнезда; если же заметит, что они еще слабы, падают и имеют нужду оставаться внутри гнезда, то оставляет их там еще на несколько дней, не с тем, чтобы они навсегда там оставались, но чтобы впоследствии, когда у них хорошо окрепнут крылья и когда придет сила, они могли летать безопасно. Так и Господь наш искони влек нас к небу и указывал нам путь, ведущий туда, не не зная, а, вполне зная, что мы были неспособны к такому парению, но желая показать нам, что наше падение бывает не по Его воле, а по нашей немощи. Показав это, Он потом оставил нас на долгое время воспитываться в этом мире и браке, как бы в гнезде. Когда же у нас в течение долгого времени выросли крылья добродетели, то Он пришедши стал тихо и мало-помалу выводить нас из здешнего жилища, научая парить в горнее. Таким образом, тогда как некоторые, оставаясь нерадивыми и почивая глубоким сном, пребывают еще в гнезде, прилепившись к мирскому, другие, поистине благородные, любящие свет, с великою легкостью покинув это гнездо, взлетают на высоту и достигают небес, отказавшись от всего земного, от брака, имущества, забот, вообще от всего, что обыкновенно привлекает нас к земле. Посему, мы не должны думать, что сначала дозволенный брак сделался впоследствии такою необходимостью, которая препятствует уклоняться от брака. Что

Господь желает, чтобы мы уклонялись от брака, о том послушай, как Он говорит: "кто может вместить, да вместит" (Матф. 19:12). Если же Он сначала не узаконил этого, не удивляйся: и врач больным не предписывает всего вдруг и в одно и то же время, но пока они одержимы горячкою, он удерживает их от твердой пищи, а когда горячка и происшедшая от нее слабость в теле пройдет, тогда он, наконец, избавив их от неприятных яств, предлагает им обычную пищу. Как в телах стихии, перемешавшись одни с другими, вследствие своего избытка или недостатка, производят болезнь: так и в душе неумеренные порывы страстей расстраивают ее здоровье; и весьма нужно во время, соответствующее появившимся страстям, иметь еще заповедь (против них), так как без того и другого закон сам по себе не в состоянии исправить происшедшее в душе нестроение, подобно тому, как естественные свойства лекарств сами по себе никогда не могут уничтожить рану, а что для ран - лекарства, то для грехов - законы. Врача, производящего то вырезывание, то прижигание, а иногда не делающего ни того, ни другого при одних и тех же ранах, и притом часто не достигающего своей цели, ты не расспрашиваешь; почему же ты, человек, испытываешь Бога, никогда не погрешающего, но все устраивающего достойно свойственной Ему премудрости, требуешь от Него отчета в заповедях и не хочешь уступить бесконечной премудрости? Не крайнее ли это безумие? Он сказал: "плодитесь и размножайтесь" (Быт. 1:28) потому, что этого требовало время, когда природа неистовствовала и не могла выдерживать напора страстей, и не имела при такой буре никакой другой пристани для прибежища. И что другое следовало бы заповедать? Проводить жизнь в воздержании и девстве? Но от этого произошло бы тяжчайшее падение и более усилилось бы пламя (страстей). Если бы детей, имеющих нужду в одном только молоке, кто-нибудь лишил этой пищи и принудил принимать другую, пригодную для взрослых, то ничто не избавило бы их от скорой смерти. Так вредна безвременность. Посему и девство не преподано в начале: или лучше сказать, девство явилось нам в начале и прежде брака, а после по изъясненным причинам превзошел брак и стал считаться необходимым, хотя в нем и не было бы нужды, если бы Адам пребыл послушным. Каким же образом, скажешь, произошло бы столько тысяч людей? Если тебя продолжает очень беспокоить это опасение, то я опять спрошу тебя: как произошел Адам, как Ева, без посредства брака? Неужели, скажешь, таким образом стали бы происходить все люди? Таким или другим, об этом я не стану говорить, потому что теперь объясняется то, что Бог не имел нужды в браке для размножения людей на земле.

18. А что не девством причиняется уменьшение человеческого рода, а грехом и распутством, это показала бывшая при Ное погибель людей и скотов и вообще всего живущего на земле. Если бы сыны Божьи устояли тогда против порочной похоти и почтили девство, если бы они не взирали нечестивыми очами на дочерей человеческих, то их не постигла бы такая погибель. Впрочем, пусть никто не думает, будто причиною их гибели я считаю брак; не об этом я говорю теперь, но о том, что род наш погибает и истребляется не от девства, а от греха.

19. Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени. Свидетель этому Павел, который говорит: "но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену" (1 Кор. 7:2). Не сказал: для деторождения. И затем "будьте вместе" (1 Кор. 7:5) повелевает он не для того, чтобы сделаться родителями многих детей, а для чего? "чтобы не искушал", говорит, "вас сатана". И продолжая речь, не сказал: если желают иметь детей, а что? "но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак" (1 Кор. 7:9). В начале брак имел, как я сказал, две вышеупомянутые цели, но впоследствии, когда наполнились и земля, и море, и вся вселенная, осталось одно только его назначение - искоренение невоздержания и распутства; ибо для людей, которые и теперь еще предаются этим страстям, хотят вести жизнь свиней и растлеваться в непотребных убежищах, брак не мало полезен, освобождая их от нечистоты и такой потребности и сохраняя их в святости и честности. Впрочем, доколе я буду сражаться с теньями? Сами вы,

говорящие это, не хуже нас знаете превосходство девства, и все, что вами сказано, суть только вымыслы, предлоги и прикрытия невоздержания.

20. Если бы даже можно было безнаказанно говорить это, и тогда надобно было бы воздержаться от порицания (девства). Кто держится своего мнения против чего-либо хорошего, тот, кроме другого вреда, своим превратным и несправедливым отзывом представляет всем немалое свидетельство собственного непотребства; посему, если не по другой какой причине, то, по крайней мере, во избежание столь дурного о себе мнения, следовало бы удерживать язык, помня, что тот, кто удивляется людям, прославившимся величайшими подвигами, хотя бы сам и не мог достигнуть того же, получит прощение от всех, а тот, кто, кроме того, что сам не подвизается, еще и оуждает достойное многих венцов, справедливо будет всеми ненавидим, как враг и противник добродетели и находящийся в худшем состоянии, чем сумасшедшие. Эти люди не сознают того, что делают, и невольно подвергаются страданиям, а потому, когда даже оскорбляют властителей, не только не наказываются, но и возбуждают жалость к себе в самих обиженных. Если же кто самовольно дерзнет на то, что те делают невольно, то справедливо будет осужден единогласно всеми, как враг нашей природы.

21. Таким образом, как я сказал, от порицания (девства) следовало бы воздерживаться и тогда, когда бы такое порицание было безопасно. Но между тем, с этим сопряжена еще великая опасность; ибо не тот только, кто "сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветешь" (Псал. 49:20), будет наказан, но и тот, кто дерзает порицать то, что перед очами Божиими прекрасно. Послушай, что говорит другой пророк, рассуждая о том же самом: "горе тем, которые зло называют добром, и добро - злом, тьму почитают светом, и свет - тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое - горьким" (Иса. 5:20). А что сладостнее, прекраснее и светлее девства? Оно издает лучи светлее самых лучей солнечных, отрешая нас от всего житейского и приготовляя взирать чистыми очами прямо на Солнце правды. Это возглашал Исаия о тех (из иудеев), которые имели у себя превратные суждения; а послушай, что говорит другой пророк о произносящих против других такие пагубные слова, начиная речь тем же самым восклицанием: "горе напояющему подруга своего развращением мутным" (Авв. 2:15) (синод. пер. - "горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей"). - "Горе" здесь не пустое слово, но угроза, предвещающая нам невыразимое и беспощадное мучение; ибо в Писаниях это междометие употребляется о тех, которые уже не могут избежать будущего наказания. И еще другой пророк, укоряя иудеев, говорит: "назореев поили вином" (Амос. 2:12). Если же такому наказанию подвергнется напояющий назореев вином, то какой казни не будет достоин тот, кто вливает "мутное развращение" в простые души? Если подрывающий малую часть законного подвижничества неизбежно подвергается мучению, то какое осуждение постигнет того, кто дерзает потрясать всю эту святыню? "а кто соблазнит одного из малых сих", говорит (Господь), "тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской" (Матф. 18:6). Что же скажут те, которые соблазняют своими словами не одного малого, но многих? Если, называющий брата уродом, будет прямо ввержен в геенский огонь, то какой гнев навлечет на свою голову тот, кто порицает этот равноангельский образ жизни? Посмеялась некогда Мариам над Моисеем, не так впрочем, как вы теперь - над девством, а гораздо меньше и умереннее, ибо она не унижала его и не осмеивала доблести этого ублажаемого тогда мужа, но и очень уважала его, а сказала только, что и она достигла того же, чего достиг он; и однако, этим навлекла на себя такой гнев Божий, что несколько не помогли даже усиленные молитвы самого обиженного, но наказание ее продлилось долее, нежели как он думал.

22. Что я говорю о Мариам? Даже дети, игравшие подле Вифлеема, когда сказали Елисею только: "иди, плешивый" (4 Цар. 2:23-24), так прогневали Бога, что при этих словах

медведицы напали на их толпу (их было сорок два), и все они тогда были растерзаны этими зверями: ни возраст, ни многочисленность, ни то, что они говорили это в шутку, - ничто не спасло отроков; и весьма справедливо. Если принявшие на себя такие подвиги будут осмеиваться и детьми и взрослыми, то кто из слабейших решится принять на себя подвиги, преследуемые насмешками и глумлением? Кто из народа будет ревновать о добродетели, видя ее в таком посмеянии? Если теперь, когда ей все везде удивляются, не только те, которые упражняются в ней, но и те, которые отпали от нее, - многие не решаются и уклоняются от этих подвигов, то скоро ли кто-нибудь захотел бы избрать ее, если бы видел, что все люди, кроме того, что не восхищаются ею, но еще клеветают на нее? Мужья очень крепкие и как бы уже переселявшиеся на небо, конечно, несколько не нуждаются в ободрении от толпы: для их ободрения вполне достаточно похвалы от Бога; но слабейшие и недавно приступившие к этому подвигу получают не малое подкрепление от мнения народа, пока, руководимые всеми, они мало-помалу достигнут того, что не станут нуждаться в таком руководстве. И не для них только бывает это, но и для спасения самих издевающихся, чтобы они не преуспевали больше в своей порочности от того, что не получили никакого наказания за прежнее. При этих словах мне пришло еще на память случившееся при Илие (4 Цар. 1:9 и сл.). Что за Елисея потерпели дети от медведиц, тоже за учителя его потерпели два пятидесятка мужей (царя Охозии) вместе с начальниками их от огня, воспламенившегося свыше. Когда они, с великой насмешкой подойдя (к горе, где сидел Илия), звали праведника и приказывали ему сойти к ним, то, нисшедший вместо него огонь, поглотил всех их, подобно тем зверям. Итак, все вы, враги девства, размыслив об этом, приложите двери и запоры к устам своим, чтобы и вам в день суда, когда вы увидите там блистающих девством, не пришлось говорить, "это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его — со святыми? Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас" (Премудр. 5:3-6). Но что пользы от этих слов в то время, когда уже покаяние будет бессильно?

23. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: неужели с тех пор никто не поносил святых мужей? Поносили многие и повсюду на земле. Почему же, скажет, они не подверглись такому же наказанию? Подвергались, и мы знаем многих из таких; если же некоторые и избегли его, то не избегнут до конца; ибо, по свидетельству блаженного Павла, "грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии" (1 Тим. 5:24). Как законодатели оставляют отмеченными в записях наказания преступников, так и Господь наш Иисус Христос, наказав того или другого из грешников и отметив их наказания как бы на медном столпе и в письменах, посредством случившегося с ними, внушает всем, что хотя в настоящее время не наказываются другие, согрешившие одинаково с наказанными, но они в будущее время подвергнутся тягчайшему наказанию.

24. Итак, мы, если, безмерно согрешая, не терпим никакого зла, должны не восхищаться этим, а сильнее бояться. Если мы здесь не подвергнемся суду Божьему, то там со всем миром будем осуждены. Это опять не мой приговор, но Христа, вещающего через Павла. Беседуя о тех, которые недостойно приобщаются Таин, он говорит: "от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром" (1 Кор. 11:30-32). Есть такие люди, которые нуждаются только в здешнем наказании, когда их грехи умеренны, и они, будучи наказаны, уже не возвращаются к прежнему, подобно псу, возвращающемуся к своей блевотине; есть и такие, которые за чрезмерность пороков понесут наказание и здесь и там; а иные, превзошедшие всех своими злодеяниями, там подвергнутся мучению, не удостоившись "подвергаются ударам" вместе с другими людьми. "И с [прочими] людьми", говорится (в Писании), "не

подвергаются ударам" (Псал. 72:5), как соблюдаемые на казнь вместе с бесами: "идите от Меня", скажет (Господь), "в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Матф. 25:41). Многие восхитили священство посредством денег, но не имели обличителя и не услышали того, что некогда Симон волхв услышал от Петра (Деян. гл. 8); но через это они не избежали наказания, а подвергнутся гораздо тяжчайшему, нежели то, какое они должны бы потерпеть здесь, за то, что не вразумились этим примером. Многие отваживались на дела Корея, и не пострадали, как Корей (Числ. гл. 16); но впоследствии они потерпят большее наказание. Многие, соревновавшие нечестию фараона, не были потоплены в море подобно ему; но их ожидает пучина геенская. И, называвшие братьев своих уродами, еще не подверглись наказанию, потому что для них казнь уготована там. Итак, не думайте, будто определения Божьи суть только слова: для того Он и исполнил некоторые из них самым делом, например, на Сапфире, на Ахаре, на Аароне и многих других, чтобы неверующие словам Его, удостоверившись из дел, перестали, наконец, обольщать себя мыслию, что они не будут наказаны, и убедились, что Богу по благодати Его свойственно давать время грешникам (на покаяние), а не вовсе оставлять без наказания пребывающих в грехах. Можно бы и больше сказать в доказательство того, какой огонь уготовляют себе те, которые унижают красоту девства; но для здравомыслящих довольно и этого, неисправимых же и безумствующих и гораздо пространнейшая речь не может удержать от безумия. Посему, оставив эту часть речи, все следующее скажем для здравомыслящих, возвратившись опять к блаженному Павлу. "А о чем вы писали ко мне", говорит он, "то хорошо человеку не касаться женщины" (1 Кор. 7:1). Пусть устыдятся теперь те и другие, и оуждающие брак и превозносящие его не по его достоинству; тем и другим блаженный Павел заграждает уста, как посредством этих, так и следующих затем слов.

25. Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Посему не оуждай брака; он приносит большую пользу, не позволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть оскверненным и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасты. Но на что он тому, кто стоит твердо и не нуждается в его помощи? Здесь он уже не полезен и не необходим, но даже служить препятствием для добродетели, не только тем, что причиняет много неудобств, но и тем, что уменьшает большую часть похвал.

26. Кто облакает в оружие такого человека, который может сражаться и побеждать без оружия, тот не только не приносит ему пользы, но и причиняет крайнюю обиду, лишая его прославления и светлых венцов; потому что не допускает его проявить всю свою силу и трофею его быть самым блистательным. А при браке бывает еще больший вред; потому что он лишает не только похвалы от народа, но и наград, уготованных девству. Посему "хорошо человеку не касаться женщины". Для чего же ты позволяешь прикасаться? "во избежание блуда", говорит апостол; я боюсь возводить тебя на высоту девства, чтобы ты не ниспал в пропасть прелюбодеяния; у тебя еще не так легки крылья, чтобы я стал поднимать тебя на такую высоту. Но они сами решились бы на эти подвиги и устремились бы к красоте девства; почему же боишься и опасаясь ты, блаженный Павел? Потому, может быть, сказал бы он, что они, не зная этого подвига, показывают такую готовность; а меня самое дело и уже испытанная мною борьба располагает осторожнее советовать это состояние другим.

27. Я знаю трудность этого состояния, знаю силу этих подвигов, знаю тяжесть этой борьбы. Для этого требуется душа ревностная, мужественная, неподчиняющаяся похотям; здесь надобно идти по раскаленным углям и не обжечься (Притч. 6:28), выступать против меча и не быть раненым; ибо сила похоти так велика, как сила огня и железа; и если душа выступит не приготовленной и не будет противиться ее влечениям, то скоро погубит себя.

Посему нам нужно иметь алмазный ум, неуспяное зрение, великое терпение, крепкие стены с ограждениями и запорами, бдительных и доблестных стражей, а, прежде всего этого помощь свыше; ибо "если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" (Псал. 126:1). Как же мы можем приобрести эту помощь? Если мы приложим все со своей стороны, здравые помыслы, великое усердие к посту и бдению, строгое исполнение закона, соблюдение заповедей и, что всего главнее, не будем самонадеянны. Если бы мы успели совершить даже великие подвиги, мы всегда должны говорить самим себе: "если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" (Псал. 126:1); "потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной" (Ефес. 6:12); день и ночь у нас помыслы должны пребывать вооруженными и быть страшными для постыдных похотей; так как, если они немного ослабеют, дьявол приступит с огнем в руках, чтобы поджечь и испепелить храм Божий. Посему мы должны оградить себя со всех сторон. У нас борьба с потребностью природы, подражание жизни ангелов, соревнование с бесплотными силами; земля и пепел старается сравняться с небожителями, и тление вступает в соперничество с нетлением. Неужели теперь, скажи мне, кто-нибудь дерзнет равнять с таким делом брак и удовольствие? Не весьма ли это безумно? Зная все это, Павел говорил: "каждый имей свою жену" (1 Кор. 7:2). Поэтому он уклонялся, поэтому не решался с самого начала говорить коринфянам о девстве, но продолжал речь о браке, желая мало помалу отвлечь их от брака, и в эту длинную речь вставил краткие слова о воздержании, чтобы слух их не был поражен строгостью этого увещания. Кто составляет всю речь свою всецело из предметов тяжелых, тот бывает несносен для слушателя и часто вынуждает душу, не переносящую тяжести его слов, отвращаться от них; а кто разнообразит речь и составляет ее больше из легких, чем трудных предметов, тот прикрывает тяжесть предмета и, успокоив слушателя, таким образом, успешнее убеждает и привлекает его, как поступил и блаженный Павел. Сказав: "хорошо человеку не касаться женщины", он тотчас перешел к браку; "каждый", говорит, "имей свою жену". (Девство) он только похвалил, сказав: "хорошо человеку не касаться женщины", и остановился; а касательно брака дает совет и заповедь и приводит причину в словах: "во избежание блуда". По-видимому, он доказывает позволительность брака; а на самом деле в словах о браке незаметно превозносит похвалами воздержание, не высказывая этого явно, но предоставляя совести слушателей. Кто поймет, что ему советуется вступить в брак не потому, чтобы брак был верхом добродетели, но потому, что в нем самом Павел осуждает такую похотливость, от которой ему невозможно удержаться без брака, тот, устыдившись и покраснев, тотчас постарается избрать девство и уклониться от такого бесчестия.

28. Что же потом говорит (апостол)? "Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу" (1 Кор. 7:3). Затем, истолковывая и изъясняя то же самое, он присовокупляет: "жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена" (1 Кор. 7:4). И это, по-видимому, он говорит о браке, а на самом деле, как бы прикрыв обычной приманкой крючок, закидывает его в уши учеников, желая самыми словами о браке отвлечь их от брака. Кто услышит, что после брака он не будет господином самого себя, но будет находиться во власти жены, тот тотчас постарается освободиться от этого горчайшего рабства, или лучше, и не начнет подчинения этому игу; так как подчинившемуся однажды необходимо потом раболепствовать до тех пор, пока это угодно будет жене. А что я не по догадке только высказываю мысль Павла, в этом легко убедиться примером учеников (Христовых). И они не прежде признавали брак тягостным и обременительным, как, выслушав Господа, доведшего их до такой же необходимости, до какой и Павел доводил тогда коринфян; ибо то изречение: "кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать" (Матф. 5:32), и это: "муж не властен над своим телом" (1 Кор. 7:4), выражают одну и ту же мысль, только разными словами. Если же кто точнее вникнет в

изречение Павла, то (увидит, что) оно еще более увеличивает власть (жены) и делает рабство (мужа) еще более тяжелым. Господь не предоставляет мужу власти изгонять жену из дома; а Павел лишает его власти и над собственным телом, передавая всю власть над ним жене и подчиняя его больше купленного раба. Рабу часто можно бывает получить совершенную свободу, если он будет в состоянии, собрав довольно серебра, внести за себя плату господину; а муж, хотя бы имел жену несноснейшую из всех, обязан переносить рабство и никак не может найти освобождения от него и выхода из этого подчинения.

29. Сказав, что "жена не властна над своим телом", апостол продолжает: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе" (1 Кор. 7:4,5). Я думаю, что при этих словах многие из посвятивших себя девству краснеют и стыдятся за такую снисходительность Павла; но не смущайтесь и не предавайтесь какому-нибудь непристойному чувству. По-видимому, и эти слова сказаны в угождение вступающим в брак; но если кто тщательно вникнет в них, то найдет в них мысль одинаковую с предыдущими. Если кто станет рассматривать их просто, без отношения к вышеизложенной причине, тому они покажутся скорее словами свахи, нежели апостола; но если он вполне исследует цель их, то найдет и это увещание совершенно соответствующим апостольскому достоинству. Для чего он пространнее излагает свою речь? Разве не довольно было сказать благопристойное увещание предыдущими словами и остановиться на этом? Заключается ли в словах: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время", что-нибудь больше, чем в словах: "муж оказывай жене должное благорасположение", и: "муж не властен над своим телом"? Ничего больше; а только, что там выражено кратко и неясно, здесь изложено пространнее и яснее. Это делает апостол по подражанию святому Божию Самуилу. Как Самуил со всей точностью излагал простолюдинам законы о царстве не для того, чтобы они приняли их, но чтобы не принимали, и, по-видимому это было наставлением, а на самом деле было некоторым отклонением их от неблагоприятного желания (иметь царя): так и Павел многократно и весьма ясно распространяется о подчинении в браке, желая этими словами отклонить слушателей от брака. Сказав: "жена не властна над своим телом", он продолжает: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве". Видишь ли, как незаметно и неукоризненно он располагает пребывающих в браке к упражнению в воздержании? Сначала он просто похвалил это дело, сказав: "хорошо человеку не касаться женщины"; а здесь присовокупил и увещание, сказав: "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию". Почему же он то, что хотел установить, предложил в виде увещания, а не в виде повеления? Он не сказал: лишайте себя друг друга, по согласию; а что? - "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию"; потому что через это речь становилась приятнее, выражая мысль учителя, требующую этого не с настойчивостью, от чего и исполнение бывает скорее и с великой признательностью. И не этим только он утешает слушателя, но и тем, что, изложив тягостное краткими словами, еще, прежде чем слушатель опечалился, он переходит к более приятному, и на этом останавливается долее.

30. Заслуживает исследования и следующее: "если брак честен и ложе непорочно" (Евр. 13:4), то почему (апостол) не допускает их во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже иудеи, у которых все имело отпечаток плотской, которым позволялось даже иметь по две жены, одних изгонять, а других брать, так предохраняли себя в этом деле, что, приготовляясь слушать Слово Божье, воздерживались от законного соития, притом не один день и не два, а несколько дней (Исх. 19), то было бы странно, если бы мы, получившие такую благодать, принявшие Духа, умершие и спогребшиеся Христу, удостоившиеся усыновления, возведенные в такую почесть, после столь многих и столь великих благ, не прилагали усердия одинакового с этими детьми. Если же кто стал бы опять спрашивать, почему сам Моисей отклонял иудеев от брачного общения, я сказал

бы, что брак, хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, - это уже дело не его силы, но девства. И не Моисей только и Павел возвещали это; послушай, что говорит Иоиль: "назначьте пост и объявите торжественное собрание. Соберите народ, созовите собрание, пригласите старцев" (Иоил. 2:15-16). Но, может быть, ты желаешь знать, где он советовал воздерживаться от жены? "Пусть выйдет", говорит он, "жених из чертога своего и невеста из своей горницы" (Иоил. 2:16). Это даже больше Моисеева повеления. Если жениху и невесте, у которых страсти кипят, юность цветет, похоть бывает неудержима, не следует сообщаться во время поста и молитвы, то не гораздо ли более тем, для которых нет такой необходимости сообщения? Тот, кто молится и постится, как следует, должен отказаться от всякой житейской похоти, от всякой заботы и рассеянности, и вполне сосредоточившись в самом себе во всех отношениях, в таком состоянии приступать к Богу. Потому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы к ней самой. На это и Павел намекает, когда отклоняет от совокупления, и употребляет выражение весьма точное. Он не сказал: да не оскверняетесь, но: "для упражнения в посте и молитве"; так как сообщение с женою ведет не к нечистоте, но к неупражнению (в этих делах).

31. Если теперь, после такой предосторожности, дьявол старается препятствовать нам во время молитвы, то, застигнув душу расслабленной и изнеженной от пристрастия к жене, чего не сделает он, развлекая туда и сюда наши мысленные очи? Чтобы нам не потерпеть этого и не обращаться к Богу с напрасною молитвою, особенно когда мы стараемся приклонить Его на милость к нам, апостол и повелевает удаляться тогда от (брачного) ложа.

32. Если приходящее к царям, - что я говорю - к царям? - даже к низшим начальникам, и рабы, прибегающее к господам, потерпев ли обиду от других, или нуждаясь в каком-нибудь благодеянии, или поспешая укротить возбудившийся против них гнев, приступают к объяснению с этими лицами, устремив на них глаза и все мысли свои, а при малейшей рассеянности не только не достигают желаемого, но и уходят, получив какую-нибудь неприятность; если желающие утишить гнев людей поступают с такой тщательностью, то, что будет с нами, несчастными, если мы будем приступать с небрежностью к Владыке всех Богу, подвергшись притом гораздо большему гневу Его? Ни слуга не станет раздражать господина, ни подданный царя так, как мы ежедневно прогневаем Бога. Объясняя это и Христос назвал грехи по отношению к ближнему динариями, а грехи по отношению к Богу - "десять тысяч талантов" (Матф. 18:23,24). Посему, когда мы в молитвах прибегаем к Нему с намерением утишить такой гнев и умиловить Его, так прогневаемого нами каждый день, (апостол) справедливо отклоняет нас от упомянутого наслаждения и как бы так говорит: "возлюбленные, речь идет у нас о душе, опасность предстоит крайняя; нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаем к грозному Владыке, многократно оскорбленному нами, имеющему против нас великие обвинения и за великие грехи; теперь не время объятий или наслаждений, но слез и горьких стенаний, коленопреклонений, тщательного исповедания, прилежного сокрушения, многих молитв". Благо будет тому, кто, с таким усердием приступив и припадши к Богу, смягчит гнев Его, не потому, чтобы Господь наш был жесток и непреклонен, - напротив, Он очень кроток и человеколюбив, - но чрезмерность наших грехов не попускает даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать нас. Посему и говорит (апостол): да "для упражнения в посте и молитве". Что же может быть прискорбнее того рабства? Я хотел бы преуспевать в добродетели, возноситься на небо, постоянным упражнением в постах и молитвах омыть нечистоту души; а между тем, если жена не хочет склониться на это мое намерение, я принужден рабски подчиняться ее невоздержанию. Поэтому сначала он и сказал: "хорошо человеку не касаться женщины". Поэтому и ученики говорили Господу: "если такова обязанность человека к жене, то

лучше не жениться" (Матф. 19:10). Рассудив, что (в браке) та и другая сторона необходимо терпит стеснение, они, вынужденные этими мыслями, и произнесли такое изречение.

33. Павел потому и обращается многократно к одному и тому же предмету, чтобы внушить коринфянам ту же мысль: "каждый имей свою жену"; - "муж оказывай жене должное благорасположение"; - "жена не властна над своим телом"; - "не уклоняйтесь друг от друга"; - "будьте вместе". И блаженные ученики (Христовы) не тотчас после первого внушения рассудили так, но тогда, когда во второй раз слышали об этом, сознали необходимость такой заповеди. Христос беседовал об этом и в то время, как восседал на горе, и после многих других наставлений опять говорил, возбуждая в них любовь к воздержанию (Матф, 5); потому что одни и те же наставления, чем чаще повторяются, тем больше имеют силы. Так и здесь ученик, подражая Учителю, многократно говорит об одном и том же, а послабления нигде не делает просто, но с приведением причины: "во избежание блуда", говорит, во избежание сатанинских искушений и невоздержания; и, таким образом, в словах о браке незаметно воздает похвалу девству.

34. Если он и за людей живущих в браке опасался, чтобы в случае продолжительного их разлучения дьявол не нашел к ним доступ; то каких венцов будут достойны те, которые с самого начала не имели нужды в таком пособии и до конца остались неуловимыми? Притом же и козни дьявола бывают неодинаковы против тех и других. Первых, по моему мнению, он не слишком беспокоит, зная, что прибежище у них близко, и, если они почувствуют довольно сильное нападение, тотчас могут уйти в пристань; почему и блаженный Павел не позволяет им плыть далее, но советует немедленно возвращаться назад, если они утомятся, позволяя опять "быть вместе". А девственница необходимо должна постоянно пребывать на море и плавать по океану, не имея пристани; и хотя бы поднялась жесточайшая буря, ей нельзя причалить своей ладьи и отдохнуть. Посему, как морские разбойники не нападают на мореплавателей вблизи города, гавани или пристани (ибо это значило бы напрасно подвергать себя опасности), но, застигнув корабль на середине моря и в поощрение своей дерзости пользуясь отсутствием помощи (этому кораблю), там употребляют все усилия, и не прежде отстают, как или потопив плывущих, или сами потерпев то же; так и этот страшный разбойник воздвигает против девственницы великую бурю, жестокий вихрь и невыносимые тревожения, все, переворачивая вверх дном, чтобы с силой и быстротой опрокинуть ладью, ибо он слышал, что девственнице не дозволяется "быть вместе", но ей необходимо весь век бороться, постоянно сражаться с духами злобы, пока она не достигнет тихой пристани (на небе). Поставив девственницу, как доблестного воина, вне стен, Павел не позволяет ей отворять ворота (убежища), хотя бы враг сильно напал на нее и хотя бы он приходил в большее неистовство от того самого, что его противнику не дозволяется иметь отдых. И не дьявол только, но и сила (естественного) вождения еще более беспокоит не вступающих в брак; и это всякому известно. К тому, чем мы пользуемся, мы не так скоро влечемся пожеланием, так как беспрепятственность (к наслаждению) располагает душу к медленности. В этом удостоверяет нас и пословица, хотя простонародная, но весьма справедливая. "Что всегда во власти нашей, - говорит она, - того не так сильно хочется". Если же мы встречаем препятствия к тому, что прежде было в нашей власти, то бывает противное, и то самое, чем мы пренебрегали вследствие обладания им, делается предметом сильнейшего нашего пожелания. Итак, во-первых, по этой причине - у вступивших в брак больше спокойствия; а, во-вторых, потому, что если у них когда-нибудь высоко поднимется пламень (страсти), то последующее совокупление скоро погашает его. А девственница, не имея средства погасить этот пламень, хотя видит, что он разгорается и поднимается вверх, и, будучи не в силах погасить его, старается только о том, чтобы в борьбе с огнем не сгореть ей самой. Что может быть удивительнее этого - носить целый очаг внутри себя и не сгорать, питать пламень в тайниках души и сохранять ум

неприкосновенным? Ей не позволяется выбросить вон эти горящие угли, и она принуждена переносить в душе то, чего, по словам писателя Притчей, невозможно вытерпеть телесной природе. Что же он говорит? "может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих" (Притч. 6:28)? Но вот она ходит и переносит пытку. "Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его" (Притч. 6:27)? А она, нося яростный и бурный пламень не в одеждах, но внутри себя, должна сдерживать и скрывать его. Кто же дерзнет, скажи мне, равнять брак с девством или взирать с пренебрежением на это последнее? Этого не допускает блаженный Павел, показав великое различие между тем и другим: "незамужняя", говорит он, "заботится о Господнем, а замужняя заботится о мирском" (1 Кор. 7:34). Дозволив брачным "быть вместе", и этим доставив им удовольствие, послушай, как он далее не одобряет их. "Вместе" говорит, "будьте, чтобы не искушал вас сатана". Желая показать, что не все зависит здесь от сатанинского искушения, но еще больше от нашей испорченности, он привел главнейшую причину, сказав: "невоздержанием вашим" (1 Кор. 7:5). Кто не устыдится, слыша это? Кто не постарается избежать упрека в невоздержании? Это увещание относится не ко всем, а к весьма похотливым. Если, говорит он, ты такой раб наслаждений, если ты так расслаблен, что беспрестанно распаляешься и стремишься к совокуплению, то сообщайся с женою. Таким образом, это дозволение есть не одобрение или похвала, но посмеяние и осуждение. Если бы он хотел не очень сильно касаться души сластолюбцев, то не употребил бы слова "невоздержание", весьма выразительного и содержащего великий упрек. Почему он не сказал: немощию вашу? Потому, что это больше означало бы извинение с его стороны, а словом "невоздержание" он выразил чрезмерность их беспечности. Итак, невоздержанию свойственно - не иметь силы для удаления от прелюбодеяния, если кто не будет постоянно иметь подле себя жену и наслаждаться совокуплением. Что же скажут теперь те, которые считают девство излишним? Оно чем строже соблюдается, тем больше заслуживает похвалы; а брак тогда особенно и лишается всякой похвалы, когда кто-нибудь пользуется им до пресыщения. "Это", говорит (апостол), "сказано как позволение (по снисхождению), а не как повеление" (1 Кор. 7:6); а где снисхождение, там не может быть места похвале. И беседуя "о девах", он сказал: "я не имею повеления Господня" (1 Кор. 7:25); так не сравнял ли он то и другое? Нет: о девстве он дает свое мнение, а здесь - снисхождение. Не повелевает он ни того, ни другого, не по одной и той же причине; но там потому, чтобы кто-нибудь, желая преодолеть невоздержание, не встретил препятствия к тому в обязательном повелении, а здесь потому, чтобы кто-нибудь, не имеющий сил достигнуть девства, не был осужден, как преступивший повеление. Я не повелеваю, говорит он, оставаться в девстве, потому что боюсь трудности этого дела; не повелеваю и беспрестанно сообщаться с женою, потому что не хочу быть законодателем невоздержания. Я сказал: "вместе" - удерживая от ниспадения ниже, но, не препятствуя усердному восхождению выше. Итак, не он преимущественно желает, чтобы (брачные) постоянно сообщались с женою, но так установлено невоздержанием людей беспечнейших. Если ты хочешь узнать собственное желание Павла, то послушай, каково оно: "желаю", говорит он, "чтобы все люди были, как и я" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Итак, ты, (апостол), желаешь, чтобы все соблюдали воздержание, желаешь, чтобы никто не был в браке? - Так, но, впрочем, этим я не препятствую желающим (вступать в брак) и не обвиняю их, но молюсь и желаю, "чтобы все люди были, как и я", а брак я позволяю - "во избежание блуда"; посему и в начале я сказал: "хорошо человеку не касаться женщины", потому что этого я более желаю.

35. А для чего он здесь упоминает о самом себе в словах: "желаю, чтобы все люди были, как и я"? Если бы этого не было прибавлено, то он избежал бы речи о самом себе. Для чего же он присовокупил: "как и я"? Не для того, чтобы превозносить самого себя; он, хотя превзошел (других) апостолов в трудах проповеди, но считал себя недостойным даже апостольского наименования. "Я наименьший из Апостолов", говорит он; и, как будто

сказал что-нибудь превышающее его достоинство, тотчас поправляется и прибавляет: "и не достоин называться Апостолом" (1 Кор. 15:9). Зачем же здесь при увещании он выставляет себя? Не просто и не напрасно, но он знал, что ученики тогда особенно одушевлялись ревностью к добру, когда имеют примеры учителей. Как тот, кто любомудрствует только на словах, без дел, не приносит великой пользы слушателю, так напротив тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя. Притом он представляет себя чистым и от зависти и от гордости; ибо желает, чтобы такая превосходная добродетель была общей у учеников, не домогаясь иметь что-нибудь больше их, но во всем уравнивая их с самим собою. Могу привести и третью причину. Какую же? - (Пребывание в девстве) казалось трудным и неудобным для многих; посему, желая представить его весьма легким, апостол выставляет на вид успешего в этом, чтобы они не считали его очень тягостным, но, взирая на путеводителя, и сами смело вступали на тот же путь. Тоже делает он и в другом месте. Беседуя с галатами и стараясь освободить их от страха перед законом, под влиянием которого они привязывались к древнему обычаю и соблюдали многое относящееся к нему, что говорит он? "будьте, как я, потому что и я, как вы" (Гал. 4:12). Это изречение означает следующее; вы не можете, говорит он, сказать мне: ты потому безопасно любомудрствуешь с нами обо всем этом, что ныне обратился из язычников, и не знаешь страха, происходящего от преступления закона; нет, говорит он, и я подобно вам находился некогда в этом рабстве, был под велениями закона, хранил и соблюдал заповеди; но когда явилась благодать, то я всецело перешел от закона к ней (Гал. 1:13); и нет преступления в том, что мы перешли к "мужу другому" (Иерем. 3:1); посему, никто не может сказать, что я делаю одно, а советую другое, или что я, заботясь о собственной безопасности, вверг вас в опасность; если бы это дело было опасно, то я не предал бы самого себя, и не пренебрег бы собственным спасением. Таким образом, как здесь, поставив себя в пример, он освободил (галатов) от страха, так и там, выставляя себя на вид, он устраняет беспокойство коринфян.

36. "Но каждый", говорит он, "имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе" (1 Кор. 7:7). Смотри, как отличительный признак его апостольского смиренномудрия нигде не скрывается, но повсюду ясно выражается: свою заслугу он называет дарованием Божиим, и на что он употребил много трудов, то всецело приписывает Господу. И что удивительного, если он так поступает, говоря о воздержании, когда он таким же образом рассуждает и о проповеди, для которой понес бесчисленные труды, беспрестанные скорби, невыразимые бедствия, ежедневные смерти? Что же говорит он об этом? "Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною" (1 Кор. 15:10); не говорит, что одно принадлежит ему, а другое Богу; но все (приписывает) Богу. Так признательному рабу свойственно не считать ничего собственным, но все господским, ничего не присваивать себе, но все господину. То же он делает и в другом месте. Сказав: "по данной нам благодати, имеем различные дарования" (Римл. 12:6), далее он исчислил начальственные должности, милостыни и подаяния, бывшие между римлянами; а что все это заслуги, а не дарования, это ясно для всякого. Я сказал об этом для того, чтобы ты, услышав слова его: "каждый имеет свое дарование", не пал духом и не сказал в самом себе: "девство не зависит от моего усердия; Павел назвал его дарованием". Он говорит это по смирению, а не потому, чтобы хотел поставить воздержание в числе дарований. Таким образом, он не противоречит ни самому себе, ни Христу; не противоречит Христу, который сказал: "есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:12), и присовокупил: "кто может вместить, да вместит"; не противоречит и самому себе, так как он осуждает тех, которые, избрав вдовство, не хотели устоять в своем намерении; иначе, если это дар, для чего он угрожает (вдовицам) в словах: "подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру" (1 Тим. 5:12)? Христос никогда не осуждал на наказание тех, которые не имеют дарований, но всегда тех, которые не оказывают праведной жизни. Для него особенно желательны отличная

жизнь и безукоризненные дела; а разделение дарований зависит не от воли получающего, но от воли дающего. Посему Христос нигде не восхваляет творящих чудеса, и учеников, восхищавшихся этим, отклоняет от такой радости: "не радуйтесь", говорит Он, "что духи вам повинуются" (Лук. 10:20); а везде Им ублажаются милостивые, смиренные, кроткие, чистые сердцем, миротворцы, совершающие все это и тому подобное. И сам Павел, перечисляя свои заслуги, упомянул между ними и о воздержании. Сказав: "в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви" он присовокупил: "в чистоте" (2 Кор. 6:4-6). Он не поступил бы так, если бы эта чистота была дарованием. И почему он упрекает тех, которые не имеют ее, называя их невоздержными? Почему (по словам его) "не выдающий поступает лучше" (1 Кор. 7:38)? Почему "блаженнее" вдова, "если останется так" (1 Кор. 7:40)? Потому что, как я выше сказал, ублажаются не за чудеса, а за дела, равно как и наказываются. И почему он неоднократно повторяет увещание к одному и тому же, если это дело не зависит от нас, и после благодати Божьей не требует нашего усердия? Сказав: "желаю, чтобы все люди были, как и я", т. е. в воздержании, он говорит еще: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я" (1 Кор. 7:7,8), Опять приводит (в пример) самого себя по той же причине, чтобы, имея пример вблизи и у себя, (коринфяне) скорее решились на подвиги девства. А что он и выше при словах: "желаю, чтобы все люди были, как и я", и здесь: "хорошо им оставаться, как я", нигде не приводит причины, не удивляйся этому; он поступает так не по тщеславию, но считая достаточною причиною свое мнение, оправданное им на деле.

37. Если же кто хочет слышать суждения и об этом (браке овдовевших), то пусть сначала примет во внимание мнение о том всех людей, и потом все, что бывает сопряжено с этим делом. Хотя законодатели не наказывают за такие браки, даже дозволяют и извиняют их, но многие и в домах, и на площади много говорят о брачных делах с насмешками, укоридами и отвращением. Все уклоняются от таких людей не менее, как от клятвоступников, так сказать, не смея ни вступать с ними в дружбу, ни заключать с ними договоров, ни доверять им в чем-нибудь другом. Кто увидит, что они так легко изгладил из своей души такую привычку и дружбу, и сожительство, и общение, у того делается от этих мыслей некоторое оцепенение и он уже не может со всей искренностью приближаться к ним, как к людям легкомысленным и переменчивым. И не по этому только отвращаются от них, но и по самой неприятности того, что происходит у них. Что может быть, скажи мне, несноснее того, как после великого плача, воплей и слез, растрепанных волос и черной одежды вдруг видеть рукоплескания и брачные чертоги и смятение, все в противоположность предшествовавшему, как будто бы актеры на сцене разыгрывали то одну роль, то другую? Как там ты можешь видеть одного и того же то царем, то последним бедняком, так и здесь тот, кто недавно простирался подле могилы, вдруг делается женихом, кто растрепывал свои волосы, снова носит на той же голове венец, кто с поникшим и печальным взором, а часто и со слезами высказывал утешавшим его много похвал отошедшей (жене), и говорил: что ему жизнь не жизнь, и негодовал на удерживавших его от сетования, тот и часто перед теми же самыми лицами снова украшается и наряжается, и, как прежде, со слезами на глазах, так теперь с улыбкой смотрит на тех же самых людей и дружелюбно приветствует всех теми же устами, которыми прежде проклинал все подобные радости. А что всего прискорбнее, с этим вместе вносятся раздоры между детьми; подле дочерей появляется львица: ибо такова обыкновенно бывает мачеха. Отсюда ежедневные пререкания и ссоры, отсюда странная и ни с чем несообразная неприязнь к той, которая уже никого не беспокоит. Обыкновенно, живые преследуют и преследуются завистью, а с умершими и враги примиряются: но не так бывает здесь: прах и пепел становится предметом неприязни, невыразимая ненависть направляется против погребенной, злословия, порицания и клеветы на разложившуюся в земле, непримиримая вражда к не причиняющей никому

никакого огорчения. Что может быть хуже такого неразумия, такой жестокости? Нисколько не обиженная умершею - что я говорю - не обиженная? - пользующаяся ее трудами и наслаждающаяся ее добром, не перестает сражаться с ее тенью, и не причинившую никакого огорчения, а часто и не виданную никогда, ежедневно осыпает множеством порицаний, мстит несуществующей через детей ее, а часто вооружает против них и мужа, если сама не имеет успеха. И, однако, все это людям представляется легким и сносным, чтобы только им не было нужды переносить влечение похоти. А девственница не страшится этого противоборства, не избегает этой борьбы, кажущейся для многих столь невыносимую, но доблестно становится и вступает в борьбу с природой. Можно ли надивиться ей по ее достоинству, когда другие нуждаются даже во втором браке, чтобы не воспламениться, а она, не испытав ни одного, всегда остается святой и невредимой? Поэтому и прежде всего, в виду уготованных вдовству наград на небесах, (апостол), имея в себе говорящего Христа, сказал: "хорошо им оставаться, как я". Ты не могла взойти на самую высшую степень (совершенства)? По крайней мере, не ниспади с той, которая следует после нее; пусть девственница имеет перед тобой только то преимущество, что похоть ни разу не преодолела ее, а тебя, прежде преодолев, не могла навсегда удержать в своей власти; и ты после поражения победила, а та имеет победу, чистую от всякого поражения; соприкасаясь с тобою в конце, она превосходит тебя только по началу.

38. Итак, вступившим в брак (апостол) преподает много утешений, так как и не лишает их друг друга без взаимного их согласия, и это лишение по согласию не простирает на долгое время, и еще позволяет им второй брак, если пожелают, чтобы не воспламениться. А девствующим он не преподавал никакого подобного утешения; но первых после такого воздержания опять освобождает от него, а девственницу, без малейшего облегчения, оставляет во всю жизнь сражаться, стоять неуклонно и смущаться вожделениями, и не дает ей ни малейшего отдыха. Почему и ей он не сказал: "но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак" (1 Кор. 7:9)? Потому, что и борцу, когда он уже снял одежду, намастился, вышел на поприще и покрылся пылью, никто не сказал бы: "встань и убеги от противника"; но необходимо уже каждому из них выйти или увенчанным или падшим и посрамленным. В детской игре и в гимнастической школе, где упражняются с близкими людьми и борются с друзьями, как бы с врагами, всякий сам властен и подвизаться и не подвизаться; но когда кто уже обязался, и театр собрался, и распорядитель состязаний явился, и зрители уселись, и соперник выведен и противопоставлен, тогда закон состязаний отнимает у борца власть. Так и деве, пока она еще не решила, вступать ли ей в брак или не вступать, брак дозволяется беспрепятственно, но когда она избрала и обрекла себя (на девство), то она уже вывела себя на поприще. Кто же осмелится в то время, как зрелище открыто, когда свыше взирают ангелы и подвигоположник Христос, когда дьявол неистовствует и скрежещет, стоит на виду и устремляется на борьбу, выступить на середину и сказать: "беги от врага, оставь труды, удержишься от столкновения, не повергай и не преодолевай соперника, но уступи ему победу?" Что я говорю о девах? Даже и вдовицам никто не осмелился бы сказать такие слова, а вместо них сказал бы следующие, страшные: "впадая в роскошь в противность Христу, желают вступить в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру" (Тим. 5:11-12).

39. Между тем сам (апостол) говорит: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак", и еще: "если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе" (1 Кор. 7:8,9,39); почему же ту, которой дает свободу, он опять подвергает наказанию, и тот брак, о котором говорит, что он бывает "в Господе", осуждает, как дело незаконное? Не смущайся; это не тот же самый брак, а другой. Как в словах: "если девица выйдет замуж, не согрешит" (1 Кор. 7:28), он рассуждает не о той деве, которая отреклась от брака, - очевидно для всякого, что такая дева через это согрешила бы и грехом тяжким, - но о той, которая еще

не испытала брака и еще не решилась ни на то, ни на другое, а находится в колебании между этими двумя помыслами; так и там он говорит о вдове, просто не имеющей мужа и еще не связавшей себя решением собственной воли, но свободной избрать и то и другое; там же и о той, которая уже не властна опять сообщаться с другим женихом, а приступила к подвигам воздержания; ибо можно быть вдовой, и не быть в ряду имеющих достоинство вдовиц, если она еще не получила его. Посему он и говорит: "вдова должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа" (1 Тим. 5:9). Простой вдове он позволяет вступить в брак, если она пожелает; а давшую Богу обет всегдашнего вдовства, и потом вступившую в брак он сильно осуждает за то, что она попрала завет с Богом. Таким образом, к первым, а не к последним он говорит: "если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться" (1 Кор. 7:9). Видишь ли, что брак сам по себе нигде им не прославляется, но (дозволяется) во избежание прелюбодеяния, искушений, невоздержания? Все это он говорит выше, а здесь, произнесши против них сильные укоризны, он снова говорит о том же в более благосклонных выражениях, называя их состояние разжиганием и распалением. Однако и здесь он не оставил слушателя без укоризны. Не сказал: "если чувствуют какой-либо порыв страсти, если вынуждаются, если не могут (воздержаться)", и ничего такого, что свойственно страдающим и достойно снисхождения, но что? "если не [могут] воздержаться", что свойственно не желающим действовать по беспечности. Он показывает, что того дела, которое находится в их власти, они не исполняют потому, что не хотят трудиться. Впрочем, и при этом он не наказывает их и не осуждает на мучение, но, только лишив похвал, ограничивает свое неудовольствие словесными укоризнами, нигде не упоминая о деторождении, этой благовидной и честной причине брака, а только о разжигании, невоздержании, прелюбодеянии и сатанинском искушении, и, во избежание этого, позволяя брак. Что же, скажут, если он избавит нас от наказания, мы благодушно перенесем всякое осуждение и всякие укоризны, только было бы дозволено наслаждаться и постоянно удовлетворять похоть. А что, почтеннейший, если не дозволено наслаждаться, и мы пожнем только укоризну? Как, скажешь, разве не дозволяется наслаждаться, когда Павел говорит: "если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак"? Но выслушай, что следует за этим. Ты узнал, что лучше вступать в брак, нежели разжигаться, ты принимаешь приятное, одобряешь дозволение, удивляешься снисхождению апостола; но не останавливайся на этом, а прими и последующее; то и другое повеление принадлежит одному и тому же (апостолу). Что же он говорит после того? "А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены [своей]" (1 Кор. 7:10,11).

40. А что, если муж будет кроток, жена же своенравна, злоречива, болтлива, расточительна, - это общий всех их недуг, - и преисполнена многих других дурных качеств? Как он, несчастный, будет переносить такую каждодневную неприятность, гордость, бесстыдство? Что, если, наоборот, она будет скромна и тиха, а он дерзок, подозрителен, гневлив, весьма надменен богатством или властью, будет обращаться с ней свободной как с рабой, и будет расположен к ней несколько не лучше, как и к служанкам? Как она перенесет такое унижение и притеснение? Что, если он постоянно отворачивается от нее и делает это непрестанно? Терпи, говорит (апостол), все это рабство: ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет; а при жизни его необходимо одно из двух, - или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это невозможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше он говорил "не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию"; а здесь разлучившейся повелевает воздерживаться, хотя уже по неволе: "должна оставаться", говорит, "безбрачною, или примириться с мужем своим". Видишь, как она находится между двух бед? Она должна или терпеть насилие от похоти, или, если этого не хочет, угождать своему обидчику и быть готовой на все, чего бы он ни захотел, наносить ли побои, или

осыпать злословиями, или подвергать презрению слуг, и прочее тому подобное; так как мужьями придумано много средств, когда они захотят наказать своих жен. Если же она не потерпит этого, то должна пребывать в бесплодном воздержании; бесплодном, говорю, потому что к нему не относится данное обетование, так как оно происходит не от стремления к святости, а от гнева на мужа. "Должна оставаться", говорит, "безбрачную, или примириться с мужем своим". А что, скажешь, если он не захочет помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Как девственнице никогда не позволительно вступать в брак, потому что Жених ее всегда жив и бессмертен, так и вступившей в брак тогда только можно (получить свободу), когда умрет ее муж. Если бы и при жизни его можно было ей переходить от него к другому, и от этого опять к иному; то для чего и браки, когда мужья стали бы безразлично пользоваться женами друг друга и все просто смешивались бы со всеми? Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием.

41. Для чего же Он позволил это иудеям? Для того, чтобы они не враждовали друг с другом, чтобы родственной кровью не наполняли своих жилищ. Что лучше было, скажи мне, для сделавшейся ненавистною - быть ли изгнанною вон, или быть убитою внутри дома? А последнее они сделали бы, если бы им не дозволено было изгонять. Посему (Господь) и говорит: "возненавидит ее и отпустит ее из дома своего" (Втор. 24:1-3). Когда же Он беседует с кроткими и такими, которым не позволяет даже гневаться, то говорит: "если же разведется, то должна оставаться безбрачною" (1 Кор. 7:11). Видишь ли стеснение, неизбежное рабство, связывающие обоих узы? Поистине брак есть узы, не только по причине множества забот и ежедневных неудовольствий, но и потому, что подчиняет супругов друг другу хуже всякого раба. "Будет господствовать", говорит (Господь), муж женою (Быт. 3:16). А какая польза от этого обладания? Оно также и его делает рабом обладаемой, составляя некоторое новое и необыкновенное воздаяние посредством рабства; как ноги беглецов, быв связаны и сами по себе, и еще привязаны одни к другим какой-нибудь небольшой цепью, прикрепленной обоими концами к оковам, не могут ступать свободно, потому что каждый из них принужден следовать за другим; так и души супругов, имея и свои особые заботы, имеют и другое стеснение, происходящее от союза друг с другом, сдерживающее их хуже всякой цепи и отнимающее свободу у обоих тем, что не предоставляет начальство кому-нибудь одному из них, но разделяет власть между обоими. Итак, где те, которые за наслаждение удовольствием готовы переносить всякое осуждение? Не малая часть удовольствия сокращается от взаимных огорчений и распрей, часто продолжающихся в течение долгого времени. И самое рабство, заставляющее одного невольно переносить своенравность другого, в состоянии помрачить всякое наслаждение. Посему и блаженный (Павел) сначала укоризненными словами удерживал стремление к сладострастию: "во избежание блуда", для избежания невоздержания и разжжения; но, зная, что эти слова осуждения для многих малозначительны, потом для обуздания их прибавляет более сильные выражения. Посему и ученики (Христовы) нашли нужным сказать: "лучше не жениться" (Матф. 19:10), в виду того, что ни который из супругов не властен над самим собою. И это предлагается уже не как увещание или совет, но как обязательное повеление и заповедь. Только вступать, или не вступать в брак зависит от нас; а то, что последует за браком, уже не в нашей власти, но волею или неволею нужно переносить рабство. Почему? Потому, что мы не по неведению избираем это подчинение, но, очень хорошо зная его права и законы, добровольно подвергаем себя этому игу. Затем, сказавши о живущих с неверными женами, изложив подробно все законы о браке, вставив речь и о рабах и достаточно утешив их тем, что этим рабством не унижается их духовное благородство, он переходит, наконец, к словам о девстве, которые и прежде соблюдал в себе и старался посеять, а теперь открыл, хотя, не утерпев, не умолчал об этом и в словах о браке; ибо кратко и в разных местах он поместил слова (о девстве) и в этом последнем увещании, и

таким прекрасным способом приготовив наш слух и предрасположив ум, сделал превосходное введение к речи (о девстве). После увещания рабам, - "ценою", говорит он, "куплены; не делайтесь рабами человеков" (1 Кор. 7:23), - напомнив о благодеянии нам Господа, и этим воскресив и вознесши на небо умы всех, он потом и излагает учение о девстве, выражаясь такими словами: "относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным" (1 Кор. 7:25). Хотя он также не имел повеления относительно верных, сопрягающихся с неверными, однако о них с великой властью дает закон и пишет так: "прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее" (1 Кор. 7:12). Почему же и относительно дев ты не объявляешь того же? Потому что Христос относительно этого дал ясное постановление, запрещая вводить девство, как обязательную заповедь; ибо слова Его: "кто может вместить, да вместит" предоставляют слушателю власть выбора. Беседа о воздержании, апостол говорит: "желаю, чтобы все люди были, как и я", в воздержании; и еще: "безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я" (1 Кор. 7:7-8); говоря же о девстве, он нигде не упоминает о самом себе. Потому он и говорит весьма скромно и с великой осторожностью, что сам не совершал этого подвига. "Повеления", говорит он, "я не имею". Сперва, предоставив выбор и хорошо настроив слушателя, он потом и преподает совет. Так как самое название девства тотчас указывает на великий подвиг, то он не тотчас переходит к этому увещанию, но, привлекая к себе ученика сначала посредством выбора и приготовив душу его к послушанию и покорности, он потом уже делает предложение. Ты слышал, что девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся; оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздает собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец; тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли. И не только этим он сделал слово свое необременительным и приятным, но и указанием на то, что благодать этого подвига дается не от него, но от Христа. Он не сказал о девах; я не повелеваю, но: "я не имею повеления"; и как бы так говорил: если бы я предлагал такое увещание, руководясь человеческими рассуждениями, то не следовало бы решаться на это; но так как это угодно Богу, то залог безопасности надежен; я же лишен власти давать подобные повеления; но если вы хотите выслушать меня, как равного вам раба, то "даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным" (1 Кор. 7:25). Здесь достойно удивления великое искусство и благоразумие блаженного (Павла), как он, находясь среди двух необходимостей и противоположностей, - представить собственную личность, для того, чтобы совет стал удобоприемлемым и не сказать о себе ничего лишнего, - так как сам он не имел этой добродетели, - в кратких словах достиг того и другого; ибо словами: "получивший милость" он как бы выставляет самого себя, а тем, что не выставляет себя с более блистательной стороны, уничижает и смиряет себя.

42. Он не сказал: даю совет, как человек, которому вверено благовестие, как удостоенный быть проповедником язычников, как такой, кому вручено начальство над вами, как учитель и руководитель; но как? - "получивший милость", говорит он, утверждая меньшее; ибо "быть" только "верным" менее, нежели быть учителем верных. Он даже прибавляет еще другое уничижение. Какое? Не говорит: как сделавшийся верным; но "получивший милость быть верным". Не думайте, что только апостольство, проповедничество и учительство суть дары Божьи, но даже самая вера произошла у меня по Его милости. Не потому, что я был достоин, я удостоился веры, говорит он, но только потому, что я был помилован; а милость - по благодати, а не по заслуге: так что если бы Бог не был в высшей степени милосердным, то я никогда не мог бы сделаться не только апостолом, но и верным. Видишь ли признательность и сокрушенное сердце раба, который не приписывает себе никакого преимущества перед прочими, но даже о том, что

было общим у него с учениками, о вере, говорит, что она не его, а дар милости и благодати Божьей, выражая этими словами как бы следующее: не считайте недостойным принять от меня совет, ибо и Бог не признал меня недостойным Своей милости; впрочем, это только совет, а не повеление; я советую, а не узакониваю; никакой закон не запрещает представлять и предлагать что-нибудь полезное для каждого, в особенности, если это делается по просьбе слушателей, как например, теперь по вашей; "признаю", говорит, "за лучшее" (1 Кор. 7:26). Видишь, какая скромная и чуждая всякой власти речь. Можно было бы сказать так: если Господь не заповедал девства, то и я (не заповедаю), но советую и увещаю вас стремиться к этому, ибо я ваш апостол; - подобно тому, как он сказал им дальше: "если для других я не Апостол, то для вас [Апостол]" (1 Кор. 9:2). Здесь же не говорит он ничего такого, но употребляет слова с большой скромностью, вместо: советую – "совет даю", вместо: как учитель, - "как получивший от Господа милость быть [Ему] верным"; и как-будто этого было недостаточно, чтобы сделать речь смиренной, он, начав с совета, снова умаляет власть, не просто предлагая его, но и приводя причину: "ибо", говорит, "по настоящей нужде за лучшее признаю" (1 Кор. 7:26). Когда он говорил о воздержании, то не сказал: "думаю", и не привел никакой причины, а просто сказал: "чтобы все люди были, как и я"; здесь же: "за лучшее признаю". Это он делает не потому, чтобы сомневался относительно этого предмета, - нет, - но потому, что желает все предоставить суду слушателей; ибо советник не тот, кто решает своими словами, но тот, кто все предоставляет суду слушателей.

43. О какой же нужде он говорит здесь? О естественной ли? Нет; потому что, во-первых, если бы он говорил об этой нужде, то, упомянув о ней, он сделал бы противное тому, чего хотел; ибо желающие вступить в брак непрестанно ссылаются на нее; во-вторых, он не назвал бы ее "настоящею": она не теперь только, но издревле прирождена роду человеческому, и была прежде более тяжелой и необузданной, но по пришествии Христа и с преуспеванием добродетели сделалась удобопреодолеваемой. Итак, не о ней он говорит, но подразумевает другую (нужду) разнообразную и разнородную. Какая же это? Извращение дел житейских. Наступает такое смятение, такая тяжесть забот, такое множество обстоятельств (в жизни), что вступившие в брак против воли весьма часто принуждены грешить и заблуждаться.

44. Сначала была предложена не такая степень добродетели, но было позволено и отмщать обидевшему, и отвечать порицанием порицающему, и заботиться о богатстве, и давать неложную клятву, и выкалывать око за око, и ненавидеть врага, и не запрещалось ни наслаждаться, ни гневаться, ни разводиться с женой и жениться на другой. Мало этого, закон позволял даже иметь двух жен в одно время, и вообще было большое снисхождение в этом и во всем другом. Но, после пришествия Христова, путь сделался гораздо теснее не только потому, что от нашей власти была отнята эта невыразимая и великая свобода во всем вышесказанном, но и потому, что даже такую жену, которая часто уговаривает и принуждает нас против воли во многих грехах, нужно иметь всегда при себе, а разводиться желающий может тогда, когда она будет обличена в прелюбодеянии. И не только поэтому добродетель трудно исполнима для нас, но и потому, что, если живущая с нами имеет сносный характер, множество забот о ней и о детях не позволяет нам даже на малое время взглянуть на небо, производя как бы постоянное головокружение, возмущающее и потопляющее нашу душу. Смотри: муж желает вести частную, безопасную и спокойную жизнь; но, видя, что окружающие его дети и жена требуют многих издержек, он против воли бросается в омут общественных дел. Как только он попадает в него, то нельзя сказать, сколько представится ему поводов грешить: гневаться, клясться, браниться, мстить, притворяться, многое делать из лести, многое - из ненависти. Как же можно вращающемуся в таком омуте и желающему отличиться в нем не запятнать себя грязью многих грехов? Если кто обратит внимание и на домашние дела, то найдет такие же и еще большие затруднения от жены; здесь нужно

заботиться о многом, в чем муж сам по себе не нуждается: это в том случае, когда жена скромна и тиха; если же она своенравна, упряма и невыносима, то это мы назовем уже не только затруднением, но наказанием и мучением. Как же будет в состоянии идти путем к небу, требующим ног свободных и легких и души бодрой и благоукрашенной, тот, кто имеет столь тяжелое бремя, связан такими узами и постоянно влечется вниз этой цепью, т. е. злобой жены?

45. Но какое (может быть) благовидное возражение многих, когда мы изложили все это? Следовательно, скажут, будет удостоен большей чести тот, кто будет добродетелен при таких затруднениях. Какой, почтеннейший, и за что? За то, скажешь, что он в браке подвергается большому бремени. Но кто принуждал его принимать на себя такую тяжесть? Если бы он вступил в брак во исполнение заповеди и невступление в брак было нарушением закона, то это возражение было бы благовидно; если же он, имея власть не подвергаться игу брака, добровольно, без всякого принуждения, пожелал навлечь на себя такие затруднения, что подвиг добродетели стал для него весьма тягостным, то, это нисколько не касается Подвигоположника; ибо Он заповедал успевать только в одном, в борьбе с дьяволом, и достигать победы над злом; а успевает ли кто в этом женясь, наслаждаясь и имея много забот, или подвизаясь и бедствуя и ни о чем другом не заботясь, Ему до этого нет дела. Он говорит, что способ победы и путь, ведущий к победе, должен быть свободным от всего житейского; если же ты хочешь воинствовать и бороться, имея жену, детей и все связанные с этим дела, надеясь иметь успех одинаковый с теми, которые не связаны ничем подобным, и через это удостоиться большего удивления, то мы, - хотя бы ты упрекнул нас в большой гордости, - теперь сказали бы тебе, что тебе невозможно достигнуть высоты, одинаковой с теми; а конец и время раздачи венцов хорошо убедят тебя тогда, что безопасность гораздо лучше пустого честолюбия, и лучше повиноваться Христу, нежели суете собственных суждений. Христос говорит, что для добродетели недостаточно нам отказаться от всей собственности, если мы и себя самих не возненавидим; а ты говоришь, что можешь одержать победу, привязавшись ко всему этому. Но, как я сказал, тогда ты хорошо узнаешь, каким препятствием для добродетели бывает жена и заботы о жене.

46. Почему же, скажут, служащую препятствием Бог назвал помощницей (мужа)? "Сотворим ему", говорит Он, "помощника, соответственного ему" (Быт. 2:18). Но и я тебя спрошу: какая же помощница та, которая лишила мужа такого благополучия, извергла его из дивного пребывания в раю и ввергла в смятение настоящей жизни? Это свойственно не помощнику, а только злоумышленнику. "От жены", говорится (в Писании), "начало греха, и через нее мы все умираем" (Сирах. 25:27); и блаженный Павел говорит: "и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление" (1 Тим. 2:14). Какая же помощница та, которая подвергла мужа смерти? Какая помощница та, через которую сыны Божьи, или лучше все тогдашние обитатели земли, вместе со зверями, птицами и всеми прочими живыми существами погибли в потопе? Разве не она намеревалась погубить праведного Иова, если бы он не был крепким мужем (Иов. 2)? Разве не она погубила Сампсона (Суд. 16)? Разве не она устроила, чтобы весь народ еврейский служил Ваал-Фегору и был поражен руками своих братьев (Чис. 25)? Кто в особенности предал дьяволу Ахава (3 Цар. 21:25), а еще раньше - Соломона со всей его мудростью и славой (XI, 4)? И доселе часто (жены) не склоняют ли своих мужей к оскорблению Бога? Не поэтому ли мудрый муж говорит: "Всякая злость мала в сравнении со злостью жены" (Сирах. 25:21). Но почему же, скажут, Бог изрек: "сотворим ему помощника, соответственного ему"? Слово Бога, конечно, не ложно. И я не скажу этого, - нет, - она создана для этого и поэтому, но не пожелала остаться при собственном достоинстве, равно как и муж ее. Бог сотворил его по образу и по подобию Своему; "сотворим", говорит Он, "человека по образу Нашему по подобию Нашему" (Быт. 1:26), так же, как сказал: "сотворим ему помощника"; но по сотворении человек вскоре погубил и то и

другое. Он не сохранил "подобия" (ибо, как мог сохранить, предавшись постыдной страсти, склонившись на обольщение и не победив в себе желание наслаждения?), а потому невольно был лишен и достоинства "образа"; ибо Бог не малой части господства лишил того, который был страшен для всех как владыка, и стал непризнательным рабом после оскорбления Господа, сделав его презренным для подобных ему рабов. Сначала он был страшен для всех зверей: Бог привел к нему всех их, и ни один не посмел причинить ему зла или козни, видя блистающий в нем царский образ; когда же он помрачил грехом эти черты, то Бог лишил его и этого господства. Как через то, что человек не господствует над всем земным, а некоторых даже боится и страшится, не делается ложным изречение Божье: "и владычествуйте над всяким животным" (Быт. 1:28) (ибо сокращение власти произошло не от давшего ее, но получившего): так и козни жен в отношении к мужьям не ослабляют слов: "сотворим ему помощника, соответственного ему"; - она произошла для этого, но не осталась при этом. Кроме того, можно сказать и то, что она оказывает свою помощь к устройению настоящей жизни, к рождению детей и к обузданию естественной похоти; но когда уже не будет времени ни для настоящей жизни, ни для деторождения, ни для похоти, то для чего напрасно ты здесь упоминаешь о помощнице? Если ты, которая в состоянии содействовать только в малых делах, станет кто-либо иметь соотрудницей в делах великих, то не только не получит никакой пользы, но свяжет самого себя заботами.

47. Что же мы, спросят, скажем Павлу, который говорит: "почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа" (1 Кор. 7:16) и, следовательно, признает ее помощь необходимою и в духовных делах? И я с этим согласен: я не отстраняю ее совершенно от содействия в духовном; - да не будет! - но я говорю, что она совершает это тогда, когда не занимается брачными делами, а, оставаясь женщиной по природе, достигает добродетели блаженных мужей. Она может помогать мужу не украшениями своими, не роскошью, не просьбами к мужу о выдаче денег, не пышностью и расточительностью, но когда, став выше всего настоящего и впечатлев в себе жизнь апостольскую, будет оказывать большую кротость, большую скромность, большое презрение к деньгам и терпеливость; тогда она будет в состоянии поддержать его, когда скажет: "имея пропитание и одежду, будем довольны тем" (1 Тим. 6:8), когда будет оправдывать такое любомудрие делами и, посмеиваясь над смертью телесною, считать за ничто настоящую жизнь, когда всю славу этой жизни будет признавать, согласно с пророком, за "цвет полевой" (Иса. 40:6). Таким образом, жена может спасти мужа не тем, что сопрягается с ним, как жена, но своей евангельской жизнью, что делали многие женщины и без брака. Так, Прискилла, приняв Аполлоса, говорится (в Писании), руководила его по всему пути истины (Деян. 18:26). Хотя теперь это невозможно, но женщины могут оказывать такое же усердие и пожинать такие же плоды. Женщина, как я сказал выше, обращает мужчину не потому, что она жена его, - иначе ничто не препятствовало бы тому, чтобы никто из имеющих верующую жену не оставался неверующим, если сообщество и сожителство устраивают это дело. Но бывает не так, вовсе не так: напротив должно оказывать великое любомудрие и терпение, посмеиваться над брачными делами и поступать так постоянно, вот что содействует спасению души сожителя; если же жена будет непрестанно заниматься женскими делами, то она не только не принесет ему никакой пользы, но и повредит. Даже и в таком случае это - одно из весьма трудных дел. Послушай, что говорит (апостол): "почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа" (1 Кор. 7:16)? Такой вид вопроса - мы обыкновенно употребляем в речи о том, что редко случается. Что же он говорит дальше? "Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены" (1 Кор. 7:27). Видишь ли, как он постоянно делает переходы и в своем увещании часто совмещает оба предмета? Как в словах о браке он вставил слова о воздержании, возбуждая по временам слушателя, так и здесь он снова вставляет слова о браке, давая слушателю отдых. Он начал с девства, но прежде чем сказать что-нибудь о нем, тотчас перешел к речи о браке; ибо слова: "я не имею повеления", - суть слова позволяющего и вводящего брак. Потом, перейдя к девству и сказав: "за лучшее признаю", и, заметив, что постоянное повторение

его названия производит нелегкое впечатление на нежный слух, он не говорит о нем непрерывно; но, приведши достаточную причину облегчения подвигов девства, т. е. "настоящую нужду", не решается и теперь опять назвать "девство", а что? "хорошо человеку оставаться так", говорит и не продолжает речи об этом, но, прервав и остановив ее, прежде чем открылась трудность (девства), снова вставляет слова о браке и говорит: "соединен ли ты с женой? не ищи развода". Если бы это не так, если бы он не хотел предложить здесь утешение, то было бы излишне советуемому девство рассуждать о браке. Потом он снова переходит к девству, но и здесь не называет его собственным именем, а что? "Остался ли без жены?" говорит, "не ищи жены". Впрочем, не бойся: он не определил и не узаконил этого; слово о браке опять стоит близко, отклоняя этот страх и вещая: "если и женишься, не согрешишь" (1 Кор. 7:28). Но и не падай теперь; Он снова привлекает тебя к девству, о чем и хочет сказать в словах, поучающих, что вступившие в брак будут иметь великую "скорбь плоти". Как лучшие и добрые врачи, намереваясь дать горькое лекарство, или сделать отсечение, или прижигание, или что-либо подобное, не делают всего вдруг, но, всегда давая в промежутках отдых больному, таким образом исполняют остальное; так и блаженный Павел не изложил совета о девстве без остановки, целостно и непрерывно, но, постоянно прерывая его словами о браке и прикрывая трудность его, сделал свою речь кроткой и удобоприемлемой. Для этого и допущено разнообразное смешение слав. Достойны рассмотрения и следующие слова: "соединен ли ты с женой? не ищи развода". Это не столько совет, сколько указание на затруднительность и безвыходность из этих уз. Почему он не сказал: имеешь ли жену? - не оставляй ее; живешь ли вместе? - не расставайся, а назвал сожитительство узами? Он указывает этим на трудность дела. Так как все прибегают к браку, как легкому делу, то он показывает, что вступившие в брак несколько не отличаются от связанных (узами); ибо здесь, куда влечет один, туда необходимо следовать и другому, или если возмутится один, то вместе с ним погибнет и другой. А что, скажет (жена), если муж склонен к слабостям, а я хотела бы воздерживаться? Тебе необходимо следовать за ним: приятная цепь брака, наложенная на вас, принуждает тебя поступать так и против воли привлекает к тому, который изначально связан с тобою; если же ты будешь противиться и уклоняться, то не только не освободишься от уз, но и подвергнешься крайнему наказанию.

48. Та, которая воздерживается против воли мужа, не только лишится награды за воздержание, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам. Почему? Потому, что она, лишая его законного совокупления, низвергает его в бездну распутства. Если она не имеет права делать это и на короткое время без его согласия, то какое прощение может получить она, постоянно лишая его этого утешения? Но что, скажешь, может быть тяжелее этой необходимости и угрозы? И я говорю то же самое. Для чего же ты подвергаешь себя такой необходимости? Это должно было обдумать до брака, а не после брака. Посему и Павел, сказав о необходимости вследствие уз, говорит об освобождении. После слов: "соединен ли ты с женой? не ищи развода", он прибавляет: "остался ли без жены? не ищи жены". Он делает это для того, чтобы ты, наперед ясно рассмотрев и узнав тягость супружества, легче принял слово о безбрачии. "Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит" (1 Кор. 7:28). Вот чем ограничивается великая заслуга брака: тем, что за него не осуждаются, а не прославляются; последнее принадлежит девству, а вступивший в брак должен довольствоваться сведением, что он не согрешил. Почему же, скажут, ты советуешь не искать жены? Потому, что однажды связанному (браком) не следует разрывать его, ибо это влечет за собою много скорбей. Итак, скажи мне, неужели от девства мы получим только ту пользу, что избежим здешней скорби? Кто же решится принять на себя такой подвиг, ожидая за такие труды получить одно только это воздаяние?

49. Что говоришь ты? Призывая меня сражаться с демонами ("потому что наша брань не против крови и плоти" – (Еф. 6:12)), повелевая противостоять естественному неистовству,

убеждая совершать подвиги с плотью и кровью наравне с бесплотными силами, ты упоминаешь только о земных благах и о том, что мы не будем иметь скорби, происходящей от браков? В самом деле, почему апостол не сказал так: если дева и вступит в брак, то не согрешит, но лишит себя венцов за девство, многих и неизреченных даров? Почему он не перечислил благ, подлежащих им после борьбы, как они пойдут во сретение Жениха, как получат блестящие светильники, как с большой славой и смелостью войдут в брачный чертог вместе с Царем, как будут блистать больше всех близ Его престола и седалищ царских? Об этом он не сделал и краткого упоминания, но как выше, так и ниже упоминает об освобождении от житейских неприятностей. "За лучшее признаю", говорит он, "хорошо человеку оставаться так", и вместо того, чтобы сказать: в виду будущих благ, говорит: "по настоящей нужде". Далее опять сказав: "и если девица выйдет замуж, не согрешит" и, умолчав о небесных дарах, которых она лишила себя, говорит: "таковые будут иметь скорби по плоти". И это он делает не только доселе, но и до конца, и, опуская указание на будущие блага, снова приводит ту же причину: "время", говорит, "уже коротко", и вместо того, чтобы сказать: "я желаю, чтобы вы блистали на небесах и явились гораздо славнее вступивших в брак", он и здесь продолжает говорить: "а я хочу, чтобы вы были без забот" (1 Кор. 7:32). Так поступает он не только в этом месте, но и, беседуя о перенесении обид, употребляет тот же способ увещания. Сказав: "если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его" (Римл. 12:20), заповедав такое дело, повелев преодолевать потребность природы и бороться с таким невыносимым пламенем, он в словах о наградах умолчал о небе и небесном, и указал воздаяние за это во вреде для оскорбителя: "делая сие", говорит, "ты соберешь ему на голову горящие уголья" (Римл. 12:20). Для чего же он употребляет такой способ увещания? Не по неведению и незнанию, как можно склонить и убедить слушателя, но потому, что он больше всех людей отличался этой добродетелью, т. е. способностью убеждать. Откуда это видно? Из сказанного им. Где и каким образом? Он беседовал с коринфянами (мы сначала разберем сказанное им о девстве), в которых он "ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1 Кор. 2:2), с которыми он не мог говорить, как с людьми духовными, и питал их еще молоком, ибо они были плотскими, за что и упрекал их в этом послании: "ибо вы были еще не в силах", говорил он, "да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские" (1 Кор. 3:2-3). Посему он побуждает их к девству и отклоняет от брака земными благами, видимыми и осязательными. Он хорошо знал, что людей малодушных, низменных и приверженных еще к земле, можно скорее привлечь и поощрить земными (благами). Почему, скажи мне, многие из людей невежественных и грубых и в маловажном и в важном деле без страха клянутся Богом и нарушают клятву, а не решатся начать клятву головой своих детей? Хотя нарушение той клятвы и наказание за все гораздо больше, чем за последнюю, но они все-таки скорее употребляют первую клятву, чем вторую. Так и относительно помощи бедным на них не столько действуют слова о царстве небесном, хотя бы часто повторяемые, сколько надежда на что-нибудь полезное в здешней жизни или для их детей или для них самих. Они тогда особенно склонны к такому попечительству, когда надеются получить облегчение от продолжительной болезни, избежать опасности, достигнуть какой-либо власти и начальства. И вообще оказывается, что большинство людей скорее убеждается тем, что близко перед ними. Что больше действует на их чувства, то скорее побуждает их к добрым делам и сильнее устрашает в дурных. Посему и (Павел) так говорил коринфянам, и римлян побуждал к перенесению обид настоящими (благами). Слабая и оскорбленная душа не так легко отбросит яд гнева, если услышит о царстве (небесном) и получит отдаленные надежды, как тогда, когда будет ожидать наказания обидевшему. Итак, желая пресечь корень злопамятности и пока успокоить гнев, он приводит то, что было действительно для утешения обиженного, не лишая его назначенной награды в будущем времени, но стараясь пока вывести его каким бы то ни было образом на путь добродетели и открыть двери к примирению, ибо самое трудное дело - приступить к началу подвига, а по вступлении труд бывает уже не так велик. Но Господь наш Иисус

Христос не так поступает, беседуя как о девстве, так и о перенесении обид: беседуя о первом, Он указывает на царство небесное: "и есть скопцы", говорит он, "которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного" (Матф. 19:12); когда же Он увещает молиться за врагов, то, не сказав ничего о вреде для обидевших и не упомянув о горящих углях, но, предоставив говорить все это к людям малодушным и низменным, побуждает к этому высшими (благами). Какими же? "Да будете", говорит, "сынами Отца вашего Небесного" (Матф. 5:45). Смотри, сколь великая награда, потому что слушателями Его были Петр, Иаков, Иоанн и сонм прочих апостолов; посему Он и побуждал их духовными наградами. И Павел сделал бы то же самое, если бы речь его относилась к подобным людям; но так как он говорил к коринфянам, весьма несовершенным, то он и указывает им на ближайшие плоды трудов, чтобы они охотнее приступили к упражнению в добродетели. Посему и Бог награждал иудеев, не упоминая о царстве небесном, земными благами; а за дурные дела угрожал не геенной, но несчастьями в этом веке: голодом, язвой, болезнями, войнами, пленом и тому подобным; ибо люди плотские скорее этим удерживаются, и этого более боятся, и менее заботятся о невидимом и ненастоящем. Поэтому и Павел останавливался больше на том, что особенно могло подействовать на их грубость. Кроме того, он хотел показать и то, что некоторые другие добродетели, возлагая на нас много трудов, все плоды собирают в будущем времени, а девство, при самом подвижничестве в нем, доставляет нам не малое воздаяние, освобождая нас от таких трудов и забот. Вместе с тем он предложил еще нечто третье. Что же? То, что это дело должно считаться в числе не невозможных, но весьма возможных. Он делает это, очень пространно объясняя, что брак имеет весьма много неудобств, как бы так обращаясь к кому-нибудь: это дело тебе кажется обременительным и трудным; но я потому самому и предлагаю тебе приняться за него, что оно весьма легко, так как доставляет нам гораздо менее забот, нежели брак; "жаль мне вас", говорит он, и не хочу, чтобы вы имели скорби, потому и не желаю, чтобы вы вступали в брак. Какую же скорбь? - может быть, скажет кто-нибудь; напротив, мы находим, что брак доставляет большое удовольствие и наслаждение; и, во-первых, удовлетворение страсти со всей свободой, без причинения какого-либо насилия природе, не мало служит к облегчению; а потом и остальная жизнь освобождается от уныния и нечистоты и бывает полна приятностей, веселья и радости; ибо люди, угождающие плоти роскошным столом, нежными одеждами, мягкой постелью, постоянными омовениями, благовониями, вином, нисколько не уступающим благовониям, и многими другими и различными излишествами, вследствие брака доставляют ей большое наслаждение.

50. Все это непозволительно; брак же обыкновенно доставляет нам только свободу совокупления, а не наслаждение. Свидетель этого блаженный Павел, который говорит так: "а сластолюбивая заживо умерла" (1 Тим. 5:6). Так он говорит о вдовах; послушай же, что он говорит и о вступивших в брак. "чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию" (1 Тим. 2:9-10). И не только здесь, но и в других местах, как может всякий видеть, он много говорит о том, чтобы у нас совершенно не было заботы ни о чем подобном. Но что я говорю о Павле? Он говорил это тогда, когда было время высшего любомудрия и была великая благодать Духа. И Амос, обращаясь с речью к младенцам - иудеям, у которых позволялось и наслаждение, и роскошь, и, так сказать, все излишнее, послушай, как сильно укоряет предающихся наслаждению: "вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия, - вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями" (Амос. 6:3-6).

51. Итак, как я сказал выше, наслаждаться совершенно не дозволяется; но, если бы даже ничего такого не запрещалось, а все дозволялось, есть так много другого, равного этому по своей печали и скорби, и даже многочисленнее и больше в такой степени, что мы нисколько не чувствуем приятности (брака) и всякое наслаждение от него исчезает.

52. Если кто по природе ревнив или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством нисколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает и раздражается на всех, и непрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будет ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбью и неудовольствием; остается ли он дома, идет ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождает его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякого рожна и не давая покоя; ибо эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и невыносимое раздражение. Каждое из них уже само по себе достаточно для погубления одержимого им; если же они вместе нападут на него, удручая его постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то скольких смертей это тяжелее? Назовет ли кто крайнюю бедность, неизлечимую болезнь, огонь, железо, он не укажет ничего равного этому. Только те, которые сами испытали, хорошо знают это, а никакими словами невозможно выразить чрезмерность этого горя. Когда кто вынуждается постоянно подозревать ту, которую любит больше всего и за которую с удовольствием готов отдать душу свою, то какое утешение может облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питье, - стол покажется ему наполненным больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же он не будет иметь покоя ни на малое время, но будет беспокоиться и вертеться, как бы на горячих углях. Ни общество друзей, ни забота о делах, ни страх опасностей, ни избыток удовольствий, ни что-либо другое не может отвлечь его от этой бури; но сильнее всех радостей и печалей эта буря овладевает его душой. Имея в виду это, Соломон говорит: "люта, как преисподняя, ревность" (Песн. 8:6), и еще: "потому что ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщениа, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров" (Притч. 6:34-35). Неистовство этой болезни таково, что скорбь от нее не проходит даже после отмщения причинившему ее; часто многие, уничтожив прелюбодея, не в силах были уничтожить своего гнева и уныния; а есть и такие, которые, убив своих жен, продолжали гореть в этом огне так же или даже более. В таких бедствиях проводит жизнь муж, когда даже нет верного повода; а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видит, что тот, кто должен быть утешением среди всех скорбей и от кого надлежало ожидать покровительства, относится к ней зверски и враждебнее всех, то куда она может обратиться, к кому прибегнуть, где найти избавление от зол, когда гавань для нее закрыта и полна тысячи утесов? Тогда рабы и служанки обращаются с ней оскорбительнее мужа; этот род людей вообще склонен к подозрению и неблагодарности; когда же они получают более смелости и увидят, что господа их не согласны между собой, то находят в их вражде не мало поводов к своему бесстыдству. Тогда им можно со всей смелостью выдумывать и сочинять все, что захотят, и увеличивать подозрение своими клеветами. Душа, раз уже зараженная этою злою болезнью, легко верит всему и, равно открывая свой слух для всех, не может отличить клеветников от неклеветников, и даже ей кажутся более достоверными слова тех, которые увеличивают подозрение, нежели тех, которые стараются уничтожить его. От этого, наконец, жене бывает необходимо бояться и опасаться рабов и их жен не менее, чем своего супруга и, уступив им свое место, самой занять их положение. Когда же она может не проливать слез? Какую ночь, какой день, какой праздник она может проводить без стенаний, сетований и рыданий? Угрозы, оскорбления и злословия (преследуют ее) постоянно то от мнимооскорбленного мужа, то от гнусных рабов; осторожности,

предосторожности и все исполнено страха и трепета. Подсматриваются не только ее входы и выходы, но и слова, и взгляды и стоны разведываются с большой тщательностью, так что ей необходимо или быть неподвижнее камней и все переносить молчаливо и постоянно сидеть в своей комнате хуже узника, или, если желает, говорить, плакать и выходить, и за все подвергаться отчету и суду этих негодных судей, т. е. служанок и множества рабов. Пусть будет, если угодно, среди этих зол несчетное богатство, роскошный стол, толпы рабов, знатность происхождения, величие власти, большая слава, знаменитость предков; вообще, не опусти ничего из того, что, по-видимому, делает настоящую жизнь завидной, но, тщательно собрав все, противопоставь этой печали, - и ты даже не увидишь проявления какого-либо удовольствия от всего этого, но оно исчезнет, как обыкновенно угасает малая искра, попав в огромное море. Так бывает, когда ревнует муж; если же эта страсть овладеет женой (что бывает нередко), то ему будет легче, нежели жене, а на эту несчастную падет еще больше горя; потому что она не может пользоваться тем же оружием против подозреваемого. Кто согласится, по приказанию жены, сидеть постоянно дома? Кто из слуг осмелится наблюдать за господином, не опасаясь тотчас быть вверженным в пропасть? Итак, она не может ни утешать себя этими средствами, ни высказывать свой гнев словами, но однажды или дважды, может быть, муж перенесет ее негодование; если же она будет постоянно продолжать свои упреки, то он скоро научит ее, что лучше молча переносить все и страдать. Все это бывает при подозрениях; если же действительно случится такое горе, то никто не исхитит жены из рук оскорбленного (мужа), и он, при помощи благоприятствующих ему законов, приведет свою возлюбленную в судилище и погубит; муж же по законам избегает наказания, которое предоставляется высшему и Божественному суду. Но этого недостаточно для утешения несчастной; ей предстоит подвергнуться медленной и жалкой смерти от чар или отрав, которые приготавливают распутные женщины. Бывали и такие случаи, когда не было надобности и в этих отравках для огорченных женщин, но сами они предупреждали и погибали от сильного горя. Таким образом, если бы даже все мужчины прибегали к браку, женщинам не надлежало искать его; ибо они не могут сказать, что у них бывает такая сила похоти, а большую часть бедствий от брака пожинаят они, как то доказала эта речь. Что же, скажут, разве это бывает во всех браках? Не во всех бывает, а от девства всякого далеко и очень далеко. Вступившая в брак, если и не впадет в несчастье, то подвергнется ожиданию этого несчастья; намеревающаяся вступить в общение с мужем не может вместе с этим общением не ожидать и не опасаться бед; девственница же избавлена не только от этих горестей, но и опасения. Это бывает (скажут) не во всех браках. Я и не говорю этого, но если не бывает этого, то бывает многое другое; если кто избегнет и последнего, то не может избежать всего вообще. Но подобно тому, как бывает с терниями, приставшими к одеждам проходящего около терновых оград, когда он повернется, чтобы отцепить одни, то покрывается многими другими: так и в брачных делах - избежавший одного вновь поражается другим, уклонившийся от этого попадает на третье, и вообще невозможно найти брака, свободного от всякого неудовольствия.

53. Но, если угодно, оставив неприятности, представим и разберем теперь то, что в браке кажется вожделенным, и что многие часто, или лучше сказать, все желают получить. Что это? То, чтобы бедному, низкому и презренному, взять жену от людей великих, сильных и владеющих большим богатством. Но мы найдем, что и это завидное состояние сопряжено с несчастьями не меньшими, как и то неприятное. Род человеческий вообще склонен к надменности, а женщины настолько более, насколько они слабее; поэтому они больше предаются этой страсти; а когда есть много поводов к надменности, то уже ничто не может удержать их; как пламень, охвативший какое-нибудь вещество, так и они поднимаются на невыразимую высоту, извращают порядок и ниспровергают все. Такая жена не позволяет мужу оставаться на месте главы, но, по своему высокомерию и безумию свергнув его с этого места и низведши на принадлежащее ей - на место подчиненного, сама делается главой и повелительницей. Что может быть хуже этого

беспорядка? Я умалчиваю об укори́знах, оскорблениях и неприятностях, которые несноснее всего.

54. Если же кто скажет (я слышал многих говоривших это, когда происходили подобные разговоры): была бы только она богата и зажиточна, а переносить и укрощать ее высокомерие несколько не трудно. Если кто так говорит, то, во-первых, он не знает, что это весьма трудно; во-вторых, если это случится, то принесет не малый вред; потому что подчинение ее мужу по необходимости, со страхом и с насилием, тяжелее и неприятнее, нежели подчинение его полной ее власти. Почему? Потому что это насилие изгоняет всякую дружбу и удовольствие; если же не будет дружбы и любви, а вместо этого страх и принуждение, то какое значение будет иметь брак?

55. Все это бывает тогда, когда жена богата; если же случится, что она ничего не имеет, а муж богат, то она будет служанкой, а не женой, свободная делается рабой, и потеряв принадлежащую ей свободу, станет в положение несколько не лучше купленных рабов; но захочет ли муж распутствовать, или пьянствовать, или привести на самое ложе ее множество распутных женщин, она должна все терпеть и допускать, или уйти из дома. И не только это ужасно, но и то, что при таком расположении мужа, она не может свободно приказывать ни рабам, ни служанкам, но принуждена делать и терпеть все так, как бы живя среди чужих, пользуясь не принадлежащим ей и сожительствовав скорее с господином, чем с мужем. Если же кто захочет взять жену из равных себе, то опять равночестность нарушается законом подчинения, тогда как равномерность имуществ располагает ее равняться с мужем. Что же можно сделать, когда всюду такие неудобства? Не выставляй на вид те очень немногие и редкие браки, которые избежали этого; о вещах нужно судить не по редким исключениям, а по всегдашним явлениям. В девстве трудно быть этому, или лучше сказать, невозможно, а в браках трудно не быть этому.

56. Если в счастливых, по-видимому, браках происходят такие неприятности и несчастья, то что сказать о таких, которые признаются несчастными? Жена боится не одной только своей смерти, хотя она должна однажды умереть, и заботится не об одной душе, хотя имеет одну душу, но боится за мужа, боится за детей, боится за их жен и опять за детей, и чем больше корень пускает ветвей, тем больше умножаются ее заботы; если у каждого из них случится или недостаток в деньгах, или телесная болезнь, или что-нибудь другое нежелательное, то ей нужно мучиться и печалиться не меньше самих страждущих. Если они все умрут прежде нее, то для нее невыносимое страдание; если одни останутся, а другие скончаются преждевременной смертью, и тогда для ней не будет чистого утешения; потому что страх за живых, постоянно потрясающий душу, бывает не легче печали об умерших и даже, если можно сказать нечто удивительное, еще тяжелее. Время смягчает скорбь об умерших, а заботы о живых неизбежно остаются всегда, или прекращаются только смертью. Если же мы не имеем сил для перенесения собственных страданий, то какую жизнь проводить будем мы, поставленные в необходимость оплакивать несчастья других? Многие, нередко происходящие от знаменитых родителей и воспитавшиеся в большой роскоши, были выдаваемы за кого-нибудь из весьма знатных мужей, а потом вдруг, прежде наслаждения счастьем, от какой-нибудь опасности, как бы от бури или налетевшего ветра, погибали, подвергшись ужасам кораблекрушения, и те, которые наслаждались до замужества бесчисленными благами, вследствие брака впадали в крайнее несчастье. Но это, скажут, бывает не со всеми и не всегда. От всех это недалеко (повторяю опять то же), но одни испытали это на себе, а те, которые избежали такого опыта, страдали от ожидания того же. Между тем всякая девственница выше такого и испытания и ожидания.

57. Впрочем, оставив это, если угодно, теперь рассмотрим то, что естественно сопряжено с браком и чего никто волею или неволею не может избежать. Что же это? Муки

чревоношения и рождения и воспитание детей. Или лучше, начнем речь выше и изложим то, что предшествует браку, по возможности, ибо в точности знают только те, которые испытали это. Настало время сватовства, и тотчас являются непрерывные и разнообразные заботы: какого (дочь) получит мужа, не низкого ли по происхождению, или бесчестного, или самолюбивого, или лживого, или гордого, или дерзкого, или ревнивого, или мелочного, или глупого, или порочного, или грубого, или слабого. Хотя не со всеми выходящими замуж необходимо случается все это, но необходимо подумать и позаботиться обо всем; так как суженый еще неизвестен, и надежда еще сомнительна, то душа всего боится и опасается и размышляет обо всем этом. Если же кто скажет, что она может радоваться, ожидая противного, то пусть знает, что нас не столько утешают надежды на лучшее, сколько печалит ожидания худшего. Радость бывает только тогда, когда кто наверно ожидает доброго; а дурное, хотя бы только было воображаемо, тотчас смущает и беспокоит душу. Как у невольников душа не может быть спокойной от неизвестности о будущих господах, так и у девиц во все время сватовства душа уподобляется обуреваемому кораблю, пока родители ежедневно одних принимают, другим отказывают; вчера одержавшего верх сегодня перебивает другой жених, а этого опять вытесняет иной. Случается, что перед самыми дверьми брака обнадеженный жених уходит с пустыми руками, а неожиданному родители отдают свою дочь. И не только женщины, но и мужчины имеют тогда тяжкие заботы. О последних можно и разведать все, а как узнать нравы и наружность той, которая постоянно держится внутри дома? Это во время сватовства; а когда настает время брака, то беспокойство увеличивается, и удовольствие преодолевается опасением, как бы в этот же вечер она не оказалась неприятной и с большими против ожидания недостатками. Для той, которая сначала нравилась, сносно быть впоследствии презируемой; а которая с самого, так сказать, первого шага покажется неприятной, то когда потом может понравиться? Не говори мне: а что, если она окажется благообразной? Даже и в этом случае она не избавляется от заботы. Многие, весьма блиставшие телесной красотой, не могли привлечь к себе своих мужей, которые, оставив их, предавались другим, гораздо худшим их. Когда окончилась и эта забота, тогда является другое неудовольствие при отдаче приданого; тесть не с охотой отдает то, что назначил в приданое; жених, хотя спешит получить все, но принужден требовать уплату с почтением, а жена, пристыженная отсрочкой уплаты, краснеет перед мужем более всякого неисправного должника. Но оставлю это теперь. Когда окончилась и эта забота, тотчас является опасение бесплодия, и напротив того - забота о многочадии; но так как ничего такого еще не видно, то с самого начала они тревожатся заботами о том и другом. Если она тотчас делается беременной, то опять - радость со страхом (ибо ни одно из удовольствий брака не бывает без страха), со страхом того, чтобы от преждевременных родов зачатое не потерпело вреда, а зачавшая не подверглась крайней опасности. В течение продолжительной беременности женщина бывает несмелой, как виновница рождения. Когда же наступит время родов, тогда чрево, столько времени обремененное, разверзает и как бы расторгают муки рождения, которые одни могут достаточно затмить все удовольствия брака. Вместе с тем ее беспокоят и другие заботы. Жалкая и скорбная женщина, хотя уже сильно измученная прежними страданиями, не менее того боится, чтобы ребенок не вышел поврежденным и уродливым вместо правильного и здорового, и чтобы не был женского пола вместо мужского. Это томление возмущает женщин тогда не менее мук рождения; ибо не только за то, чего они бывают причиной, но и за то, в чем оно не служат причиной, они боятся мужей, и за последнее не меньше, чем за первое, и, не обращая внимания в этой буре на собственную безопасность, беспокоятся, чтобы не произошло чего-нибудь неприятного для мужа. Когда дитя явилось на землю и произнесло первый крик, то следуют новые заботы, о сохранении и воспитании его. Если оно будет с хорошими природными качествами и склонно к добродетели, то родителям опять беспокойство, чтобы дитя не потерпело какого-нибудь зла, чтобы не умерло преждевременной смертью, чтобы не впало в какой-нибудь порок. Ибо не только из дурных делаются хорошими, но из хороших

делаются дурными и порочными. Если случится что-нибудь неожиданное, то печаль родителей будет невыносимее, чем если бы это произошло с самого начала; если же все хорошее будет поставлено прочно, то у них всегда остается опасение перемены, потрясая их душу и лишая значительной части удовольствия. Но, (скажешь), не у всех брачных бывают дети. Этим ты указываешь еще и на другую причину уныния. Итак, если (брачные) всегда, - есть ли у них дети, или нет, хороши ли они, или дурны, - бывают удручены разными печалью и заботами, то можно ли назвать брачную жизнь наиболее приятной? Далее: если супруги живут во взаимном согласии, (является) опасение, чтобы наступившая смерть не разрушила их удовольствия; а лучше сказать, это уже не только страх и ожидаемое бедствие, но неизбежная необходимость. Никто не может указать, чтобы оба (супруги) умирали когда-либо в один день; если же этого не бывает, то оставшемуся необходимо переносить жизнь, которая гораздо хуже смерти, жили ли они вместе долго, или мало. Тот, чем больше испытал, тем больше имеет горя, ибо большая привычка делает разлуку невыносимой, а этот, прежде чем вкусить и насладиться любовью, лишился ее в самом разгаре страсти, почему испытывает тем более скорби, и таким образом оба, по противоположным причинам, подвергаются одинаково тяжким скорбям. А что сказать о случающихся иногда разлуках, о далеких путешествиях, о происходящих от этого томлениях, о болезнях? Но как, скажут, это относится к браку? И от этой причины весьма часто многие (жены) заболели; огорчившись и раздражившись то от гнева, то от уныния, они получали сильные горячки. Если в присутствии (мужа) они не терпят ничего такого, но постоянно наслаждаются его ласками, то вследствие его отсутствия подвергаются этим страданиям. Впрочем, оставим все это, и ни в чем не будем обвинять брак, и, однако, мы не можем защитить его от одной вины. От какой же? От той, что он здорового человека повергает в состояние несколько не лучшее больного и причиняет ему уныние такое же, как лежащему в болезни.

58. Не будем, если угодно, говорить обо всем этом и предположим на словах невозможное; допустим, что брак имеет все вообще блага: многочадие, добрых детей, богатство, у жены целомудрие, красоту, благоразумие, согласие, жизнь до глубокой старости; пусть будет при этом и знатность происхождения и величие власти и не тревожит общая естественная слабость - опасение перемены всего этого, пусть будет удалена всякая причина уныния, всякий повод к заботе и беспокойству, и ни другая какая-либо причина, ни преждевременная смерть не расторгает брака, но пусть оба они умирают в один день, или, что гораздо приятнее, пусть останутся у них наследниками дети, и похоронят обоих родителей вместе в глубокой старости. Какой же будет конец? С какой пользой от этих многих удовольствий они отойдут туда? Оставить много детей, наслаждаться с хорошей женой роскошью и всеми другими благами, которые я сейчас исчислил, и достигнуть глубокой старости, какую все это может нам принести пользу на том судилище в виду вечных и истинных благ? Никакой. Все это тень и сновидение. Если же от этого мы не можем получить никакой пользы в ожидающих нас и не имеющих конца веках, и никакого иметь утешения, то наслаждавшийся этим должен будет стать наравне с теми, которые не наслаждались. Так, если бы кто в продолжение тысячи лет в одну только ночь увидел приятное сновидение, то и о нем мы не сказали бы, что он имеет какое-либо преимущество перед тем, кто не наслаждался таким видением. Впрочем, этим я еще не выразил всего, что хотел; ибо здешние блага не столько отличаются от тамошних, сколько сновидения от действительности, но гораздо больше; и не так настоящий век относится к будущему, как одна ночь к тысяче лет, но и здесь разница гораздо больше. Дела же девственников не таковы, но она отходит туда с великим богатством; впрочем, начнем исследование об этом выше.

59. Нет ей нужды разведывать о женихе, не боится она и какого-нибудь обмана. Бог - не человек, Владыка - не раб. Такова разница между женихами; посмотри еще, на каких условиях здесь вступают в брак. Ни невольники, ни десятины земли, ни столько-то и

столько-то талантов золота, но небеса и небесные блага - подарки такой невесте. Притом другая вступившая в брак боится смерти, как по иным причинам, так и потому, что смерть разлучает ее с супругом, а девственница даже желает смерти и тяготится жизнью, поспешая видеть Жениха лицом к лицу и насладиться той славой.

60. Не может причинить ей вреда ни житейская бедность, как это бывает в другом браке, но делает ее еще более любезной для Жениха, как претерпевающую эту бедность добровольно, ни происхождение от незнатных родителей, ни недостаток телесной красоты, ни другое что-либо подобное. Что я говорю об этом? Если даже она будет не свободной, и это не может повредить ей при сватовстве: достаточно иметь прекрасную душу, чтобы получить первенство. Ей не предстоит бояться ревности, не предстоит мучиться завистью к другой женщине, как сопрягающейся с более славным мужем; потому что нет никого, не только подобного или равного ее Жениху, но даже хотя мало приближающегося к Нему; в другом же браке, если которая будет иметь и очень богатого и весьма знатного мужа, всегда может найтись другая, имеющая еще более знатного, а превосходство большего не мало уменьшает удовольствие обладания менее превосходным. Но (скажут) большая роскошь и обилие золота, одежд, столовых и других вещей может прельщать и привлекать душу. А много ли женщин наслаждаются этим? Большая часть людей живет в бедности, горестях и трудах; если же некоторые пользуются такими благами, то очень немногие и редкие, и те против воли Божьей: как мы доказали в вышесказанном, Он никому не дозволяет наслаждаться этим.

61. Впрочем, предположим на словах, что роскошь дозволяется и что ни пророк, ни Павел не осуждают украшающихся женщин. Какая польза от множества золотых вещей? Ничего иного, кроме зависти, заботы и немалого страха; ибо владеющие ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены в ящичек или когда наступает ночь, но и когда надевают их в дневное время, они также испытывают беспокойство и даже худшее. И в банях, и в церквах являются женщины, которые похищают их; а часто и без последних носящие золотые вещи, подвергаясь стеснению и толчкам от толпы, не замечают, как теряется какая-нибудь из их золотых вещей. Таким образом, многие женщины не только таких вещей, но даже более ценных ожерелий, украшенных драгоценными камнями, лишались просто вследствие того, что эти вещи оторвавшись, потерялись.

62. Но пусть не будет и этого опасения; пусть устранена будет и эта забота; какая от того польза? Другой, скажут, увидит и будет восхищаться. Но не той, которая украшена, а самыми украшениями, ее же часто и осудит за это, как украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредит природной красоте; ибо множество украшений не дает ей выказаться вполне, закрывая большую часть ее самой; если же она некрасива и безобразна, то покажет себя еще более отвратительной. Безобразие, всегда являющееся в своем виде, оказывается только таким, каково оно есть; а когда его окружает блеск камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразие достигает большей степени. Чернота тела кажется чернее в сравнении с блеском жемчужины, сверкающей как бы во мраке; уродливость лица представляется гораздо хуже от цветной одежды, которая не допускает зрителей смотреть на лицо в собственном его виде, но в сравнении с изящной красотой изделий, от чего оно еще более посрамляется. Золото, рассыпанное по одежде, пестрота разных изделий и всякие прочие украшения, подобно доблестному, сильному и здоровому ратоборцу, повергающему больного, изнуренного и голодного, побеждая наружность лица увешанной ими, привлекают внимание зрителей к себе самим и заставляют больше над ней смеяться, а им оказывать большее удивление.

63. Не таково украшение девства. Оно не безобразит облакающуюся в него; потому что все оно не телесное, а духовное; и потому, если она некрасива, оно тотчас изменяет

безобразии в изящную красоту; если же она красива и блестяща, то придает ей еще более блеска. Ни камни и золото, ни драгоценность одежд и дорогие разнообразные цвета красок, и ничто иное из подобных тленных вещей не украшает душ, но вместо этого - посты, священные бдения, кротость, скромность, бедность, мужество, смиренномудрие, терпение, презрение всех вообще предметов настоящей жизни. Взор девственницы так прекрасен и привлекателен, что на него с любовью взирают бесплотные силы и Господь их, - так чист и пронизателен, что может созерцать, вместо телесных, бестелесные красоты, - так незлобив и кроток, что не озлобляется и не враждует даже против непрестанно обижающих и оскорбляющих, но и на них смотрит приятно и ласково. Ее облакает такая благопристойность, что даже распутные стыдятся, краснеют и сдерживают свое бесстыдство, когда пристально посмотрят на нее. Как служанка, служащая порядочной женщине, необходимо и сама делается такой же, хотя бы и не желала этого; так и плоть такой любознательной души необходимо сообразует и собственные порывы с ее движениями. У нее и глаз, и язык, и осанка, и походка и вообще все имеет отпечаток внутреннего благоустройства; и как драгоценное миро, хотя бы заключено было в сосуде, наполняя воздух своим благовонием, доставляет удовольствие не только стоящим в том же месте и вблизи, но и всем стоящим поодаль, так и благоухание девственной души, разливаясь по ее чувствам, проявляет находящуюся внутри нее добродетель, которая, налагая на все чувства золотую узду благопристойности, удерживает всех этих коней в полной исправности и не позволяет ни языку говорить что-нибудь неблагозвучное и нестройное, ни глазу смотреть бесстыдно и подозрительно, ни слуху воспринимать какие-нибудь непристойные песни. Она заботится и о ногах, чтобы они не выступали беспорядочно и неестественно, но имели походку неизысканную и безыскусственную; отвергнув украшения в одеждах, она постоянно располагает и лицо не расплываться от смеха, и даже слегка не улыбаться, но всегда являться степенным и строгим, всегда готовым к слезам и никогда - к смеху.

64. Услышав о слезах, не подразумевай здесь какого-нибудь огорчения; эти слезы доставляют такое удовольствие, какого не имеет смех здешнего мира. Если не веришь, то послушай Луку, который говорит, что апостолы, приняв побои, "они же пошли из синедриона, радуясь" (Деян. 5:41), хотя не таковы естественные последствия побоев; ибо обыкновенно они производят не удовольствие и радость, а скорбь и страдания. Не таково естественное действие побоев, но вера во Христа такова, что она побеждает даже природу вещей. Если побои за Христа доставили удовольствие, то, что удивительного, если производят тоже и слезы за Него? Посему, Он тот самый путь, который назвал тесным и скорбным, потом называет игом благим и бременем легким (Матф. 7:13, 9:30). Этот подвиг по свойству своему столь труден, но по ревности и благим надеждам совершающих его он делается весьма легким. Посему можно видеть, что по узкому и скорбному пути избравшие его идут с большей бодростью, нежели по широкому и пространному, не потому, чтобы они не встречали скорбей, но потому, что они выше этих скорбей, и не терпят от них ничего такого, что обыкновенно терпят другие. И эта жизнь (девственниц) имеет печали, но в сравнении с брачными, их нельзя и назвать печалью.

65. Скажи мне, испытывает ли девственница во всю свою жизнь что-нибудь подобное тому, что испытывает, так сказать, ежегодно, вступившая в брак, терзаясь муками и воплями при родах? Сила этих мук такова, что, когда божественное Писание желает иносказательно выразить плен, голод, язву и невыносимые бедствия, то называет все это муками рождения. Это самое и Бог назначил жене вместо наказания и проклятия, то есть, не самое рождение, но рождение с такими трудами и муками. "В болезни", сказал Он, "будешь рожать детей" (Быт. 3:16). Девственница же стоит выше этих мук и проклятия; Тот, кто освободил (нас) "от клятвы закона" (Гал. 3:13), освободил и ее от этого.

66. Но (скажут) приятно нестись по площади на лошаках. Это - только одно лишнее тщеславие, не приносящее никакого удовольствия; как мрак не лучше света, как быть связанным не лучше, чем развязанным, как нуждаться во многом не лучше чем не нуждаться ни в чем, так и не пользующаяся собственными ногами не лучше (пользующихся). Я опускаю те затруднения, которые неизбежно испытываются при этом. Ей можно выходить из дома не тогда, когда она захочет, но часто, когда настоятельная нужда требует выхода, она принуждена оставаться дома, подобно нищим, у которых отсечены ноги и которые не могут двигаться. Если муж даст лошакам другое назначение, тогда является уныние, ссора и упорное молчание; если же сама она, не предвидя будущего, сделает то же самое, забыв о муже, то навлекает его гнев на себя и постоянно терзается укоризнами от него. Сколько лучше было бы, пользуясь своими ногами (на это их нам и дал Бог), не подвергаться таким неприятностям, чем, по склонности к роскоши, иметь столько мучений, скорби и уныния! И не одни эти причины удерживают ее дома, но если случится болезнь ног, у обоих ли лошаков или у одного из них, бывает то же самое; также, когда случится отправить их на пастбище (а это бывает ежегодно и на много дней), то опять ей необходимо оставаться дома, как связанной и не выходить из дома, хотя бы даже была необходимая надобность. Если же кто скажет, что она через это избавляется от множества встречных и не бывает обязана показываться и стыдиться перед каждым из знакомых, тот, мне кажется, совершенно не знает, что устраняет и что навлекает на женский пол стыд. Это зависит не от того, показывается ли она или скрывается, но последнее от внутренней душевной гордости, а первое от целомудрия и скромности. Посему многие, не имея этой ограды и ходя среди толпы по площади, не только не навлекли на себя осуждений, но даже возбуждали во многих удивление их целомудрию, и своей осанкой, и походкой, и простотой одежды обнаруживая свет внутренней благопристойности; а многие, и сидя внутри, навлекли на себя дурную славу; потому что можно и скрывшейся, более показывающихся, обнаружить для желающих свою гордость и надменность.

67. Но, может быть, приятна толпа служанок? Ничего нет хуже этого удовольствия, сопряженного с такими заботами; о каждой из них, в случае ее болезни или смерти, нужно беспокоиться и скорбеть. Но если это может быть сносно, то гораздо неприятнее тревожиться ежедневно, исправляя их нерадивость, прекращая неисправность, пресекая неблагодарность и останавливая всякие другие их пороки; а всего хуже то, - что обыкновенно случается при множестве прислуги - если в толпе этих служанок окажется благообразная. Это непременно должно случиться при множестве их; потому что богачи стараются иметь не только многих, но также и красивых служанок. Если какая-нибудь из них будет блистать (красотой); то привлечет ли она к себе господина любовью, или будет не больше, как предметом восхищения, для госпожи одинаково бывает прискорбно уступать ей если не в любви, то в телесной красоте и внимании других. Итак, если то, что у них считается славным и радостным, причиняет такие скорби, то, что сказать о печальном?

68. Девственница же не испытывает ничего такого; жилище ее свободно от беспорядка, и всякий шум далек от него; внутри его, как в тихой пристани, господствует молчание, и еще важнее молчания - безмятежность в ее душе, которая не занимается ничем человеческим, но постоянно беседует с Богом и неуклонно взирает на Него. Кто измерит это удовольствие? Какое слово изобразит радость души, так настроенной? Никакое; одни только те, которые полагают свою радость в Господе, знают, как велика эта радость и насколько она превосходит всякое сравнение. Большое количество серебра (скажут), всюду видимое, доставляет глазам большое наслаждение. Но не гораздо ли лучше взирать на небо и оттуда почерпать гораздо большее удовольствие? Насколько золото лучше олова и свинца, настолько небо светлее и блестящее золота и серебра и всякого другого вещества; притом это созерцание свободно от забот, а то соединено с великим

беспокойством, что всегда причиняет большой вред вожделениям. Но ты не хочешь взирать на небо? Тебе позволительно смотреть на серебро, находящееся на площади. "К стыду вашему говорю" (1 Кор. 6:5), словами блаженного Павла, что вы так преданы страсти к деньгам! Не знаю, что и сказать: меня при этом очень затрудняет недоумение, и я не могу понять, почему весь, так сказать, род человеческий, имея возможность наслаждаться чем-нибудь легко и свободно, не находит в том удовольствия, а утешается больше всего заботами, беспокойствами и хлопотами? Почему людей не так радует серебро, лежащее на рынке, как лежащее дома? Между тем первое блестит светлее и избавляет душу от всякой заботы. Потому, скажешь, что то не мое, а это мое. Следовательно, удовольствие доставляется корыстолюбием, а не самым серебром; если бы было последнее, то одинаково можно было бы им наслаждаться и там. Если же ты скажешь, (что оно приятно) по своей пользе, то стекло гораздо полезнее; это могут сказать и сами богачи, большей частью приготавливающие чаши из этого вещества; хотя они, увлекаясь роскошью, употребляют на это и серебро, но наперед влагают внутрь стекло, а потом снаружи окружают его серебром, показывая этим, что первое приятнее и пригоднее для питья, а второе служит только гордости и излишнему тщеславию. Что же вообще значит "мое" и "не мое"? Когда я тщательно вникаю в эти слова, то усматриваю, что это только пустые слова. Многие еще при жизни не могли удержать это серебро, ускользнувшее из их власти, а те, у кого оно оставалось до конца, при смерти волей-неволей лишились обладания им. Что слова: "мое и не мое" только пустые звуки, это можно сказать не только по отношению к серебру и золоту, но и к баням, и к садам, и к домам. Пользуются ими все вообще, а считающиеся владельцами их имеют только то преимущество перед другими, что заботятся об них. Они только пользуются ими, а другие после многих забот получают то же самое, что те - без забот.

69. Если же кто восхищается большой роскошью, например, множеством битого мяса, избытком выпиваемого вина, изысканностью печений, искусством трапезников и поваров, толпой сотрапезников и гостей, тот пусть знает, что состояние богачей при этом нисколько не лучше состояния самих поваров. Как последние боятся господ, так господа боятся званых (гостей), чтобы не быть осужденными за что-нибудь из приготовленного ими с большим трудом и издержками. В этом они равняются с поварами, а в другом даже превышают их; потому что боятся не только хулителей, но и завистников. Часто у многих от таких пиров зарождалась зависть, которая успокаивалась не прежде, как подвергнув их крайним опасностям. Но (скажут) приятно кушать много и часто. Нет, от этой роскоши происходят головные боли, расстройство желудка, одышка, затмение в глазах, обмороки, умопомрачение и другие худшие болезни. И, о, если бы эта неумеренность и вред от нее ограничивались только однодневными неприятностями! Нет, большая часть неизлечимых болезней начинается от этих пиршеств; подагра, чахотка, истощение, паралич и многие другие еще тяжчайшие болезни, внедрившись в тело, удручают его до последнего издыхания. Какое же можно найти удовольствие, вознаграждающее за все эти бедствия? Какую суровую жизнь не предпочтет каждый, чтобы избежать всего этого?

70. Не такова умеренность, но она далека от всех этих зол, и способствует здоровью и благополучию. Если даже кто ищет удовольствия, то при ней он получит его больше, чем при роскоши; и, во-первых, от того, что она доставляет здоровье и избавляет от всех тех болезней, из которых каждая сама по себе способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствие, а во-вторых - от самой пищи. Каким образом? Причиной удовольствия бывает аппетит; а аппетит возбуждается не пресыщением и избытком, но нуждой и недостатком (пищи). Он всегда бывает не на пирах богачей, но у бедных, лучше всякого трапезника и повара прибавляя к приготовленной пище много меда. Богатые едят, не чувствуя голода, и пьют, не имея жажды, и ложатся спать прежде, нежели придет к ним сильная нужда во сне; бедные же не прежде приступают ко всему этому, как настанет потребность, чем более всего возвышается удовольствие. Почему, скажи мне,

Соломон называет сон раба сладким, говоря так: "сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест" (Екк. 5:11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большей частью спят на земле или на соломе. Или от свободы? Но они не владеют ни малейшей частью времени. Или от досуга? Но они находятся постоянно в трудах и заботах. Что же делает для них сон приятным, как не то, что они прежде почувствуют нужду в нем и потом предаются ему? А богатые, если ночь не застанет их погрузившимися в сон от опьянения, по необходимости постоянно страдают бессонницей, вертятся и томятся, лежа на мягких постелях.

71. Можно было бы еще показать на неприятность, и вред, и срам в тех болезнях, которые происходят (от роскоши) в душе гораздо более и хуже, чем в теле. Она делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще неспособными ни к чему полезному и необходимому; умеренность же производит все противоположное этому. Но теперь надобно обратить речь на другой пример; прибавив это одно, потом мы опять займемся апостольскими словами. Если кажущееся радостным исполнено таких зол, и навлекает такой поток болезней на душу и тело, то что сказать о печальном, например, о страхе перед начальниками, о нападениях народа, о кознях клеветников и завистников, что в особенности окружает богачей, от чего и жены еще больше должны страдать, не имея сил переносить таких превратностей мужественно?

72. Что я говорю о женах? И сами мужья жалким образом страдают от этого. Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены; а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастью или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому. Посему блаженный Павел и говорил: "но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль". Затем далее он говорит: "время уже коротко" (1 Кор. 7:28-29).

73. Как это, - может быть, скажет кто-нибудь, - относится к браку? Даже очень относится к нему. Если он ограничивается настоящей жизнью, а в будущей "не будут ни жениться, ни замуж выходить" (Марк. 12:25); настоящий же век приходит к концу и воскресение уже при дверях, то теперь время не браков и не приобретений, но скудости и всякого любомудрия, которое будет нам полезно там. Как дева, пока остается дома с матерью, много заботится о детских вещах и о лежащем в ящичке, поставленном ею в кладовой, и ключ сама держит при себе и всем распоряжается, и столько заботится о сохранении малых и пустых вещей, сколько управляющие великими делами; а когда нужно выходить замуж, и время брака заставляет ее оставить родительский дом, тогда она, отрешившись от малого и ничтожного, по необходимости начинает заботиться об управлении домом и множеством имущества и рабов, об угождении мужу и о другом важном более прежнего: так и вам, достигающим совершенного и мужского возраста, должно оставить все земное, эти поистине детские игрушки, и помышлять о небе, блеске и всей славе тамошней жизни. Ибо и мы обручены Жениху, Который желает от нас такой любви, чтобы мы для Него отказались, если нужно, не только от малозначительных и ничтожных земных благ, но и от самой души. Итак, если нам должно отправляться туда, отрешимся от этих ничтожных забот; и, переходя из бедного дома в царский чертог, мы не стали бы заботиться о глиняных сосудах, дровах, рухляди и других бедных домашних вещах. Перестанем же теперь заботиться о земном; время уже призывает нас к небу, как и говорил блаженный Павел в послании к римлянам: "ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился" (Римл. 13:11-12). И еще: "время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие" (1 Кор. 7:29). К чему же брак для тех, которые не будут наслаждаться браком, но будут наравне с

безбрачными? К чему деньги? К чему имущества? К чему все житейское, когда пользование им уже не благовременно и несвоевременно? Если те, которые должны явиться в ваше судилище и подвергнуться ответственности за свои преступления, при приближении назначенного дня отказываются не только от жены, но и от пищи, и питья, и всякой заботы, а думают об одном только оправдании; то тем более нам, имеющим предстать не перед каким-нибудь земным судилищем, но перед небесным престолом, чтобы отдать отчет в словах, делах и помышлениях, должно отрешиться от всего, и от радости, и от печали по настоящим благам, и заботиться только о том страшном дне. "Если кто", говорит (Господь), "приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником" (Лук. 14:26-27); а ты беспечно предаешься привязанности к жене, смеху, наслаждению и роскоши? "Господь близко: не заботьтесь ни о чем" (Филип. 4:6); а ты беспокоишься и печешься о деньгах? Наступило небесное царство; а ты занимаешься домом, пиршествами и другими удовольствиями? "Проходит образ мира сего" (1 Кор. 7:31); для чего же ты мучишься мирскими делами, не постоянными, но скоропреходящими, не заботясь о постоянном и неизменном? Не будет ни брака, ни мук рождения, ни удовольствия и совокупления, ни изобилия денег, ни заботы о приобретении, ни пищи, ни одежды, ни земледелия и мореплавания, ни искусств и домостроительства, ни городов и домов, но - некоторое иное состояние и иная жизнь. Все это немного спустя погибнет. Это означают слова: "проходит образ мира сего". Зачем же мы, как бы намереваясь оставаться здесь на все веки, с таким усердием заботимся о делах, которые мы часто должны оставлять раньше наступления вечера? Зачем мы избираем тягостную жизнь, когда Христос призывает нас к спокойной? "А я хочу", говорит (апостол), "чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем" (1 Кор. 7:32).

74. Почему же ты, желая, чтобы мы были без забот, сам налагаешь на нас новую заботу? Это - не забота, равно как и скорбь о Христе не есть скорбь, не потому, чтобы здесь изменялась природа вещей, но потому, что добровольность переносящих все это с удовольствием побеждает самую природу. Кто заботится о том, чем он не может наслаждаться долгое, а часто и короткое время, тот справедливо может назваться заботящимся; а тот, кто может собирать плодов больше своих забот, совершенно справедливо может считаться в числе не заботящихся. Кроме того, между той и другой заботами такое различие, что последняя в сравнении с первой даже не может считаться заботой: столько она легче и удобнее той. Все это мы выразили предыдущими словами: "неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене" (1 Кор. 7:32-33); но последний проходит, а первый остается. Разве это одно не достаточно показывает превосходство девства? Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской. Почему же (апостол) дозволяет брак, который связывает нас заботами и отвлекает от духовного? Потому, говорит он, я и сказал: "так что имеющие жен должны быть, как не имеющие", чтобы уже связанные или имеющие быть связанными, каким-либо другим образом ослабили свои узы. Если нельзя разорвать уже надетые узы, то сделай их более сносными; ибо возможно, если мы захотим, освободиться от всего излишнего и не навлекать на себя по собственной беспечности забот еще больше, чем сколько их приносит самое дело.

75. Если же кто хочет яснее знать, что значит, "имеющие жен, как не имеющие", то пусть посмотрит на не имеющих ничего и распявшихся (для мира), как они живут. Как же они живут? Они не нуждаются покупать ни множества служанок, ни золотых вещей и ожерелий, ни светлых и больших домов, ни такого-то и такого-то количества десятин земли, но, оставив все это, заботятся только об одной одежде и пище своей. И имеющий жену может вести себя согласно такому любомудрию. Сказанное выше "не уклоняйтесь друг от друга" (1 Кор. 7:5), сказано только о совокуплении; в этом он повелевает

следовать друг за другом и не оставляет им власти над собой; а в чем должно держаться другого любомудрия, например, в одежде, в пище и во всем прочем, в том один не подчинен другому, но мужьям можно, - хотя бы жена и не хотела, - отказаться от всякой роскоши и удручающего множества забот; и жене также нет никакой необходимости против воли украшаться и заботиться об излишнем. Это и справедливо; потому что та похоть естественна и поэтому прощительна и один (из супругов) не властен лишать в этом другого без его воли; а страсть к роскоши, расточительности и бесполезным заботам не зависит от природы, но происходит от беспечности и высокомерия. Посему (апостол) и не повелевает вступившим в брак подчиняться друг другу в этих делах, как в тех. Таким образом, слова: "имеющие жен, как не имеющие", означают то, чтобы мы не принимали на себя излишних забот, происходящих от капризов и изнеженности жен, но прилагали столько забот, сколько требуется для одной преданной нам души и притом расположенной жить любомудро и скромно. А что он хочет сказать именно это, он сам объяснил, присовокупив: "и плачущие, как не плачущие; и радующиеся о приобретениях, как не радующиеся" (Кор. 7:30); ибо не радующиеся не будут заботиться и о приобретении и не плачущие не станут бояться бедности и отвращаться от умеренности. Таково значение слов: "имеющие жен, как не имеющие", т. е. пользоваться миром, но не злоупотреблять им. "А женатый заботится о мирском" (1 Коринф. 7:33). Хотя забота бывает и там и здесь, но здесь она суетна и напрасна, или лучше сказать ведет к печали и скорби ["таковые будут иметь скорби по плоти" (1 Кор. 7:28)], а там - к неизреченным благам; почему же нам не избрать лучше первой заботы, которая не только получает столь многие и великие воздаяния, но и по свойству своему легче последней? О чем заботится незамужняя? О деньгах ли, слугах, домоправителях, полях и прочем? За поварями ли она наблюдает, за ткачами и прочей прислугой? Нет; ничто из этого не приходит ей на ум, но только об одном она заботится, чтобы благоустроить свою душу, украсить этот святой храм (1 Кор. 3:17), не плетением волос, или золотом, или жемчугом (1 Тим. 2:9), не притираниями и раскрашиваниями, или другими трудными и обременительными способами, но - святостью по телу и духу. "А замужняя", говорит (апостол), "заботится о мирском, как угодить мужу" (1 Кор. 7:34). Весьма мудро он не стал перечислять самые дела и не сказал, что переносят жены для угождения мужьям, и телом и душой, тело притирая, посыпая пылью и подвергая другим мучениям, а душу наполняя низостью, лестью, притворством, малодушием и другими излишними и бесполезными заботами, но, намекнув на все это одним словом, предоставил подумать об этом совести слушателей. Показав, таким образом, преимущество девства и превознесши его до самого неба, он опять возвращается к речи о дозволенности брака, постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не стал считать это повелением. Посему он не удовольствовался прежними увещаниями, но, сказав: "я не имею повеления Господня; и если девица выйдет замуж, не согрешит", опять здесь говорит: "не с тем, чтобы наложить на вас узы" (1 Кор. 7:25,28,35).

76. Кто-нибудь может при этом справедливо придти в недоумение, почему апостол, выше назвав девство освобождением от уз и сказав, что он советует его для нашей пользы, чтобы мы не имели скорбей и были без забот, так как он щадит нас, и всем этим показав легкость и удобоносимость его, вдруг говорит: "не с тем, чтобы наложить на вас узы" (1 Кор. 7:35). Что же это значит? Не девство он назвал петлей, - нет, но принятие этого блага с насилием и принуждением. И на самом деле так. Все, что принимает кто-либо по принуждению и против воли, хотя бы оно было весьма легким, бывает несноснее всего и давит нашу душу мучительнее петли. Посему он и сказал: "не с тем, чтобы наложить на вас узы"; то есть: я предложил и показал все блага девства, но и после всего этого предоставляю вам избрание его и не влеку к добродетели против вашей воли; я посоветовал это, не желая причинить вам скорбь, но - чтобы благопристойное служение (Богу) не нарушалось житейскими делами. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как он с просьбами соединяет увещания и с позволением - совет. Сказав: не принуждаю, но

увещаю, он прибавляет: "благочинно и непрестанно" (1Кор. 7:35), показывая этим превосходство девства и ту пользу, которая происходит от него для нас в богоугодной жизни. Ибо жене, опутанной житейскими заботами и всюду развлекаемой, нельзя быть благоприступающей (к Господу), так как весь ее труд и досуг раздробляется на многое, т. е. на мужа, заботы по дому и все прочее, что обыкновенно влечет за собой брак.

77. А что, скажешь, если и девственница станет заниматься многим и иметь житейские заботы? Нет, этим ты исключил бы ее из сонма девственниц, потому что недостаточно только не вступать в брак, чтобы быть девственницей, но необходима и чистота душевная; под чистотой же я разумею не только воздержание от порочной и постыдной похоти, украшений и рассеянности, но и свободу от житейских забот; если же этого нет, то какая польза в чистоте телесной? Как ничего не может быть постыднее воина, бросившего оружие и проводящего время в пьянстве, так ничего не может быть непристойнее девственниц, связанных житейскими заботами. Так и те пять дев имели светильники и подвизались в девстве, но не получили от этого никакой пользы, а остались вне дверей затворенных и погибли. Девство потому и хорошо, что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что, если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака, нося в душе терние и заглушая чистое и небесное семя.

78. "Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть [таковые] выходят замуж", говорит (апостол) (1 Кор. 7:36). Что говоришь ты: "пусть делает, как хочет"? Как ты не исправляешь извращенного понятия, но дозволяешь вступать в брак? Почему ты не сказал: кто находит непристойным для своей девицы (оставаться так), тот жалок и несчастен, считая укоризненным столь дивное дело? Почему ты, оставив это предположение, не посоветовал ему удерживать свою дочь от брака? Потому что, говорит он, эти души были слишком слабы и привязаны к земле; а при таком настроении их нельзя было вдруг внушать им учение о девстве. Кто до такой степени привязан к мирским делам и восхищается настоящей жизнью, что даже после такого увещания считает постыдным то, что достойно небес и уподобляется ангельской жизни, тот как мог бы принять совет, привлекающий его к этому? И удивительно ли, что Павел так поступил касательно дела дозволенного, когда он делает то же самое касательно запрещенного и противозаконного? Укажу на пример. Иметь осторожность в пище, принимать одну и отвергать другую, было свойственно слабости иудеев; однако и между римлянами были подверженные этой слабости; он же не только не обвиняет их со строгостью, но делает еще нечто, более того; оставив согрешавших, он укоряет тех, которые хотели препятствовать им: "а ты что осуждаешь брата твоего" (Римл. 14:10)? Между тем он не сделал того же, когда писал колоссянам, но с великой властью обращается к ним и любу мудрствует так: "итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье", и еще: "итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: "не прикасайся", "не вкушай", "не дотрагивайся" - что все истлевает от употребления" (Колос. 2:16,20-22). Почему же он так поступает? Потому что эти были сильны, а римляне еще нуждались в большой снисходительности, и он ожидал, пока вера окрепнет в их душах, опасаясь, чтобы с преждевременным истреблением плевел не вырвать с корнями и растений здравого учения. Поэтому он и не осуждает их прямо, и не оставляет без осуждения, но касается их незаметно и прикровенно, в осуждении других; ибо словами: "перед своим Господом стоит он, или падает" (Римл. 14:4), он по-видимому заграждает уста укоряющему (другого), но на самом деле влияет на душу этого последнего, показывая, что предпочитать то или другое (из пищи) свойственно не твердым и не стоящим непоколебимо, но еще колеблющимся, находящимся в опасности пасть, если не устоят. Таким же образом он поступает и здесь вследствие великой слабости укоряемых. Он не явно нападает (на обличаемого), но похвалами тому, кто соблюдает свою девицу, наносит ему сильный удар. Что же говорит

он? "Но кто непоколебимо тверд в сердце своем" (1 Кор. 7:37). Это сказано для противопоставления с тем, кто легко и скоро колеблется, не умея ходить твердо и стоять мужественно. Потом, заметив, что этого слова достаточно для влияния на душу такого человека, смотри, как он опять прикрывает речь, приводя причину не слишком достойную порицания. Сказав: "но кто непоколебимо тверд в сердце своем" он присовокупил: "не будучи стесняем нуждой, но будучи властен в своей воле", хотя последовательнее было бы сказать: кто стоит твердо и не находит этого дела непристойным. Так как это было бы слишком разительно, то вместо этого он употребляет другое выражение в его утешение, предоставляя ему лучше сослаться на такую причину. Не так тяжело удерживать кого-нибудь от дела нуждой, как стыдом: первое - касается души слабой и жалкой, а последнее - испорченной и не умеющей правильно судить о качестве дел. Впрочем, говорить это еще было не время: даже по настоятельной нужде не следует препятствовать желающей быть девственницей, но должно мужественно стоять против всего, что препятствует этому прекрасному стремлению, как говорит Христос: "кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня" (Матф. 10:37). Когда мы принимаем что-либо благоугодное Богу, то всякий, препятствующий этому, есть враг и неприятель, кто бы он ни был, отец или мать. Павел же, снисходя к несовершенству слушателей, написал следующее: а "кто непоколебимо тверд, не будучи стесняем нуждой" (1 Кор. 7:37); и не остановился на этом, - хотя "не будучи стесняем нуждой", и "будучи властен в своей воле" означают одно и то же, - но обширной речью и беспрестанным повторением позволений утешает слабый и низменный ум, присоединяя далее и другую причину: "решился в сердце своем" (1 Кор. 7:37). Ибо недостаточно быть свободным, чтобы только за это не подлежать ответственности, но когда кто избрал и рассудил, тогда он поступает хорошо. Потом, чтобы ты не заключил из такой великой снисходительности, что нет никакого различия (между тем и другим делом), он опять излагает различие между ними, хотя с осторожностью, излагает в (ясных) словах: "посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше" (1 Кор. 7:38). А на сколько лучше, он не объяснил опять по той же причине; если же ты хочешь знать, то послушай Христа, Который говорит: "ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах" (Матф. 22:30). Видишь ли различие, на какую высоту девство вдруг возносит смертного, когда оно есть истинное девство?

79. Чем, скажи мне, отличались от ангелов Илия, Елисей и Иоанн, эти истинные любители девства? Ничем, кроме того, что они были облечены смертной природой; а во всем прочем, если точно исследовать это, они окажутся нисколько не хуже тех; даже и этот самый кажущийся недостаток много служит к похвале их. Какое мужество, какое любомудрие было у тех, которые, живя на земле и подчиняясь необходимости смертной природы, могли достигнуть такой добродетели! А что их сделало такими девство, ясно из следующего; если бы они имели жен и детей, то не так легко поселились бы в пустыне, не стали бы презирать домов и всего житейского; а теперь, освободившись от всех этих оков, они жили на земле, как на небе; не нуждались ни в стенах, ни в кровле, ни в постели, ни в трапезе, ни в чем ином подобном, но вместо кровли им было небо, вместо постели - земля, вместо трапезы - пустыня; и то, что для других кажется причиной голода, бесплодие пустыни, это самое тем святым доставляло изобилие. Они не нуждались ни в виноградных лозах, ни в точилах, ни в посевах, ни в жатве, но источники, реки и озера доставляли им обильное и приятное питье, а трапезу одному из них приготовлял ангел, чудесную и необыкновенную и более обильную, чем обычно у людей: одного хлеба, говорится (в Писании), было достаточно на "сорок дней и сорок ночей" (3 Цар. 19:6-8); а другого часто питала чудотворная благодать Духа, и не только его одного, но через него и других (1 Цар. 4:41-44). Иоанн же, "больше пророка", больше которого "из рожденных женами не восставал" (Матф. 11:11), не нуждался даже в человеческой пище: не хлеб, вино и масло поддерживали жизнь его тела, но акриды и дикий мед. Видишь ли ангелов на земле? Видишь ли силу девства? Оно устроило, что облеченные плотью и кровью,

ходившие по земле, подчиненные необходимости смертной природы, во всем поступали так, как бесплотные, как уже достигшие неба, как получившие бессмертие.

80. Для них все было излишним, не только то, что действительно излишне: роскошь, богатство, власть, слава и ряд прочих подобных сновидений, но и то, что кажется необходимым: жилища, города и искусства; вот что значит "благочинно и непрестанно" (1 Кор. 7:35), вот добродетель девства! Удивительно и многих венцов достойно - преодолевать ярость страстей, сдерживать беснующуюся природу; но поистине удивительным это бывает тогда, когда притом будет такая жизнь; само по себе это слабо и недостаточно для спасения достигших этого. Свидетелями нам могут служить те, которые и ныне упражняются в подвиге девства: они настолько отстоят от Илии, Елисея и Иоанна, насколько земля от неба. Как, устранив "благочинно и непрестанно", ты подорвешь самую силу девства, так соединяя его с превосходной жизнью, ты будешь иметь корень и основание блага. Как тучная и плодоносная земля питает корень, так превосходная жизнь возвращает плоды девства, или лучше сказать, крестная жизнь есть и корень и плод девства. Она умушала тех доблестных мужей на дивные подвиги, рассекая все узы их, и делая их способными на свободных и легких ногах, как бы на крыльях, взлетать на небо. Где нет ни угождения жене, ни заботы о детях, там очень легко является нестяжательность; а нестяжательность приближает к небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств.

81. Тот, кто не имеет ничего, презирает все, как бы обладая всем, и имеет великое дерзновение перед начальствующими, властителями и даже самим украшенным диадемой. Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть; а, став выше этого, он будет дерзновенно говорить со всеми, не опасаясь и не страшась никого. А тот, кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейского. Поэтому Павел и назвал сребролюбие корнем всех зол (1 Тим. 6:10). Девство же имеет достаточную силу иссушить этот корень и вложить в нас другой лучший, производящий все доброе: свободу, дерзновение, мужество, пылкую ревность, горячую любовь к небесному, презрение всего земного. Так рождается: "благочинно и непрестанно".

82. Но что умничают многие? Патриарх Авраам, говорят, и жену имел, и детей, и богатство, и стада, и пастбища, а при всем этом, Иоанн, как Креститель, так и евангелист, тот и другой девственники, и Павел и Петр, отличавшиеся воздержанием, желали быть в лоне его. Кто сказал это тебе, почтеннейший, какой пророк, какой евангелист? Сам, говорят, Христос. Видя великую веру сотника, Он сказал: "многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном" (Матф. 8:11). Вместе с ним блаженствовавшего и Лазаря видел богатый (Лук. 16). Но какое отношение имеет это к Павлу, Петру и Иоанну? Лазарь не Павел и не Иоанн, и "многие с востока и запада" не составляют сонма апостолов, так что эти ваши слова излишни и напрасны. Если же ты хочешь точно знать награды апостолам, то послушай, что говорит Сам, имеющий даровать их: "сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых" (Матф. 19:28). Здесь нет ни Авраама, ни сына его, ни внука его, ни лежащего на лоне его, но гораздо высшее достоинство; последние сядут судить потомство первых. И не в одном этом видно различие, но и в том, что участи Авраама сподобятся многие; "многие", говорит (Господь), "придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном"; а этих престолов не получит никто, кроме одного сонма святых апостолов. Еще ли, скажите мне, вы будете вспоминать о стадах, пастбищах, браках и детях? Что же, говорят, если многие из девственниц после многих подвигов желают переселиться туда? Я скажу еще больше: многие из девственниц не достигнут ни того лона, ни меньшего, но пойдут в самую геенну. Это показывают девы, оставшиеся вне брачного чертога (Матф. 25:12). Отсюда не следует ли, что брак равен девству, или даже

девство хуже его? Твой пример представляет девство хуже (брака). Авраам, живший в браке, находится в покое и наслаждении, а девственницы - в геенне; по вашим словам остается сделать такое заключение. Но это не так; нет: девство не только не хуже, но гораздо лучше брака. Почему? Потому, что не брак сделал таким Авраама, и не девство погубило тех несчастных (дев); но другие добродетели души прославили патриарха, и другие пороки жизни предали дев огню. Тот и в брачной жизни старался совершать добрые дела девства, т. е. "благочинно и непрестанно", а они, и, избрав девство, ниспали в круговорот жизни и в заботы, свойственные браку. Что же, скажут, препятствует и ныне вместе с браком, детьми, богатством и всем прочим сохранить это "благочиние"? Во-первых, то, что ныне уже нет равного Аврааму, и даже хотя мало приближающегося к нему; он, имея богатство и жену, больше подвизающихся в нестяжательности презирал богатство и больше девственников воздерживался от удовольствий. Эти каждый день пламенеют страстью, а он так погашал этот огонь и не предавался никакому пристрастию, что не только удержался от наложницы, но и отпустил ее из дома, чтобы уничтожить всякий повод к ссоре и несогласию: теперь не очень легко это найти.

83. Кроме этого, - я и теперь скажу то, что говорил вначале: от нас требуется не такая степень добродетели, как от них. Теперь нельзя быть совершенным, не продав всего, не отказавшись от всего, не только от денег и дома, но даже от души своей (Матф. 11), а тогда еще не была указана такая строгость. Что же, скажут, разве мы теперь живем строже, чем патриарх? Мы должны (так жить), и это заповедано нам, но мы не живем, и потому далеко отстаем от того праведника; а что нам предлежат большие подвиги, это всякому известно. Посему и Ноя Писание не просто прославляет, но с некоторым прибавлением: "Ной", говорит, "был человек праведный в роде своем, ходил пред Богом" (Быт. 6:9), не просто совершенный, но в то время; ибо много видов совершенства, которые определяются различными временами. С течением времени бывшее некогда совершенным, потом становится несовершенным. Например, некогда был совершен тот, кто жил по закону; "которые исполняя", сказано (в Писании), "человек будет жив" (Лев. 18:5); а Христос, пришедши, показал, что это совершенное - несовершенно; "если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное" (Матф. 5:20). Тогда только убийство считалось жестоким, а теперь и один гнев и злословие могут вовлечь в геенну; тогда наказывалось только прелюбодеяние, а теперь даже бесстыдный взгляд на жену не освобожден от наказания; тогда только клятвопреступление было от лукавого, а теперь и клятва: "что сверх этого, то от лукавого", говорится (в Писании) (Матф. 5:37); от людей того времени не требовалось ничего больше, как любить любящих, а теперь это великое и дивное дело так несовершенно, что, по исполнении его, мы ничем не превосходим мытарей.

84. Почему же неодинаковая предстоит награда за одни и те же добродетели для нас и для ветхозаветных, но мы, если желаем получить одинаковое с ними, должны оказать большую добродетель? Потому, что теперь излилась великая благодать Духа и великий дар пришествия Христова; благодать сделала (людей) из младенцев мужами совершенными. Как мы от наших детей, когда они сделаются юношами, требуем гораздо больших доблестей, и за что в детском возрасте мы прежде хвалили их, мы уже не восхищаемся тем же, когда они станут мужами, но требуем от них другого, гораздо большего; так и Бог в первые времена требовал не великих дел от человеческого рода, как находившегося в младенческом состоянии. Когда же он услышал пророков и апостолов и получил благодать Духа, то Бог возвысил степень добродетелей, и это справедливо. Он назначил и большие воздаяния и гораздо более светлые награды; уже не земля и земные блага, но небо и блага, превосходящие ум, предстоят праведникам. Итак, не безрассудно ли возмужавшим оставаться при прежнем младенчестве? Тогда природа человеческая разделялась сама в себе, и была непримиримая борьба; рассуждая о ней, Павел так говорит: "но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий

закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих" (Римл. 7:23). А теперь этого нет; "как закон, ослабленный плотию, был бессилён, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти" (Римл. 8:3). За это, воздавая благодарность, Павел говорит: "бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом" (Римл. 7:24-25). Посему мы справедливо наказываемся за то, что, сделавшись свободными, не хотим идти наравне со связанными; или лучше сказать, если мы будем поступать одинаково с ними, и тогда не освобождаемся от наказания. Тем, которые наслаждаются глубоким миром, должно достигать гораздо больших и славнейших трофеев, нежели тем, которые сильно удручены войной. Если мы будем вращаться около денег, роскоши и жен и заботиться о делах, то когда же мы будем (совершенными) мужами, когда будем жить духовно, когда будем заботиться о Господнем? Неужели по исходе отсюда? Но тогда уже время не трудов и подвигов, а венцов и наказаний. Тогда и девственница, если не будет иметь масла в светильниках, не сможет получить его от других, но останется вне чертога (Матф. 25); и если кто явится одетым в грязное одеяние, не сможет вышедши переменить одежду, но будет ввержен в огонь геенны (Матф. 22); если даже будет просить самого Авраама (Лук. 16), уже не достигнет никакого успеха. Когда наступит определенный день (суда), поставлено будет седалище, воссядет Судия, потечет река огненная (Дан. 7:10), и потребуетя отчет в делах наших, тогда уже нельзя будет нам получить разрешение грехов, но волей-неволей мы будем привлечены к должному наказанию за них. И тогда никто не может умолить за нас, но если бы даже кто-либо имеющий дерзновение, равное с великими и дивными мужами, как Ной, Иов, Даниил, стал умолять хотя бы за сыновей и дочерей своих, не достигнет успеха; грешникам необходимо будет подвергнуться вечному наказанию, равно как праведникам удостоиться наград. А что ни тем, ни другим не будет конца, это объявил Христос, сказав, что как жизнь будет вечной, так вечным будет и наказание. Когда Он одобрил стоявших по правую сторону и осудил стоявших по левую, то прибавил: "и пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную" (Матф. 25:46). Посему всячески нужно все благоустроить здесь, и имеющему жену быть как не имеющему, а действительно не имеющему вместе с девством упражняться и во всякой другой добродетели, чтобы по исходе отсюда не рыдать нам тщетно.

[1] Ересеначальники сект, известных под именами маркионитов, валентиниан и манихеев, во 2 и 3 веках по Р. Х.

[2] Философ Платон в разговоре: Тимей, Отд. 29.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Предлагаемые два слова написаны св. Иоанном Златоустом к молодой вдове, которой муж, по имени Фирасий, был знатный и благочестивый человек и умер в цветущем возрасте после пяти лет супружества. Преподавая вдове христианские утешения и увещания, святитель касается некоторых исторических лиц и событий, по которым можно заключать о времени написания этих слов. Так, в 4-м отделении первого Слова, где тогдашний римский император представляется воюющим с варварами, говорится о Феодосии Великом, который со времени провозглашения своего императором в 379 г., вел почти непрерывную войну с готами до решительного поражения их в 382 г. Посему можно заключать, что первое Слово написано не ранее 380 и не позже 382 г. Второе же Слово, конечно, последовало вскоре за первым.

СЛОВО ПЕРВОЕ

Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. - Бог печется о вдовах. - Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. - Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. - Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. - Доказательство этого последнего положения. - Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. - Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. - Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

Все будут согласны с тобою, и никто, даже из весьма любомудрых, не станет противоречить тому, что ты получила тяжкий удар, и что посланная свыше стрела поразила тебя в самое роковое место; но так как раненные должны не в плаче и слезах проводить все время, а тщательно заботиться и об уврачевании ран, чтобы они, быв оставлены без внимания, не причинили больших слез и не усилили пламени скорби: то полезно и тебе принять словесное утешение, и остановив несколько потоки слез, хотя на краткое время предать себя тем, которые намереваются утешить тебя. Поэтому и мы не беспокоили тебя во время самой сильной скорби, когда эта молния лишь только упала (на тебя); но, переждав этот промежуток времени и предоставив тебе насытиться рыданиями, когда, наконец, ты получила возможность проглянуть несколько из этой мглы и открыть слух тем, которые стараются утешить тебя; и мы теперь, после (утешительных) речей служанок, предлагаем и свою. Кто стал бы убеждать (тебя) отложить печаль тогда, когда еще буря была велика и горе весьма сильно, тот более усилил бы твои рыдания, и своими словами придал бы много пищи огню (печали), а на себя навлек бы неудовольствие и мнение, как о человеке недобром и безрассудном; когда же буря, наконец, начала утихать и Бог усмирил ярость волн, то мы свободно распустим паруса слова. Во время умеренной непогоды искусство, может быть, в состоянии будет сделать свое дело; а когда бывает непреодолимый напор ветра, тогда и опытность не приносит никакой пользы. По всем этим причинам мы во все предшествовавшее время молчали, и даже теперь едва решились открыть уста, когда услышали от твоего дяди, что можно, наконец, осмелиться на это, что уже осмеливаются вести с тобою длинные речи об этом и почетные служанки, и посторонние женщины, и родственницы, и другие близкие (к тебе). Если их слова ты принимаешь, то мы вполне надеемся и убеждены, что не отвергнешь и наших, но выслушаешь их с возможным спокойствием и благодушием. Женщины и всегда очень чувствительны к несчастью; когда же присоединится еще молодость, и преждевременное вдовство, и неопытность в делах, и великое множество забот, между тем, как все прежнее время было проведено в удовольствиях, в довольстве и богатстве, - то горе в несколько крат увеличивается; и если подвергшаяся ему не получит помощи свыше, то и случайная какая-нибудь мысль может поразить ее. В этом я и нахожу первое и величайшее доказательство великого Божеского попечения о тебе; ибо при внезапном стечении стольких бедствий не прийти в отчаяние от печали и не лишиться естественного состояния своего разума, - это было делом не человеческой помощи, но Десницы всемогущей, того Разума, которому нет числа, той Премудрости, которая неисследима, Отца щедрот и Бога всякого утешения. "Ибо Он уязвил, - говорит (пророк), - и Он исцелит нас, поразил - и перевяжет наши раны" (Ос. 6:1,2). Доколе жил с тобою блаженный муж твой, ты пользовалась почетом, внимательностью и заботами, пользовалась столько, сколько можно было получать от человека; а когда Бог взял его к Себе, то Он Сам заступил его место для тебя. И это не моя мысль, но блаженного пророка Давида, который говорит: "Господь ... поддерживает сироту и вдову" (Пс. 145:9); и в другом месте называет Его Отцом сирых и Судиею вдовиц (Пс. 67:6); и часто ты можешь видеть такое великое попечение Его об этих людях.

2. Но чтобы самое название (вдовы), часто произносимое, не огорчало твоей души и не смущало тебя мыслью о том, что оно пришло к тебе в самом цветущем возрасте, я хочу наперед сказать об этом и объяснить, что название вдовства есть название не несчастья, но почести, и почести величайшей. Не приводи мне в свидетельство ложного мнения толпы, но (выслушай) законоположение блаженного Павла, или лучше, Христа; ибо, что говорил Павел, то через него говорил Христос, как и сам он сказал: “Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне” (2 Кор. 13:3). Что же он говорит? “Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя” (1 Тим. 5:9); и еще: “Молодых же вдовиц не принимай” (ст. 11); теми и другими словами он желает показать нам величие этого состояния (вдовства). Когда он дает постановления о епископах, то нигде не определяет числа лет, а здесь делает это с великою точностью. Почему? Не потому, чтобы вдовство было больше священства, но потому, что эти (вдовы) встречают больше трудностей, нежели те (епископы), так как их с разных сторон окружает множество дел, общественных и частных. Как город, не огражденный стеною, бывает открыт для всех желающих вторгнуться в него для расхищения, так и юная вдова бывает окружена отовсюду множеством коварных людей, не только домогающихся ее имущества, но и готовых растлить ее целомудрие. И не только эти, но и другие мы можем указать случающиеся поводы к ее падению. Так неуважение от домашних, запутанность дел, лишение прежнего почета, видимое благополучие сверстниц, а часто и желание удовольствий располагают вдов вступать во второй брак. Бывают между ними и такие, которые не хотят вступать в законный брак с мужчинами, но (живут с ними) тайно и скрытно; и это делают для того, чтобы получать похвалы за вдовство, - так это состояние не только не поносно, но и считается у людей достойным удивления и почтения не только у нас верных, но и у самих неверных. Когда я был еще молод, помню, как учитель мой (а он был суевернейший из всех людей) при многих удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновению, от окружавших его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовы, он спросил меня о возрасте моей матери и о времени ее вдовства. И когда я сказал, что ей сорок лет от роду и что двадцать лет уже прошло, как она лишилась моего отца, он изумился, громко воскликнул и, обратившись к присутствовавшим, сказал: “ах! какие у христиан есть женщины!” Таким удивлением и такую похвалу пользуется это состояние (вдовства), не только у нас, но и у внешних (язычников)! Зная все это, блаженный Павел сказал: “Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя” (1 Тим. 5:9). Впрочем, не по этому только свидетельству годов позволяет он причислять ее к священному лику (вдовиц), но присовокупляет и другие качества: “Известная, - говорит, - по добрым делам - если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу” (ст. 10). Какое внимание и испытание! Каких добродетелей он требует от вдовицы, и с какою точностью исчисляет их! Этого он не сделал бы, если бы не хотел верить ей дело почтенное и достоуважаемое. “Молодых же, - говорит, - вдовиц не принимай”. Потом присовокупляет и причину: “Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак” (ст. 11). Этими словами (апостол) внушает нам, что жены, лишившиеся мужей, вместо них соединяются со Христом. Заметь, как он этими словами показывает, что такой союз легок и приятен; именно в словах: “Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак”, (он говорит о Христе), как бы о каком кротком муже, который не поступает с ними самовластно, но позволяет им жить на свободе. И на этом он не остановил речи, но показал великую заботливость о вдовице еще в другом месте, сказав: “А сластолюбивая заживо умерла” (1 Тим. 5:6). “Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь” (ст. 5). И в послании к Коринфянам он говорит: “Она блаженнее, если останется так” (1 Кор. 7:40). Видишь ли, какие похвалы (воздаются) вдовству, и притом в Новом Завете, когда уже просияла и красота девства? Однако и в это время блеск девства не мог помрачить светлости вдовства, но оно и теперь сияет, имея собственное достоинство. Итак, когда мы

упоминаем о вдовстве, ты не падай духом и не считай этого состояния позорным; ибо если оно позорно, то тем более девство. Но нет, нет; да не будет! Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые, и по смерти своих мужей, оказывают прежнее к ним благорасположение? Пока ты жила вместе с блаженным Фирасием, то, как я сказал, ты, пользовалась и почетом и вниманием, какие можно получать от человека; теперь же, вместо него, ты имеешь Владыку всех - Бога, который и прежде хранил тебя, а теперь еще больше и с особенною заботливостью будет пещись о тебе; и немалое доказательство Своего великого промысления о тебе, как я выше сказал, Он уже показал нам тем, что сохранил тебя здоровою и невредимою среди такого пламени забот и печали, и не попустил тебе потерпеть ничего нежелательного. Если же Он не попустил быть кораблекрушению во время такой бури, но тем более сохранит твою душу во время тишины, и облегчит для тебя тяжесть, как вдовства, так и представляющихся в нем бедствий.

3. Если же тебя смущает не название вдовы, а потеря такого мужа, то согласно с тобою и я признаю, что на всей земле между светскими людьми немного бывало таких любезных, кротких, смиренных, искренних, разумных и благочестивых. Но, если бы он совершенно разрушился и обратился в ничто, тогда следовало бы скорбеть и сокрушаться; если же он приплыл в тихую пристань и переселился к своему истинному Царю, то об этом должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но некоторое переселение и перемещение из худшего (состояния) в лучшее, с земли на небо, от людей к ангелам и архангелам, к Владыке ангелов и архангелов. Здесь на земле, когда он служил царю, ему можно было ожидать опасностей и многих козней от завистников; ибо по мере того, как возрастала его знаменитость, умножались и козни врагов; а по отшествии туда, ему уже не нужно опасаться ничего такого. Поэтому, сколько ты скорбишь о том, что Бог взял к себе столь полезного и добродетельного человека, столько же должна и радоваться, что он переселился отсюда с великою безопасностью и славою, и, избавившись от смятений настоящей непостоянной жизни, пребывает в совершенном мире и спокойствии. Подлинно, не странно ли признавать небо гораздо лучшим земли, а переселившихся отсюда туда - оплакивать? Если бы покойный жил порочно и вопреки воле Божией, то следовало бы сокрушаться и рыдать о нем не только по смерти, но и при жизни его; а так как и он принадлежал к числу возлюбленных Божиих, то одинаково должно радоваться, жив ли он, или умер. И что так должно поступать, об этом ты конечно слышала от блаженного Павла, который говорит: "Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше" (Флп. 1:23). Но ты, может быть, хочешь слышать слова мужа и наслаждаться дружбою с ним, желаешь по-прежнему обращаться с ним, и пользоваться бывшею при нем славою, блеском, почетом и спокойствием, и потеря всего этого смущает и омрачает тебя? Любовь к нему ты можешь сохранять и теперь также, как и прежде; сила любви такова, что она объемлет, совокупляет и соединяет не только тех, которые находятся при нас, или близко к нам, и которых мы видим, но и тех, которые удалены от нас; ни продолжительность времени, ни дальность расстояния, и ничто другое подобное не может прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видеть его лицом к лицу (я знаю, что ты весьма желаешь этого), то соблюди ложе его недоступным для другого мужа, постарайся сравняться с ним по жизни, и ты, конечно, отойдешь отсюда в один и тот же с ним лик, и будешь жить вместе с ним не пять лет, как здесь, не двадцать или сто, даже не тысячу или две, не десять тысяч или несколько десятилетий, но беспредельные и бесконечные веки. Наследование теми местами упокоения получается не по телесному родству, но по одинаковому образу жизни. Если одинаковость жизни привела и Лазаря, незнакомаго Аврааму, в самые недра его, и удостоивает к возлежанию с ним многих от востока и запада, - то и ты займешь место упокоения вместе с прекрасным Фирасием, если захочешь жить так же, как он жил; тогда ты опять увидишь его, но не в этой красоте телесной, с которой он умер, а в некотором ином блеске и

сиянии, которое гораздо светлее лучей солнечных. Настоящее тело, какой бы великой высоты ни достигло, тленно; но тела благоугодивших Богу облекутся такую славою, на которую и смотреть невозможно этими глазами. Некоторые знаки и неясные следы этого Бог показал нам как в Ветхом, так и в Новом Завете. Тогда лицо Моисея сияло такую славою, что израильтяне не могли смотреть на него; а в Новом Завете гораздо больше просияло лицо Христово. Скажи мне: если бы кто обещал сделать его (Фирасия) царем всей земли, и для этого повелел расстаться с тобою на двадцать лет, а после того обещал бы возвратить его к тебе в диадеме и багрянице и тебя также сделать участницею его славы, ужели ты не перенесла бы такой разлуки благодушно и с надлежащим благоразумием? Ужели не обрадовалась бы такому дару и не сочла бы его вожделенным? Переноси же эту разлуку и теперь, не для земного царства, но для небесного, не для того, чтобы опять увидеть мужа в золотой одежде, но - в бессмертии и славе, какая свойственна небесным жителям. Если же тебя очень тяготит продолжительность времени (разлуки), то он, вероятно, иногда является тебе в сновидениях, по-прежнему разговаривает с тобою, и показывает тебе вожделенное лице свое; это пусть будет утешением для тебя вместо писем, или лучше, даже яснее писем. Там видны одни только буквы, а здесь можно увидеть и образ лица, и кроткую улыбку, и осанку, и походку, можно услышать и звук и узнать любезнейший голос.

4. Если же ты жалеешь еще о том спокойствии, каким прежде наслаждалась при нем, а может быть и о тех надеждах, какие представлялись ему еще на большие почести (я слышал, что он скоро мог достигнуть высокого места градоначальника; а это больше всего, думаю, мучит и смущает душу твою), то представь себе тех, которые были на высшей, чем он, степени достоинства, и кончили жизнь весьма жалким образом. Напомню тебе о них. Ты, может быть, слышала о Феодоре сицилийском: он был из числа очень знаменитых мужей; превосходя всех красотою, величественным видом и дерзновением пред царем, и имея столько силы, сколько никто из приближенных (к царю); он не перенес скромно этого благополучия, но, замыслив зло против царя [1] и быв уличен в этом, был казнен весьма жалким образом; а жена его, нисколько не уступавшая твоему благородству ни по воспитанию, ни по происхождению, ни во всех других отношениях, вдруг лишилась всего своего имущества и даже свободы, была включена в число домашней прислуги и принуждена была жить хуже всякой служанки, имея то преимущество пред другими, что своим чрезвычайным несчастьем возбуждала слезы у всех видевших ее. Рассказывают и об Артемизии, жене очень знатного человека; за то, что и он стал домогаться верховной власти, она доведена была до такой же бедности и ослепла; потому что частью великость печали, частью множество слез помрачили ее зрение, и она теперь нуждается в сторонней помощи, чтобы дойти до чужих дверей и таким образом получить необходимую пищу. Мог бы я указать и на многие другие семейства, потерпевшие такое унижение, если бы не знал благочестия и благоразумия твоей души, которая утешения в своем несчастье не желает искать в чужих бедствиях. И упомянутые примеры представил я теперь только для того, чтобы ты убедилась, что дела человеческие ничтожны, и что поистине, как сказал пророк, "вся красота ... - как цвет полевой" (Ис. 40:6). Чем выше человек поднимется и чем больше приобретет блеска, тем глубже бывает его падение; и это бывает не только с подчиненными, но и с самими царствующими (особами). Нельзя найти частный дом, который был бы исполнен таких несчастий, какими бедствиями бывают исполнены царские чертоги: и преждевременное сиротство, и вдовство, и насильственная смерть, убийства, гораздо беззаконнейшие и тягчайше тех, о которых рассказывается в трагедиях, особенно поражают облеченных этою властью. Оставив древние примеры, скажу, что из царствовавших в наш век (всех их было девять) [2] только двое окончили жизнь обыкновенною смертью [3]; из прочих же один погиб от мятежника, другой на войне, третий от козней своих телохранителей, четвертый от самого того, кто избрал его и облек багряницею; а жены их умерли, как говорят, одни от яда, другие от самой печали. Из остающихся доселе в живых одна, у

которой есть дитя сирота, дрожит от страха, чтобы кто-нибудь из властителей не погубил его из опасения касательно будущего; а другая едва по ходатайству многих возвратилась из ссылки, в которую раньше отправил ее властитель. Из жен ныне царствующих особ одна, освободившись от прежних несчастий, вместе с этою радостью испытывает и большое горе потому, что властитель еще очень молод и неопытен и окружен множеством зложелателей [4]; а другая совсем истомилась от страха, и живет хуже осужденных на смерть от того, что муж ее, с того самого времени, как облекся диадемою, доселе проводит время на войнах и в сражениях [5]; и больше, чем от несчастий, страдает от стыда и всеобщих укоризн. Ибо никогда прежде не бывало того, что случилось теперь, чтобы варвары, вышедши из своей страны, проникли на тысячу, и даже на несколько тысяч стадий в нашу землю; сжигая селения и разрушая города, они и не думают возвращаться домой, но, как будто забавляясь игрою, а не воюя, издеваются над всеми нашими; а кто-то из их царей, говорит, сказал, что он изумляется бесстыдству наших воинов, которых режут более, чем овец, а они еще надеются победить и не хотят выйти из своей местности; сам я, говорил он, уже пресытился, часто поражая их. Каково, думаешь, на душе у царя и его супруги, когда они слышат такие слова?

5. Когда я вспомнил об этой войне, то мне представился великий ряд вдов, которые прежде весьма блистали знаменитостью своих мужей, а теперь вдруг все, облекшись в печальную черную одежду, проводят все время в слезах. С ними не то было, что с твоею почтенною главою. Ты, почтеннейшая, видела своего прекрасного мужа лежащим на одре, слышала последние слова его, получила от него наставление, как вести домашние дела, и узнала завещание, которым он совершенно оградил тебя от людей корыстолюбивых и коварных. Кроме того, ты часто припадала к нему, когда он лежал уже мертвым, целовала глаза его, обнимала и оплакивала его, видела, с какою честью он был провожаем, сама приготовила все, нужное для приличного его погребения, и доселе получаешь немалое утешение в скорби, часто посещая могилу его. А те были лишены всего этого; они все, отправив своих мужей на войну в надежде их возвращения, вместо мужей получили печальную весть об их смерти; пришедшие к ним не тела убитых (мужей) принесли им, но только рассказы об образе их смерти. А есть такие, которые не удостоились и такого повествования и не могли узнать, как пали (мужья их), которые были завалены множеством убитых. И удивительно ли, что так погибли многие из военачальников, когда и сам царь, скрывшись с немногими воинами в одном селении, не решился выйти из него и противостать нападающим, но, оставаясь там, был подожен ими и сгорел со всеми бывшими там, не только людьми, но и лошадьми, оружием, стенами, так что все это обратилось в пепел? [6] Такую весть о царе, вместо него самого, принесли жене его, отправившиеся с ним на сражение. Подлинно, мирской блеск нисколько не отличается от представлений на зрелище и от красоты весенних цветов; и во-первых, он исчезает прежде самого появления; потом, если когда и остается на малое время, тотчас оказывается тленным. Что ничтожнее чести и славы народной? Какой она приносит плод, какую пользу? К какому приводит она благому концу? И, о если бы при ней было только это горе! А теперь, преданный этой жесточайшей госпоже (страсти к славе), не только не приобретает ничего хорошего, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и вредного. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмевается над ними и тем тягчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом она свирепее и тирана, и всякого зверя; потому что от ласкового обращения часто делаются кроткими и тиран и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше повинуются и, если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет свою сотрудницу еще и другую (страсть), которую безошибочно можно назвать ее дочерью. Когда сама она, быв воспитана и возвращена, уже крепко укоренится в нас, тогда

порождает гордость, которая не меньше ее самой может низвергнуть в пропасть души предавшихся ей.

б. Итак, скажи мне, неужели ты плачешь о том, что Бог избавил тебя от столь жестокого рабства, что совершенно заградил доступ (к тебе) этим губительным недугам? При жизни твоего мужа они не переставали часто вторгаться в твои душевные помыслы; а когда он умер, то уже не могут с какой-либо стороны напасть на ум твой. Затем тебе остается не плакать об их удалении и не допускать несносного их владычества; потому что, где они станут действовать сильно, там все ниспровергают и разрушают до основания; и как многие из распутных женщин, безобразные и отвратительные от природы, притираниями и прикрасами обольщают еще неопытные души юношей, и, когда подчинят их своей власти, обращаются с ними хуже, чем со всяким невольником, так и эти страсти, тщеславие и гордость, оскверняют человеческие души хуже всякой язвы. Поэтому и богатство многим казалось благом, а без этих страстей и оно не будет привлекательно. Те, которые успели приобрести славу в народе бедностью, не только уже не старались богатеть, но и отвергали золото, предлагаемое им в большом количестве. Ты не нуждаешься, чтобы я указал тебе на таких людей, но сама лучше нас знаешь Епаминонда, Сократа, Аристиды, Диогена, Кратиса, который отдал свое поле на пастбище для овец [7]. Другие, у которых не было богатства, видя, что бедность может доставить им славу, тотчас обратились к ней; а этот (Кратис) бросил и то, что имел: с таким неистовством все старались приобрести этого свирепого зверя (славу)! Не будем же плакать, что Бог избавил нас от гнусного, смешного и весьма постыдного рабства этой властительнице; у ней только имя блистательно, а на деле она приводит преданных ей в состояние, противоположное этому названию, и нет никого, кто бы не смеялся над делающим что-нибудь для славы. Тот только может сделаться знаменитым и славным, кто не домогается этого; а кто народную славу считает за нечто великое и для приобретения ее переносит и делает все, тот особенно и не достигает и не получает ее, но удостоивается всего противоположного: осмеяния, осуждения, злословий, вражды и ненависти. И это, обыкновенно, бывает не только с мужчинами, но и с вами, женщинами, и в особенности с вами. Той, которая соблюдает простоту и во внешнем виде, и в походке, и в одежде, и ни от кого не домогается чести, все (женщины) удивляются, восхищаются ею, ублажают ее и желают ей всего хорошего; а от тщеславной отвращаются с ненавистью, убегают, как бы от какого дикого зверя, и осыпают ее тысячами проклятий и злословий. Не гоняясь за людскою славою, мы не только избегаем этих зол, но сверх выше сказанного приобретем то, что важнее всего, приучаясь мало-помалу облегчать себя, возноситься к небу и презирать все земное. Не ищущий почестей от людей, что ни делает хорошего, делает все это спокойно, и, будут ли прискорбны или благоприятны обстоятельства его жизни, не потерпит никакого вреда: первые не в состоянии поразить его и повергнуть (в уныние), а последние - сделать его гордым и надменным, но среди всех перемен и замешательств сам он остается вне всякой перемены. Это, надеюсь, скоро будет и с твоею душою, и ты, отрешившись от всего житейского, явишь нам образ жизни небесной, и, недолго спустя, будешь смеяться над этою славою, о которой плачешь теперь, увидев, как пуста и суетна внешность ее. Если же ты желаешь иметь спокойствие, какое было у тебя при муже, сохранить имущество и не подвергаться никаким козням пользующихся чужими несчастьями; то “возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя” (Пс. 54:23). “Взгляните, - говорит (премудрый), - на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? или кто взывал к Нему — и Он презрел его?” (Сир. 3:10). Тот, кто помог тебе перенести столь невыносимое несчастье и успокоил тебя теперь, Тот и впредь оградит тебя от бед; а что больше этого несчастья ты уже не испытаешь другого, в этом и сама ты согласишься с нами. Если же ты так мужественно перенесла настоящее бедствие, будучи притом неопытна, то гораздо легче перенесешь, если - чего да не будет! - случится с тобою впоследствии что-нибудь нежелательное. Итак, ищи неба и всего того, что ведет к тамошней жизни, и тогда ничто

здешнее не может повредить тебе, даже и сам “мироправитель тьмы” (Еф. 6:12), только бы мы не причиняли вреда самим себе. Хотя бы кто отнял у нас имущество, хотя бы изрезал (наше) тело, все это для нас ничто, когда душа у нас остается здоровою.

7. Вообще, если ты желаешь, чтобы и имущество твое было в безопасности и даже умножилось, я покажу тебе и способ к этому и место, куда невозможно проникнуть никому из людей злонамеренных. Какое же это место? Небо. Отправь его к своему прекрасному мужу, и ни вор, ни злоумышленник, и ничто другое вредное не может прикоснуться к нему. Если ты сложишь это имущество там, то получишь от него большую прибыль; ибо все, насаждаемое нами на небесах, приносит больший и лучший плод, такой, какой свойственно приносить растениям небесным. Если так поступишь, то смотри, какие получишь блага: во-первых, вечную жизнь и обещанные любящим Бога блага; “не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку” (1 Кор. 2:9); потом, - постоянное жительство с прекрасным твоим (Фирасием); и избавишься от здешних забот, опасений, опасностей, козней, вражды и ненависти. Пока ты будешь держать имущество при себе, то, может быть, найдутся люди, которые присвоят его себе; а если переложить его на небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушием вместе с благочестием. Подлинно, весьма безрассудно, что, желая купить поле, ищут земли плодоносной, а когда предлагается вместо земли небо и можно приобрести место там, остаются на земле и терпят на ней горести, потому что надежды (земные) часто обманывают нас. Если твою душу сильно возмущает и тревожит то, что муж твой неоднократно имел надежду получить достоинство градоначальника, и восхищен прежде получения этой власти, то, во-первых, обрати внимание на то, что, хотя эта надежда была и весьма очевидна, однако она была надежда человеческая, которая часто не сбывается; много мы видим в жизни таких случаев, когда самые, по-видимому, несомненные надежды оставались без исполнения, и напротив, часто сбывалось то, что и на ум нам не приходило, и это, как мы видим, непрестанно бывает и с властями, и с царствами, и с наследствами, и с браками, и со всем; так что, хотя бы и очень близко было время (достижения такой надежды), однако, по пословице, “от чаши до верхней губы - большое расстояние”. И Писание говорит: “От утра до вечера изменяется время” (Сир. 19:26). Так иной сегодня царствует, а завтра умирает. И еще, объясняя нам неверность надежд, тот же премудрый говорит: “Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец” (Сир. 12:5). Так (и о твоём муже) не совсем известно было, что он при жизни достиг бы этой власти, в чем заставляют нас сомневаться и неизвестность будущего и другие обстоятельства. Из чего видно, что он, если бы остался жив, достиг бы этой власти, что с ним не случилось бы даже противное, что он не потерял бы и то достоинство, какое имел, подвергшись болезни, или потерпев от зависти и злобы людей, хотевших повредить ему, или испытав какое-нибудь другое несчастье? Впрочем примем, если угодно, за несомненное, что он при жизни непременно достиг бы такой высоты; но, чем выше достоинство, тем большими оно необходимо сопровождается опасностями, заботами и кознями. Пусть даже не будет и этого; пусть он переплывал бы это море безопасно и очень спокойно: какой же, скажи мне, был бы конец? Не такой же ли, какой и теперь? Даже, может быть, и не такой, а другой - неприятный и нежелательный. Во-первых, он позже увидел бы небо и все небесное, а это немалая потеря для верующих в будущее; потом, хотя бы он жил очень чисто, но вследствие продолжительности жизни и неизбежных в том звании обстоятельств, не мог бы отойти также чистым, как теперь. Неизвестно, не испытал бы он много перемен и не впал ли бы в крайнюю беспечность, в которой и умер бы. Теперь мы убеждены, что, по милости Божьей, он отлетел в страну упокоения, потому что не сделал ничего, что лишает царства небесного; а тогда, проведя долгое время в общественных делах, он, может быть, покрыл бы себя многими пятнами; ибо обращаться среди столь многих зол и прожить хорошо - это большая редкость; а грешить волею или неволею - это дело обыкновенное и непрестанно случающееся. Но теперь мы избавлены от такого

опасения и очень уверены, что он в день суда явится в великом блеске, сияя близ Царя, вместе с ангелами предшествуя Христу, облекшись в неизреченную славу, предстоит Судии - Царю и служа Ему на первом месте. Посему, оставив слезы и рыдания, старайся жить так же, как он жил, или еще лучше его, чтобы, сравнившись с ним по добродетели, тебе поселиться в одной с ним обители, и опять соединиться с ним на бесконечные веки, не этим союзом брака, но другим, гораздо превосходнейшим; ибо этот (брак) есть только союз тел, а тогда будет соединение души с душою, гораздо теснейшее, приятнейшее и превосходнейшее.

[1] Аммиана Марцелл. Истор. Книг. XXIX

[2] Констанций Хлор, Константин, Констанций, Констант, Галл, Юлиан, Иовиан, Валентиниан и Валент (304-378 г. по Р.Х.).

[3] Константин и Констанций.

[4] Император Грациан.

[5] Император Феодосий Великий.

[6] Император Валент.

[7] Епаминонд - фивский полководец; Сократ - философ; Аристид - афинский правитель; Диоген Синопский - философ-циник; Кратис Фивский - ученик Диогена.

К ТОЙ ЖЕ ВДОВЕ

СЛОВО ВТОРОЕ

О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ ВТОРОГО БРАКА

Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. - Цель слова - не порицание второго брака, допускаемого ап. Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. - Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. - Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

1. Нет ничего удивительного, что желают выйти замуж женщины, не испытавшие замужней жизни, мук деторождения и всего прочего, что брак вносит с собою в дома людей; и "война", это столь трудное дело, по пословице, "приятна для неопытных"; но когда женщины, которые перенесли тысячи горестей, и часто тяжким опытом вынуждались считать блаженными свободных от мирских дел, и тысячу раз проклинать и самих себя, и своих свах, и тот день, в который они вошли в брачные чертоги; когда эти

женщины, после таких огорчений, опять домогаются того же состояния, - это приводит меня в крайнее удивление и недоумение, и заставляет исследовать причину, почему они того состояния, которое прежде считали несносным, когда находились в нем, теперь, когда освободились от него, опять домогаются, как вожделенного. Рассматривая с разных сторон множество своих мыслей об этом деле, я едва, наконец, как полагаю, нашел причину его; а лучше сказать, не одна причина тому и не две только, но гораздо больше. Одни (из вдов), по давности времени забыв о прошлом и заботясь только о настоящем, вступают в брак, для освобождения от бедствий вдовства, но находят в нем другие, гораздо тягчайшие бедствия, так что повторяют прежние жалобы. Другие, опять предаваясь мирским делам и стремясь к славе настоящей жизни, и считая состояние вдовства предосудительным, для суетной славы и пустой важности принимают на себя тягости брачной жизни. А есть и такие, которые снова вступают в прежнее состояние не по этим причинам, но единственно по невоздержанию, хотя и стараются прикрыть истинную причину вышесказанными предложениями. Впрочем, как сам я не смею упрекать и осуждать их за этот брак, так и другим не советую; потому что иначе судит об этом и блаженный Павел, или лучше, Дух Святой, сказав: "Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе" (1 Кор. 7:39), и дозволив вдове, если она пожелает, опять вступить в брак; и потом сказав: "Она блаженнее, если останется так" (ст. 40), - чтобы кто-нибудь не подумал, что это человеческое повеление, он присовокупил: "Думаю, и я имею Духа Божия", и тем показал, что он написал это по внушению Духа. Итак, пусть никто не думает, будто в порицание или осуждение вступающих в брак, я говорю то, что теперь скажу. Было бы крайне надменно и безрассудно, если бы мы стали нещадно осуждать тех, которых не осудил, но пощадил блаженный апостол, когда притом мы сами обременены множеством грехов. Если нам повелевается не судить, чтобы самим не быть осужденными в той же мере (Мф. 7:1,2), и быть не строгими, но снисходительными и кроткими судиями чужих грехов, то ты, порицая такое дело, которое не составляет и греха, и осуждая других, тем лишишь самого себя всякого прощения, своими поступками с ближним сделав судию более строгим к тебе самому. Итак, я приступил теперь к этому предмету не для того, чтобы упрекать и осуждать этих (вдов); что может совершаться о Господе, то не подлежит никакому осуждению; "только, - говорит апостол, - было бы в Господе". Как, говоря о девстве, мы превозносим его (похвалами), не для того, чтобы унижить брак: так, и беседуя о вдовстве, советуем довольствоваться первым браком, не потому, чтобы считали второй брак запрещенным, но допускаем, что и второй брак есть дело законное, и, однако, первый гораздо лучше второго. Посему пусть никто не считает пороком того, что, по сравнению с высшим, оказывается низшим. Мы не для того делаем это сравнение, чтобы второй брак поставить в разряд порочных дел; но, признавая его законным и предоставленным воле (вдовы), однако же, предпочитаем ему и уважаем первый брак, как гораздо лучший. Почему? Потому что не все равно, - быть женою одного мужа, и одной и той же быть женою другого. Та, которая удовольствовалась первым браком, показала, что она не вступила бы прежде и в этот брак, если бы по опыту хорошо знала это состояние; а та, которая на брачное ложе первого мужа приводит другого, представляет немалое доказательство великой любви своей к миру и привязанности к земному. Первая и при жизни мужа не была склонна ни к кому другому; а последняя, хотя при жизни мужа и не грешила с другими, но занималась многими другими больше, чем им.

2. Но, не осуждая догадками прошедшую жизнь, рассмотрим самое дело. Как девство лучше брака, так первый брак лучше второго. Вдова, только по началу ставши ниже девственницы, при конце опять равняется и делается одинаковою с нею; а второй брак ниже девства с той и другой стороны. Кроме того, та, которая легко переносит вдовство, конечно, часто воздерживается и при жизни мужа; а та, которая считает это состояние невыносимым, готова жить не только с двумя или тремя, но и с гораздо большим числом

мужей, и только с наступлением старости едва делается воздержною. Посему, как тот брак есть доказательство великой честности и целомудрия: так этот есть знак - не скажу, сладострастия; нет, - но души слабой и весьма плотяной, привязанной к земле и неспособной никогда помыслить ничего великого и высокого. Если же кто скажет, что доброе дело остается добрым, случится ли оно однажды, или дважды, или несколько раз (ибо оно будет одинаково добрым; а кто часто делает добро, тот по справедливости более восхваляется; так что, если и брак есть дело доброе, то часто пользующийся им похвальнее и почтеннее того, кто пользуется им редко), то мы ответим, что такое умствование может увлечь простодушных, но рассудительные легко могут понять его лживость. Брак называется браком не по (телесному) соитию - иначе и прелюбодеяние было бы браком, - но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу, и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем; но, если она, вместо одного, вводит многих мужей в дом свой, то, хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая, кроме одного, не знала другого мужа. Та вняла словам Господа: "Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью" (Мф. 19:5); прилепилась к мужу, как к собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы; а эта не считает собственной плотью ни первого, ни второго мужа; ибо первый изгнан вторым, а второй первым; и она уже не может хорошо помнить первого мужа, привязавшись после него к другому, и на последнего не может смотреть с надлежащею любовью, так как ум ее обращается и к покойному. Таким образом, наконец, оказывается, что оба, и тот и другой, лишены женою чести и любви подобающей мужу! С каким же, по ее мнению, расположением духа второй муж вступает в брачный чертог первого, восходит на его ложе, и смотрит на жену, которая над всем этим смеется и забавляется? Он, конечно, сильно возмущается и не с особенною любовью приближается к ней; даже если бы он был тверже всех людей, однако не может быть столь грубым, чтобы не иметь человеческих чувств, хотя бы она облекла и себя и дом свой бесчисленными украшениями. Печаль, уже постигшая дом (после первого мужа), не допускает быть чистою радости (при втором), но, подобно тому, как на стенах, у которых какая-нибудь часть сильно обгорела, а потом несколько подкрашена, резкая и глубокая чернота портит белизну окраски, и вид бывает неприятный; так и здесь, хотя бы (жена) придумала много блеска, в нем проглядывает уныние и какая-то неприятная смесь того и другого. И домочадцы, и служанки, и работники, и жильцы, и соседи, и родственники покойного смотрят на это дело с прискорбием и сожалением. А если еще останутся и сироты, то малолетние возбуждают сильное нерасположение к матери в тех, кто может понимать дело, а взрослые делают ей неприятностей больше всех. Сознывая все это, и законодатели, желая и утешить сетующих (вдов), и в оправдание себя показать, что они установили второй брак не по убеждению своему или по какому-нибудь предубеждению, но из опасения большего зла, лишили этот брак всякого блеска, так что вечера его не украшают ни флейты, ни рукоплескания, ни песни, ни пляски, ни брачные венцы, ни другое что-либо подобное; устраняя все это, они приводят мужа к вдовой жене неувенчанным, как бы выражая этим, что все остальное они допускают по снисхождению, а не как достойное похвал, рукоплесканий и венцов.

3. Почему же, скажут, Павел запретил молодым оставаться вдовами, хотя бы они и хотели этого, написав так: "Молодых же вдовиц не принимай" (1 Тим. 5:11)? - Не Павел запретил вдовство желающим, но сами они вынудили его, против его воли, дать им такой закон. А если хочешь узнать собственное желание Павла, послушай, что он говорит: "Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я", в воздержании (1 Кор. 7:7) Блаженный апостол не восстает против самого себя, не впадает в противоречие и не запрещает вдовства желающим, когда сам желает, чтобы все люди соблюдали воздержание. Почему же он говорит: "Молодых же вдовиц не принимай" (1 Тим. 5:11)? Скажи: отчего и для чего? Он не просто

сказал так, но привел и причину: “Ибо они, - говорит, -- впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак”. Видишь, что он запрещает оставаться вдовами и принадлежать к этому священному сонму не тем, которые желают вдовствовать, но тем, которые, овдовевши, снова намереваются вступить в брак; и делает это весьма мудро. Если ты намереваешься, говорит он, вступить во второй брак, то и не давай обета вдовства; потому что дать обет и не исполнить его гораздо хуже, чем вовсе не обещать. Как частые сообщения он позволил (мужу и жене) не в виде закона, но из снисхождения к ним; “это сказано мною, - говорит он, - как позволение, а не как повеление, ... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим” (1 Кор. 7:5,6), - так и здесь дозволил второй брак во избежание другого большего зла, чем и показал, что и это сделал он по снисхождению, применительно к слабости многих; слабость же разумею, не силы, но воли. Как девственница, растлившаяся после обета девства, грешит хуже прелюбодеяния; так и вдова, однажды давшая обет (вдовства), а потом поправшая завет с Богом, впадает в такой же грех, и подлежит такому же наказанию, и даже, если можно сказать нечто удивительное, может быть гораздо большему; потому что, как и вначале я сказал, не все равно, неопытная ли, или уже опытная опять впадает в одинаковые искушения. И не здесь только, но и в вышеприведенном месте (1 Тим. 5:11) и после слов: “Желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом”, апостол приводит причину, почему он желает этого. Какая же это причина? “Не подавали, - говорит, - противнику никакого повода к злоречию” (1 Тим. 5:14). Так как тогда, вероятно, многие вдовы, освободившись от замужней жизни, как от какой неволи и рабства, пользовались последующею жизнью очень свободно и самовольно, и таким бесстыдством навлекали на себя дурную молву, то он, для отклонения их от этой губительной свободы, опять подчиняет их прежнему игу. Если, говорит, какая-нибудь вдова вздумает тайно прелюбодействовать и бесчестить себя; то гораздо лучше ей вступить в брак, и “не подавали противнику никакого повода к злоречию”. Таким образом, он повелел (вдовам) вступать в брак для того, чтобы они не подавали поводов к злословию, и не вели постыдной и распутной жизни; именно, послушай, в чем он обличает их. Вместо того, чтобы проводить все время в молитвах и молениях, “они, - говорит, - будучи праздны, приучаются ходить по домам и [бывают] не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно” (1 Тим. 5:13). А он хочет не этого, но чтобы вдова непрестанно упражнялась в духовных делах: “А сластолюбивая, - говорит, - заживо умерла” (ст. 6). Так и от девственницы апостол требует, чтобы она не ограничивала этой добродетели (девства) чистотою тела, но все свободное время употребляла на служение Богу: “Говорю это, - говорит, - для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно [служили] Господу без развлечения” (1 Кор. 7:35); он желает, чтобы девственница не делилась, но всецело посвящала себя духовному и небесному, и пеклась о Господнем. К такой жизни он увещевает и вдову: “Истинная, - говорит, - вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь” (1 Тим. 5:5). А если вдовы то время, которое следует употреблять на евангельские дела, тратят во всю жизнь на занятия не только излишние и бесполезные, но и весьма вредные, то он справедливо уже располагает их к браку. И как иудеям Бог дал субботу, не для того, чтобы они просто бездействовали (в этот день), но чтобы воздерживались от порочных дел: так и вдова и девственница избирают этот образ жизни не для того, чтобы только не жить с мужьями, но чтобы пещись о Господнем, чтобы всецело посвящать себя на служение Богу.

4. Так, скажешь; но нестерпимое будет бедствие для женщины, неопытной в делах, если она будет вынуждена нести мужские обязанности; она не в состоянии будет распорядиться, как мужчина, и не достигнет ничего, кроме огорчений и потери всего имущества. Неужели же все, не вступившие во второй брак, потеряли все свое имущество и лишились всего и нельзя указать ни на одну вдовую женщину, управляющую делами? Все это притворство и предлог, и прикрытие собственной слабости. Многие женщины

лучше мужей и управляли домом, и воспитывали детей-сирот, и доставшееся им имущество одни из них увеличили, другие не уменьшили. И Бог вначале не все вверил мужчинам и не во всем поставил житейские дела в зависимость только от них; иначе женщина подверглась бы презрению, как нисколько не содействующая нам в жизни. Зная это, Бог предоставил ей меньшую часть (дел), что и выразил издревле в словах: "Сотворим ему помощника" (Быт. 2:18). Чтобы муж на том основании, что он создан первым, и что жена сотворена для него, не стал превозноситься пред нею, Бог этими словами смирил гордость его и показал, что жена, не менее мужа, необходима для мирских дел. Какие же эти дела и в чем она помогает нам к устройству жизни? Так как настоящее благосостояние зависит от семейных дел не менее, чем от общественных, то Бог разделил их, и общественные все предоставил мужчинам, а домашние женщинам; и если изменить этот порядок, то все расстроится и погибнет; так каждый из них (муж и жена) в своем деле гораздо полезнее другого. Итак, если домашние дела зависят от женского благоразумия, и если жена в этом отношении столько же превосходит мужа, сколько художники в своем искусстве превосходят невежд: то к чему у нас такое напрасное опасение? Приумножать имущество и собирать извне свойственно только мужчинам, а женщине заботиться о прибыли непристойно; но хранить и беречь приобретенное - свойственно только ей. Хотя и кажется, что приобретать важнее, чем сберегать, однако и первое без последнего бывает бесполезно и напрасно; часто даже первое и при последнем не только не приносит пользы, но и губит все. Так как трудно, чтобы муж, приобретая выгоды извне, всегда приобретал их справедливым способом (ибо мужчины часто извлекают прибыль из несчастий других людей); то доставшиеся в руки жены неправедные и насильственные приобретения часто вредят ее искусству и хозяйству. Посему, хотя приобретать и важнее, чем сохранять, однако и первое оказывается хуже последнего в другом отношении, когда не только не содействует умножению имущества, но и губит собранное. Почему же вдова будет опасаться, чтобы без мужа не пошли хуже домашние дела, о которых и при жизни его она сама имела попечение? Он, скажешь, легче может распоряжаться, так как из страха пред ним никто не станет противодействовать и производить затруднения; тогда и слуги, и домоправители, и поверенные, и все, боясь его, слушаются с полною готовностью; и никто не противоречит; а когда умрет тот, кого боялись, все нападают на вдову, оскорбляют ее, делают дерзкими, все приводят в беспорядок и расстройство; если же она станет противиться и расправляться, подвергая (непокорных) истязаниям и побоям, и заключая в темницу, то будут пересуды, злословия, укорины от многих. Но, если она нарушит верность к покойному, и забудет любовь его, и тот вечер, в который он впервые соединился с нею, и рукоплескания, и песни, и брачные светильники, и первые объятия, и трапезы и прочее, в чем она всегда принимала участие, и речи, которые обыкновенно жена слышит от мужа; если все это вдруг отбросит, как будто этого и не было, отворив двери дома своего другому, и привлечет его к ложу покойного - этому свидетелю всего прошлого, - если она сделает это, неужели никто не будет укорять и осуждать ее? Неужели никто не возненавидит, и не назовет жестокою, неверною, клятвопреступною и всеми подобными названиями?

5. Не думай, будто потому, что блаженный Павел дозволил второй брак, он уже достоин и похвал и не осуждается многими. Хотя он не подлежит взысканию и наказанию, но не может пользоваться похвалами и прославлениями. Так похотливость и сладострастие (мужа) и невоздержание от жены во время поста, или в какое-либо другое время, также избегает наказания, но не удостоивается похвал; самое это снисхождение есть не что иное, как обличение его великой слабости и небрежности. Если ты опасешься, чтобы не прослыть жестокою за строгость к слугам, то прежде этого тебе должно опасаться, чтобы не прослыть сладострастною и невоздержною. Кроме того, вдове можно будет лучше устроить свои дела так, чтобы и все имущество ее было в безопасности, и ее саму не только не поносили, но и хвалили все, а прежде этого, чтобы ей получить божественные блага. Если она захочет сложить свое имущество на небе и сокрыть его в этом безопасном

месте, то оно не только не уменьшится, но еще больше увеличится; ибо таково свойство этого сеяния. Если она не возвысилась до исполнения этой заповеди, и не хочет все вдруг сложить туда, то пусть подумает и о том, что, вышедши замуж, она не непременно найдет в нем такого человека, который увеличит ее имущество; если же он и будет таков, то пусть она помыслит не об умножении только имущества, но и о том, что она может быть вовлечена во многие дела, противные и Богу и людям. Если муж будет из числа людей сильных и могущественных, то может случиться, что он заставит ее многое и делать и терпеть против ее желания, и таким образом она теперь неизбежно подвергнется тому, чего боялась во вдовстве, и не только этому, но может испытать самую быструю перемену. Оставаясь вдовою, она, если и потерпит какой-нибудь ущерб в имуществе, зато остальным может пользоваться с великою безопасностью, но сочетавшись с мужем сильным, управляющим общественными делами, или имеющим какую-нибудь другую заботу, она может вдруг потерять все; потому что в несчастьях мужей необходимо участвуют и жены их. Но, если и не случится ничего такого, какое приобретение, скажи мне, променять свободу на рабство? Какая польза от большего богатства, когда нельзя употреблять его, на что хочется? Не гораздо ли лучше владеть свободно немногим, нежели богатствами всей вселенной, а самой вместе с ними быть под властью другого? Не говорю теперь о заботах, обидах, злословиях, ревности и напрасных подозрениях, болезнях деторождения и о всем прочем. Кто беседует с девицею, тот и об этом может сказать ей, как неопытной и не знающей этих дел. Но кто стал бы говорить об этом вдове, тот сделал бы ей неприятность; потому что напрасно пытаться словами учить ее тому, что она лучше узнала по опыту. Впрочем, полезно прибавить, что девица, вышедши замуж, будет с ним жить с большею уверенностью и свободою, нежели вдова. Эту муж, хотя будет любить, как свою жену, но не так, как ту, которую взял девицею; а что любовь к таким женам (из девиц) гораздо сильнее и пламеннее, нежели к тем (из вдов), это всякому известно; вдову же он будет обнимать и любить не от всей души, как уже познавшую другого мужа. Мы все, так сказать, привыкли из ревности ли, или по тщеславию, или, не знаю, по какой другой причине, любить больше всего те предметы, которыми и владеем и пользуемся не после других, но распоряжаемся сами одни и первые. Так, можно видеть это, бывает у нас с одеждами: нам не столько нравятся одежды, перешедшие в наше владение от других, сколько те, которых никто не носил. То же и с домами и сосудами: мы не столько любим дом, доставшийся нам от другого, сколько тот, который мы сами построили; и из сосудов мы с особенною бережливостью и тщательностью храним те, которые недавно сделаны и получили у нас первое употребление, а перешедшими к нам от других не очень дорожим и даже иногда гнушаемся, так что и переделываем их. Если же у нас бывает такое чувство по отношению к домам, одеждам и сосудам, то представь, с какою силою оно должно пробуждаться в отношении к жене, дорожке которой ничего нет для мужа? Те вещи мы можем и передать желающим, а жену - непозволительно; так что, скорее мы расстанемся с душою, нежели допустим себя до этого. Итак, к девице, как я сказал, муж относится со всем расположением, как неприкосновенной и принадлежащей собственно ему и никому другому, а на вдову, бывшую прежде в супружестве с другим, будет смотреть не с такою любовью и расположенностью.

б. Не говори мне о том, что бывало изредка и может быть однажды, но о том, что постоянно происходит на опыте. Девица будет жить с большею уверенностью не только по сказанным причинам, но и по многим другим. Муж вдовы легко может и упрекнуть ее в том, что она пренебрегает им, и в доказательство такого пренебрежения сослаться на ее неверность первому мужу, и заставит ее молчать как относительно прошедшего, так и того, чего может быть и не будет: пренебрежение, оказанное покойному, расположит и живого ожидать себе того же, хотя бы этого и не случилось. И не один муж будет обременять ее такими упреками, но и слуги, и служанки, если не явно, то тайно будут укорять ее и осыпать бесчисленными насмешками. А если еще случится, что останутся

малолетние дети после умершего, то как она будет воспитывать их, как заботиться о них? Не будут ли они проводить жизнь несчастнее всяких сирот, видя в руках другого все имущество своего отца, и прислугу, и дом, и поля, и главное - жену его? Могут ли они относиться к ней, как к матери? Может ли и она относиться, как к детям, к тем, которых принуждена бывает стыдиться и краснеть, и которым не может оказывать всей материнской любви, потому что душа ее делится между ними и детьми последнего мужа? А что, скажет кто-нибудь, если она очень молода и недолго жила с мужем? Все это и сказано мною не к старым, а к молодым вдовам; со старыми, поступающими так, - я и говорить не стану; потому что, если уже не убедило их воздержаться от второго брака ни продолжительное время, ни возраст и ничто другое, то тем менее можем убедить их мы своим словом. Вся моя речь к молодым. Что, скажут, если она молода и, прожив только один год в супружестве с первым мужем, вступает во второй брак? Почему ты обращаешься к ней предпочтительно пред той, которая прожила в браке двадцать или тридцать лет? Не я, но блаженный Павел, который говорит: "Она блаженнее, если останется так" (1 Кор. 5:40). Что нам до той, которая, хотя и долго жила с мужем, но с одним только, с одним и тем же, с которым сочеталась вначале? А эта отдалась двоим, и притом в короткое время. Но она, скажешь, (сделала это) по неволе; если бы жив был первый муж, она при нем не полюбила бы другого; а так как он умер преждевременно, то она, по необходимости, опять сочеталась с другим. По какой необходимости? Я вижу другую необходимость, большую той, о которой ты говоришь, такую, которая достаточна для удержания ее при покойном, именно испытание горестей мирской жизни. Та, которая проводила такую жизнь долго и довольно насладились ею, может опять обратиться к подобной жизни в надежде найти те же удовольствия; но та, которая в самом начале (супружеской жизни) испытала такие огорчения, по какому побуждению и с какою надеждою пойдет навстречу тем же неприятностям? И желающий торговать, если, не получив еще никакой прибыли, при самом выходе из пристани, потерпит кораблекрушение, неохотно потом возьмется за торговлю. Так и эта вдова, которая ожидала (от брака) много удовольствий и, не успев хорошо изведать их, испытала такую горесть, конечно, не полюбит мирской жизни, если не будет весьма невоздержною, или лучше сказать, хотя бы она имела пламенное расположение и сильное пристрастие к этой жизни: неприятное начало достаточно может погасить страсть ее. Мы обыкновенно держимся весьма крепко своих предприятий, когда хорошо начали их; когда же с самого начала и, так сказать, с первого шага встретим неприятности и неудобства, тогда скоро отказываемся от своего намерения, охлаждающего в нас. Так и овдовевшие рано сами должны бы отказываться от второго брака, чтобы опять не потерпеть того же. Остающаяся во вдовстве может жить спокойно и не опасаться опять такого же горя, а вступившая во второй брак необходимо будет ожидать того же несчастья. Кроме того, хотя состояние вдовства одинаково, но не все вдовы получают одинаковые за него награды, но одни большие, а другие меньшие; принявшие это иго в молодости удостоятся большей чести и награды, нежели овдовевшие в самой старости. Почему? Потому, что первая (вдова), несмотря на множество препятствий, все перенесла по страху Божию, а последняя не понесла и малого подвига и труда; ибо какой труд там, где нет ничего требующего усилий? Посему, как вышедшая за другого меньше имевшей одного мужа, так остающаяся во вдовстве с самой юности, много может превзойти потерявшую мужа в старости; хотя у обеих было по одному только мужу, но одна из них прошла (целое) поприще чистоты, другая же далеко отстала позади. Итак, смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам так трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки. Так доблестный воин, когда идет на войну, представляет себе не только раны, поражение и смерть, но и трофеи, и победы, и все другие почести; и земледелец, принимаясь за работу, имеет в виду не только паханье и труд копания земли, но и гумно и точило. Так и

мы тягость вдовства будем облегчать благими надеждами, и гораздо более, чем названные люди, потому что исполнению их ожидания часто препятствуют многие, не зависящие от них обстоятельства, а наших надежд никто не посрамит, если мы сами того не пожелаем. Не будем же иметь такого желания, но, имея в виду, что вдова немного уступает девственнице (иногда же и превосходит ее, когда девственница вмешивается в мирские дела, а вдовица, по словам Павла, “одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах” – (1 Тим. 5:5) - и воздерживается от житейских дел), примем на себя этот подвиг, чтобы удостоиться за него венцов. Это сказано вам не для принуждения и не для того, как я сказал, мы предложили это увещание, чтобы осуждать не желающих оставаться вдовами, но чтобы расположить и убедить их не слишком привязываться к земле, и однажды отрешившись (от уз брака), оставаться свободными, стремиться к небу, образ жизни вести тамошний, и соединившись со Христом, все делать так, как следует имеющим такого Жениха; ибо Ему подобаает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Отцем и животворящим и Святым Его Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

[К ОГЛАВЛЕНИЮ](#)

www.voskresensk.prihod.ru